

THE QUEEN IS ALWAYS THE MOST POWERFUL PIECE.

A golden chess queen piece stands prominently on a checkered board in the foreground. The board is set against a backdrop of a city skyline at sunset, with the Empire State Building as the central focus. The sky is a mix of orange and blue, and the city lights are visible in the distance.

FAKE
EMPIRE

C.W. FARNSWORTH

Есть богатые семьи.

А есть такие, как Эллсворт. Или Кенсингтон. Американские королевские семьи.

Благодаря деньгам можно купить власть, а у власти всегда есть цена. Боятся ли они тех, у кого есть и то, и другое? О таком даже думать не стоит. Лучший способ сохранить нажитое? Создать альянс. Элита не скрепляет себя узами брака с низшими слоями общества — они выбирают равных себе.

Для Скарлетт Эллсворт и Крю Кенсингтона существует один вариант: брак. Принять неизбежное не значит смириться с ним. Это единственное, с чем они оба согласны.

Это должен был быть союз во благо обеим семьям и ради бизнеса.

Но вместо этого их брак бросает вызов всему, что Скарлетт и Крю, как они думали, знали о себе, своих семьях и что более важно... о друг друге.

Перевод сделан: tg. Amour Illimité

Эпиграф

Посвящается Элизабет

Все, что я узнала о том, как быть сильной женщиной, я научилась у тебя.

«Великие империи не держатся на робости».

1. Скарлетт

Взгляд моего жениха встречается с моим через переполненный клуб. Я выдерживаю его пристальный взгляд. Не собираюсь отступить ни перед кем, в том числе перед ним.

Особенно перед ним.

Избавиться от привычки труднее, чем сформировать ее.

Десять метров, разделяющие нас, не позволяют точно разглядеть его напряженные глаза, но я знаю, они — голубые. Парящие в оттенках где-то между ледяным и темно-синим. Манящие, как ровная вода, окружающая тропический остров. Один взгляд, и вы можете точно ощутить, как входите в эту воду.

Когда я впервые увидела Крю Кенсингтона, меня так и подмывало сказать ему:

— У тебя самые красивые глаза, которые я когда-либо видела.

Мне было пятнадцать. И, в конце концов я не сказала ему ни слова, потому что эти глаза — единственная его черта, которую можно было бы назвать манящей. Потому что они не были — не являются — его единственной привлекательной чертой, и это пугало меня, лишая дара речи.

Крю не отводит взгляда, даже когда грудастая блондинка в платье, едва достигающем ей до середины бедра, решает потереться о него. Рыжеволосая, которая уже висит на его левой руке, бросает на новую соперницу раздраженный взгляд. Ни то, ни другое зрелище меня не удивляет. Поищите в словаре слово «Игрок», и вы найдете двухстраничный разворот с изображением миллиардера, прислонившегося к длинной стойке бара, словно он ее владелец.

Отсюда я чувствую исходящую от него уверенность. Дерзкую уверенность, которая исходит от фамилии Кенсингтон, а также содержит в себе что-то уникальное, излучаемое Крю. С тех пор как он появился несколько минут назад, он превратил каждого богатого, влиятельного, красивого мужчину здесь в подделку. Все они обычные. Далекое не так великолепно. Бедны по сравнению с ним.

Все здесь уже знают, кто он такой. Но даже если бы у Крю была другая фамилия и менее внушительный банковский счет, думаю, я все равно пялилась бы на него.

Назовите это обаянием, или харизмой, или хорошими генами. Мне приходилось бороться за привилегии, с которыми я должна была родиться. Крю получает их все, даже не стараясь, и все же люди по-прежнему из кожи вон лезут, чтобы убедиться, что ему ни за что не придется работать.

И он это знает. И использует.

Блондинка прилагает все усилия, чтобы привлечь его внимание, проводя рукой по его руке, накручивая волосы и хлопая ресницами. Крю не отводит от меня взгляда. Рыжая следит за ним. Ее красивые черты искажаются от отвращения, когда она видит меня.

Меня не беспокоит ее пристальный взгляд.

Меня беспокоит пристальный взгляд Крю.

Это превратилось в соревнование между нами. Игру. Мы соревновались друг с другом в течение многих лет. В старших классах мы посещали разные школы-интернаты. Оба закончили Гарвард. Он поступил в Йельскую бизнес-школу; я же два года училась в Колумбийском университете.

Все это время мы знали, что брак — неизбежен. Не нужно бороться с этим — или признавать. Все скоро изменится. Удобное избегание друг друга разобьется так же легко, как тонкая стеклянная ножка бокала, которую я держу в руках.

Я поднимаю свой martini в его честь в молчаливом приветствии. Я сразу же жалею об этом. Это все равно что опрокинуть первую костяшку домино. Ход первой пешки. Я не играю в игры, пока не узнаю правила. Когда дело касается меня и Крю, я даже не уверена, существуют ли какие-то границы.

Один уголок его рта приподнимается, прежде чем он, наконец, отводит взгляд, перерезая невидимую нить, временно соединяющую нас. Впервые за, казалось бы, целую вечность, я выдыхаю. Затем глубоко вдохнула прохладный воздух, наполненный ароматом дорогих духов и элитного алкоголя. А за ним последовал здоровый глоток коктейля.

Эти чертовы глаза цвета океана. Я чувствую их на себе, даже когда он не смотрит.

— Черт, кто это?

Я не отрываю взгляда от завитка лаймовой кожуры, балансирующего на краю моего напитка. В основном потому, что знаю, о ком говорит Надя. Мы сидим за столиком в «Пруф» уже сорок пять минут. За это время я заметила только одного человека, который мог бы заслужить благоговейный тон, который она использует. Поскольку я за столиком одна, это неизбежно обернулось вокруг меня.

— Кто? — спрашивает Софи, отрываясь от телефона. Возможно, она более предана своей работе, чем я, а это о чем-то говорит.

— Красавчик с темными волосами, — отвечает Надя. — У бара с двумя присосками.

Софи смотрит, потом смеется.

— Серьезно? Ты не знаешь?

Надя мотает головой.

Взгляд Софи останавливается на мне.

— Это будущий муж Скарлетт.

Я снимаю завиток лайма с ободка малиновым ногтем, прежде чем прислониться спиной к кожаной спинке.

— Пока ничего официального. — «Пока» звучит более зловеще, чем обычно. Наверное, потому, что я знаю, что мой отец встречался с Артуром Кенсингтоном на прошлой неделе.

Надя вытаращила на меня глаза.

— Подожди. Ты хочешь сказать, что ты действительно выходишь замуж? За него?

Я пожимаю плечами.

— Возможно.

— Ты его вообще знаешь?

— Знаю достаточно.

Я не удивлена, что Надя выглядит шокированной неожиданным открытием, что я, скорее всего, выйду замуж за человека, о котором даже не упоминала. Точно так же, как я не была так уж удивлена, что Софи узнала Крю с первого взгляда, поскольку у нее нездоровая одержимость постоянно растущей нью-йоркской мельницей сплетен. Я ожидала, что она знает о слухах о помолвке. Насколько мне было известно, любая опубликованная сплетня сошла на нет после нескольких лет полного молчания со стороны обеих наших семей. Перешептывания в нашем кругу общения — другое дело, но Софи не была посвящена в них.

Надя и Софи — подруги по бизнес-школе. Они обе выросли в богатых пригородах Манхэттена, разъезжали на новеньких машинах и никогда не обращались за финансовой помощью. Они относятся к комфортному типу состоятельных людей, для которых забота об оплате аренды или приготовлении еды на столе — чуждое понятие.

Я выросла, летая на частном самолете между моей школой-пансионом с шестизначной оплатой в семестр и многомиллионным пентхаусом с видом на Центральный парк.

Есть богатые, а еще есть я. Крю. Каждому из нас суждено унаследовать империи, включая суммы денег, в которых много нулей. Больше, чем кто-либо мог бы потратить за всю жизнь — или за тысячу жизней. Если бы Федеральная торговая комиссия имела право голоса в институте, известном как брак, это слияние ни за что не состоялось бы. Это слияние активов сродни браку Рокфеллера с Вандербильтонами.

Хочу я выйти замуж за Крю или нет, по большей части не имеет значения. Я приняла это как неизбежность давным-давно. У меня есть выбор. Это мой выбор. Брак по любви — не вариант, даже если бы я когда-нибудь встретила кого-то, кто заставил меня так думать, а я этого не сделала бы. Мой мир проглотил бы его и выплюнул. Не говоря уже о том, что в моей голове всегда будет звучать голос, спрашивающий, нужна ли ему я или деньги.

С Крю мне не нужно беспокоиться об этом. Он черствый, самоуверенный и холодный. Он вырос в этом мире, как и я; он знает, чего от него ожидают. Он известен тем, что развлекается с женщинами, всегда сохраняет полный контроль и получает именно то, чего хочет.

Мой отец оказал мне услугу, устроив этот брак.

Это не делает его менее чуждым, устаревшим понятием для людей, которые живут в нормальном мире. Последние два года Надя встречается с одним и тем же парнем. Финн — милый, скромный коренной житель Нью-Йорка, который учится на последнем курсе юридического факультета Нью-Йоркского университета. В настоящее время Софи встречается с сердечно-сосудистым хирургом по имени Кайл, который, похоже, настоящий профан. По ее словам, его ловкость компенсирует все, чего не хватает его личности.

Мой разум блуждает в глупых мыслях, пока я пристально смотрю на свой стакан. Например, хорош ли Крю в постели. Он похож на парня, который ожидает минета, не думая о взаимности, и всегда кончает первым.

Скорее всего, я это выясню.

Мой коктейль заканчивается за один присест.

— Я сейчас вернусь, — я встаю и иду в направлении туалетов.

Я уверена, что Надя воспользуется этой возможностью, чтобы допросить Софи о моей предстоящей помолвке. Как только я услышала, что мой отец встретился с семьей Крю, я поняла, что у меня нет ни малейшего шанса скрыть это от них — от кого бы то ни было — еще долго. Ни одна из наших семей никогда не подтверждала помолвку. Слухи нужно подпитывать, чтобы они распространялись.

Мой отец сам уже много лет не обсуждал со мной эту тему. Он предполагает, что я без вопросов сделаю то, что он хочет, когда придет время, и на этот раз он прав.

Проходя по клубу, я чувствую на себе пристальные взгляды. Мини-платье с золотыми блестками, которое на мне, не должно сливаться с обоями. В последнее время работа отнимала у меня большую часть времени. Единственная причина, по которой я ушла из офиса до одиннадцати вечера, — это то, что сегодня у Андреи день рождения. Никто из сотрудников редакции моего журнала, включая ее, не уходит раньше меня.

Я ушла в семь, что для меня неслыханно. Я встретила с Надей и Софи за суши в новом месте в Виллидж, и мы оказались здесь, как я и предполагала. Прийти в «Пруф» и пообщаться с молодыми, богатыми и знаменитыми Нью-йоркцами — в новинку для двух моих компаньонов. И в меньшей степени для меня, учитывая, что я посещала подобные места задолго до того, как мне это было разрешено по закону.

Коридор, ведущий к туалетам, пуст и освещен приглушенными колоннами через каждые несколько метров. Мои туфли на шпильках отбивают ритмичную мелодию по расписанной вручную плитке и ведут в гостиную, которая служит входом в уборные. Я прохожу мимо обтянутых бархатом кресел, едва удостоив мебель взглядом, прежде чем запереться в одной из кабинок, расположенных как отдельные комнаты. В каждом туалете есть своя раковина и унитаз. Одну стену украшают рамки с сухоцветами, а другую — длинная полка с множеством дорогих спреев, мыла и лосьонов.

Я мою руки, когда слышу характерный стук приближающихся каблучков и приглушенный ропот женских голосов. Я выключаю воду и вытираю руки одним из пушистых полотенец из корзины рядом с раковиной, прежде чем бросить его в другую корзину. Одна из женщин жалуется на свои волдыри. Другая говорит бессмысленно и быстро, давая понять, что уже переборщила с выпивкой. Напиться в таком месте, как это, стоит немалых денег, так что я, вероятно, знаю ее.

Я открываю клатч и достаю тюбик помады, чтобы нанести на губы свой фирменный оттенок красного. Даже если бы у меня не было ничего общего с названием оттенка, мне

нравится думать, что я все равно была бы той женщиной, которая ходит с алыми губами.

Это моя отличительная черта.

— Ты видела, что Крю Кенсингтона здесь? — спрашивает третий голос. Моя рука застывает на полпути к нижней губе.

— Его трудно не заметить. Анна Сент-Клер подошла к нему через несколько секунд. — Это удивительно трезвое предложение исходит от женщины, которая несколько секунд назад несла какую-то чушь о премьере какого-то фильма.

— Я удивлена, что он здесь. Он нечасто выходил в свет. «Кенсингтон Кансалдид» только что купила новую компанию по производству электроники. Разве он не берет управление ею на себя ради своего отца, вместе со всем остальным? Это как пощечина Оливеру.

— Думаю, это обычные сплетни. Например, как помолвка со Скарлетт Эллсворт.

— Нет, я слышала, что это правда. Он действительно собирается на ней жениться.

— Тогда почему он до сих пор этого не сделал? — спрашивает женщина, которая раньше жаловалась на свои каблуки.

— Может быть, Крю пытается выбраться из этого. Она не совсем в его вкусе. Он любит, чтобы его женщины были немного... свободнее, — она смеется. — Не как принцесса с Парк-авеню.

— Кого это волнует? Он по-прежнему будет спать со всеми подряд, только с несколькими лишними миллиардами в кармане.

— Боже, ты можешь себе представить, что у тебя столько денег? Скарлетт так повезло.

— Она же так же богата, как и он, — уточняет одна из них.

Я улыбаюсь. Я богаче. Крю должен разделить свое наследство со своим старшим братом Оливером. Я же единственный ребенок в семье.

— Насколько жадной она может быть? Разве у нее и так недостаточно денег?

Они ревнуют, и пьяны. Но все же я хочу прочитать им лекцию о лицемерии. Крю не жадный? Только я?

— Она даже не настолько хорошенькая. Я никогда не видела, чтобы она улыбалась или флиртвала, никогда. На праздничной вечеринке у Вальдорфов она весь вечер говорила о делах. Маргарет сказала, что ей было безумно скучно с ней.

— Маргарет всегда скучно. Я бы тоже была такой, если бы была замужем за Ричардом.

— Я просто говорю, что она, вероятно, не сможет заставить кого-то другого жениться на ней. Ее отцу нужно было размахивать миллиардами, чтобы поймать добычу. Жалкий.

Я закрываю колпачок помады и бросаю ее обратно в клатч, засовываю сумку под мышку и открываю дверь, чтобы направиться в гостиную. Быть предметом сплетен для меня не в новинку. У всех есть нездоровая одержимость богатством и властью — и у тех, у кого они есть, — даже если они говорят себе, что это не так.

Толстокожесть и притворство, пока вы не сделаете это чертой характера, являются необходимыми условиями для выживания в этом мире — особенно если у вас есть более высокие стремления, чем тратить трастовый фонд, что я и делаю. Никто не хочет иметь дела с трусом. Женщины не принимали большего участия в высших эшелонах общества. Бизнес — мужское дело.

Единственная причина, по которой у меня есть хоть какая-то опора в этом деле, — это тот факт, что я единственная наследница империи Эллсвортов. Осложнения во время родов помешали моей матери снова забеременеть. Даже такой бессердечный и равнодушный

человек, как мой отец, не смог бы подать на развод только на этом основании. Однако это одна из главных причин, по которой он настаивал на моем браке с Кенсингтоном. Никогда не было никаких сомнений — по крайней мере, в его сознании, — что я удачно выйду замуж. Устаявшая элита не видит никакой ценности в том, чтобы их дети женились на ком-то, у кого меньше денег, чем у них. Женидьба на низших кастах. Особенно когда речь идет о сыне, который передаст фамилию следующему поколению.

Для моей семьи самыми близкими по статусу являются Кенсингтоны. Это соглашение выгодно для обеих сторон, и оно уникально. Обычно одна сторона выигрывает больше, чем другая. Больше денег, больше активов, больше статуса.

Крю — мой лучший вариант. У нас другая ситуация, потому что я тоже лучший вариант для него. У меня больше власти, чем у большинства женщин, вступающих в брак по расчету, и я не намерена уступать ни единого грамма этой власти.

Я выхожу из туалета с высоко поднятой головой. Все три женщины, сидящие на диване, кажутся мне знакомыми, но ни одно из их имен не приходит мне на ум сразу. Единственные общественные мероприятия, которые я посещаю, — это те, на которых я обязана присутствовать. Большинство представителей элиты Манхэттена чувствуют себя счастливыми, будучи приглашенными на бесконечное множество мероприятий, которые служат поводом показать, сколько денег они могут потратить за один вечер. Я посещаю только те вечеринки, где мое отсутствие было бы оскорблением.

Как только я появляюсь, все разговоры прекращаются. Три пары глаз расширяются. Несколько резких замечаний вертятся у меня на кончике языка, но я проглатываю их. Никто не увидит ваше превосходство, если вы опуститесь до их уровня. Оскорбления говорят больше о говорящем, чем о предполагаемом адресате.

Я проношусь мимо трех удивленных женщин и выхожу в коридор, не сказав ни слова и не споткнувшись. Вместо того чтобы сразу направиться к своему столику, я задерживаюсь у бара, останавливаясь примерно в пяти метрах от того места, где он стоит. Один из одетых в черное барменов тут же подбегает ко мне.

— Джин-мартини, пожалуйста, — заказываю я.

— Сию минуто, мисс, — отвечает он.

Он поворачивается и сразу же принимается за приготовление моего напитка, показывая, что работает здесь достаточно долго, чтобы понять, что посетители «Пруф» не терпят, когда их заставляют ждать. Я смотрю, как приглушенные огоньки мерцают на рядах цветных бутылок за стойкой, пока другой бармен плавно отмеряет порцию водки.

— Элсворт.

Мой желудок ухает, как будто пол провалился подо мной, как только я слышу глубокий, уверенный голос. Я сосредотачиваюсь на всем, до чего могу дотронуться: на твердой поверхности, на которой лежит моя рука, на прикосновении к пяткам, на брызгах и запахе налитого алкоголя. Даже не оглядываясь, сразу понимаю, кто стоит рядом со мной.

— Кенсингтон, — я наклоняю голову вправо, чтобы оценить его, сохраняя свою непринужденную позу.

До сегодняшнего вечера я в последний раз видела его на праздничной вечеринке у Вальдорфов четыре месяца назад. Крю выглядит так же, за исключением того, что он одет в темно-синие брюки и белую рубашку с закатанными рукавами вместо стандартного смокинга. Он выглядит так, словно пришел сюда прямо из офиса.

Если есть что-то, что я уважаю в Крю Кенсингтоне, так это его трудовая этика. Для

человека, которому всю жизнь все подавали на блюдце, он, похоже, самостоятельно справляется с управлением «Кенсингтон Кансалдид». Хотя и с вызывающей ухмылкой, но все же. Его отец, Артур Кенсингтон, ценит успех выше кумовства. Он не стал бы готовить команду для будущего генерального директора, если бы у него не было всего необходимого, чтобы преуспеть в этой роли.

Я смотрю мимо него, туда, где он стоял раньше.

— Итак, кто сегодняшняя счастливица? Рыжая или блондинка?

Его голубые глаза оценивают меня, когда он небрежно ставит локоть на лакированную деревянную столешницу бара, повторяя мою расслабленную позу. Крю крутит в руках стакан с чем-то, что пахнет как бурбон, прежде чем ответить.

— Или и та, и другая.

— Слишком много мнишь о себе.

Левый уголок его рта приподнимается с намеком на веселье, когда бармен ставит передо мной свежий мартини.

— Спасибо, — говорю я ему.

Крю смотрит мне в глаза, когда лезет в карман. В его руке появляется стодолларовая купюра, которую он проводит по гладкой поверхности.

— Сдачу оставь себе.

— Спасибо, сэр, — бармен быстро уходит, не желая давать Крю шанс передумать. Даже в таком высококлассном заведении, как это, это возмутительные чаевые. Люди с радостью отказываются от любой суммы, которую с них берут за спиртное по завышенной цене. Чаевые, превышающие обязательные двадцать процентов для обслуживающего персонала, обычно совсем другая история.

Я ничего не говорю. Если он пытается произвести на меня впечатление, деньги — неправильный способ сделать это. Я не знаю, что он пытается сделать. Он подошел ко мне, почти подтвердив результат разговора наших отцов на прошлой неделе.

Крю внимательно наблюдает за мной, когда я поднимаю свой бокал и делаю глоток. Высокий, плаксивый голос прерывает наше молчаливое состязание в гляделки.

— Крю, ты сказал, что скоро вернешься.

Он ведет себя так, словно ничего не слышал. Я выдерживаю его взгляд еще несколько секунд, затем смотрю на женщину, которая подошла к нам. Рыжеволосая, которая висела на нем раньше, приподняла одно бедро и приклеила на лицо улыбку. Ни то, ни другое полностью не маскирует исходящее от нее раздражение — предположительно, из-за его решения оставить ее и вместо этого подойти ко мне.

Я смакую еще один глоток своего мартини, прежде чем признать ее нежелательное присутствие.

— Невежливо перебивать.

Рыжая бросает на меня презрительный взгляд.

— А ты кто такая?

— Невеста Крю, — эти два слова слетают с моего языка, как будто я уже произносила их раньше, хотя я этого не делала. Они все еще звучат странно.

Эти слова быстро затыкает ей рот, особенно когда Крю не отрицает их. Он просто продолжает наблюдать за мной, нечитаемые эмоции кружатся в лазурных глубинах, когда он игнорирует ее.

Рыжая отходит в сторону.

— Счастлива? — Крю растягивает слова.

— На самом деле разочарована. Я надеялась, что она даст тебе пощечину.

Еще один уголок его рта изогнулся. Я начинаю думать, что это прелюдия улыбки.

— Итак... — он подходит ближе.

Я хочу дышать, но в этот момент не могу.

— Ты теперь моя невеста?

— А разве нет? — я делаю еще один глоток джина. С такой скоростью я допью второй бокал прежде, чем вернусь за столик. Может быть, я нарушу свой лимит на два напитка в качестве подарка на помолвку самой себе.

— Пока мы обсуждаем все, оформляем брачный контракт, — Крю делает паузу, — твой отец тебе не сказал?

— Чем меньше он говорит, тем больше уверен, что имеет власть надо мной, — я отвожу взгляд, снова смотрю на длинный ряд бутылок за стойкой бара. — Его секретарша позвонила моей по поводу обеда. Полагаю, тогда я получу радостные новости.

— Рад слышать, что вы с Хэнсоном стали ближе, чем когда-либо.

Я усмехаюсь.

— Не у всех хорошие отношения с папочкой?

— У тебя всегда было такое преимущество, или это недавняя привилегия?

— Если бы ты за последние десять лет сделал что-то большее, чем комплимент моему платью, ты бы знал ответ на этот вопрос.

Крю устраивает шоу, разглядывая золотое мини-платье, которое я надела, с ног до головы.

— Оно блестящее?

— Ты всегда был так ужасен в придумывании комплиментов, или это недавнее приобретение?

Впервые — в жизни — я получаю искреннюю улыбку от Крю Кенсингтона. Он чертовски хорошо выглядит, когда улыбается. Веселье — искреннее, а не насмешливое — смягчает резкие черты его лица. Наденьте бейсболку задом наперед и футболку, и он перестанет быть похожим на безжалостного миллиардера.

Усмешка исчезает так же быстро, как и появляется.

Я хочу остаться и вытянуть из него еще что-нибудь, однако именно это убеждает меня уйти. Он будет моим мужем, и это наш первый разговор, который включает в себя нечто большее, чем просто вежливую светскую беседу. Любопытство — это одно, интерес — совсем другое.

— Спасибо за выпивку, — говорю я ему и ухожу.

Софи практически подпрыгивает за столиком, когда я возвращаюсь на свое место.

— Ах! Что он сказал?

— Он купил мне выпивку, а потом сделал мне плохой комплимент, — и подтвердил, что наша помолвка неизбежна и близка, но я держу это при себе.

— Звучит так, будто ты ему нравишься.

— Скорее, он пытается понять, насколько я слабая.

Надя смеется.

— Тогда его ждет сюрприз.

— Может быть, — я слушаю вполуха, занятая изучением высоких столов под стеной из бутылок шампанского. Это больше, чем «может быть». Мы с Крю много знаем друг о друге.

Но мы не знаем друг друга.

Я никогда не задавалась вопросом, что он думает обо мне — до сегодняшнего вечера.

Я никогда не думала, что он может увидеть во мне — до сегодняшнего вечера.

Эти два осознания нервируют, доставляют дискомфорт. Мне не нравятся последствия, и мне нужно отвлечься.

Группа парней заходит внутрь. Блондин, идущий впереди, смотрит мне прямо в глаза. На нем костюм, который выглядит сшитым на заказ — галстук, пиджак и все такое, — и мне кажется, что он слишком старается. Если у вас есть деньги, нет необходимости выставлять их напоказ. Особенно в таком месте, как это. Но у него привлекательное лицо и приличное тело, которые на данный момент являются моими главными критериями, поэтому я улыбаюсь ему. Он улыбается в ответ. Я смотрю вниз, делаю глоток, а затем снова поднимаю взгляд. Он все еще смотрит на меня. Я притворяюсь застенчивой из-за того, что он смотрит на меня, отводя взгляд и ерзая на стуле, как будто его внимание ошеломляет, а не действует иначе, как я надеялась.

Заказав выпивку, он направляется в нашу сторону.

— Приближается, — дразнит Софи, заметив его. Надя не отстает. Мы все трое смотрим, как он неторопливо подходит.

— Это место занято?

Не самое оригинальное начало, но то, как он обращается ко всем нам, разговаривая только со мной, указывает на то, что он не новичок в охмурении женщин. Меня не интересуют его разговорные навыки, хотя некоторые из них были бы плюсом.

Я мотаю головой в ответ. Он скользит на место рядом со мной, сядя достаточно близко, чтобы жесткий материал его брюк касался моей ноги. Это обдуманное, отработанный ход, который, вероятно, должен вызвать больше реакции, чем легкое раздражение. К сожалению, меня отвлекает ощущение взгляда на себе. Взгляда, который не принадлежит парню рядом со мной. Я не поддаюсь сильному желанию взглянуть на бар.

Блондина рядом со мной зовут Эван. Он, Софи и Надя болтают, пока я стараюсь вести себя так, будто слушаю их беседу, а не медленно тлею под синим пламенем. Я разговаривала с парнями до Крю Кенсингтона. Почему с ним все по-другому?

— Чем ты занимаешься, Скарлетт? — в конце концов спрашивает Эван.

— Я руковожу одним журналом.

— Неужели? — он выглядит заинтригованным. — О чем журнал?

— О моде.

Его глаза пробегают по моему платью.

— Неудивительно. Ты выглядишь сногсшибательно.

— Спасибо. — Блестяще. Если бы я лично не была в ужасе от этой идеи, я бы заказала свадебное платье с блестками просто назло Крю. Я предпринимаю новую попытку завязать разговор. — А чем ты занимаешься, Эван?

Этот вопрос вызывает странный взгляд Софи, который заставляет меня думать, что ответ, возможно, был, пока я «слушала» их ранее. Эван пускается в разглагольствования о своей работе налогового адвоката. Мне это совершенно незнакомо, так что я либо достаточно глубоко ушла в свои мысли, либо Софи нахмурилась из-за чего-то другого. Сначала я стараюсь быть внимательной. Но я чувствую, что мое внимание отвлекается, еще до того, как Крю покидает бар и подходит к нашему столику. За ним следует блондинка, не та, что была раньше. Как только он подойдет, Эван может танцевать, как Бейонсе, а я и не

замечу.

Все мое тело напрягается. Готовится к тому, что мне не знакомо. Мы так далеко отклонились от сценария, что я не могу вспомнить, какие у нас реплики.

Крю не останавливается, пока не достигает края нашего столика. Он заполняет пространство, как будто имеет полное право быть здесь. Эван поднимает на него взгляд на полуслове, явно сбитый с толку происходящим. Наступает долгая пауза, во время которой все молчат.

Затем Крю протягивает руку.

— Крю Кенсингтон.

На лице Эвана появляется осознание, за которым быстро следует благоговение.

— Я... о... А... Для меня большая честь познакомиться с вами. Я Эван, Эван Голдсмит.

Крю смотрит на меня, пока Эван что-то бормочет, на его лице явно читается веселье. Я предполагаю, что Эван фанатеет от надежды, что сможет объявить своему начальству, что он заполучил работу у Кенсингтона для своей фирмы. Это напрасная трата времени — в «Кенсингтон Кансалдид» есть штатная юридическая команда. Эван замолкает на полуслове, когда Крю наклоняется и шепчет ему что-то, что, я уверена, касается меня.

Крю выпрямляется с самодовольной ухмылкой, которая заставляет меня молиться, чтобы кто-то испортил его идеальную физиономию. Если не ради меня, то во имя среднестатистических мужчин во всем мире. Несправедливо иметь такое симметричное лицо. Я считала Эвана привлекательным... пока не увидела его рядом с незванным гостем.

Что бы ни сказала Крю Эвану, он бледнеет.

— Приятного вечера, дамы, — Крю подмигивает и уходит, а блондинка следует прямо за ним.

— Приятно было с тобой поговорить, — Эван хватается за свой напиток и исчезает.

— Ну... это было интересно, — размышляет Софи. Надя выглядит так, словно ее только что водили по кругу: широко раскрытые глаза и растерянность. Именно так бы я выглядела — если бы не умела отлично сдерживать свои эмоции.

Мне не следовало бы оглядываться через плечо, но я оглядываюсь. Крю стоит прямо рядом за стеклянными дверями, которые ведут на улицу. Блондинки нигде не видно; он либо бросил ее, либо она ждет снаружи. Крю не двигается и не реагирует, когда видит, что я смотрю на него. Он выдерживает мой пристальный взгляд в течение нескольких секунд, прежде чем повернуться и исчезнуть в ночи. Это нервирует, потому что это именно то, что я бы сделала.

Мы похожи: я и Крю Кенсингтона.

Осторожные.

Гордые.

Упрямые.

Циничные.

Мы выросли с одинаковыми привилегиями и ожиданиями. Мы знаем, чего от нас ожидают. Что нужно, чтобы процветать в этом мире, а не просто выживать.

Вот почему я согласилась выйти за него замуж.

И причина, по которой я не должна этого делать.

2. Крю

Люди разбегаются, когда я выхожу из лифта в понедельник утром. В «Кенсингтон Кансалдид» работает более пятисот сотрудников, не говоря уже о многих компаниях,

которые мы финансируем. Менее пятидесяти сотрудников имеют офисы на административном этаже. Мужчины и женщины вдвое старше меня разбегаются, как пугливые мыши, когда я иду по устланному ковром коридору к главному конференц-залу. Одно из преимуществ того, что ваше имя отображается на стене небоскреба. Оно вызывает уважение, даже если вы его не заслужили.

Когда я вхожу в конференц-зал, мой отец и брат сидят за центральным столом. Каждый понедельник мы втроем начинаем с «беседы». По крайней мере, так любит называть это мой отец. Лекция было бы более подходящим названием. Он использует их как тактику запугивания по отношению ко всем остальным, у кого есть офис на этом этаже. Заставляя их приходить вовремя и разжигая слухи о том, о чем мы говорим. Рекламные акции. Приобретения. Активы.

— Ты опоздал, — объявляет мой отец, когда я сажусь напротив него. Я сопротивляюсь желанию обратить его внимание на часы над экраном проектора, используемого для презентаций.

Сейчас десять секунд девятого.

Вместо этого говорю:

— Извини. Надеюсь, у вас двоих было несколько историй о гольфе, которыми можно было обменяться.

Глаза моего отца сужаются, пытаюсь понять, говорю ли я искренне. Тот факт, что он не может ответить, является источником гордости.

Они с Оливером любят возить инвесторов и потенциальных партнеров, одетых в рубашку поло, по разным полям, разыгрывая игру на восемнадцать лунок. Эти прогулки часто включают ставки. Я предпочитаю вести дела в строгом костюме в зале заседаний.

— С документами все в порядке? — спрашивает он, пропуская колкость мимо ушей.

— Да, — отвечаю я. — Я был в офисе Ричарда в воскресенье. — Именно так я хотел провести свой единственный выходной за две недели, подписав двухсотстраничный документ, в котором четко изложено, как будет распределяться каждый актив в случае, если мой предстоящий брак закончится разводом.

Мой отец хмыкает, что ближе всего к звуку одобрения.

— Элсворты приедут на ужин в пятницу вечером. Постарайся, чтобы к тому времени у тебя было кольцо.

— Я хочу взять мамино.

Моего отца мало что выводит из-под контроля. Упоминание о женщине, которую он похоронил два десятилетия назад, кажется, единственное, что всегда откликается в его сердце. Проблеск удивления в его глазах быстро исчезает.

— Оно в сейфе.

Я киваю.

— Мы можем перестать разговаривать о браке? — спрашивает Оливер. Ехидная манера, с которой он говорит о браке, отвечает на любые вопросы о том, как он справляется с предстоящим изменением в семье.

Оливер на два года старше меня. Он должен был вступить в архаичную традицию брака по договоренности. Однако Скарлетт Элсворт больше подходила мне, поскольку она меня совсем не беспокоила, пока я не обменялся с ней более чем несколькими словами. Ее острый язычок ускользнул бы от моего стойкого брата. Раньше наша помолвка была гипотетической. Вероятный исход, но далеко не беспорный. Все изменилось, и тик на

челюсти Оливера говорит о том, что это его беспокоит.

Наш отец много лет назад решил, что именно я женюсь на Скарлетт, и мы с Оливером научились не подвергать сомнению его решения. То, что говорит Артур Кенсингтон, сбывается.

Мышца над правым глазом моего отца дергается — верный признак того, что он недоволен.

— Этот брак имеет решающее значение для будущего нашей семьи, Оливер. Ты же знаешь это.

Независимо от того, сколько тебе лет, не думаю, что извращенное удовлетворение от того, что брата или сестру ругают за пренебрежение к тебе, когда-нибудь исчезнет. По крайней мере, за двадцать пять лет этого не произошло.

— Знаю, пап, — поспешно отвечает Оливер.

Наш отец кивает.

— Хорошо. Теперь нам нужно обсудить команду для перехода на «Уорнер Коммуникейшен». Я планировал поручить Крю следить за всем, но он будет занят в течение следующих нескольких месяцев, до и после свадьбы.

Мой мозг сосредотачивается на фразах «в течение нескольких месяцев» и «после свадьбы».

— Уже назначена дата свадьбы?

— Пока неофициального. Мы подождем с объявлением о помолвке несколько дней, прежде чем объявить о ней. Организатор свадьбы сказал, что она сможет что-нибудь придумать к началу июня.

Июнь?

— В июне? — сейчас середина апреля. Я не против женитьбы на Скарлетт. Даже слегка заинтригован, после нашего разговора в «Пруф» в пятницу. Но для меня шесть недель, как маленькая комната для клаустрофобов. Интересно, ее отец вообще сказал ей, что мы уже официально помолвлены?

— Это соглашение действует уже почти десять лет, Крю. Если у тебя есть возражения, то мы уже давно прошли тот момент, когда нужно было их выдвигать. Объявление выйдет завтра. — Мне нравится, как мой отец говорит о том, что подталкивать своего шестнадцатилетнего ребенка к помолвке — нормально. Я даже не помню, из чего состоял наш тогдашний разговор. Вероятно, с моей стороны было много кивков.

— Я не возражаю, папа. Просто спрашиваю.

— Джозефина Эллсворт занимается свадебной логистикой. Скарлетт — ее единственный ребенок. Я уверен, что она будет держать тебя в курсе событий, возможно, сообщит больше, чем ты хочешь знать. Итак, что ты думаешь о назначении Биллингстона руководителем Уорнер? У него был опыт работы в Полсоне с... — мой отец продолжает рассказывать о сильных и слабых сторонах всех руководителей, которые в настоящее время не работают на нас. Я откидываюсь на спинку стула и делаю пометки в блокноте, чтобы вернуться к ним позже.

Восемь пятнадцать утра, и я готов закончить свой рабочий день.

Я захожу в свой кабинет и останавливаюсь. Сделал несколько шагов назад. Взглянул на табличку.

— На секунду мне показалось, что я ошибся кабинетом. Но нет. Это мой кабинет.

— Эта шутка становится смешнее с каждым днем, когда ты ее говоришь, чувак.

— Заткнись.

Ашер Котс не убирает ноги с моего стола.

— И тебе доброе утро.

— Я серьезно, Котс. Я не в настроении.

— Роман снова опоздал на 30 секунд за тобой? — поддразнивает мой лучший друг.

Я фыркаю, направляясь к своему стулу.

— Я опоздал на встречу с нашим бухгалтерским отделом в пятницу из-за него.

— Очень жаль, что твоего имени нет на фирменном бланке. Я уверен, что они бы тебя вычеркнули.

Они этого не сделали бы, и мы оба это знаем. Вице-президент даже извинился, думая, что ошибся временем. Я не говорю об этом Ашеру.

— Так ведет дела мой отец. Не я, — я расстегиваю пиджак и сажусь за массивный стол из красного дерева.

Ашер откидывается на спинку одного из кожаных кресел лицом ко мне. Все еще держа ноги на моем столе.

— Тогда что тебя взбесило сегодня утром?

Я беру Монклер и кручу его вокруг пальца, размышляя, что сказать. К черту все, он итак скоро все узнает.

— Завтра будет объявлено о моей помолвке.

Глаза Ашера расширяются до космических размеров.

— Со Скарлетт Элсворт?

Я киваю. Откладываю ручку, затем снова беру ее.

— Она была в «Пруф» в пятницу вечером, — этот факт не будет включен в объявление о помолвке. Не знаю, почему говорю это.

— Черт возьми, — такова первоначальная реакция Ашера. — Я знал, что мне следовало пропустить ужин с моими родителями. Как она выглядела?

Фантастически.

— Прекрасно.

— Настолько хорошо? — Ашер не шутит. Его тон стал восхищенным. Может быть, у него и не так много денег, как у нас со Скарлетт, но его семья тоже богата. Он посещал мероприятия, на которых она бывала раньше. Он видел ее густые темные волосы, вечно окрашенные красным губы и фигуру, которая заставляет мыслить нерационально.

Я не хочу быть женатым на женщине, которую вожделеет каждый парень, которого я знаю. На женщине, к которой меня влечет. И это превнесет определенные трудности, которые мне совсем не нужны, в мою беззаботную жизнь.

Скарлетт Элсворт не так проста. С ней определенно нелегко. Она умная, вспыльчивая, решительная и дерзкая. И куда бы она ни пошла, она всегда самая сногшибательная женщина в зале.

Она из тех женщин, ради которых мужчины идут на войну, однако мне ничего не пришлось делать, чтобы завоевать ее. Наши отцы решили за нас наши судьбы почти десять лет назад. Я мог бы бороться с этим, но ради чего? Элсворты и Кенсингтоны — две самые богатые и известные семьи в стране. Жениться на ком-нибудь еще, кроме Скарлетт, означало бы жениться на неравном.

— Я говорил с ней, — признаюсь я, крутя ручку вокруг указательного пальца.

Я годами избегал разговоров с ней. Мы обменивались приветствиями. Любезностями. Complimentами, как она и сказала. Ничего существенного. Никаких глубоких разговоров. Мы оба знали, что это ничего не изменит.

Брови Ашера взлетают вверх.

— Серьезно?

— Ты плохо слышишь?

Он закатывает глаза в ответ на мой сарказм.

— Она подошла к тебе?

— Я подошел к ней, — откидываюсь на спинку стула, отчего кожа скрипит. — Она стояла рядом со мной, — добавляю я, как будто эта деталь что-то меняет. Я не могу вспомнить, когда в последний раз подходил к женщине в баре, о чем Ашеру хорошо известно. Он почти каждую ночь рядом со мной.

Ашер свистит, протяжно и низко.

— Она, должно быть, выглядела чертовски хорошо.

Именно так.

— Мне было любопытно. Я ведь собираюсь жениться на ней.

— И-и-и?

— Она... нечто, — я не знаю, как еще классифицировать наше взаимодействие. Я не могу вспомнить, когда в последний раз мне хотелось продолжить разговор с кем-то, но сразу она ушла. После того, как я подошел к ней. Я не погнался за ней, по крайней мере, не сразу, но мне этого хотелось.

— В хорошем или плохом смысле?

— Я еще не решил. — Мой компьютер подает сигнал. Когда я переключаюсь на свой календарь, стону. Я полностью занят до обеда.

— Мне нужно идти. Увидимся в час. — Мы почти каждый день обедаем вместе.

— Да. Конечно.

Я хватаю стопку папок со своего стола и направляюсь к двери, оглядываясь через плечо.

— Убери ноги со стола, Котс. Я говорю серьезно.

— А что, если не уберу? Уволишь своего лучшего друга?

— Ага.

— Тогда кому ты будешь жаловаться на колкие комплименты твоей невесты?

Я не отвечаю, прежде чем выйти из комнаты. Но его слова остаются со мной, когда я иду на свою следующую встречу. Скарлетт Элсворт — моя невеста. Через несколько недель

она станет моей женой. И, честно сказать, меня это не особо волнует. Что пугает.

Я сижу с Ашером и Оливером, обсуждая проваленный сезон «Янкис» и обедая, когда появляется моя секретарша Селеста.

— Мистер Кенсингтон?

— Да? — я поднимаю взгляд от куриной пиккаты, которую персонал местного ресторана доставил мне на обед.

— Эм, извините, что беспокою вас. Я знаю, вы просили не прерывать вас во время обеда, если только не возникнет чрезвычайной ситуации...

— Есть что-то важное?

Селеста колеблется, прежде чем ответить.

— Мисс Эллсворт здесь. Она просит немедленно поговорить с ней. Вы не оставили мне никаких распоряжений о том, как обращаться... ну, дать ли вам знать... — еще одна пауза, — она довольно настойчива.

Ашер и Оливер оба смотрят на меня. Ашер выглядит таким же удивленным, как и я. Взгляд Оливера пронизательный; он пытается оценить мою реакцию.

— Здесь? — удивленно спрашиваю. — Скарлетт Эллсворт здесь?

— Да, сэр.

— Отправь ее в мой кабинет, — приказываю я. — Я скоро приду.

Селеста кивает, прежде чем исчезнуть обратно в коридор. Я встаю и натягиваю пиджак, потратив несколько дополнительных секунд на то, чтобы расправить лацканы и сориентироваться. Зачем она пришла?

— Что она здесь делает? — спрашивает Оливер, выражая свое замешательство.

— Она, вероятно, пришла осмотреться, — Ашер роняет вилку и подбрасывает в воздух миниатюрный баскетбольный мяч, который любит носить с собой, а затем ловит его. — Она приобретет значительную долю в «Кенсингтон Кансалдид».

Оливер насмехается над этим.

— Почему ее это должно волновать? У нее есть свое модное дерьмо, на котором нужно сосредоточиться.

Я ничего не говорю, прежде чем выхожу из комнаты отдыха. Стеклопанная дверь бесшумно закрывается за мной, когда я иду по коридору, который ведет к кабинетам руководителей, включая мой. Работники убегают с моего пути, когда я прохожу мимо.

Селеста вернулась за свой стол, когда я дохожу до конца коридора.

— Она внутри? — спрашиваю я.

Моя секретарша кивает. Я хочу воспользоваться моментом — подготовиться к встрече с ней, — но я не могу. Помимо Селесты, в этом крыле здания по меньшей мере дюжина

человек исподтишка наблюдают за мной. Нерешительность — это слабость, и я отказываюсь ее показывать. Я захожу в свой кабинет так, словно он принадлежит мне, что правда.

Скарлетт стоит за моим столом, глядя в окно. Послеполуденное солнце светит сквозь окна от пола до потолка, заливая мой офис — и ее — золотистым светом.

Она оборачивается на звук закрывающейся за мной двери. Шелковый материал темно-синего платья шелестит вокруг ее бедер, когда она двигается, направляясь к краю моего стола. Ее уверенная поза наводит на мысль, что это ее кабинет, а не мой. Никто не отваживается спрятаться за красным деревом, а тем более прислониться к нему, как это делает она. За пятнадцать лет дружбы все, что Ашер когда-либо осмеливался делать, это ложить свои ноги на стол.

Она скрещивает руки на груди.

— Ты так долго шел.

— У некоторых из нас есть важные дела, которые нужно уладить, дорогая.

— Твоя секретарша сказала, что ты был на ланче.

Я скрежещу зубами.

— Это был рабочий обед.

— Конечно.

Обычно я бы сразу же прошел за свой стол и сел в кожаное кресло. Но если я это сделаю, то не смогу поддерживать с ней зрительный контакт. Если я сяду, то окажусь под ней и буду смотреть вверх. Поэтому остаюсь на месте, фактически уступая ей контроль над комнатой.

Скарлетт ухмыляется, понимая то же самое, затем выпрямляется. Она достает из сумочки толстую пачку бумаг и с мягким шлепком бросает их на мой стол.

— Мне нужно, чтобы ты подписал это.

Я направляюсь к своему столу, как будто задержаться у двери был моим выбором. Это похоже на игру в шахматы. Вполне уместно, поскольку ферзь — самая сильная фигура. Я беру тяжелую стопку и пролистываю первые несколько страниц. Это наш брачный контракт.

— Я уже подписал его.

Потратил два часа, подписывая его.

— Ну, а я нет. Сначала нужно было внести изменения.

Изменения? Я обхожу край своего стола и сажусь в кресло. Кожа скрипит, когда я откидываюсь назад. Мой левый глаз дергается, когда я просматриваю длинный документ.

— Ты хочешь, чтобы я провел построчное сравнение, или расскажешь мне, какие изменения были внесены?

— Мой отец забыл разграничить свое имущество от моего в первоначальном документе. Ты имеешь право на долю семьи Эллсворт. Но не на мою.

Я возвращаюсь к первой странице, прежде чем поднять на нее взгляд.

— Что это значит?

— Я хочу сохранить свои коммерческие предприятия. Мой журнал. Пока мы женаты, и на случай, если мы разведемся.

Смесь удивления и раздражения боролась во мне. Этого я не предвидел.

— Так вот в чем дело? Твой маленький журнал? Ты боишься, что я буду указывать тебе, как одеваться твоим моделям с обложки или какие тенденции сейчас в моде?

Скарлетт никак не реагирует на насмешку. Она ворвалась сюда, предъявляет требования, на которые не имеет права, и все еще имеет наглость смотреть на меня так,

будто это я причиняю ей неудобства. Что-то, очень похожее на уважение, мерцает в глубине души.

— Мой отец не имеет никакого отношения к журналу. Это не его дело, что с ним делать. И не твое. Я хочу полный контроль, иначе выхожу из соглашения.

Я улыбаюсь этому смелому заявлению.

— Ты собираешься отказаться от соглашения стоимостью в сотни миллиардов ради модного журнала стоимостью... сколько? Пятьдесят миллионов?

— Не все из нас наследуют все, что у нас есть, Крю.

— Ты унаследовала деньги, которые потратили на этот журнал.

Ее глаза вспыхивают.

— Это не подлежит обсуждению. Я не блефую. Мой отец может сделать все, что захочет. Но он не может заставить меня выйти за тебя замуж.

— Ты была бы душой, если бы не согласилась на это.

— Я предлагаю поговорить. Если ты не согласишься на мои условия, то будешь выглядеть дураком. Мне не нужны ни ты, ни твои деньги, Крю Кенсингтон. Не забывай об этом.

Я пролистываю еще несколько страниц, чтобы выиграть немного времени. Я не уверен, что делать, и не могу вспомнить, когда это происходило в последний раз. Меня не волнует журнал. Я действительно забочусь о том, чтобы у Скарлетт создалось впечатление, что она здесь все контролирует.

— Все, что ты изменила — это акции журнала? — спрашиваю я.

— Да.

— Мне нужно увидеть отчеты о доходах, прежде чем я соглашусь.

Ее глаза сужаются.

— Зачем?

— Я принимаю взвешенные решения, Скарлетт, — я сосредотачиваюсь на ее карих глазах, потому что взгляд на что-либо другое ничем хорошим не закончатся. Скарлетт дурманит. Темные волосы, которые я представляю разбросанными по подушке. Пухлые губы окрашены в соблазнительный красный оттенок. Сшитое на заказ синее платье облегает ее изгибы. Все в ней привлекает.

Она вздыхает, затем подходит ближе.

— Двигайся.

— Прошу прощения?

— Если ты хочешь увидеть отчеты о доходах, двигайся.

Вопреки здравому смыслу, я так и делаю. Я встаю и отхожу от компьютера, у которого есть полный доступ ко всему. Я не беспокоюсь, что она будет рыться в каких-то секретных файлах. По двум причинам, вторая вызывает большее беспокойство, чем первая. Во-первых, я не думаю, что она это сделает. Это говорит о некотором уровне доверия. Во-вторых, если она хотела шпионить, думаю, она придумала бы более творческий способ получить доступ к моим файлам. Восхищение, может быть, даже уважение, присуще этой мысли.

Я смотрю, как она устраивается в моем кресле и начинает печатать.

— Ты уже говорила со своим отцом?

— Я расскажу после нашей встречи. Если ты недоволен тем, что подписываешь контракт во второй раз, возможно, тебе следовало сначала убедиться, что я одобрила его. Учитывая, что в контракте будет моя подпись, а не подпись моего отца.

Я ничего не говорю на это. Вероятно, она права, хотя я принимал такое же незначительное участие в составлении документа, как и она.

— Твой отец упоминал об ужине?

— Да.

— Дате свадьбы?

— Да.

Я отказываюсь от разговора и сажусь на кожаный диван. Принтер с жужжанием оживает.

Скарлетт встает и подходит к нему. Страницы еще теплые, когда она бросает их мне на колени.

— Держи, дорогой.

— Тестируешь имена домашних животных?

Она не отвечает, просто снова садится за мой стол. Я застрял на диване, как посетитель. Листаю страницы с цифрами, стараясь не выдавать своего удивления. Я почти ничего не знаю об индустрии моды, однако знаю, как выглядит значительная прибыль. Я также знаю, что «Хай Кутюр» был близок к банкротству до того, как Скарлетт купила журнал.

Я впечатлен.

Меня ничего никогда не впечатляло.

— Тебе не следовало показывать это мне.

— Я знаю.

— Я был бы идиотом, если бы отказался от акций.

— Это я тоже знаю.

— Но ты думаешь, что я соглашусь на твое предложение, — это утверждение, а не вопрос.

— Да.

Мы смотрим друг на друга несколько пьянящих секунд. Меня так и подмывает сблефовать. Увидеть, как вспыхнут ее почти зеленые глаза, и уловить гнев, который она бросит в мою сторону. Если бы она была другой женщиной — не моей невестой, — я бы так и сделал. С другой стороны, я не могу представить, чтобы кто-то еще проделывал со мной подобный трюк.

— Я не подпишу, пока моя команда юристов не посмотрит это, — говорю я.

— Но ты подпишешь его?

В ее голосе безошибочно угадывается надежда. Это важно для нее; это не просто игра власти или испытание. Мой ответ отразится на наших отношениях.

Я хочу, чтобы я ей понравился.

Мысль странная. Люди беспокоятся о том, что я думаю о них, а не наоборот.

— Если это единственное, что ты изменила, то да.

Скарлетт прикусывает нижнюю губу. Я смотрю, как ее белые зубы впиваются в красную помаду. Пока мы смотрим друг на друга, я осознаю две вещи. Во-первых, несмотря на все ее дерзкие заявления, она не думала, что я соглашусь. Во-вторых, я хочу поцеловать ее. Сильно. То же самое чувство, которое кружилось вокруг нас в «Пруф», появляется в моем кабинете, сгущая воздух.

Раздается стук в дверь.

— Что? — говорю я. Раздражение из-за того, что меня прервали, просачивается в мой голос.

Изабель — одна из руководителей совета директоров, открывает ее и просовывает голову внутрь.

— Крю, я... — она замолкает, как только замечает Скарлетт. — Ох. Я... я не знала, что вы чем-то заняты.

— Мы? Нет, — Скарлетт встает и вешает сумочку на плечо. Я ожидаю противоположных эмоций, которые она вызывает у меня на этот раз. Хочу, чтобы она осталась. Она думает, что принимает решения сама, и я нахожу это одновременно забавным и возбуждающим.

— Увидимся позже, милый.

Я ухмыляюсь, прежде чем ответить.

— Спасибо, что заглянула, дорогая.

Скарлетт закатывает глаза, прежде чем шагнуть к двери, где все еще стоит Изабель. Изабель не двигается, загораживая наполовину открытую дверь.

Я наблюдаю за разворачивающейся сценой, сразу зная, на какую женщину я бы поставил. Моя жизнь была бы намного проще, если бы Скарлетт была бесхребетной светской львицей, которую я ожидал увидеть, но я не испытываю никакого разочарования из-за того, что в итоге мне досталась злючка. Она очаровывает меня, и я никогда раньше не испытывал такого ни к одной женщине.

Изабель Стерлинг на год старше меня. Она работает в компании моей семьи с тех пор, как устроилась сюда сразу после окончания колледжа и стала одной из двух женщин-членов правления. Я видел, как она умело справляется даже с самыми влиятельными мужчинами в компании.

Хотя не думаю, что Скарлетт не проскочит через маленькое отверстие, как грязный секрет. И она не разочаровывает.

— Уйди с дороги, — приказывает она. Тон у нее надменный, а спина прямая, как по линейке.

Изабель неохотно отходит в сторону. В минутном порыве неповиновения она не распахивает дверь. Скарлетт сама приоткрывает ее и выходит из моего кабинета.

Изабель раздраженно закрывает за собой дверь.

— Это Скарлетт Эллсворт?

— Ага, — я встаю с дивана и беру стопку бумаг, оставленных Скарлетт. — Что тебе нужно, Изабель?

— Корпорация «Пауэрс» прислала новые слайды для их выступления. Я подумала, ты захочешь взглянуть на цифры перед встречей в Андовере.

Похоже, я не буду есть остаток своего обеда.

— Прекрасно. Мы можем воспользоваться главным конференц-залом, пока не начнется собрание.

Изабель кивает. Я выхожу вслед за ней из своего кабинета и останавливаюсь у стола Селесты, бросая стопку бумаг, составляющие мой брачный контракт, на стойку.

— Отнеси это в юридический отдел, — инструктирую я. — Я хочу, чтобы они просмотрели каждое слово и дали мне памятку с перечислением всех отличий от оригинального контракта, который был составлен. Пусть они отметят каждое место, которое я тоже должен изучить. У меня нет времени читать все это самому. Еще раз. Скажи им, чтобы они бросили все свои дела. Я хочу, чтобы это было сделано к концу дня.

— Да, конечно, — Селеста хватает бумаги и спешит к лифтам.

Я шагаю к Изабель. Пока мы идем, она рассказывает мне об изменениях, которые были внесены в завтрашнее собрание. Главный конференц-зал находится в самом центре этажа, окруженный матовым стеклом.

— Чего хотела Скарлетт? — спрашивает Изабель, как только мы входим в зал. Могу сказать, что она пытается говорить небрежно, но сам по себе вопрос — аномалия. Мы с Изабель обсуждаем только дела. Вот почему мы хорошо работаем вместе.

Я расстегиваю пиджак и сажусь за стол.

— Нужно было уладить кое-какие дела.

— Она могла бы написать тебе.

— Она хотела поговорить лично, — я достаю заметки для собрания.

— Ты передумал жениться на ней? Она выглядит так, будто ей это необходимо.

Я почти улыбаюсь этому, представляя, как Скарлетт могла бы отреагировать на то, что она в чем-то нуждается. Этот вопрос наводит меня на мысль, что Ашер, возможно, не совсем ошибался, когда трижды говорил мне, что у Изабель ко мне непрофессиональные чувства. Я уверен, что слухи о кумовстве ходят, когда меня нет рядом, но я серьезно отношусь к своим обязанностям. Я не смешиваю бизнес ни с чем другим. Я никогда не встречался с сотрудниками и не занимался сексом на работе.

— Есть ли какой-то смысл говорить об этом? О моей личной жизни? — предупреждение пронизывает эти два вопроса.

Предупреждение, к которому Изабель не прислушивается.

— Я беспокоюсь о влиянии этой женщины на будущее нашей компании.

Теперь я знаю, что она ревнует.

— Ее влияние на будущее этой компании укрепит фамилию Кенсингтон, добавив миллиарды к моим активам и подарив мне детей, которым я все оставлю.

— Но ты не хочешь на ней жениться, не так ли?

Я не делаю того, чего не хочу. Есть и недостатки в том, чтобы родиться с таким богатством вкармане, которое большинство людей не может постичь. Но свобода никогда не была проблемой. Особенно когда речь идет о важном, судьбоносном выборе. Если бы я не хотел жениться на Скарлетт, я бы нашел выход из ситуации много лет назад.

— Она сногсшибательна, и у нее чертова куча денег. У меня могли бы быть вариант и похуже, — я не знаю, почему продолжаю поддерживать этот разговор. Думаю, больше никто не придет на встречу раньше времени. И мне нравится работать с Изабель. Я горю желанием избавить ее от любого представления о том, что между нами может что-то произойти. — Мы коллеги, Изабель. Если бы я хотел узнать твое мнение о моей жизни за пределами этого офиса, я бы спросил.

Ее щеки розовеют от таких слов.

— Конечно. Просто присматриваю за тобой.

Мы оба знаем, что это не все, что она делает, но другие люди уже начали прибывать на встречу, поэтому я возвращаюсь к своим заметкам. Я вчитываюсь в то, что написано, не обращая никакого внимания на Изабель, сидящую напротив меня. И не замечаю ни одного приветствия, направленного в мою сторону.

Она сногсшибательна, и у нее чертова куча денег.

Именно так я только что описал Скарлетт. И то, и другое верно. Второй факт — главная причина, по которой я женюсь на ней. Первая — приятный, хотя и несколько неудобный бонус. Но «красивая» и «богатая» — не те два прилагательных, которые я бы использовала

для описания Скарлетт Элсворт. После двух разговоров я бы охарактеризовал ее как амбициозную.

Бесстрашную.

Настоящую.

Вот на что мне нужно обратить внимание.

3. Скарлетт

«Было бы очень легко разбить это стекло», — решаю я. Смотреть, как разлетаются осколки и растекается золотистая жидкость. Я перекаत्याю тонкую ножку бокала для шампанского между указательным и большим пальцами, пытаюсь решить, будет ли временное волнение стоить неизбежного беспорядка.

Я решаю не думать об этом и делаю глоток шипучего напитка.

Пузырьки оставляют след в моем пищеводе и кипят в моем пустом желудке. Я ненавижу икру, но сегодня вечером мне подали только ее. Часть бесконечного позерства. Я бы убила за картошку фри. Возможность находиться где-нибудь, но не здесь.

Лунный свет отражается от поверхности бассейна, заливая сиянием идеально ровные камни и нетронутый ландшафт, который его окружает.

Я делаю глубокий вдох, продолжая смотреть на темную поверхность воды передо мной. Кислород циркулирует в моей крови. Углекислый газ пытается вырваться наружу. Я этого не допущу. Даже одно неприятное ощущение становится болезненным. Наконец, я выдыхаю.

Сладкое облегчение проходит через меня. Я чувствую себя живой. Обновленной. Свободной.

— Подумываешь о том, чтобы поплавать?

Я не реагирую на звук его голоса, даже когда осознание пробегает искрами по моей коже. Я действительно игнорирую этот насмешливый комментарий. Насколько я могу судить, у Крю есть две личности: привилегированный мудака и несносный мудака.

— Я выгляжу одетой для купания? — я дергаю за переливающееся шелковое платье, которое на мне надето, чтобы подчеркнуть его. Оно золотое. Моя мама выбрала его и отправила в мой пентхаус, чтобы я надела его сегодня вечером. Вероятно, в качестве напоминания Кенсингтонам, что я трофей, приз.

— Ты могла бы искупаться нагишом.

Я фыркаю.

— Держу пари, тебе бы это понравилось.

— Да, — отвечает Крю, останавливаясь рядом со мной. — Очень, — его голос стал глубоким и хриплым, и это сеет хаос у меня внутри.

Крю рос в окружении той же красоты, что и я. Я уже много лет вижу, как женщины слетаются к нему, как мотыльки на пламя. Не может быть, чтобы он не занимался сексом. Я не ожидала, что он будет вести себя так, будто я не такая, как все, как будто я особенная. Скорее всего, нет, и я неправильно понимаю его тон, потому что устала, голодна и более восприимчива к притворной честности, чем обычно. И потому что он мне нравится.

— Только после тебя, дорогой, — я продолжаю нашу игру в прозвища, равнодушно приподнимая свой бокал. Не имеет значения, что он говорит. Что он думает. То, что он предлагает.

— Я подписал, тыковка, — отвечает он.

Я не отвечаю. Он подписал брачный контракт, и это заставило меня пожалеть, что я

вообще внесла изменения в него. Я не беспокоюсь, что Крю попытается контролировать «Хай Кутюр». Я беспокоюсь, что это сделает отношения между нами неравными. Его отказ должен был дать мне повод не доверять ему. Вместо этого я чувствую себя в долгу. По моему опыту, ни один подарок не остается без последствий.

Крю напевает, наклоняясь.

— Сегодня не по погоде прохладно.

— Не думал заняться метеорологией?

На этот раз голос звучит почти как смех.

— Я имел в виду тебя, дорогая.

Эта колкость не удостоилась ответа. Я и так сегодня на взводе. Моя мать и мачеха Крю весь вечер вели себя как близкие подруги. Теперь, когда наши семьи объявили о помолвке, Кенсингтоны и Элсворты должны выглядеть как одна большая счастливая семья.

Я уже встречалась с отцом и мачехой Крю раньше. С отцом несколько раз, с мачехой только один. Кэндис Кенсингтон двадцать семь, всего на два года старше меня. Веселая и светловолосая, гораздо больше заинтересованная в своих пасынках, чем в муже, основываясь на моем исследовании семейных отношений за последний час. Или их отсутствию.

Я наблюдаю за Крю, пока он делает глоток виски.

— Ты спал с Кэндис?

Он никак не реагирует, пока пьет свой напиток, что разочаровывает. Я надеялась на один-два драматических кашля.

— С женой моего отца?

— Твоей мачехой. Да.

Крю хихикает. Проводит рукой по своему чисто выбритому подбородку. Интересно, как бы он выглядел со щетиной.

— Почему ты спрашиваешь?

Я пожимаю плечами и делаю еще глоток шампанского, отмечая отсутствие ответа.

— Просто пытаюсь понять, в какую неразбериху ввязываюсь, выходя за тебя замуж.

— Это бессмысленно, — отвечает он.

— Что это значит?

— Это значит, что нет ничего, с чем ты не могла бы справиться, и ничего, что ты могла бы изменить.

— Как неопределенно и слегка лестно с твоей стороны.

Крю ухмыляется.

— Идем.

Он начинает идти по мраморному полу к двойной изогнутой лестнице. Я следую за ним, в основном потому, что мне надоело пялиться на бассейн, и я не спешу возвращаться к чопорной светской беседе, происходящей в гостиной.

Мои каблуки ударяются о гладкий камень с легким стуком, который эхом разносится по пещерообразному пространству.

Поместье Кенсингтонов потрясающее, но я не могу выразить никакого искреннего восхищения. Я бывала, жила в таких же больших и роскошных особняках, как этот. Если слишком долго смотреть на блестящие предметы, они теряют свой блеск.

За последние десять лет я бывала здесь несколько раз. Все визиты были по случаю вечеринок или официальных мероприятий. Но когда этот огромный дом был пуст — без людей, кроме широкого ассортимента антикварной мебели и бесценных произведений

искусства.

Коридор с видом на бассейн и сад имеет размеры, аналогичные бальному залу отеля, со стеклянными дверями, которые поднимаются до десятифутового потолка.

На полпути к лестницам, которые выходят на один конец коридора, мой желудок громко урчит.

— Голодна? — в его голосе слышится сдавленный смех.

— Ненавижу икру.

— Не думаю, что кто-то на самом деле ее любит. Ты просто проглатываешь ее.

— Я никогда не глотаю, потому что обычно это просит парень.

Крю прочищает горло. Кашляет. Смеется.

— Хорошо.

Он спокойно воспринимает это замечание, что вызывает у меня желание подтолкнуть его дальше. Я знаю дерзкого и властного Крю, а не покладистого. Может быть, он такой только на работе. И в постели.

Я запикиваю эту последнюю мысль далеко-далеко. Я понимаю, что Крю привлекательный. Он объективно великолепен. Но я не думала, что Крю заинтересует меня. Восхищаться задницей парня — совсем не то же самое, что и восхищение его характером. Во что он одет. То, что он говорит.

Наблюдая, как его одетая в Бриони спина меняет курс и сворачивает в другой отделанный мрамором холл, я встревожена тем, как много различий могу внезапно обнаружить между привлекательностью и интересом.

Прогулка по изысканной кухне станет приятным развлечением. Я едва успеваю рассмотреть хрустальные люстры, мраморную заднюю панель и блестящую бытовую технику, как Крю поворачивает направо и открывает раздвижную дверь. Он включает свет, и мы оказываемся в... кладовке.

— Круто, — бормочу я. — Я люблю проводить время среди нескоропортящихся продуктов.

— Какова на вкус твоя серебряная ложка, Элсворт?

Мне приходится прикусить внутреннюю сторону щеки, чтобы он не понял, что я нахожу его забавным. Или, что еще хуже, умным.

— Лучше, чем твоя, Кенсингтон.

Крю качает головой, открывает маленькую коробочку и протягивает ее мне.

— Вот.

Я беру ее в руки и вытаскиваю круглый диск размером чуть меньше моей ладони. Приносиваюсь.

— Что это?

— Печенье в шоколаде. Я получаю их каждый раз, когда бываю в шале в Альпах, — Крю достает из коробки еще одно и откусывает большой кусок. Я нерешительно кусаю. Мои зубы медленно погружаются сквозь тонкий слой темного шоколада в бисквит. Маслянистый, слегка горьковатый вкус взрывается у меня во рту.

— Это вкусно, — говорю я. — Действительно вкусно.

— Да. Я заметил, по тому как ты... глотаешь.

Я выдерживаю его взгляд, но мне хочется отвести глаза. Между нами витает слишком много напряжения для крошечной комнаты. Он обволакивает меня и угрожает проглотить целиком.

— Ты обычно проводишь много времени в кладовой, когда навещаешь своего отца?

— Зависит от обстоятельств.

— Каких?

— Как надолго я застрял здесь.

— Мало счастливых воспоминаний? — я стараюсь говорить легким тоном, но мне действительно интересно. Я не видела, чтобы Крю много общался со своим отцом и братом. На вечеринки они обычно ходят по отдельности. Каждый общается отдельно от другого. Сегодня вечером они общались скорее как коллеги, чем как семья.

— Много, в этой кладовой.

Я морщусь нос.

— Как очаровательно.

Крю ухмыляется, но быстро убирает ее.

— Я имел в виду с моей мамой. Она любила печь, — внезапный интерес заставляет меня спрашивать больше. Но разум предупреждает меня не делать этого.

— Ты так и не ответил мне насчет Кэндис.

Я ожидаю, что он обвинит меня в ревности, но он этого не делает.

— Почему тебя это волнует?

Я пожимаю плечами.

— Ты же знаешь, каковы люди. Если в этом году пойдут слухи о тебе и твоей мачехе на праздничной вечеринке у Вальдорфов — как это было в прошлом году, — было бы неплохо узнать, насколько все плохо, ведь я должна вести себя как твоя жена, — я кусаю еще одну печеньку.

— Вероятно, лучше задать этот вопрос Оливеру.

— Неужели? — я не скрываю своего удивления. Старший Кенсингтон похож на тот тип людей, которые не переступают черту.

Крю читает это на моем лице.

— Я не знаю наверняка. Только то, что он был здесь, пока папы не было в городе.

— Тебя это удивляет?

— И да, и нет, — Крю вздыхает. — Он старается этого не показывать, но... — он жестом указывает между мной и собой. — Это должен быть он. Жениться первым, стать генеральным директором и все такое.

Мое лицо остается нейтральным, когда я спрашиваю:

— Ты думаешь, он может что-то сделать? Посеять раздор в совете директоров?

— Нет, я так не думаю. Оливер рационален, может быть, даже слишком. Он видит общую картину. Не думаю, что он хочет жениться. Я даже не уверен, хочет ли он унаследовать должность генерального директора. Это принцип... все должно принадлежать ему.

Незнакомое чувство вины скручивает мой желудок. В шестнадцать лет я не думала об этом под таким углом. Я не думала о других людях, на которых повлияло бы мое импульсивное требование — то, что я использовала ту малую власть, которая у меня была. Расходуя то небольшое количество энергии, которое у меня было.

— Ты хочешь этого? — спрашиваю я.

Он наклоняет голову, чтобы лучше рассмотреть меня. Я слышала сплетни о властности Крю. Его внешности. Его уверенности. Люди мало говорят о его интеллекте. Глубина его глаз, в которую я сейчас смотрю, внезапно кажется главным его достоинством. Он видит

меня, видит меня насквозь. Сквозь защиту, которая не пускает всех остальных.

Выбор — это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Я понимаю, что он может подумать, что я спрашиваю о другом, нежели о том, что имела в виду.

— Быть генеральный директором, — уточняю.

У него нет выбора, когда дело касается меня. Больше нет. Объявления были сделаны. Организация уже идет полным ходом. Для любого из нас было бы скандалом шокирующего масштаба отказаться от этого брака сейчас — удар по репутации обеих наших семей. Это не должно иметь значения — не должно меня беспокоить, — что у него больше нет других вариантов.

— Да, хочу, — подтверждает он.

Громкий хруст очередного укуса подчеркивает это заявление.

— Отлично, — мой голос полон фальшивой радости и настоящего сарказма. — Мы должны вернуться. Все будут гадать, где мы.

— Они, наверное, думают, что мы уже утопили друг друга в бассейне.

Я бросаю на его очаровательную улыбку и полный отвращения взгляд в ответ.

— На самом деле, мы пока не можем вернуться.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что мы пока не можем вернуться?

— Мне нужно тебе кое-что отдать.

— О, — я понимаю, о чем он говорит, затем бросаю взгляд на полки, уставленные разноцветными банками и коробками. — Здесь, в кладовке?

— Не думаю, что струнный квартет или башня из шампанского подойдут.

Черт возьми. Я думаю, что минимальное число наблюдателей — это мой подход, и мы с Крю на одной волне. Если у него запланирована какая-то сложная речь с предложением, я, наверное, начну смеяться. Делать вид, что это нечто такое, чем на самом деле не является правдой, и мне это неинтересно, особенно когда мы одни.

Какое бы выражение лица у меня ни было, оно вызывает у него гримасу, очень похожую на веселье.

— Да, я так и думал.

— Думал о чем?

— Пошли, — Крю выходит из кладовой. Мы возвращаемся по нашим следам обратно в тот же зал с видом на бассейн и двор.

Он подходит к лестнице слева. Я молча следую за ним. Вверх по лестнице, по устланному ковром коридору и в большую комнату со стенами из темного дерева и старыми книгами. В воздухе витает затхлость, которая пахнет отталкивающе. Здесь не очень уютно, но и не похоже на музей, как в остальной части особняка, за исключением кладовой.

Я прослеживаю узоры на витражах, пока Крю подходит к картине с изображением вазы с фруктами на стене. Он снимает ее, обнажая переднюю часть сейфа. Я продолжаю осматривать комнату, украдкой поглядывая на него.

Раздается контрольный звуковой сигнал. Дверца сейфа открывается и закрывается. Картина возвращается на свое место. Крю направляется ко мне. В поле зрения нет ничего, что можно было бы назвать помпезностью.

Здесь достаточно отстраненно, обыденно. Признак приверженности, основанной только на бизнесе. В этом моменте нет ничего романтического — пыльные книги, затхлый воздух, пустое выражение лица Крю, — но мой пульс все равно учащается. Я чувствую что-то, когда ничего не должна чувствовать.

Головокружение.

Предвкушение.

Интерес.

Вместо этого я пытаюсь притвориться, что нахожусь здесь с Оливером Кенсингтоном. Если бы ко мне приближался старший брат Крю, меня бы это не беспокоило. Я бы не стала мысленно измерять разделяющие нас сантиметры, которые неуклонно сокращаются.

«Может быть, я испортила свою жизнь, согласившись на это», — внезапно осознаю я.

Крю останавливается менее чем в полуметре от меня. По моим подсчётам, тридцать сантиметров.

— Вот.

Я смотрю на маленькую черную коробочку, которую он только что положил мне на ладонь. Один взгляд на его лицо — это все, что я позволяю себе, прежде чем открыть ее. На меня смотрит огромный бриллиант, окруженный более мелкими камнями. Оно выглядит дорогим, но не кричит об этом. Оно — неподвластная времени классика. Что-то, что я бы выбрала для себя.

— Оно прекрасно, — честно говорю я.

Крю не делает какие-то движений, поэтому я достаю кольцо из коробки и надеваю его на палец. Кольцо кажется тяжелым, незнакомым. Если бы я сняла его прямо сейчас, я бы все еще чувствовала его стойкое ощущение на своей коже, как клеймо.

Скарлетт Кенсингтон. Я прокручиваю в уме фамилию будущего мужа, пытаюсь привыкнуть к ней так же, как мне придется привыкать носить на руке сверкающее напоминание о Крю

На этот раз я понятия не имею, что еще сказать. Спасибо? Это кольцо, без сомнения, стоило дорого. Но он купил его не потому, что хотел или потому, что я этого хотела. Я не раздаю благодарности и извинения так просто, как это делает большинство людей.

— Ужин скоро будет подан.

Я киваю. Нет никаких причин чувствовать себя ущемленной. Он ведет себя именно так, как я ожидала от него с самого начала: холодно и отстраненно. Как я хотела, чтобы он вел себя. Если бы он не согласился изменить наш брачный контракт, чтобы я сохранила полный контроль над своим журналом, и не накормил меня печеньем в шоколаде, я бы не боролась со странным желанием спросить его, что не так прямо сейчас.

С точки зрения Крю, я — приз.

Собственность.

Пешка.

Не партнер.

Возможно, даже не человек. Моя ценность для него может быть сведена к моему капиталу и к тому, как я буду выглядеть рядом с ним, и к детям, которые у нас будут, и которые унаследуют тяжелый труд его предков.

Я задавалась вопросом, встречу ли я когда-нибудь парня, который заставит меня желать большего. Меня всегда поражало то, что долгосрочные браки строятся на понимании, согласии и деньгах. Не на любви, похоти и страсти.

Браки с определенной целью сохраняют империи.

Браки, подпитываемые желанием, страдают от ревности, требований и шепота на свадьбе о том, что невеста должно быть беременна.

Я никогда не задавалась вопросом, может ли этот парень заставить меня чувствовать все

это. Вплоть до настоящего момента.

Крю делает шаг влево, в то же время я двигаюсь вправо. Вместо того чтобы отдаляться друг от друга, как мы оба пытались, мы становимся ближе друг к другу.

Достаточно близко, чтобы он мог протянуть руку и дотронуться до меня.

И он это знает.

Внезапно похожая на пещеру библиотека перестает казаться такой уж большой. Мы занимаем наименьший процент места, который могли бы занять два человека. Пространство между нами еще больше сократилось. Десять сантиметров, а может, меньше.

Я смотрю, как поднимается рука Крю, чувствую, как жесткий материал его костюма касается моей обнаженной руки. Его большой палец проводит по моей челюсти, оставляя обжигающий след на моей коже, как язычок пламени. Другая его рука прижимается к моей талии, удерживая меня на месте рядом с камином.

В камине не горит огонь, в нем лежат лишь черные угли. Что напоминает о нас Крю: камин без огня. Между нами могли бы воцариться более теплые и нежные чувства, чем долг и обязательства, но этого не произошло.

Зря потраченный потенциал.

— Скарлетт, — его голос скользит по мне, как теплый мед, сопровождаемый шепотом виски. Никто никогда раньше не произносил мое имя так.

Как молитву и проклятие.

Тайну и грех.

Надежду и страх.

Я встречаюсь с ним взглядом и обнаруживаю, что маска безразличия слетела. Когда я думаю о страсти, я представляю себе яркие краски. Оранжевые и красные. Огонь и жар, сердца и кровь.

С этого момента я буду представлять себе светло-голубой цвет. Небо в солнечный день без малейших признаков облачности. Океан в спокойный день с малейшим намеком на волны. Такого цвета глаза Крю. Насыщенно синие. Бесконечные. Бездонные. Поглощающие. Под их спокойным цветом скрывается та же вероятность бедствия, что и в небе и море.

Если я позволю ему, он посеет хаос в моем мире.

Моей голове.

Моем сердце.

Меня так и подмывает сдаться. Очень соблазнительно. Предвкушение и возбуждение витают в воздухе. Я хочу знать, как он целуется. Какой он на вкус. Как далеко он зайдет. Мы стоим в библиотеке, а наши семьи ждут внизу.

Но я сдерживаюсь.

— Нет.

Его взгляд вспыхивает. Волны разбиваются. Образуются облака. Он не любит, когда ему отказывают. Чертовски плохо, но ему лучше привыкнуть к этому.

— Ты куплена и за тебя заплачено, детка.

Мудак-женоненавистник.

— Деньгами, которые ты не заработал, точно так же, как ты не заработал меня. Не веди себя так, будто у меня был выбор, а у тебя его не было. Может, между нами и есть контракт, Крю, но я не твоя. И никогда не стану ей.

Его рука усиливает хватку чуть выше моего бедра, пальцы собственнически сжимаются и вдавливаются в мою кожу. Это заставляет меня хотеть отдернуться... и прижаться ближе.

— Мы собираемся пожениться, Скарлетт. Это сделка.

— Посмотрим, — мой тон высокомерный, почти скучающий.

У меня здесь столько же власти, сколько и у него, а может, и больше. Брачный контракт вступит в силу только в том случае, если мы разведемся. Как только мы поженемся, наши значительные активы будут объединены. Он будет богаче своего собственного отца. Я многое получаю от этого соглашения, но он получает еще больше. Никто не будет смотреть на меня и думать о том, сколько денег я заработала. Они будут смотреть на кольцо на моем пальце и шептать мою новую фамилию с завистью, а не с уважением. В их глазах я — пункт соглашения о слиянии. Бонус, а не партнёр. Так устроен наш мир, и я никогда не изменю чье-то мнения.

Кроме его.

Я властвую здесь, и я отказываюсь уступить хоть в чем-то. Если он хочет поцеловать меня, хочет переспать со мной, хочет от меня вообще что-либо — ему придется постараться.

Я наблюдаю, как он осознает это. Сражается с этим. На его лице появляется раздражение, затем согласие. Он слишком горд, чтобы умолять.

— Я уверен, что у тебя не будет проблем с поиском девушки, желающей переспать с тобой, если ты в этом так отчаянно нуждаешься, — насмехаюсь я.

В его голубых глазах пляшет опасность. Я наблюдаю, как его лоб разглаживается, а челюсть напрягается.

— Осторожнее, дорогая. Это прозвучало ужасно похоже на комплимент.

Я стискиваю зубы. Он прав, это был комплимент. Как бы мне ни хотелось утверждать, что он не привлекателен, но это так. Отрицать это выставит меня не в лучшем свете.

Крю придвигается еще ближе. Мне приходится запрокинуть голову, чтобы выдержать его взгляд, и я знаю, что это был целенаправленный шаг с его стороны. Мое сердце выбивает ровные удары, которые ощущаются между нами.

Он меня раздражает. Но я также увлечена. Возбуждена.

Напор и притяжение между нами заряжает.

Вызывает привыкание.

Его рука скользит по моей ключице, затем опускается на бок. Он нигде не прикасается ко мне, но мне кажется, что он прикасается ко мне везде.

— Ты хочешь меня, Скарлетт. Ты просто не хочешь в этом признаться. Я найду кого-нибудь, кто согласится. Трахну ее. А когда ты захочешь? Когда ты захочешь меня? Когда ты будешь мокрой для меня, как сейчас? — мягкий, гипнотический скрежет его низких слов подчеркивает каждый слог.

Выражение моего лица остается безразличным. Внутри я цепляюсь за каждое слово, как за утес, с которого упаду.

Крю качает головой, насмешливая, жесткая улыбка расползается по его красивому лицу.

— Детка, тебе придется умолять меня об этом.

— Ни за что, — мой голос звучит уверенно. Мое тело гораздо менее в этом уверенно.

Крю хихикает, мрачно, зловеще и соблазнительно.

— Хочешь поспорить? — его дыхание скользит по моей щеке.

— Я никогда не попрошу тебя об этом.

— Никогда не говори никогда, Скарлетт, — он убирает руку с моей талии и выходит из библиотеки, как будто он просто подарил мне кольцо.

Ужин не вызывает восторга.

В любом случае это не особо важно, особенно после сцены в библиотеке. Я привыкла к тому, что мужчины держаться подальше от меня. Я дерзкая и самоуверенная и, по мнению большинства людей, не стою таких хлопот.

Я полагала, что Крю не будет исключением. Он бы переключился на светскую львицу или модель, и все было бы кончено. Я не ожидала ультиматума. Последствий. И это не имело бы значения, если бы не тот факт, что он был прав. Я ничего ему не должна, но я хочу его поцеловать.

И меня не радует то, что этого не произойдет, пока я не попрошу, чего я уж точно не сделаю.

Я сижу прямо напротив Оливера, который провел последние двадцать минут, водя пальцем по краю своего бокала с коньяком, изо всех сил пытаюсь произвести впечатление на моего отца. Он упомянул о своей юридической степени не менее двадцати раз и прокрутил целый ряд явно подготовленных тем, которые варьировались от международных отношений с Китаем до фондового рынка.

Я могу понять, почему Артур отправляет Оливера, как пони для игры в гольф, к каждому потенциальному инвестору. Мой отец определенно заинтригован поступком идеального сына, когда Оливер рассказывает о многочисленных успехах «Кенсингтон Кансалдид».

«Кенсингтон Кансалдид» никогда не была прямым конкурентом компании моей семьи «Эллсворт Энтерпрайзиз», но бизнес есть бизнес. А Хэнсон Эллсворт никогда не упускает возможности поговорить о делах. Не говоря уже о том, что у моего отца появилась новая доля в значительных активах Кенсингтонов: я.

Мне безумно скучно ковырять филе-миньон, пока Оливер и мой отец ведут вежливую беседу. Моя мама и Кэндис обсуждают свадьбу, которая является столь же непривлекательной темой.

А мой жених флиртует с одной из официанток. Я включаюсь в дискуссию о фондовом рынке просто для того, чтобы дать понять, что меня не беспокоит этот флирт, потому что Крю даже не мог дождаться конца ужина, чтобы найти развлечение.

Я думала, что Крю будет легко игнорировать — контролировать. Я также знала, что у нас будет физическая близость. Поначалу ради интереса. А после ради создания детей. И я все сильнее жажду этого, но я также не собираюсь унижаться. Я не буду умолять его. Ни за что. Я лучше забеременею от колбасы из индейки.

Весь ужин я украдкой поглядываю на новое дополнение к моей левой руке. Артур Кенсингтон долго смотрел на кольцо с бриллиантом, когда я только — появилась. Взгляд, пронизанный грустью, тоской и сентиментальностью.

Крю подарил мне кольцо своей матери.

Эта мысль не приходила мне в голову, пока я не увидела выражение лица Артура. Элизабет Кенсингтон скончалась, когда Крю было пять лет. Интересно, насколько по-другому выглядели бы сегодня трое мужчин, которых она оставила одних, если бы она не умерла такой молодой. Был бы Артур таким же роботом? Оливер в таком же отчаянии? Крю такой же черствый?

— Я бы с удовольствием выпила еще вина, — я прерываю праздник любви.

Официантка вздрагивает, наконец вспоминая, что в комнате есть и другие люди. Она хватается мой бокал и убегает.

Тревожный взгляд Крю задерживается на мне на целых две минуты, которые ей требуются, чтобы наполнить его и вернуть. Я не отвожу взгляда. Наш зрительный контакт похож на шахматную партию, в которой нет фигур для игры и нет очевидной победы.

Я не знаю, чего он от меня хочет. Я полагала, что наша свадьба будет нашим началом и концом. Пока у нас не появятся дети, ничего не нужно будет менять. Он будет работать. Я тоже. Наша жизнь будет выглядеть как диаграмма Венна, с некоторым перекрытием, но не сильным.

Однако тот момент в библиотеке не был похож на деловой разговор. Это было похоже на бушующий ад, который испепелял линии, а не просто размывал их. Я погасила его... временно. Тлеющие угольки смотрят на меня с другого конца стола.

Как только с десертом покончено, мы проходим в вестибюль для обменивания прощаниями. У моего отца плохое настроение. Как сказал Крю, мы с ним договорились. Хэнсон Эллсворт не тратит время на погоню за ними. Этот вечер был любезностью, приглашением, отказаться от которого было бы слишком грубо.

Я получаю прощальные кивки от Артура и Оливера и объятия от Кэндис. Интересно заметила ли она, что я так напряжена, что могу разорваться пополам? Становится все труднее оставаться равнодушной к предстоящей свадьбе. В течение многих лет я говорила себе, что это не более чем контракт. Деловая сделка. Смещение активов.

С Оливером — с любым другим — так и было бы.

С Крю все по-другому.

Мое сердце колотится, когда он приближается ко мне. Останавливается, его большой палец ловит и трет бриллиант, покоящийся на моей левой руке.

— Тебе идет, милая, — шепчет он, прежде чем его губы касаются моей щеки. Насмешливый оттенок слов разрушает любое подлинное намерение.

В центре прихожей висит огромный семейный портрет. Это настоящая семья Кенсингтонов: Артур, Элизабет, Оливер и Крю. Мой взгляд останавливается на левой руке Элизабет, лежащей на плече совсем маленького Крю. Бриллиант на ее руке — точная копия бриллианта на моей.

— Спасибо, — выдавливаю я.

Глаза Крю следят за моим взглядом и тоже переключаются на портрет, его челюсть сжимается от осознания.

Сожалеет ли он о том, что отдал его мне?

Он беспокоится, что я подумаю, что это значит что-то, чего на самом деле нет?

Может быть, он просто слишком ленив, чтобы пойти и купить мне новое?

Вместо того чтобы просить ответов на любой из этих вопросов, я следую за своими родителями из мраморной прихожей на свежий весенний воздух.

Моя мама разговаривает со мной, пока мы идем к фонтану, где припаркованы наши

машины. Я киваю в ответ на все, что она говорит. Без сомнения, разговор идет о примерке платья, но я итак получаю пару десятков сообщений, напоминающих мне об этом.

Я думала, что проявлю больше интереса к своей свадьбе, когда придет время. Если не случится какой-нибудь катастрофы, у меня хоть останутся воспоминания. Раньше я думала, что любая апатия по отношению к этому событию проистекает из отсутствия значимости. Что безразличие, которое я испытывала к жениху, просочится наружу и окрасит все остальное. Вместо этого я в ужасе от обратного. Нервничая из-за раздумий о том, какое белое платье надеть, или сколько сделать ярусов в торте, или какие цветы будут в моем букете, дает понять, что этот день мне небезразличен.

Мои родители уезжают первыми, вездесущее нетерпение моего отца — поспешный порыв. Я задерживаюсь на подъездной дорожке еще на несколько минут, глядя на каменный фасад особняка Кенсингтонов. Жесткий, строгий и нечитаемый — совсем как его обитатели. Точно такой же, как мир, в котором я выросла, мир, в котором я застряла.

У меня есть право голоса, но его недостаточно. Недостаточно, чтобы остановить это. В моем животе поднимется волна бунта. Я упряма, и эту черту характера я скорее поощряю, чем подавляю. Но бунт не заглушает укол облегчения.

Я не хочу, чтобы Крю женился на ком-то другом. Я не хочу выходить замуж за кого-то другого. Тогда я никогда не узнаю, кто из нас сломается первым.

Мы поженимся. Это сделка.

Его слова эхом отдаются в моей голове, даже когда его нигде не видно. Вдохнув, я сажусь в машину и приказываю своему водителю отвезти меня обратно в офис.

Всю дорогу я смотрю на кольцо у себя на руке. Вспоминая слова, которые были произнесены, и о которых мы оба умолчали. Я никогда не смогу забыть этот момент, пока ношу это кольцо.

Никогда не говори никогда.

Не дождешься.

4. Крю

Когда я открываю двери моего пентхауса, то вижу сложенные картонные коробки, которые прислали за последнюю неделю, прямо перед лифтом.

Что за черт?

Я отодвигаю две коробки в сторону, гадая, не перепутали ли грузчики даты. Строители уведомили бы меня, если бы появились раньше. Единственный способ подняться сюда — через стойку регистрации или с помощью кода, который есть только у нескольких человек.

Тайна разгадывается, когда появляется Ашер, одетый в баскетбольные шорты и бейсболку с надписью «Шафер».

— Что ты здесь делаешь? — ворчу я, бросая портфель на коробку и снимая куртку. — И что, черт возьми, на тебе надето?

Он усмехается.

— Я же говорил тебе, что провожу тебя в последний путь! Прощай холостяцкая жизнь и все ее прелести.

— И я сказал тебе, что мы будем продолжать напиваться и снимать женщин после того, как я женюсь, так что нет смысла что-либо делать.

— Ну, я не слушал. Пицца скоро будет. Как и Оливер с Джереми.

Я чувствую, как начинает болеть голова, когда вхожу на кухню.

— Ты пригласил Оливера?

— Ага.

— И он сказал «да»? — я открываю холодильник, размышляя, что бы такое съесть. Пока я размышляю, беру пиво.

— Я бы не стал это пить, — говорит мне Ашер.

Я делаю паузу.

— Почему?

— Потому что мне сообщили, что не стоит заниматься тем, в чем мы будем участвовать сегодня вечером, пьяными.

— Что, черт возьми, за мальчишник, на котором все трезвые?

— Мы все время гуляем и напиваемся, как ты и сказал. Я подошёл творчески к мальчишнику.

Вздохнув, убираю пиво обратно в холодильник.

— Я собираюсь переодеться. Не передвигай больше никаких коробок.

— Надень то, в чем ты тренируешься! — Ашер кричит мне вслед.

Я ворчу в ответ, пока иду по коридору к своей спальне. Коробки захломили и эту комнату. Я живу здесь меньше года, с тех пор как окончил бизнес-школу в Йеле и навсегда вернулся в город. Странно видеть ее такой пустой. Большая часть моих вещей перевезли к Скарлетт, поскольку она настояла на том, чтобы остаться у нее после нашей свадьбы. Мой адвокат сообщил мне через ее адвоката, — наш основной способ общения, — что я могу остаться в своем пентхаусе после нашего брака. У меня нет жгучего желания сожительствовать с женщиной. Единственное побуждение, перевешивающее это, — тот факт, что я не разделяю очевидную готовность Скарлетт оставить наши жизни полностью неизменными, раз у нас одна и та же фамилия.

Было время, когда мое юное «я» боялось брака из-за перспективы, связанной с навязчивой женой и отсутствием свободы. Оглядываясь назад, это выглядит чертовски смешным. Скарлетт, кажется, не хочет даже разговаривать со мной.

Я переодеваюсь из костюма, в котором был весь день, в хлопковую футболку и кроссовки для бега. В Нью-Йорке не по сезону прохладно для июня. Кэндис даже позвонила мне в понедельник, чтобы спросить, не пересмотрит ли Скарлетт свое платье без бретелек. Мое долгое молчание было для нее ответом.

За то короткое время, что я знаю вторую жену моего отца, я пришел к выводу, что она живет в мире фантазий, где мой отец видит в ней утешение, а не удобство. И где мы с Оливером смотрим на нее с вожделением. Тот, в котором я думаю о том, какое платье Скарлетт могла бы надеть в день нашей свадьбы и насколько ей будет тепло или холодно.

Впрочем, последнее не так уж и сложно представить.

Я зашел так далеко, что стал искать фотографии свадебных платьев без бретелек, просто чтобы знать, чего ожидать. Я никогда не видел, чтобы Скарлетт не выглядела сногшибательно. У меня много опасений по поводу встречи с ней в день нашей свадьбы, с которыми, я уверен, большинство женихов не справились бы.

Границы между нами стерлись. Обострились. Я едва могу ясно мыслить, когда нахожусь рядом с ней. Надеюсь, эта проблема волшебным образом скоро исчезнет.

Я вернулся на кухню, когда Джереми и Оливер пришли. Джереми Бреннан знает меня почти так же долго, как и Ашер. Он не коренной житель Нью-Йорка, его семья родом из

Бостона. Мы ходили в одну и ту же школу-интернат в Нью-Гэмпшире, потом оба оказались в Гарварде. Он остался в Бостоне после того, как мы с Ашером уехали в Йель, окончив там юридическую школу пару недель назад.

Джереми улыбается, как только видит меня.

— А вот и жених!

Я закатываю глаза, обнимаю его и хлопаю по спине.

— Уже теряешь хватку, Бреннан?

— Знал, что мне следовало остаться в Бостоне, — сильный акцент его родного города пропитывает каждое слово, тонет в ленивой протяжности слогов. — Не стоило приезжать ради тебя, Кенсингтон. Тем более, что я не получил от тебя даже сигары за то, что окончил юридическую школу, которая выпускает президентов.

Из-за этого я действительно чувствую себя плохо. Я планировал вернуться в Гарвард к окончанию учебы Джереми, а не просто отправить подарок. Еще до того, как мой брак стал неизбежным.

— Я заглажу свою вину перед тобой.

Джереми качает головой.

— Я издеваюсь над тобой, чувак. Я знаю, что все это твоих рук дело. Все на моем курсе хотели получить должность в «Кенсингтон Кансалдид». Я твой должник.

— Я лишь упомянул твое имя, — говорю я ему. Это правда. Мы оба знаем, что это все, что нужно, когда твоя фамилия красуется на здании.

— Твой подарок — это наблюдать, как Крю пытается справиться со своей невестой на свадьбе, — говорит Ашер Джереми, открывая одну из коробок с пиццей, которые появились на гранитной стойке моего кухонного островка. — Это будет чертовски весело, — добавляет он за большим куском пепперони с сыром.

Я стискиваю зубы и передумываю открывать пиво; к черту тайны. Ашер настоял на том, чтобы сопровождать меня в собор Святого Патрика на единственное совместное мероприятие, связанное со свадьбой, от которого ни я, ни Скарлетт не смогли отказаться: встреча со священником. Ни у кого из нас нет свадебной вечеринки. Это была просьба Скарлетт, и я с радостью согласился с ней. Я бы хотел попросить Ашера быть моим шафером, что, думаю, он подхватил, учитывая его шляпу, и был бы обязан попросить Оливера уступить.

Поскольку присутствие подружек невесты и друзей жениха значительно ограничивает количество людей, участвующих в самой церемонии бракосочетания, встреча также включала в себя обсуждение логистики церемонии. Очевидно, Хэнсон Элсворт решил, что ему не нужны никакие указания, как вести Скарлетт к алтарю, так что в итоге мы будем только вдвоем стоять в полной тишине. Я удивлен, что священник не предложил семейную консультацию.

Ашер не стал свидетелем какой-либо неловкости внутри собора. Он не видел, как Роман, мой водитель, подъехал к собору в то же время, что и машина Скарлетт, поскольку занял место в первом ряду во время напряженной встречи, которая ознаменовала нашу первую встречу после ужина в поместье моей семьи несколько недель назад.

Вечер, предназначенный для наведения мостов.

Между мной и Скарлетт они сгорели.

— Ты ведь помнишь Скарлетт? — спрашивает Ашер Джереми.

Джереми усмехается.

— Ее трудно забыть. У меня были занятия с ней на первом курсе. Управленческий учет, — он усмехается. — Она заставила профессора побегать за его деньгами. Единственная причина, по которой я разбирался в анализе денежных потоков.

— Ты разговаривал с ней? — спрашиваю я, застигнутый врасплох. В годы учебы в колледже я был благодарен судьбе за то, что мой путь никогда не пересекался со Скарлетт. Счастливо трахался с кем угодно и как угодно, без напоминания об обязанностях, ожидающих меня после окончания университета. Я никогда не думал, что мои друзья могли разговаривать с ней. Не говоря уже о большем.

Джереми пожимает плечами и берет свой кусок пиццы.

— Пару раз. Честно говоря, в нашем классе не было ни одного парня, который не пытался бы заговорить с ней.

Моя челюсть сжимаются от чего-то, что очень похоже на ревность.

— Однажды я упомянул Крю, пытаюсь произвести на нее впечатление, — продолжает он, а затем смеется. — Это возымело противоположный эффект. Мне потребовалось два года, чтобы понять, почему, — он смотрит на меня. — Все еще не понимаю смысла в браке по договоренности. Оставьте это королевским семьям.

— Крю не так уж расстроен из-за этого, — отвечает Ашер. — Не пошевелив и пальцем, он женится на самой горячей женщине, которую я когда-либо видел.

Я смотрю в сторону Оливера. Он по большей части молчит, пока жует пиццу. Я удивлен, что он согласился прийти. Но не удивлен, что он сейчас читает сообщения в своем телефоне. Несомненно, что-то связанное с работой.

Мы заканчиваем есть, а затем отправляемся в путь. Ашер твердо отказывается делиться какими-либо деталями планов на вечер. Когда двери лифта открываются в вестибюле моего дома, снаружи только начинает темнеть. Ашер и я следуем за Джереми и Оливером, который все еще разговаривает по телефону, к дверям, которые ведут на улицу.

На полпути я замечаю женщину, стоящую у стойки регистрации. Она стоит ко мне спиной, но на ней джинсы, белая блузка и пара розовых туфель на каблуках. Я поднимаю глаза, обводя ее изгибы, пока не дохожу до замысловатой косы, в которую убраны ее темные волосы. Волосы того же цвета, что и у...

— Скарлетт?

Плечи женщины поднимаются и напрягаются. Опускаются, как будто она делает долгий вдох. Она пришла сюда не для того, чтобы повидаться со мной, это совершенно очевидно.

— Неважно, — слышу я ее слова, прежде чем она поворачивается.

Даже в, по ее мнению, повседневной одежде, она все еще выглядит ошеломляюще. Она совсем не соответствует моему типу. Ни ее комплекс превосходства, ни колкие фразы. Ее красные губы искривлены в усмешку, пока она изучает меня.

— Я надеялась, что не увижу тебя.

Прямолинейность — та черта характера, которую, как мне раньше казалось, я действительно ценил.

Ашер плохо старается, чтобы заглушить свой смех.

— Это объясняет, почему ты здесь, — парирую я.

Скарлетт вздыхает.

— Раз уж ты здесь... мне нужно с тобой поговорить, — ее взгляд направлен на Ашера. — Один на один.

— Понял намек, — говорит Ашер. — Увидимся снаружи, Крю.

Мои глаза остаются на Скарлетт, когда Ашер исчезает, чтобы присоединиться к Оливеру и Джереми на улице. Скарлетт протягивает конверт, который она пыталась передать на стойке регистрации.

— Вот. Храни его в надежном месте.

Я открываю его и заглядываю внутрь. Там пластиковая карточка-ключ, как в отеле, и листок бумаги с серией цифр, написанных на нем.

— Ты купила мне свадебный подарок?

— Тебе понадобится код, чтобы вызвать лифт, и карточка, чтобы попасть в пентхаус.

— Если ты хочешь потрахаться до того, как мы поженимся...

Скарлетт прерывает меня смехом, как будто мысль о том, что мы будем заниматься сексом, смешотворна.

— Не для этого. Меня не будет дома в субботу вечером, и поскольку ты так настаивал на том, чтобы жить вместе, я...

Я прервал ее.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что тебя не будет там в субботу вечером?

— Я лечу в Париж, как только закончится прием, — отвечает Скарлетт. — По рабочим делам.

— Нет, ты не поедешь. — Спор происходит автоматически. Это наша брачная ночь, а она планирует лететь во Францию? Наверное, мне не стоит удивляться, но я в шоке.

— Поеду. У Жака Де лист ожидания на несколько лет. Мне потребовалось много времени, чтобы добиться этой встречи с ним.

— Это наша брачная ночь. Люди будут обсуждать это.

— Мне все равно. Неужели ты всегда освобождаешь свое расписание после бурной ночи?

Я выдыхаю вместо того, чтобы сказать что-то, о чем потом пожалею.

— По какому поводу твоя встреча?

Судя по тому, как вздыхает Скарлетт, этот вопрос доставляет большое неудобство. Она надеялась, что я его не задам.

— А что? — бросает она вызов.

Я ничего не говорю, просто смотрю.

Она снова вздыхает.

— Я запускаю свою линию одежды. За последнее десятилетие Жак Де работал со всеми известными дизайнерами. Его вклад, его идеи — все это имеет большое значение для успеха бренда.

— Вот почему ты изменила брачный контракт, — теперь я все понимаю.

Потенциальный заработок «Хай Кутюр» — ничто по сравнению с брендом одежды. Особенно тот, который создала будущая Скарлетт Кенсингтон. Общественный интерес к нам обоим резко возрос с тех пор, как было объявлено о нашей помолвке. Мы — сказка, без уродливых сводных сестер и плохого начала.

— Если бы я этого не сделала, мы могли бы это обсудить. Но я изменила условия, и ты подписал их, так что нам необязательно это обсуждать. Если мне нужно ехать в Париж на встречу, я поеду в Париж.

— Проблема в другом, — тихо говорю я ей. У меня не было никаких ожиданий относительно нашей первой брачной ночи, но у меня определенно были надежды. Фантазии, которые требовали, чтобы она была в Нью-Йорке, а не в столице Франции.

Она на секунду морщит лоб.

— Я не могу изменить расписание, Крю.

— Прекрасно, — я даже не знаю, почему утруждаюсь спорить с ней.

— Прекрасно, — вторит она. Отводит от меня взгляд, оглядывается назад и вздыхает. —

Я также записала там номер своего мобильного. На случай, если у тебя возникнут вопросы по поводу квартиры.

Я мог бы солгать, но я этого не делаю.

— У меня есть твой номер, Скарлетт.

Она приподнимает одну бровь.

— Я не давала его тебе.

— Я знаю. Я получил его некоторое время назад. Я несколько раз подумывал о том, чтобы позвонить тебе. Подумал, что может... — я мотаю головой. — Не знаю. Не важно. Едь, куда хочешь, Скарлетт.

— Я так и сделаю.

Она получила то, что хотела, но все равно выглядит раздраженной. Вместо того чтобы спорить, я киваю в сторону двери.

— Это все?

Ее подбородок вздергивается.

— Да. Все, — она разворачивается и направляется к стеклянным дверям, ведущим на улицу.

— Отлично, — саркастически бормочу я, следуя за ней. Судя по тому, как напряглись ее плечи, она услышала меня.

Ашер, Джереми и Оливер все ждут на тротуаре.

— Уезжаешь так скоро, Скарлетт? — дразнит Ашер.

— Обычно я не слоняюсь без дела по многоквартирным домам, — отвечает она. — Куда вы, джентльмены, направляетесь?

— Мальчишник Крю, — отвечает Ашер. Он поворачивает свою бейсболку «Шафера» так, чтобы она могла видеть переднюю часть. — Я знаю, что вы, голубки, решили ограничить число гостей, но я не мог устоять.

— Мило, — комментирует Скарлетт.

Я почти улыбаюсь.

— Ты должна пойти, — предлагает Ашер.

Скарлетт прочищает горло.

— Что?

— С Крю гораздо веселее проводить время, когда ты рядом.

Я бросаю на Ашера злой взгляд за этот комментарий. Она не та светская львица, которую стоит дразнить. Через два дня женщина рядом со мной станет моей женой. Есть черта, и он ее пересек.

— Пойдем, Ашер.

Он пожимает плечами.

— Конечно. В любом случае, подготовленное испытание будет непростой задачей для нас. Что уж говорить о женщине.

Я закрываю глаза и мысленно называю Ашера всеми словами, которые только могу придумать. Мой шафер только что убедил мою невесту поехать на мой мальчишник.

Когда мы приезжаем, в зале полно народу. Я удивлен; количество людей здесь демонстрирует более высокий интерес к этому занятию, чем я ожидал.

Это совсем не то, как я представлял свой мальчишник: лазание по фальшивым скалам с моей невестой.

Скарлетт направляется в небольшой магазин при спортзале, вероятно, чтобы сменить двенадцати сантиметровые туфли на шпильках, которые она надела, на туфли с плоской подошвой. Она ничего не говорит мне, прежде чем уйти, сохраняя молчание, которое повисло между нами. Оно тянулось всю дорогу сюда, прерываясь вежливыми фразами, в основном между ней и Джереми. Мне показалось, что она лжет о том, что помнит его по курсу, который они якобы посещали. И надеюсь, что это означает, что один из моих самых близких друзей знает о моей невесте не больше, чем я.

— Мне не верится, — говорю я Ашеру, когда он вытаскивает пару, по-видимому, альпинистских ботинок, которые, я уверен, он купил специально для этого случая. — Я же сказал тебе, что ничего не хочу. Поэтому ты спланировал это и пригласил ее?

Ашер ухмыляется, стаскивая кроссовки и натягивая туфли, похожие на резиновые носки.

— Во-первых, это будет весело. В прошлом месяце я приезжал сюда с Чарльзом Голдсмитом, и это было потрясающе. Во-вторых, всегда пожалуйста. Твоя краснеющая невеста едва смотрит на тебя, и это, очевидно, беспокоит тебя до чертиков. Она тебе нравится.

Я усмехаюсь.

— Сколько тебе, десять? Она мне не нравится, я связан с ней договором. Мой отец навсегда отречется от меня, если этот брак не состоится. Этого не произойдет. Это не имеет никакого отношения к Скарлетт. Хотя... — я бросаю взгляд на витрину с обувью для скалолазания за стеклянной стеной, отделяющую магазин от самого спортзала, где Скарлетт разговаривает с продавцом. — В любом случае она не ведет себя так, будто это не доставит ей какое-то неудобство.

— А чего ты ожидал? Ты уже много лет говоришь, что это просто бизнес.

— Так и есть. И она усложняет ситуацию больше, чем нужно, ведя себя так, будто это что-то личное, а не профессиональное. — Хотя, полагаю, я сам это начал. Я никогда никого не хотела поцеловать так сильно, как ее в той библиотеке.

— Может быть, она беспокоится, что это так.

Я размышляю над этим несколько секунд, пытаюсь отбросить эту возможность.

— Думаю, что «смириться» было бы лучшим глаголом. Она хочет жить отдельно, черт возьми.

— Нет. Мне пришлось отодвинуть в сторону двадцать коробок, чтобы попасть в твою

квартиру.

— Это происходит не по нашей воле. Не по ее и не по моей, — я подчеркиваю последнее слово, потому что Ашер, кажется, думает, что я в восторге от этого фиктивного брака. Единственная часть, которую я с нетерпением ждал, похоже, находится в статусе ожидания. После нашей встречи в библиотеке у меня возникли сомнения по поводу традиционной брачной ночи. После неожиданной поездки в Париж, которую она только что свалила на меня, я не питаю никакой надежды.

— Ты согласился переехать к ней.

— Либо так, либо ещё один круг переговоров с адвокатами. Если она так сильно не хочет оставаться в своем пентхаусе, то мне все равно. Переехать к ней — просто любезность.

— На самом деле, так удобнее, — позади меня раздаётся голос Скарлетт. — В пентхаус есть отдельный вход, и у меня есть собственный швейцар. Я потратила пять минут, ожидая, чтобы поговорить с одним из швейцаров в твоём вестибюле, прежде чем ты появился, как джин из лампы.

Я рад, что стою к ней спиной. Так мне легче скрыть улыбку от ее фразы. Когда я оборачиваюсь, то обнаруживаю, что Скарлетт выбрала наряд максимально удобный для скалолазания. Ее длинные волосы собраны в конский хвост, обнажая изящную шею и впадинку на ней. Розовые туфли на каблуках исчезли, их заменили такие же ботинки, как у Ашера, а рукава ее белой блузки были закатаны.

— Целых пять минут? — я растягиваю слова. — В какую преданную невесту ты превратилась, милая.

Новообретенная преданность выражается закатыванием глаз.

— О, а вот и Дэйв! — восклицает Ашер, звуча более взволнованно, чем когда он говорил о женщинах, выпивки или автомобилях. Очевидно, он был серьезен, когда сказал, что уже бывал здесь раньше.

Дэйв подходит к нам, разделяя энтузиазм Ашера. Если бы я встретил Дэйва на улице, я бы несколько не удивился, узнав, что он работает инструктором по скалолазанию. Его дреды убраны назад фиолетовой банданой, а на лице — добродушная улыбка, которая выглядела бы дико неуместно в зале заседаний.

— Эй, чувак! — здоровается Дэйв. — Уже вернулся?

— Ага. Привел с собой нескольких приятелей. Мы празднуем мальчишник этого парня, — Ашер хлопает меня по спине, и я заставляю себя улыбнуться, хотя уверен, что это больше похоже на гримасу.

— Да ну, — Дэйв выглядит так, будто идея устроить здесь мальчишник никогда не приходила ему в голову, и мне бы хотелось, чтобы Ашер мог похвастаться тем же. — Поздравляю, чувак, — говорит он мне.

— Спасибо, Дэйв. — Не так много людей поздравили меня с предстоящей свадьбой. Они признали это. Понимающе кивнули. Каждый из них знал, почему я женюсь на Скарлетт. Но я не знаю, как сказать Дейву, что я мультимиллиардер, который женится ради денег, поэтому изо всех сил стараюсь изобразить искренний энтузиазм от такой перспективы. Становилось все труднее из-за присутствия моей невесты, стоящей в метре от меня.

— Пойду принесу вам снаряжения, — говорит Дэйв. — Вас четверо?

— Пятеро, — поправляет Ашер, кивая в сторону стойки регистрации, где Оливер стоит, разговаривая по телефону. Он ответил на звонок, как только мы приехали, и с тех пор не двигался с места.

— Все в порядке. Обычно мы начинаем в парах, — Дэйв оглядывается по сторонам, затем смотрит на меня. — Как насчет того, чтобы ты подождал его? — он улыбается Скарлетт. — Мы можем лазать вместе.

Я не жду, чтобы посмотреть, будет ли это предложение отклонено Скарлетт.

— Нет. Мы с ней будем лазать вместе.

Дэйв поднимает руки в добродушном жесте.

— Извини, чувак. Я понимаю, что такое чрезмерная братская забота. Я точно так же отношусь к своей сестре.

Ашер фыркает от смеха. Джереми начинает кашлять. Если бы я посмотрел на Скарлетт, то, наверное, увидел бы на ее лице такое же выражение ужаса, как и на моем.

Дэйв переводит взгляд с меня на Скарлетт, его дреды подпрыгивают при каждом движении.

— Ох. Разве вы двое не брат и сестра?

— Нет, — выдавливаю я из себя. — Она моя невеста.

— Я просто предположил... — он замолкает. — Никогда раньше не слышал, чтобы невеста посещала мальчишник.

— Нам нравится все делать вместе, — как мне удастся произнести эту фразу с невозмутимым лицом, я понятия не имею. Я также впечатлен, что никто не смеется.

Но Дэйв кивает, выглядя совершенно серьезным.

— Я понимаю это. Мои предки ведут себя точно так же. Они ненавидят делать что-то по отдельности. Моя мама ненавидит футбол и за двадцать лет не пропустила ни одной игры «Джайентс». Мой отец не умеет рисовать, но каждую неделю ходит с ней на масляную живопись, — Дэйв делает паузу и улыбается. — Держу пари, вы, ребята, будете так же счастливы. Чья это идея? — его глаза снова перебегают между нами.

— Э-э... — я на знаю, что сказать. Я никогда не был свидетелем таких отношений лично. Я знаю, что мой отец любил мою мать. Возможно, она была единственным человеком, которого он когда-либо любил. Когда речь заходит обо мне и Оливере, он время от времени раздает похвалы, но никаких проявлений любви. Как бы он ни выражал какие-либо чувства по отношению к моей матери, я был слишком мал, чтобы помнить что-либо из этого.

— Крю, — Скарлетт прочищает горло. — Это была идея Крю.

— Отличный выбор, чувак, — Дэйв улыбается мне, прежде чем его внимание возвращается к Скарлетт. — А что бы выбрала ты?

— Э-э... — она запинается. Впервые за все время я вижу, что Скарлетт выглядит неуверенной. Вместо того чтобы наслаждаться этим, я изо всех сил пытаюсь придумать какое-нибудь случайное хобби. Гольф?

— Это может быть что угодно, — настаивает Дэйв. — Что-то, что ты всегда хотела попробовать?

— Ну мы начнём? — появляется Оливер с телефоном в руке. — Если нет, я возвращаюсь в офис.

— Ты можешь подумать об этом еще немного, — говорит Дейв Скарлетт, затем поворачивается к остальным из нас. — Я буду ждать вас всех вон там, у стены, — он указывает куда-то направо, прежде чем направиться налево. Мы окружены только стенами. Не только четыре типичных, но и множество дополнительных, покрытых разноцветными искусственными камнями, предназначенными для опор для рук.

— Как вы думаете, он достаточно квалифицирован, чтобы учить людей взбираться на скалы? — спрашивает Джереми.

— Дэйв великолепен, — отвечает Ашер. — Супер спокойный.

— Это именно то, о чем я беспокоюсь, — отвечает Джереми. — Супер спокойный — не лучшее качество для инструктора.

Я игнорирую их препирательства и спрашиваю Оливера:

— Кто звонил?

Мой брат морщится.

— Пауэрс хочет вернуться за стол переговоров без отдела маркетинга.

— Он согласился?

Оливер кивает.

— Он продержался дольше, чем я ожидал.

— Ага, — соглашаюсь я.

Дэйв снова появляется с веревками и ремнями безопасности для короткого урока о том, что мы должны делать, чтобы оторваться от земли. Несмотря на опасения Джереми, Дэйв, похоже, хорош в своем деле. Но меня больше волнует женщина рядом со мной, чем непринужденный характер Дейва. Во всяком случае, его непринужденность — желанное дополнение к группе. Скарлетт, кажется, напрягается все больше с каждой секундой.

Как только урок заканчивается, нас отправляют в угол спортзала. Ашер немедленно начинает карабкаться. Оливер разговаривает с Дэйвом. Вероятно, пытается отвертеться от этого занятия.

Скарлетт застегивает ремни безопасности и смотрит на скалу, которая простирается на десять метров вверх. Я пристально смотрю на нее. Она внезапно оглядывается, замечая, что я изучаю ее профиль.

— Ну, так что?

— Что «ну, так что»?

— Ну, ты собираешься лезть на эту чертову штуку или нет? — я растягиваю слова.

— Дай мне минуту, — огрызается она.

— На что? Стена находится прямо перед тобой. Просто берись за ручку и начинай. Это просто.

— Я и не говорила, что это трудно!

— Тогда почему ты не лезешь?

— Я... готовлюсь.

Я усмехаюсь.

— Готовишься к чему?

— Готовлюсь отдать свою жизнь в твои не слишком умелые руки. Я не совсем уверена в твоей способности поймать меня.

— На тебе ремень безопасности, прикрепленный к веревке над поролоновым ковриком. Конечно, я не собираюсь тебя ловить. Не будь смешной.

— Как обаятельно ты говоришь «нет», — парирует она. Ее слова резкие. Но что-то скрывается за раздражением, проявляющееся в том, как она избегает встречаться со мной взглядом и тербит ремень.

— Скажи мне, что на самом деле не так, — требую я.

— Я же сказала тебе, я...

— Скарлетт.

Ее зубы впиваются в полную, ярко-красную нижнюю губу. Я избегал смотреть на ее рот. В последний раз, когда я уделил ему слишком пристальное внимание, я чуть не поцеловал ее. Я собираюсь снова произнести ее имя, когда она отвечает.

— Я боюсь оказаться слишком высоко от земли.

Смысл постепенно доходит до меня.

— Ты боишься высоты, — понимаю я и смеюсь. — Ты что, издеваешься надо мной?

— Я не это сказала, — отвечает Скарлетт. — Я просто...

— Ты сказала именно то, что имела ввиду.

Она обдумывает это.

— Прекрасно. Я боюсь высоты.

Я снова смеюсь.

— Невероятно. Ты действительно такая упрямая? Ты пришла на скалодром и боишься высоты?

— Во-первых, ты не лучше, мистер-Я-Все-Могу. Во-вторых, я не знала, что мы собираемся в спортзал для скалолазания. Твой женоненавистнический друг не уточнил об этом, когда пригласил меня.

— Ашер далек от женоненавистника. Он любит женщин.

Скарлетт закатывает глаза.

— Любить женщин и уважать — это две разные вещи.

Я чувствую внезапное желание защитить Ашера, несмотря на то, что именно из-за него я стою здесь и спорю с ней.

— Он уважает женщин.

— А ты сам-то уважаешь женщин?

Я напрягаюсь и свирепо смотрю на нее.

— Что это, черт возьми, за вопрос? Ты выходишь за меня замуж и думаешь, что я не уважаю женщин?

— Я не сказала, что ты женоненавистник, а просто спросила.

— Ты можешь выкрутиться из любой ситуации?

Она вскидывает подбородок, когда сердито смотрит прямо на меня.

— Хочешь знать, почему я пришла сюда, Крю? Чтобы проявить себя. Потому что я всегда должна проявлять себя. Когда ты появляешься в «Кенсингтон Кансалдид», люди не думают, что ты пришел туда, чтобы встретиться со своим отцом за обедом. Они не думают, что знают больше, чем ты, о компании, которая является наследием твоей семьи. Они не задаются вопросом о том, на ком ты женишься, потому что предполагают, что однажды этот человек будет иметь право голоса на их работе. Мы можем быть похожи в чем-то, но мы не одинаковы.

Она расстегивает ремень и выходит из снаряжения. Я был раздражен, что она пришла. Теперь я раздражен, что она, похоже, уходит.

— Что ты делаешь?

— У вас все в порядке? — появляется Дэйв, на его спокойном лице отражается лишь малейший намек на беспокойство. В его мире все, вероятно, идет по плану. Вероятно, у него даже нет плана.

— Все прекрасно, — Скарлетт одаривает его легкой, натянутой улыбкой, которая, как мог заметить любой, у кого есть глаза, фальшивая. — К сожалению, мне нужно идти, — она даже не придумывает оправдания. — Спасибо за помощь, Дэйв.

— Скарлетт... — начинаю я.

Она уходит, не говоря ни слова, взмахивая конским хвостом. И издеваясь надо мной с каждым шагом все больше. Скарлетт останавливается только для того, чтобы снова переодеться в туфли на каблуках. Затем уходит, срезая путь по людной улице, и исчезает из виду.

Я начинаю задаваться вопросом, смогу ли я когда-нибудь смотреть, как она уходит, без смеси гнева и сожаления.

Ради собственного здравомыслия, я очень на это надеюсь

5. Скарлетт

Мама начинает плакать, когда видит меня в свадебном платье. Я не ожидала ее слез. После почти тридцати лет брака с бесчувственным, пустым человеком, известным как мой отец, я не думала, что сегодня будет проявлено много чувств. Просто благодарность за поспешное планирование, чтобы осуществить то, что каждое новостное издание называет свадьбой века.

За последние шесть недель, прошедших с тех пор, как было объявлено о моей помолвке с Крю, была продумана каждая деталь свадьбы. Учтены все возможные проблемы. Каждая минута на счету.

Это не запланированная ситуация. Софи и Надя пробрались в комнату рядом с трансептом, где я провела утро. Софи была единственной, кто умолял меня показать платье. Я надевала его до этого только один раз, когда была на примерке.

Я оцениваю все три реакции — широко раскрытые глаза Софи, вздох Нади, мамины слезы, — прежде чем поворачиваюсь и смотрю на свое отражение. Мне нравится это платье. Я даже люблю его больше, чем следовало бы. Люблю его больше, чем любую другую одежду, которую когда-либо носила.

Оно без бретелек. Линия моей ключицы и изгиб плеча видны над замысловато детализированным корсетом. Соблазнительный, но не пошлый. Сшитое вручную кружево переходит в слои мягкого, как облако, тюля и широкий шлейф, который тянется в нескольких метрах позади меня. Я никогда не чувствовала себя более красивой, чем в этом платье. Это платье предназначено для невесты, которая в восторге от своей свадьбы. У которой нет никаких сомнений — ни в чем, тем более в выборе жениха.

К некоторому сожалению, не говоря уже об удивлении, я подхожу под оба критерия.

Стоя в дверном проеме, я наблюдаю, как моя мать вытирает слезы, прежде чем заговорить. Я прикинула, что у меня есть еще двадцать минут, прежде чем она вернется, снова обсудив все детали со свадебным организатором.

— Скарлетт! Почему ты уже надела свое платье? Твои волосы ещё не уложены.

Надя и Софи вздрагивают от ее резкого тона. Хотя я его хорошо знаю. Гораздо легче замаскировать эмоции под грубостью, чем под счастьем.

— Я знаю. Я переоденусь обратно, — улыбаюсь Софи и Наде. — Увидимся позже, девочки, хорошо? — они немедленно выскальзывают обратно из комнаты. Мне осталось переодеться и встретиться лицом к лицу со своей матерью. Я вешаю свое свадебное платье обратно и надеваю шелковый халат, который был на мне раньше, поверх белого нижнего белья, которое мой муж не увидит.

— Ты готова? — спрашивает мама. Как я понимаю, не только парикмахера.

Я вдыхаю, затем высказываю просьбу, над которой размышляла с тех пор, как проснулась этим утром. Я ожидала, что это будет обычный день. Ничто не должно было ощущаться иначе. Ни душ, ни завтрак и ни дорога в собор, где я стану Скарлетт Кенсингтон.

— Крю здесь?

Мама изучает меня, любопытство горит в карих глазах, которые я унаследовала от нее.

— Конечно, — похоже, она была возмущена самой возможностью того, что он может и не быть здесь. Любая заминка была бы расценена как ее личное оскорбление.

— Ты можешь... позвать его?

Мама вздыхает.

— Скарлетт, если ты передумала...

— Нет. Я просто хочу с ним поговорить.

— Не думаю, что...

Я снова прервала ее.

— Мам. Пожалуйста.

Может быть, это «пожалуйста» убедило ее. Я не уверена, когда в последний раз это слово было произнесено между нами. По крайней мере, из моих уст.

— Хорошо. Я спрошу, — она исчезает в коридорах собора, которые заполнены людьми, готовящимися к свадьбе, или гостями, пришедшими слишком рано, чтобы занять хорошие места.

Я здесь совсем одна.

Звезда шоу и изгой.

Я нервничаю. Не думала, что буду так себя чувствовать, и это последний признак того, что это не деловая сделка. Слияние, как и любое другое. Может быть, это так для Артура Кенсингтона. Моего отца. Для остальной элиты Манхэттена, которая годами сплетничала о возможности этого дня. Для Крю. Но для меня все по-другому. Убеждая себя, что это не так, я не изменю этого факта.

Это моя свадьба, мой брак.

Это моя жизнь.

Когда через несколько минут дверь снова открывается, я знаю, что это не моя мама. Я просто чувствую это.

Он пришел.

— Ты не надела свое платье.

Я поворачиваюсь к нему лицом.

— Ты не должен видеть меня в платье, пока я не подойду к алтарю.

— Не думал, что ты суеверна. Или особенно сентиментальна, — Крю произносит эти слова небрежно, прежде чем сунуть руки в карманы. Он выглядит расслабленным. Совершенно спокойно относясь к тому, что должно произойти между нами, и это немного ослабляет тугий узел у меня в груди.

— Я не хочу, чтобы наш первый поцелуй случился там, — я выпаливаю это заявление, которое на самом деле больше похоже на просьбу.

Что-то в сегодняшнем дне — платье, мечтательности и самом торжестве — привело меня к очень реальному осознанию того, что сегодня моя свадьба. По всей вероятности, у меня никогда не будет другой. Я буду замужем за этим человеком всю оставшуюся жизнь. И я даже ни разу не поцеловала его.

Должно ли это меня беспокоить? Скорее всего, нет.

Тем не менее это беспокоит.

Что-то похожее на веселье появляется на его лице.

— Неужели?

Так и подмывает отступить, но я этого не делаю.

— Да.

Я изучаю его, пытаюсь понять, о чем он думает. Чувства. Я прихожу в недоумение. Он так же непредсказуем, как пустая страница.

— Ты буквально умолял поцеловать тебя несколько недель назад, — напоминаю я ему о нашем моменте в библиотеке.

Тень улыбки мелькает на его лице, как будто это воспоминание скорее приятное, чем нет.

— Я помню.

— И что? — я начинаю терять терпение. Раздражаться. Почему между нами ничего не может быть просто?

— Ты уверена?

— В том, что делаю? — я быстро начинаю сожалеть обо всей этой идее. Он прав, это на меня не похоже. Может быть, этот брак не продлится долго, и это не будет иметь значения.

— Вспомни.

Я выпрямляюсь, как будто в меня только что вприсунули свинец, когда до меня доходит скрытый смысл.

— Ты не можешь быть серьезным.

Крю наклоняет голову влево, демонстрируя резкую линию подбородка. Она напрягается, когда выражение его лица становится дерзким.

— Попроси меня, и я поцелую тебя, Скарлетт.

— Ты... — я ищу подходящее оскорбление и терплю неудачу. — Не могу в это поверить.

— Я предупреждал тебя, детка.

— Ты просто злишься, что я задела твою гордость.

Крю не отвечает, но мышца его челюсти дёргается.

— Не надо попрошайничать. Я не настолько отчаялся. Увидимся возле алтаря, детка, — в этом прозвище нет никакой нежности, только насмешка.

Он не двигается. Наступает долгое, тяжелое молчание. Отягощенное сомнениями, оценками и сожалениями.

— Попроси меня.

— Попросить о чем?

— Попроси меня поцеловать тебя, Скарлетт. Разве не ради этого ты меня позвала.

Честно говоря, я выбилась из сил. Это превратилось битву волю. Каждый из нас чувствует, от чего мы готовы отказаться. В чем мы не согласимся уступить.

— Я ничего не прошу. Я всегда беру то, что хочу.

— Я тоже.

Мы смотрим друг на друга. Я хочу поцеловать его. Сильно. Я никогда не хотела ничего также сильно, как прикоснуться своими губами к его. Он хочет поцеловать меня. Так же сильно, если судить по его напряженной позе.

Гордость удерживает меня на месте. Он тоже не двигается.

— Мне нужно закончить собираться, — я говорю это мягко. Без напряжения. Я не отступаю. Не даю ему оправдания.

Крю раздраженно вздыхает, как будто имеет место какое-то серьезное неудобство. Я ожидаю, что он повернется и уйдет. Вместо этого он приближается ко мне с уверенностью короля-победителя, сокращая разделяющие нас несколько метров парой длинных шагов. Он берет мое лицо в ладони, его пальцы касаются моих щек. Затем наклоняет мою голову назад и заставляет мой взгляд встретиться с его.

— Скажи это, — требует он.

Я вопросительно смотрю на него, испытывая искушение поддаться его прикосновениям. Я теряю землю под ногами и виню в этом его близость. Трудно думать, дышать, когда он прикасается ко мне.

— Скажи, чтобы я поцеловал тебя, Скарлетт, — он проводит большим пальцем по моей нижней губе.

У меня по коже бегут мурашки. По моему позвоночнику пробегают капельки пота.

Он идет на компромисс. Уступку. Это вызывает головокружительный прилив сил. Я не сдалась, это сделал он. С кем-нибудь другим я бы восприняла это как слабость. Но это не заставляет меня меньше думать о Крю — это заставляет меня хотеть его больше.

— Поцелуй меня.

Слово «меня» все еще витает в воздухе между нами, когда он подчиняется. Его губы накрывают мои в требовательном, настойчивом и повелительном поцелуе. Он нежно сжимает мое лицо руками. Влажный жар его языка вторгается в мой рот, вызывая стон.

Крю Кенсингтон на вкус как виски с мятой. Грех и обольщение. Удовольствие и власть. И именно поэтому я сказала ему «нет» в библиотеке — поскольку знала, что мы превратимся в пламя. Я знала, что если позволю ему поцеловать себя, он сожжет меня. Поглотит.

Я могу уважать его.

Могу исследовать свое влечение к нему.

Но не могу заботиться о нем.

Успех не строится на благих намерениях и уважении к другим.

Его губы покидают мои. Слишком рано. Я хочу целовать его до тех пор, пока у меня не кончится кислород. Я хочу насладиться тем, как он заставляет меня забыть, что это фальшь.

Когда я открываю глаза, он смотрит прямо на меня. Я понятия не имею, что сказать, как понять, кем мы были до и кем стали после этого поцелуя.

Я прочищаю горло.

— Тебе следует уйти.

Если его и беспокоят мои слова, он этого не показывает. Крю кивает один раз, быстро и по-деловому. Он убирает руки с моего лица, и я сразу же начинаю скучать по их теплу. Их собственническим прикосновениям.

— Увидимся там.

Я смотрю, как он поворачивается и уходит, борясь сама с собой. Он уступил мне. Я могу сделать то же самое. Брак — это компромисс, верно?

— Кр, — он останавливается, когда я говорю, но не оборачивается. Мои глаза скользят по его широким плечам, туго натягивающим смокинг. В отличие от меня, он уже надел свой свадебный наряд. Я рада, что он не оборачивается. Так легче выплюнуть: — Спасибо.

Он так и не оглядывается. Через несколько секунд дверь за ним закрывается, оставляя меня одну. Окруженная обувными коробками, банками с лаком для волос и средствами, нанесенными на мое лицо, я жду появления парикмахера, чтобы переодеться в платье и

пойти к алтарю.

6. Крю

Я услышал ее прежде, чем увидел. Едва уловимые звуки предупреждают меня о приближении Скарлетт. По мраморному полу скользят атлас, шелк и все остальное, из чего сделано свадебное платье. Шепот толпы. Нарастание музыки до того, как она достигнет крещендо, которое должно означать ее прибытие к алтарю.

Согласно плану, я не должен поворачиваться, пока Скарлетт не дойдет до меня. Я с радостью подчиняюсь. Поскольку понятия не имею, как на нее смотреть. Спокойствие — моя настройка по умолчанию. Не так должен выглядеть жених, наблюдающий, как его невеста идет к алтарю. По плану мы продаем историю любви всем, кто сегодня присутствует. Акции компаний наших семей взлетели до небес с тех пор, как несколько недель назад было объявлено о нашей помолвке. Мы со Скарлетт — будущее компании. Чем правдивее мы вживемся в роли, тем лучше.

Сделки расторгаются.

Деловые партнеры расстаются.

Браки строятся из более прочного материала, по крайней мере, в нашем мире. Развод встречается редко, лишь в том случае, когда измены не предписаны, и каждая сторона в конечном итоге не становится от этого беднее.

Наступает время мне повернуться. Я смотрю налево. Сам того не осознавая, начал задерживать дыхание.

Я не выдыхаю, даже когда мои легкие начинают гореть.

Я не двигаюсь, хотя должен сделать шаг к ней.

Я просто смотрю.

Когда я впервые увидел Скарлетт Эллсворт, мне было пятнадцать. Как и ей. Мы оба были детьми, играющими во взрослых. На мне был сшитый на заказ костюм, который я перерос за пару недель. На Скарлетт — платье до пола, туфли на каблуках и макияж. Я был пьян — от скотча отца Томаса Арчибальда. Вламываться в кабинеты и тайком проносить дорогую выпивку было обычным занятием на вечеринках в Верхнем Ист-Сайде.

Тогда она показалась мне красивой.

Я думал, что она выглядела сногсшибательно каждый раз, когда видел ее в течение десяти лет, прошедших с тех пор. Скарлетт обладает прямой, неподвластной времени осанкой, которая создает впечатление настоящей королевской особы.

Но сегодня? Она потрясающе, душераздирающе красива. Не прикасаемая ценность. Ледяная королева. Снежный ангел. Богиня луны. Она идет ко мне под руку со своим отцом, окруженная водопадом белой органзы, ее темные волосы уложены в сложную прическу, а губы накрашены фирменным красным оттенком.

Хэнсон Эллсворт не провожает ее всю дорогу до меня. Он останавливается у последней скамьи, и Скарлетт делает последние шаги ко мне одна. Когда она подходит, я наблюдаю за ней. Не двигаюсь. Не принято, чтобы жених и невеста делали паузу перед тем, как подойти к священнику, и шорох зрителей подчеркивает это.

— Привет.

— Привет, — я прочищаю горло. — Готова?

— Готова, — на ее лице нет и намека на нерешительность.

Я полагаюсь на ее уверенность, как на костыль.

— Ты выглядишь... — я выбираю прилагательные, но все они не описывают ее красоты. Лучшее, что я могу придумать, — это «сногшибательно», но это не говорит всего, что я пытаюсь сказать.

Скарлетт отводит взгляд после того, как я делаю ей комплимент, у алтаря, где мы собираемся пожениться.

— Спасибо.

Мы начинаем подниматься бок о бок по короткому ряду ступенек, ведущих к ожидающему священнику. Священник начинает речь о святости брака. Я не обращаю пристального внимания ни на одно из последующих слов. Я в основном сосредоточен на том, чтобы не смотреть на Скарлетт. Мы стоим на виду, у всех и я больше не беспокоюсь о том, чтобы показаться слишком равнодушным к ее присутствию. Меня беспокоит прямо противоположное — показать слишком много эмоций.

Когда приходит время для клятв, у меня нет другого выбора, кроме как смотреть на нее. Скарлетт отдает свой букет, и мы застываем, уставившись друг на друга, пока благословляют кольца.

Я начинаю речь. Когда мы встретились с отцом Каллаханом, он спросил, будем ли мы сами писать свои клятвы. Мы со Скарлетт в спешке переговорили друг с другом, чтобы дать ему понять, что будем придерживаться традиционных. Я не беспокоился о том, чтобы произнести их. Но внезапно эти слова — те, которые миллионы людей произносили миллионы раз до этого на миллионах свадеб, — звучат слишком интимно, когда я смотрю на нее.

— Я, Крю Энтони Кенсингтон, беру тебя, Скарлетт Корделию Элсворт, в жены клянусь быть с тобой в радости и в горе, болезни и здравии, в богатстве и бедности, любить тебя пока смерть не разлучит нас, — я надеваю обручальное кольцо с бриллиантом на ее безымянный палец. — Я дарю это кольцо в знак моей любви.

Священник выжидающе смотрит на Скарлетт. Она не нуждается ни в каких подсказках. Ее голос ясен и непоколебим, эхом отражаясь от стеклянных окон, мраморного пола и темного дерева.

— Я, Скарлетт Корделия Элсворт, беру тебя, Крю Энтони Кенсингтона, в мужа клянусь быть с тобой в радости и в горе, болезни и здравии, в богатстве и бедности, любить тебя пока смерть нас не разлучит, — она надевает золотое обручальное кольцо на мой безымянный палец. Оно не тяжелое, но игнорировать его невозможно. Напоминание о ней, которое я всегда буду видеть — хочу я того или нет. — Я дарю это кольцо в знак моей любви.

Если бы я не наблюдал за ней так пристально, я бы пропустил вспышку трепета, пробегающую по ее идеально накрашенному лицу. Скарлетт знает, что будет дальше, так же, как и я. Интересно, она более или менее опасается этого поцелуя после ее предыдущей просьбы?

— Вы можете поцеловать невесту.

Я наблюдаю, как Скарлетт подавляет желание закатить глаза. Ей явно не нравится, что священник «позволил» мне поцеловать ее. Но я достаточно близко, чтобы увидеть, как у нее перехватывает дыхание и расширяются глаза. Она хочет поцеловать меня, но просто не хочет в этом признаваться.

Я медленно делаю шаг вперед. Намеренно.

Действия, над которыми я обычно дважды не задумываюсь, теперь наполнены

сомнением. Маленькое пространство между нами сузилось до нуля, пока жесткая ткань моего смокинга не прижалась к белому материалу ее платья. Мы находимся так близко, как никогда раньше, за исключением того краткого момента ранее.

Тогда я был зол, на нее за то, что она спросила. На себя за то, что сдался. Женщины преследуют меня, а не наоборот. И, по иронии судьбы, единственная женщина, которой следует уделять внимание, — единственная женщина, которая не обращает на меня внимание. Я восхищаюсь ею за то, что она отнеслась ко мне с безразличием, которого я не ожидал, и за то, что она не увлеклась помпезностью и обстоятельствами того, что в конце концов является не более чем деловым соглашением. Однако это ставит меня в странную ситуацию, когда приходится добиваться от нее того, чего я хочу.

Мои ожидания от этого брака никогда не включали в себя жену, которая не хочет иметь со мной ничего общего. Это было бы удобно, если бы не тот факт, что я нахожу Скарлетт очаровательной и интригующей. Я хочу ее внимания.

Я понятия не имею, когда снова поцелую ее после этого, поэтому намерен наслаждаться каждой секундой. Большая часть сегодняшнего дня — приглашения на золотой бумаге, более тысячи гостей и цветы, украшающие каждую скамью, — казалась ненужными. Скарлетт — единственное, что мне нужно.

Тонкое кружево ее вуали щекочет мои ладони, когда я поднимаю руки. Я баюкаю ее лицо, как будто это мыльный пузырь, который может лопнуть. Как будто это самое ценное, что у меня есть. Ее пульс учащенно бьется чуть ниже линии подбородка. В ее глазах пляшет огонь, а тело вообще не двигается. Я колеблюсь еще несколько секунд, позволяя предвкушению дойти до критической точки.

Возможно, она захочет попытаться забыть этот день. Этот момент.

Но не сможет.

Наши губы соприкасаются. Я чувствую вкус ее удивления, за которым следует облегчение оттого, что пытка закончилась. Но я еще не закончил. Я опускаю руки вниз и кладу их на ее талию, дразня языком ее губы. Проглатываю легкий вздох, который выходит из нее. Затем она начинает целовать меня в ответ, и я забываю обо всем, чего пытался добиться.

Наш поцелуй — это фейерверк, огонь и страсть. Горючий. Взрывоопасный. Электрический. Нечто большее, чем холодное соединение активов. Это борьба за то, чтобы вспомнить, где мы находимся. Почему нет возможности наклонить ее над ближайшей доступной поверхностью.

Лед можно откалывать. Но огонь? Только дураки шутят с огнем. Огонь уничтожает все на своем пути.

Есть доля секунды, сразу после того, как я отстраняюсь и заканчиваю поцелуй, когда это кажется реальным. Когда я смотрю на нее, а она смотрит на меня, и это самое главное, что имеет значение. Это осталось между нами... А потом исчезло.

— Я впервые представляю вам мистера и миссис Кенсингтон!

Я склоняю голову. Скарлетт едва заметно кивает мне. И мы поворачиваемся лицом к толпе, которая аплодирует, кричит и встает.

Мы женаты. Женщина, стоящая рядом со мной — моя жена. У меня было почти десять лет, чтобы привыкнуть к этой мысли. Очевидно, это было недостаточно долго, потому что слова звучат странно в моей голове. Может быть, брак — это одна из тех вещей, к которым нельзя быть готовым.

Может быть, дело в том, что я забочусь о ней, и в значении клятв, которыми мы только что обменялись.

Я беру ее безвольно свисающую руку, и мы начинаем спускаться. Мимо моего отца, Кэндис и Оливера. Мимо родителей Скарлетт. Мимо политиков, знаменитостей и бизнес-магнатов. Людей, которые думают, что они стали свидетелями сказки, и людей, которые знают, что монополия только что была обеспечена.

Проход длинный. Я сохраняю улыбку на лице в течение нескольких минут, которые требуются, чтобы пройти от апсиды собора до его притвора. Как только мы проходим мимо последней скамьи, я позволяю фальшивому выражению лица исчезнуть. Две женщины тут же уводят Скарлетт, и мне остается кивать организатору свадеб, пока она говорит.

Вероятно, это точное представление о том, как будет выглядеть остальная часть нашей совместной жизни.

Прием оказался хуже, чем я себе представлял. Обычно я избирательно отношусь к тому, с кем общаюсь. Сегодня вечером у меня нет выбора. Каждый человек здесь хочет поговорить со мной. Поздравить и заслужить благосклонность.

Скарлетт тоже окружена. В первый раз у меня появилась возможность поговорить с ней через несколько часов после того, как мы покинули алтарь, во время нашего первого танца. Она смотрит на меня, хотя на самом деле смотрит сквозь. Я знаю, что это целенаправленно. Ранее я уловил проблеск уязвимости. Теперь она укрепляет свои стены. Задраивает эмоциональные люки.

Мне должно быть все равно.

Это не должно вызывать у меня желания давить.

— Может быть, нам стоило попрактиковаться и в этом, — говорю я, когда она двигается напряженно и неохотно в моих руках. На секунду я ловлю проблеск улыбки. — Думаю, мы должны установить некоторые основные правила.

— На что? — спрашивает она, отводя взгляд. На восхищенных зрителей, окружающих нас. Вспыхивает несколько камер.

— На нас.

Скарлетт больше не притворяется, что обращает внимание на толпу. Ее глаза встречаются с моими.

— Ты хочешь обсудить это сейчас?

— Ты все равно уезжаешь сегодня вечером, верно? Я решил, что до этого будет лучше уточнить некоторые детали. К тому же ты избегаешь меня с тех пор, как мы обручились.

— Я и до этого избегала тебя.

— Ну, теперь все кончено, жена.

Я чувствую, как напрягается ее спина сквозь тонкую ткань свадебного платья.

— И ты подумал, что наш первый танец будет самым подходящим моментом?

— Я подумал, что будет больше шансов, что ты не уйдешь во время разговора.

— Я не трусиха, — заявляет Скарлетт.

— Я никогда тебя так не называл.

Ее подбородок вызывающе вздергивается.

— Нам нечего обсуждать, Крю. Я сказала, что выйду за тебя замуж, и только что это сделала. Это предел.

— Начало нашей семьи.

— Предел, — повторяет она.

— Смею предположить, ты хочешь отдельные спальни?

Она выдерживает мой пристальный взгляд.

— У меня есть повар и горничная. Один из них покажет тебе твою комнату, когда ты приедешь ко мне сегодня вечером.

— Что на счет секса?

— Будь осторожен.

— С тобой, Скарлетт.

Ее горло подпрыгивает, когда она сглатывает.

— Я... не знаю. Может быть, иногда.

Может быть, иногда? Я качаю головой.

— Тебе ничего от меня не нужно.

Это не вопрос. Но она все равно отвечает.

— Мне ничего от тебя не нужно.

— Хорошо.

— Хорошо, — вторит она. — Нам не нужно притворяться.

— Я не притворяюсь.

Эти три слова остаются между нами.

Остальная часть нашего танца проходит в молчании. Когда он заканчивается, мы оба переходим к другим. Скарлетт начинает танцевать со своим отцом, в то время как я танцую с Кэндис.

Прошло много лет с тех пор, как я так сильно желал, чтобы моя мать была жива. Но в этот день? В этот момент? Мне безумно хотелось, чтобы она была здесь. Из того немногого, что я помню и слышал об Элизабет Кенсингтон, она была милой и спокойной. Она смягчала острые углы моего отца, которые со временем только обострились. В ее глазах сегодняшний день был бы романтичным. Вместо бесконечной болтовни Кэндис об ужине, торте и цветах, думаю, мама спросила бы меня, чувствую ли я себя по-другому, как женатый мужчина. Прочитала бы мне лекцию о том, как обращаться со Скарлетт. Может быть, она с самого начала отговорила бы моего отца от этого соглашения. Я никогда этого не узнаю.

Когда песня заканчивается, я приглашаю Джозефину Элсворт. Я ловлю удивленный взгляд Скарлетт, когда мы выходим на танцпол, как будто мысль о том, что я буду танцевать с ее матерью, никогда не приходила ей в голову.

— Вы превзошли себя, миссис Элсворт, — хвалю я, пока мы кружимся. — Все организовано на высшем уровне.

В отличие от своей дочери, Джозефина скромна и сдержанна. На ее щеках появляется румянец, прежде чем она отводит взгляд на море искусно украшенных столов, окружающих

нас.

— Зови меня Джозефина. И это было для меня настоящим удовольствием. Я рада, что ты оценил мои способности по достоинству.

Я слегка улыбаюсь ей, не питая иллюзий относительно того, что имеет ввиду Джозефина. Я также корректирую свое предыдущее предположение. В ней больше огня, чем она показывает.

— Я понял, что Скарлетт не из тех, кто делает что-то вопреки своей воли.

— Скарлетт никогда не делает того, чего не хочет.

Я чувствую, как мой лоб морщится от замешательства.

Джозефина улыбается, и в ее улыбке есть что-то почти дерзкое.

— Не позволяй моей дочери убеждать тебя, что у нее не было выбора в этом вопросе.

— Конечно, у нее был выбор. Однако Скарлетт была бы глупой, если бы не согласилась на это. А она очень умная.

— Верно, — соглашается Джозефина. — Но она достаточно умна, чтобы знать свои возможности. Ты ей не нужен, Крю.

Я сдерживаю улыбку, которая хочет появиться в ответ на ее серьезное выражение лица. Это удивительно похоже на разговор, который я только что вел с самой Скарлетт.

Возможно, ей ничего от меня не нужно, но она получает достаточно.

— Да, это так.

Я жду, но она больше ничего не говорит до конца танца.

— Спасибо за танец, Крю. Скарлетт сделала правильный выбор. И она правда сама выбрала тебя. Неважно, как она себя ведет. Безразличие — это средство для выживания в этом мире. Я полагаю, ты знаешь это так же хорошо, как и все остальные.

С этими прощальными словами она исчезает в толпе. Я направляюсь к бару, страстно желая побыть наедине с собой и выпить чего-нибудь покрепче. Сегодняшний день кажется бесконечным. Каждая минута была тщательно спланирована с того момента, как я проснулся.

Я заказываю виски у бармена и прислоняюсь к стойке, служащей импровизированным баром. Я остаюсь на месте, когда он протягивает мне стакан. Потягивая янтарную жидкость, осматриваю людей вокруг.

— Настоящее событие, мистер Кенсингтон.

Я смотрю налево и чуть не задыхаюсь. Ликер скользит по моему пищеводу с жгучей болью, а не с обычным приятным жжением.

— Мистер Рэймонд. Как приятно видеть вас, сэр.

— Ты можешь звать меня Ройс, — отвечает он, принимая аналогичную позу рядом со мной, когда заказывает выпивку. Я скрываю свое удивление. Ройс Рэймонд — медиамагнат, чья продюсерская компания постоянно выпускает хиты блокбастеров. В Голливуде нет ни одного актера, который не хотел бы работать с ним. Он известен своим практическим подходом ко всему. Предположительно, даже ассистентов не нанимают ни на одну из его съемок без его согласия. Он так же хорошо известен своими антиобщественными наклонностями, которые включают в себя пренебрежение многими желанными приглашениями, которые он получает. Я потрясен, что он здесь.

— Я рад, что вы смогли прийти. Ройс.

Пожилой мужчина издает неразборчивый звук.

— Вы надолго в Нью-Йорке? — последнее, что я знал, его основное место жительства

было в Лос-Анджелесе.

— Надолго.

— Что вы собираетесь тут делать?

— Ты скоро заменишь своего отца?

— Я знаю только то, что и все. Вам придется спросить отца о деталях.

— Я никогда особо не заботился об Артуре. Слишком властолюбивый, на мой взгляд.

Хотя... ведь это ты только что женился на миллиардах.

Я выдерживаю его взгляд, пока он оценивающе изучает меня.

— Деньги — не единственная причина, по которой я женился на Скарлетт, — мне хочется, чтобы эти слова прозвучали фальшиво. Они должны звенеть неискренностью. Но ничего не выходит.

— Смелое заявление для человека, который только что унаследовал империю.

— Не путайте меня с моим отцом.

— Если бы это было так, мы бы не вели этот разговор, Крю.

— О каком разговоре может идти речь?

Ройс улыбается.

— Ты же знаешь, что у меня нет своих детей.

— Я знаю.

— Я... поддерживаю идею передачи наследия. Тебе это интересно?

— Партнерство?

Он качает головой.

— Полное владение. Прошло пятьдесят лет. Ничто не длится вечно. Когда я найду подходящего человека, настанет время двигаться дальше.

— Полагаю, вы знаете, что у меня нет опыта работы в киноиндустрии?

Он хихикает.

— Я ищу кого-то с хорошим деловым чутьем и моральными принципами. Последнее трудно найти в этом мире.

— Спасибо?

Еще один смешок.

— Я не ищу подставное лицо, чтобы получать солидный процент. Это я мог бы легко сделать. Я никогда не принимал предложения твоего отца, потому что видел, что происходит с компаниями под эгидой «Кенсингтон Кансалдид». Я знаю, как работает бизнес. Но мой бизнес работает не так — и никогда не будет.

— Вы бы хотели, чтобы я сделал выбор, — понимаю я.

— Артур... сколько ему? Пятьдесят четыре? Пятьдесят шесть? Не думаю, что он передаст самый большой офис в ближайшее время, независимо его сын ты или нет.

— Я счастлив в своем нынешнем положении.

— Я уверен, что так оно и есть. Но наследовать и зарабатывать — это разные вещи. Я построил все, что у меня есть так же, как и твой прадедушка.

— Потому что вы должны были это сделать, чтобы добиться успеха. «Кенсингтон Кансалдид» — это мое наследие. Ни один здравомыслящий человек не отвернулся бы от процветающего бизнеса, чтобы построить все самостоятельно.

— Я не уверен, что твоя новая жена разделяет такую позицию.

Я открываю рот, затем закрываю его.

— Это другое, — наконец выдавливаю я.

— Так ли это? — Ройс бросает вызов. — Мне трудно поверить, что в «Эллсворт Энтерпрайзиз» не нашлось места для единственного ребенка Хэнсона.

— Полагаю, у Скарлетт были другие интересы. У Эллсворта нет журналов.

— Они предлагают ограниченные возможности и в других отношениях.

— Возможно, — признаю я.

Ройс незаметно для меня берет стакан, который принес бармен.

— Подумай об этом. И мои поздравления. Я ожидаю великих свершений от тебя и новой миссис Кенсингтон.

Окончание приема проходит быстрее. Важные, пожилые гости начинают расходиться. Я остаюсь пить и разговаривать с людьми, которых считаю друзьями.

Организатор свадьбы, миниатюрная женщина по имени Сиенна, говорит мне, что пришло время для нашего грандиозного выхода.

— Где Скарлетт? — спросил я.

— Переодевается. Она встретит вас в вестибюле.

Когда я вхожу в вестибюль, Скарлетт уже ждет меня. На ней другое белое платье. У этого есть ремни и нет шлейфа. Шелковистый материал облегает ее изгибы, покрывая ее с головы до ног водопадом цвета слоновой кости.

Все, что я получаю — это беглый взгляд.

— Отлично. Ты пришел. Поехали.

Я хватаю ее за руку, прежде чем она успевает сделать шаг. Она не спрашивает, что я делаю. Не двигается, когда я ослабляю хватку и провожу пальцами вверх по ее руке. Ее волосы все еще собраны сзади в причудливый узел, обнажающий плечи и шею. Я провожу взгляд по всей открытой коже, наслаждаясь мурашками, которые появляются на ней.

Делаю еще один шаг ближе, прижимаясь своим телом к ее боку.

Она резко вдыхает. В пустом пространстве это все, что я могу услышать. Музыка и болтовня, доносящиеся из бального зала, звучат отдаленно и приглушенно.

Никто из нас не произносит ни слова. Это молчаливое перемирие.

Я опускаю руку.

Теперь ее ход.

Скарлетт поворачивается, так что наши тела оказываются на одном уровне. Ее глаза изучают мое лицо. Я понятия не имею, что она ищет.

Не знаю, какие мои эмоции она прочитала, но она действительно целует меня, а это именно то, чего я ожидал.

Ее вкус действует на мой организм, как наркотик. Что-то в Скарлетт: ее колкость, красота, тот факт, что она моя жена, — обостряет ощущения. Я не могу вспомнить, когда в

последний раз целовалась с кем-то, ожидая, что дальше поцелуя дело не зайдёт. Я просто наслаждаюсь поцелуем со Скарлетт. Я обращаю внимание на то, на что обычно не обращаю внимания, не отвлекаясь на развевающуюся одежду или поиск ближайшей твердой поверхности.

Она пахнет сиренью и на вкус как шампанское. Ее теплые изгибы прижимаются ко мне, когда она углубляет поцелуй. Я провожу руками по ее спине и кладу их на бедра, притягивая ее ближе, хотя ближе уже некуда. Мы уже прижаты друг к другу так тесно, как только могут быть прижаты два человека.

Если бы подол не был вне досягаемости, я бы задрал ее платье и просунул руку между ее бедер. Вместо этого я возвращаюсь наверх, обхватываю ее левую грудь и убеждаюсь, что на ней нет лифчика. Она стонет мое имя, и звук отдается рикошетом у меня внутри.

Предполагалось, что это будет поддразнивание — предварительный просмотр того, что она упускает сегодня вечером, решив лететь через Атлантику. Это превратилось в пытку. Она взволнована, но и я тоже. Тверд как скала и в отчаянии.

Скарлетт отстраняется первой. Я позволяю ей отойти, наблюдая, как она поправляет платье и разглаживает ткань. Я хочу ее, очень сильно. Никогда еще ни одна женщина так на меня не действовала. Если бы она не была бывшей Элсворт, ставшей Кенсингтон, не была бы моей женой, я бы точно сказал ей, как сильно хочу ее. Описал бы то, что я хочу с ней сделать.

Черт возьми, я все равно испытываю искушение сделать это. Но потом она ухмыляется — торжествующе, понимающе. И это напоминает мне о том, насколько далеко я продвинулся в своих отношениях с ней.

— Тебе ничего от меня не нужно, Скарлетт? — я задаю это как вопрос, но это насмешка.

— Ничего, — повторяет она. Ее голос такой же решительный, как и на танцполе, но на этот раз в нем нет пустоты. В нем есть дразнящая нотка, которая подчеркивает отсутствие у нее безразличия, но также говорит мне, что есть по крайней мере одна вещь, которую она хочет от меня.

Прежде чем кто-либо из нас скажет что-нибудь еще, появляется Сиенна и ведет нас к передней части отеля. Она говорит со скоростью мили в минуту, передавая детали, которые меня не волнуют. Я так понимаю, суть в прогулке, которую мы совершаем к ожидающему нас лимузину.

Рука поменьше проскальзывает в мою прямо перед тем, как мы достигаем дверей. Я понятия не имею, когда в последний раз держался с кем-то за руки. Это не должно влиять на меня. Мы — главное событие в тщательно продуманном шоу, и это всего лишь одна часть хореографии. Но на несколько секунд теплое прикосновение ее ладони — все, на чем я могу сосредоточиться.

Двери открываются навстречу ослепительному зрелищу света и звука. Ковер — белый, а не красный, раскатан от входа в отель до машины. Маленькие деревья в горшках, увешанные мерцающими огоньками, отделяют дорожку от гостей, бросающих цветочные лепестки.

Я заставляю себя широко улыбнуться. Один взгляд на Скарлетт показывает, что она сияет так же ярко и фальшиво.

Наши семьи ждут у лимузина. Вспышки камер запечатляют, как яжимаю руку отцу и обнимаю Кэндис. Я смотрю, как Скарлетт обнимает свою маму и получает поцелуй в щеку от своего отца. Как послушный муж, я помогаю ей забраться на заднее сиденье, прежде чем

сам сажусь в машину.

— Новое платье только для поездки на машине? — спрашиваю я, когда лимузин трогается с места.

— Ты ожидал, что я буду лететь шесть часов в пятифунтовом платье?

— На самом деле я не придаю никакого значения одежде, которую ты носишь.

Она приподнимает одну бровь.

Я поднимаю свою.

— У тебя есть что-нибудь под ним?

Я вижу проблеск веселья, прежде чем выражение ее лица становится пустым.

— Кое-что, что ты бы увидел, если бы мы поженились по-настоящему.

Я понимаю, что она имеет в виду, что мы не традиционная история любви. Мы не встретились в Гарварде, сблизившись из-за сурового профессора в учебной группе. Мы не встречались много лет. Я не делал предложение на крыше, усыпанной цветами, и не открывал бутылку просекко. Но...

— Мы женаты по-настоящему, Скарлетт.

Она наклоняет голову и смотрит в окно вместо ответа.

Пятнадцать минут спустя мы подъезжаем к частному терминалу аэропорта Кеннеди.

— Пока, — это все, что она говорит, прежде чем вылезти.

Я наблюдаю из-за тонированного стекла, как она минуту разговаривает с водителем, прежде чем подходит грузчик, чтобы забрать ее сумки. У нее их три, и это заставляет меня понять, что я никогда не спрашивал, как долго ее не будет.

Водитель садится обратно в машину. Скарлетт направляется внутрь аэропорта. И лимузин снова вливается в оживленный поток машин.

Когда он останавливается во второй раз у здания на Парк-авеню, я пребываю в замешательстве. Затем понимаю, где нахожусь. Я выхожу на улицу, на влажный воздух, и вхожу в вестибюль дома Скарлетт. Здесь дорого и минималистично. Стены в основном черные с золотыми вставками. В центре располагается стол, за которым стоит седовласый мужчина. Он уважительно кивает мне, когда я прохожу мимо.

Я использую пластиковую карточку, которую дала мне Скарлетт, чтобы вызвать лифт, а затем набираю код, который запомнил.

Она была права. Ее квартира лучше, чем моя.

Я выхожу из лифта. Дальняя стена вся стеклянная с выходом на террасу, которая тянется по всей длине здания, с видом на Центральный парк и водохранилище.

Планировка этажа открытая с захватывающим видом. Аккуратный ряд белых диванов и блестящее чёрное фортепиано располагаются в углу. Я прохожу дальше и нахожу столовую, гостиную, библиотеку, кабинет, а затем кухню.

Закончив осмотр первого этажа, поднимаюсь наверх, по пути заглядывая в каждую комнату. В квартире восемь спален, одна из них принадлежит Скарлетт. Все мои сумки и коробки сложены в самой дальней от ее спальни комнате.

Интересно, чья это была идея?

Большая часть моих вещей и мебели была сдана на хранение или оставлена в моей старой квартире. Большую часть того, что я взял с собой, составляла одежда. Вместо того чтобы что-то распаковывать или разбирать, я ложусь на белое покрывало и смотрю на мерцающий горизонт Манхэттена. Я мог бы позвонить кому-нибудь. Женщине. Ашеру или Джереми. Сходить в клуб или бар.

Но я слишком устал. Слишком опустошен.

Похоже, мне придется провести нашу первую брачную ночь... в одиночестве.

7. Скарлетт

Теплый летний воздух окрашен легким привкусом дыма, когда мы выходим из ресторана. Легкий ветерок треплет подол моего платья и откидывает волосы назад.

Жак делает паузу, чтобы поцеловать меня в обе щеки.

— Великолепно, Скарлетт, — заявляет он. Достаточно громко, отчего группа людей, которые вышли перед нами, поворачиваются, чтобы посмотреть. — Эта линия одежды будет великолепно. Триумфальной, — он притягивает меня к себе, чтобы обнять. — Если тебе что-нибудь понадобится, любая мелочь, сообщи мне, хорошо?

— Конечно, — я отвечаю на теплые объятия. — *Merci beaucoup (Спасибо большое (пер. фр))*

Жак уходит после еще нескольких фраз на французском. Моих знаний языка достаточно, чтобы понять, но я далеко не бегло говорю по-французски. Мы с Жаком научились общаться с помощью бессмысленной смеси двух языков, работая над моей новой коллекцией.

Я несколько минут слоняюсь возле ресторана, где мы только что поужинали, размышляя, вызвать ли машину или пройти несколько кварталов до отеля, в котором я живу последние две недели.

— Хочешь закурить? — вопрос доносится слева от меня, произнесенный с сильным французским акцентом. Я оглядываюсь и вижу светловолосого мужчину, прислонившегося к кирпичной стене здания. Он одет в кожаную куртку и держит в руке зажженную сигарету. Я подхожу к нему, тщательно выбивая шаги по булыжникам.

— Я не заядлый курильщик, — на самом деле я ненавижу курить. Это грубая, грязная привычка, которая ассоциируется у меня с безрассудством и пренебрежением к личной гигиене.

Обрамленный мягким светом уличных фонарей и далеким мерцанием Эйфелевой башни, он внезапно кажется скорее сексуальным, чем отталкивающим. Как и ленивая улыбка, обращенная в мою сторону, в сочетании со слегка искривленным носом и челюстью, покрытой легкой щетиной.

— Я работаю над тем, чтобы бросить курить, — говорит он мне.

— Кажется, все идет хорошо, — я многозначительно смотрю на серый дым, поднимающийся от оранжевого кончика и рассеивающийся в темной ночи.

Он бросает сигарету и гасит ее ботинком.

— Я Андре.

— Скарлетт.

— Красивое имя для красивой женщины.

— *Merci. (Спасибо (пер. фр.))*

Его глаза загораются.

— *Parlez-vous français? (Ты говоришь по-французски? (пер. фр.))*

— *Je parle un peu français. (Говорю совсем немного (пер. фр.))*

Андре хихикает.

— У тебя очень хорошее произношение.

— Спасибо, — отвечаю я. — Я здесь уже пару недель. Оно стало лучше.

— Ты здесь надолго?

— Нет. Я уезжаю завтра.

— Куда?

— Домой. В Нью-Йорк.

— Большой фрукт, — заявляет он.

Я смеюсь.

— Яблоко. Да.

— Хочешь провести последний вечер незабываемо? — намек очевиден. В том, как его тело наклонено к моему. В ухмылке, танцующей на его губах.

Я колеблюсь. Когда я обернулась к нему, то думала, что все придет к сексу. Мы оба это знали. Теперь это стало явным, а я не уверена. Кольца, украшающие мою левую руку, внезапно кажутся тяжелее. Я не ожидала, что в браке будет что-то по-другому. Я подписала контракт, который, как оказалось, включал в себя религиозную церемонию.

Моя преданность Крю может иметь определенные условия. Меня не было две недели. У него, наверное, была очередь из женщин, приходящими в мой пентхаус. Повзрослев, я наблюдала, как моя мать отправляла моего отца в деловые поездки с чемоданом для путешествий, прекрасно зная, что он путешествовал не один.

Я пообещала себе, что буду другой, не буду той дурой, которая повелась на удочку. Но я все равно отворачиваюсь от Андре.

— Мне нужна была лишь сигарета.

Рука Андре проскальзывает под куртку и появляется с пачкой сигарет. Он протягивает ее мне.

— Неужто курильщица?

Я пожимаю плечами.

— Мы все делаем то, что, как знаем, вредит нам, верно?

Он протягивает зажигалку и зажигает пламя. Я вытягиваю кончик сигареты, позволяя огню лизать бумагу, пока она не загорится.

— Ты замужем?

Я прослеживаю за его взглядом и смотрю на массивный бриллиант, покоящийся на моем безымянном пальце. Я могла бы снять его, как только мой самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы в Нью-Йорке. Вместо этого я носила символ своего брака каждый день, пока была здесь. Я приспособилась к весу и блеску. Если я когда-нибудь его сниму, это будет казаться странным. Моя рука будет чувствовать себя обнаженной.

— Нет.

— Прощу прощения. Я предположил...

— Неправильно, — заканчиваю я, делая одну затяжку сигареты, прежде чем бросить и затушить ее. Улица усеяна ими. — Я должна идти.

Андре ничего не говорит, когда я ухожу, тренч шуршит вокруг моих икр. Я злюсь на себя. Интрижка с французом звучит идеально. Прошло уже несколько недель с тех пор, как у меня был секс. Я могу отследить это даже до точной даты. После того, как Крю прогнал Эвана, я больше не забрасывала свою метафорическую сеть. Я отказала двум мужчинам, которые подошли ко мне позже в тот же вечер. Я знала, что у меня с ними будут те же проблемы, что и с Андре.

Я бы притворилась, что это Крю целует меня. Прикасается ко мне. Я отказываюсь это делать. Это было бы самой худшей уступкой. Я лучше буду соблюдать целибат, чем позволю

одному мужчине трахать меня, представляя, что это кто-то другой.

Это позволило бы Крю победить.

Он имеет на меня ровно столько влияния, сколько я ему позволю.

Улица переполнена болтовней и смехом. Я не останавливаюсь ни в одном из шумных баров, мимо которых прохожу, все они наполнены мужчинами с возбуждающими акцентами и мягкими предложениями. Единственное место, где я останавливаюсь, — это винный магазин в том же квартале, что и мой отель. Я беру бутылку бордо и несу ее, как новорожденного, в вестибюль и вверх по лестнице на третий этаж.

Мой номер просторный, и все же я выхожу на крошечный балкон, который смотрит на Сену. Здесь едва хватает места для одного стула. Я сбрасываю туфли на каблуках, пальто и открываю бутылку штопором, который есть в номере. Кладу пальцы ног на кованые перила и смотрю на огни города, время от времени делая глоток терпкого вина.

Я могла бы прямо сейчас быть в постели Андре, слышать, как мне шепчут на ухо всякие сладости по-французски, а теплые руки гладят мою кожу. Вместо этого я быстро выпиваю третий бокал вина. Утром я буду чувствовать себя дерьмово.

Мой рейс завтра рано утром, так что к полудню я вернусь на Манхэттен. Скорее всего, мне придется встретиться с ним перед поздним завтраком с Софи и Надей.

С тех пор как я уехала после свадьбы, Крю хранил абсолютное молчание. Не спрашивал, благополучно ли я приземлилась. Не задавал вопрос, когда я вернусь домой. Совсем ничего.

Именно то, чего я хотела, то, чего, как я думала, я действительно хотела.

Вместо этого я думаю о том, как он сказал, что я не притворяюсь. Вспоминаю ощущение его губ на моих. Наказываю себя за все это.

Крю — это утес. Опасность. Вызов. Один неверный шаг может привести к катастрофе.

Ты сильнее этого, Скарлетт.

Но это не так. Не тогда, когда я одна, и у меня нет шансов столкнуться с последствиями. Это подтверждается, когда я вытаскиваю телефон из кармана и захожу в приложение безопасности моего пентхауса. Там только что перевалило за час ночи. Крю возвращается домой к семи часам вечера. Раньше, чем я когда-либо возвращалась. Интересно, изменится ли его расписание, когда я вернусь в Нью-Йорк? Если он будет избегать пребывания в нашем общем доме так же, как и я.

Я просматриваю камеры, пока не нахожу его. Он на кухне, разговаривает с Филиппом. Есть звук, но я его не включаю. Я пью вино из бутылки и наблюдаю, как мой муж, — все еще странно так думать, не говоря уже о том, чтобы говорить, — разговаривает с Филиппом, поедая тарелку спагетти. Он снял пиджак, но галстук все еще на нем, висит немного криво, пока он накручивает спагетти на вилку и улыбается.

Он дома и один.

Я засыпаю, наблюдая за ним.

Я скучала по Манхэттену.

Я не осознавала, насколько сильно, пока не ступила на взлетно-посадочную полосу перед частным крылом аэропорта Кеннеди. Вид на горизонт приносит неожиданное облегчение, как лечение раны, которую вы только получили. Мои легкие наполняются запахом выхлопных газов и мокрого цемента. Шум бодрит больше, чем эспрессо, который я выпила в самолете.

Машина уже ждет. Я забираюсь внутрь и приказываю водителю отвезти меня в мой офис. Лия, моя помощница, и Андреа, глава моего редакционного отдела, обе знают истинную причину, по которой я провела последние две недели в Париже. Остальные сотрудники «Хай Кутюр» думают, что это была рабочая поездка, просто не в рамках нового предприятия.

Мне нужно будет делегировать большую часть своих обязанностей либо в «Хай», либо в «Руж» (*Красный (пер. фр.)*) — так я решила назвать свою линию одежды, — но я еще не решила, как поступить ни с тем, ни с другим. Управление и тем, и другим может стать возможным, когда у меня будет большая команда дизайнеров для бренда одежды. Я счастлива проводить в своем пентхаусе как можно меньше времени. Жонглирование двумя сложными ролями — верный способ добиться этого.

Мое возвращение в офис вызывает переполох. Я прохожу мимо кабинетов и направляюсь в свой, вполуха слушая Лию, когда она бежит рядом со мной, рассказывая обо всех моих планах на день.

Я чувствую себя дерьмово. В самолете я сменила мятый сарафан на облегающее платье-футляр, которое ношу сейчас. Жесткая ткань кажется стягивающей. Моя голова раскалывается, а конечности кажутся тяжелыми. Три часа сна и большая часть бутылки вина, явно не настроили меня сегодня на успех.

Вина Крю.

Две недели вдали от него должны были успокоить меня. Напомнить о том, как мало изменилась моя жизнь и что мои приоритеты не изменились. Скарлетт Кенсингтон может быть таким же человеком, каким была Скарлетт Эллсворт.

Шесть тысяч километров — это много. Приличное расстояние.

Но на деле это было не так.

Я думала о нем. Пока посещала фотосессии. Когда выбирала ткани. Когда Жак показывал мне эскизы. Прошлой ночью, когда я пошла домой одна.

Лия продолжает говорить. Вместо того чтобы признаться, что я не уделяю ей особого внимания, говорю ей, что мне нужно позвонить. Она выбегает из моего кабинета, закрывая за собой дверь, оставляя меня в тишине. Я опускаюсь в свое рабочее кресло и наклоняюсь вперед, чтобы помассировать виски. Впервые с тех пор, как я возглавила «Хай», я не хочу

быть здесь.

Я хочу вернуться домой. Не из-за супружеских обязанностей и не потому, что скучала по сну в собственной постели. Я хочу поскорее покончить с ним. Ожидание хуже, чем все, что он может сказать или сделать. Пару месяцев назад я бы ожидала, что он будет вести себя совершенно равнодушно к моему отъезду и возвращению.

Теперь я не знаю, чего ожидать. Это раздражает и действует на нервы.

Я вытряхиваю тайленол из контейнера, который держу в верхнем ящике стола, и проглатываю его. Даже если бы я пошла домой прямо сейчас, Крю там бы не было. Он неизменно возвращается в пентхаус в семь, хотя теперь, когда я вернулась, это может измениться. Я знаю, что Лия передала его секретарше мое расписание. Если бы он захотел, то мог встретить меня в ту секунду, когда колеса моего самолета коснулись асфальта. Но это наводило бы на мысль о том уровне интереса к моему местонахождению, которого, как я думаю, у него нет. Его поведение до и во время нашей свадьбы, вероятно, было в новинку.

Крю умеет общаться с женщинами. Но у него совсем нет опыта общения с женой.

Этот титул имеет вес, даже в таком соглашении, как наше. И я знаю, что усложняю ситуацию, отказываясь от секса. Если бы я уже переспала с ним, на этом бы все и закончилось. Ожидая, я придаю этому значение. Важность. Может быть, даже смысл. Мои намерения в отношении этого состояли в том, чтобы добиться противоположного.

Если бы я осталась в нашу первую брачную ночь, в моей голове звучали бы его обещания уважать, лелеять и любить меня, пока он был бы внутри меня. Мне нужно было время, чтобы установить эмоциональную дистанцию, прежде чем я позволю физической дистанции исчезнуть.

По крайней мере, так я говорила себе в то время. Я больше не уверена, что это вообще что-то изменит.

Я смотрю на горизонт Нью-Йорка, пока моя голова не перестает стучать. Затем встаю и направляюсь на бесконечное множество встреч. Все, что я должна одобрить, накопилось за время моего отсутствия. Формат фотографий, модели, фотографы, продукты, образцы и статьи.

Когда я заканчиваю со всеми делами, я прошу Лию заказать мне обед в кафе дальше по улице и возвращаюсь в свой офис. Знакомая фигура ждет на диване сразу за дверью.

Я вздыхаю, моя головная боль возвращается.

— Привет, мам, — говорю я, когда подхожу к ней.

— Скарлетт, — ее зелено-карие радужки оценивают мою внешность пронизательным взглядом.

Я одевалась в самолете, но она не найдет ничего, что можно было бы критиковать.

— Что ты здесь делаешь?

До этого она только один раз навещала меня в «Хай Кутюр». Мой отец закатил небольшую истерику после того, как я купила журнал без его разрешения, не говоря уже о деньгах, а моя мать искусна в самосохранении. Я не виню ее за то, что она подчинилась моему отцу; Хэнсон Эллсворт — грозный противник. Я давным-давно пообещала себе, что никогда не буду уступать своему будущему мужу так, как моя мать всегда уступала моему отцу.

— Я хотела посмотреть, как ты справляешься с супружескими обязанностями.

— Все в порядке, — вопрос, на который было бы легче ответить, если бы я действительно видела или разговаривала с Крю после нашей свадьбы.

— Хмм, — что-то в голосе мамы заставляет меня думать, что она, возможно, уже знает это.

Я не рассказала ни ей, ни отцу о своей поездке в Париж, но я бы не стала упускать ее из виду, если бы она раскопала это. Что касается моего отца, то теперь я — проблема и ответственность Крю. Но моя мать — главная нью-йоркская сплетница. На этом острове ничего не происходит без того, чтобы она об этом не узнала.

Я нарушаю многозначительное молчание.

— Что-нибудь еще, мам? У меня много работы, которую нужно сделать.

— Нет, больше ничего. Давай пообедаем на следующей неделе. Я попрошу твоего секретаря что-нибудь организовать.

— Прекрасно, — я согласилась, зная, что спорить будет бессмысленно.

Моя мать делает паузу.

— Ты сделала правильный выбор, Скарлетт.

Я вздыхаю.

— Какой выбор?

— Крю.

Звук его имени неожиданно поражает меня. Я говорю себе, что это потому, что я не ожидала такого ответа.

— Мы обе знаем, что я его не выбирала, мама.

— Мы обе знаем, что ты никогда не делала того, чего не хотела, Скарлетт, — она приподнимает обе свои идеально ухоженные брови, как бы вызывая меня не согласиться с ней. Я говорю себе, что не имеет значения, что она думает.

— У меня много работы, которую нужно сделать...

— Хорошо, хорошо, я пойду. Просто он — твой шанс, Скарлетт.

Я приказываю себе не отвечать. В третий раз мой мозг не слушается.

— Мой шанс на что? У меня уже есть все, что мне нужно.

— Твой шанс на счастье, милая.

Я усмехаюсь над этим, затем бросаю взгляд на стол Лии. Она очень старается делать вид, что не подслушает наш разговор.

— Крю Кенсингтон? Он... он средство для достижения цели. И ничего больше. Рассматривая это как деловые отношения, я буду счастлива.

Мама поджимает губы, но не спорит. Я привыкла к ее небольшим вспышкам материнской заботы между критикой и строгими инструкциями.

— Ты будешь в Хэмптоне на следующих выходных, верно?

Черт. Это уже в следующие выходные? Мои родители каждый год устраивают грандиозную вечеринку в своем доме в Хэмптоне на Четвертое июля. Я боялась этого больше, чем обычно, с тех пор, как узнала, что к началу июля уже буду замужем за Крю. От нас будут ожидать, что мы будем вести себя как сплоченная, любящая пара, которой мы не являемся.

— Да. Я буду там.

— А Крю?

Я отвожу взгляд.

— Предполагаю, что да, — это звучит лучше, чем «я попрошу свою секретаршу спросить его секретаршу».

Легкое покачивание ее головы дает понять, что это не тот ответ, которого ждала моя

мать, но она ничего не говорит, прежде чем повернуться и уйти.

Вместо того чтобы направиться в свой кабинет, как только она исчезнет, я иду на кухню за углом. Достāju газированную воду из холодильника и несу ее в свой кабинет, прижимая холодную стеклянную бутылку ко лбу, как только оказываюсь вне поля зрения работников на этаже. Я сажусь за свой стол и поворачиваюсь так, чтобы смотреть на окно. Мои глаза расплываются, когда фокус исчезает, превращая острые углы в беспорядок.

Теперь дом кажется другим.

Три часа спустя я выхожу из своего кабинета. Лия поднимает голову, как только открывается дверь, готовая услышать просьбу или вопрос. Вместо этого я говорю ей:

— Я уйду на целый день.

Если она пытается скрыть свой шок, то у нее это плохо получается. Ее кофе чуть не опрокидывается, а стикеры разлетаются в стороны, пока она пытается осмыслить мое заявление.

— Вы, я имею в виду, вы... это... — Лия смотрит на часы на своем компьютере, как будто я не знаю, что еще даже нет пяти вечера.

— У меня есть кое-какие личные дела, о которых нужно позаботиться. Меня давно не было дома.

— Конечно-конечно.

Несмотря на то, что я чувствую себя хуже, а не лучше, я заставляю себя улыбнуться.

— У меня есть своя жизнь за пределами этого офиса, Лия.

Это заставляет ее паниковать еще больше.

— Конечно. Я не имела в виду... Я... Пожалуйста, не увольняйте меня.

Я смеюсь, затем вздрагиваю, когда моя голова начинает особенно болезненно пульсировать.

— Я вернусь завтра.

Лия кивает.

— Прежде чем вы уйдете...

Я делаю паузу.

— Да?

— Ранее звонила секретарша вашего, э-э, вашего мужа. Пока вы были на встрече с Лилианной Моррис.

— И что?

— Она звонила по поводу гала-концерта Резерфорда для детской больницы в пятницу. Мистер Кенсингтон просит вас пойти вместе с ним.

— Прекрасно.

Лия выглядит успокоенной моим ответом.

— Хорошо. Я дам знать Селесте.

— В этом нет необходимости. Я разберусь с этим, — в конце концов, мне придется поговорить с Крю. С таким же успехом это могло бы включать разговор о том, как мы будем вести наш совместный календарь мероприятий.

Лия явно хочет спросить меня, что я имею в виду, но не делает этого. Я хочу, чтобы мои сотрудники чувствовали себя комфортно, обращаясь ко мне, но я не потворствую спекуляциям о моей личной жизни. В последнее время, по очевидным причинам, эту политику стало труднее проводить. Я позволила новостям сообщить моим сотрудникам о моей поспешной помолвке и свадьбе.

Рассказывая кому-то что-то, вы приглашаете высказать свое мнение по этому поводу.

Я прощаюсь с Лией и направляюсь к лифтам, написав своему водителю сообщение, что я уезжаю. Двадцать минут спустя я выхожу из машины и захожу в свой дом, чтобы подняться на другом лифте на верхний этаж.

Когда двери открываются, усталость наваливается на меня так быстро, что у меня кружится голова. Этот пентхаус всегда был для меня безопасным местом, где я могла быть Скарлетт. Не уравновешенной, не подготовленной, не профессиональной, здесь ничего подобного от меня никто не ожидает. Я обижена на Крю за то, что он отнял у меня это убежище.

Рядом с ним я чувствую непреодолимое желание быть совершенной, больше, чем когда-либо чувствовала с кем-либо другим. Меня волнует, что он думает обо мне. Я не могу искренне сказать этого ни о ком другом, даже о своих родителях. Это проблема, о которой у меня сейчас нет сил думать. Тем более, что его, похоже, здесь нет. Нет ничего, что указывало бы на то, что он когда-либо был здесь.

Я не знаю, почему я ожидала, что мой дом будет выглядеть по-другому. Я думала, что найдется какое-нибудь очевидное доказательство того, что здесь сейчас живет мужчина. Может быть, боксеры на полу, или галстук, брошенный на диван, или упаковка презервативов на кофейном столике. Здесь ничего нет. Даже пятен от воды на кофейном столике из тикового дерева, который я выбрала. Чистота — все, что я вижу, прежде чем плюхнуться лицом на белый диван. Неудобно, когда мое лицо прижимается к подушкам. Строительная бригада, долбящая мой череп, тоже не так уж расслабляет. Мне слишком неудобно засыпать и слишком неудобно подниматься наверх.

Но мне нужно заснуть, потому что, когда я открываю глаза, я уже не одна. Сначала я думаю, что темная фигура, должно быть, Филипп или Марта. Затем понимаю, что она слишком широкая и высокая, чтобы быть моим поваром или горничной. Узнаю по тому, как мое предательское сердце начинает биться быстрее без всякой на то причины. Я лежу, никакого напряжения не видно.

— Тяжелая поездка? — спрашивает Крю. Низкий, грубый тембр его голоса окутывает меня, временно снимая головную боль. Адреналин стирает усталость. Я и забыла, какое у него глупо симметричное лицо.

Я стону в ответ. У меня все еще болит голова. У меня пересохло в горле, а мышцы затекли.

— Я чувствую себя дерьмово.

— Я так и понял, — в его голосе слышится сухая нотка, которая заставляет меня думать, что я, должно быть, выгляжу так же ужасно, как и чувствую себя. Мне должно быть все

равно. Крю Кенсингтон — последний человек, перед которым я хотела бы проявить какую-либо слабость.

Он нерешительно приближается ко мне, как будто я бешеное животное, готовое напасть. Если бы я могла пошевелить головой, я бы так и сделала. Я бы встала и ушла далеко-далеко. Куда-то, где я не смогу чувствовать его запах, его тело и видеть его. Я закрываю глаза, как будто сон поможет.

— Мне просто нужна минутка, прежде чем пойти наверх. Выпей чего-нибудь в библиотеке, как обычно.

— Откуда ты знаешь, что я обычно делаю?

Дерьмо. Черт. Блядь. Я держу глаза закрытыми и надеюсь, что на моем лице не написано, что я просматривала записи с камер наблюдения вместо того, чтобы смотреть Нетфликс, пока была в Париже.

— Думаю, ты просто предсказуем.

Крю фыркает. Это бесящий звук, который не дает никакого представления о том, верит он мне или нет. Я подумываю открыть глаза и решаю, что предпочла бы не знать, о чем он думает. Теплая рука прижимается к моему лбу. Я вздрагиваю. Физический контакт является неожиданным. Как и то, как нежно его рука убирает волосы с моего лица. Моя кожа покалывает, реагируя на его прикосновения даже после того, как они исчезают.

— Как долго ты в таком состоянии?

— Я не знаю. У меня похмелье, или усталость, или акклиматизация, или все вместе. Диван был ближе, чем моя кровать. Я никогда не уходила из офиса раньше пяти... никогда.

В последнем предложении нет необходимости. Я чувствую какое-то странное побуждение оправдать тот факт, что я раскинулась на подушках, как морская звезда, пока еще светло. Чтобы доказать, что я не сижу сложа руки и не получаю зарплату. Еще раз повторяю, мне должно быть все равно. Однако меня волнует, что моя тушь, должна быть, размазана, волосы спутаны, а моя трудовая этика кажется сомнительной.

Крю не отвечает. А потом, внезапно, я уже не лежу горизонтально на диване. Я невесома, по крайней мере, так кажется поначалу. Через несколько секунд я уже раскачиваюсь. Я сосредотачиваюсь на твердом прессе и руках. Моя голова не одобряет это движение. Остальная часть моего тела наслаждается ощущением Крю, несущего меня. Но я все равно протестую.

— Что, черт возьми, ты делаешь?

— Насколько ты не в себе? Мне кажется, это очевидно.

Мне не хочется выходить из этого состояния. Все ощущения, которые я испытываю прямо сейчас, — те, ради которых стоит быть в сознании. Хуже того, я смогу вспомнить это позже. То, как он хорошо пахнет. Прикосновение металлического круга к коже моего бедра, символизирующее, что он принадлежит мне.

Я прочищаю горло.

— Это очень мило с твоей стороны, но я в порядке, — я вкладываю в последнее слово столько уверенности, сколько могу собрать.

— Думаю, что диван не согласился бы.

Крю начинает подниматься по лестнице. Я перестаю спорить. Если он будет упрячиться по этому поводу, мне лучше притвориться, что в этом нет ничего особенного. Как будто я все время позволяю мужчинам носить меня на руках.

Он поворачивает направо, как только мы поднимаемся по лестнице, и направляется

прямо в мою спальню.

— Ты все изучил? — вопрос звучит сухо. Здесь семь гостевых спален, за вычетом той, которую он считает своей.

— Что твое, то и мое, детка.

— Не называй меня так, — бормочу я. Тепло его тела просачивается в мое, и от этого меня клонит в сон. Я плохо спала несколько недель. Перед отъездом в Париж я очень нервничала из-за предстоящей свадьбы. В Париже я работала допоздна, и меня рано будил шум рынка под моим балконом. Я не была бы шокирована, если бы через час проснулась на диване и узнала, что это был сон.

Вместо того, чтобы бросить меня на кровать, Крю относит меня в смежную ванную и усаживает на мрамор, который окружает ванну.

— Что ты делаешь? — я задаюсь вопросом.

Он не отвечает. Становится очевидно, когда он открывает кран и высыпает туда соль и мыло из стеклянных емкостей, расставленных вдоль подоконника. От воды начинает подниматься пар, смешиваясь с ароматами розы и эвкалипта, постепенно образуя пузырьки.

Как только ванна наполняется, Крю выключает воду и поднимает меня на ноги. Я не боюсь, что могу заснуть в ванне. Я гораздо больше обеспокоена тем, что этот милый жест может заставить меня сказать или сделать что-то очень глупое.

Глаза Крю держат меня в заложниках, когда он тянется ко мне за спину и дергает за молнию моего платья. Я чувствую, как замок тянется вниз. С тихим свистом шелк падает на пол, оставляя меня стоять в нижнем белье. Он не опускает взгляда. Синие глаза обжигают меня, приковывают к месту.

Его прикосновение холодное и отстраненное. Руки не задерживаются, когда он расстегивает мой лифчик и опускает мои стринги. Через несколько секунд я стою обнаженная прямо перед ним.

— Тебе нужно, чтобы я принес тебе что-нибудь? — он держит зрительный контакт, не опуская взгляда.

— Я... — я прочищаю горло и мотаю головой. — Я в порядке.

Возбуждение — лучший энергетик, чем кофеин. Я больше не беспокоюсь о том, что засну и случайно утону. Я стою перед ним, совершенно голая, в то время как он полностью одет. После того, как он налил мне ванну, Крю ведет себя так, будто все это обычное явление.

— Я буду пить в библиотеке, если понадобится, — в его тоне невозможно не заметить поддразнивания. Надеюсь, это потому, что я назвала его предсказуемым, а не потому, что он подозревает, что я проводила ночи в Париже, шпиона за ним.

— Хорошо, — слово вылетает быстро.

Ему нужно убираться отсюда. Прежде чем я узнаю, насколько серьезно он относится к мольбам. Прежде чем я буду умолять.

Крю исчезает, закрыв за собой дверь ванной. Я залезаю в ванну, позволяя горячей воде сантиметр за сантиметром обволакивать мое тело, пока я не привыкну к температуре. Это похоже на рай. Пар прочищает мне голову, а тепло прогоняет долгий день путешествия, за которым следовала работа.

Я сижу в ванне, пока вода не начинает остывать. Как только становится прохладно, я вылезаю и надеваю шелковый халат, не потрудившись высушить волосы или расчесать их. Когда я возвращаюсь в свою спальню, на столике рядом с кроватью стоит стакан воды.

Вместе с бутылочкой тайленола. Я застываю на месте на несколько секунд, неожиданные эмоции угрожают захлестнуть меня.

Приняв две таблетки, проскальзываю под прохладные простыни и сразу же засыпаю.

8. Крю

Ее глаза расширяются, когда она видит меня. Я наблюдаю за ней достаточно внимательно, чтобы заметить едва заметную перемену в ее лице. Если не считать глаз, выражение лица Скарлетт остается неизменным. За ней следуют две женщины. Одна из них лихорадочно печатает на своем телефоне, вероятно, делая заметки. Другая пытается удержать огромную стопку бумаг.

Шаги Скарлетт не замедляются, когда она шагает прямо ко мне. Когда девушки приближаются, я слышу, о чем они говорят.

— Забронируй ресторан «Хопкинс» на четверг. Скажи им, что мне нужно два места, желательно три. Я уже разобралась с моделями, и все образцы от Шанель должны прибыть в понедельник. Скажи Джанетт Ричардсон, что мне нужна ее статья о фонде дикой природы на следующей неделе, или ее уволят до нового года. То же самое и со статьей о путешествиях. Мне нужна окончательные варианты к среде.

Она останавливается рядом со мной.

— Крю.

— Скарлетт.

— Готов?

— Ты не собираешься меня представить?

Скарлетт бросает на меня раздраженный взгляд, прежде чем снова повернуться к двум женщинам.

— Крю, это Лия, моя главная помощница.

Миниатюрная блондинка с короткой стрижкой и в черных очках слегка улыбается мне.

— И Андреа, мой руководитель отдела редакции.

— Приятно познакомиться с вами обеими, — я улыбаюсь.

Андреа бросает на меня равнодушный взгляд, в то время как Лия отводит его. Работа со Скарлетт явно повлияла на них.

— Я буду в офисе завтра, если вам понадобится связаться со мной, — говорит Скарлетт. Ее тон оживленный. Обе женщины ловят каждое слово. — Ты принесла эскизы Лоренцо? — спрашивает она Андрею.

Не говоря ни слова, Андреа протягивает одну из папок. Скарлетт открывает ее и пролистывает несколько страниц.

— Идеально. Хорошего вечера.

— Хорошего вечера, — хором говорят они обе, игнорируя меня. Какими бы подробностями не делилась обо мне Скарлетт, это явно были не комплименты. И девушки явно преданы ей. Такую преданность нельзя купить, ее можно только заслужить. Это заставляет меня восхищаться ею еще больше, с самого начала в ней не было недостатка. Она купила этот журнал и превратила его в процветающее предприятие. Я впечатлен. Горжусь, несмотря на то, что у меня нет никаких заслуг, которыми я мог бы похвастаться. Мое единственное достижение заключается в том, что Скарлетт, похоже, стремится проводить в моем обществе как можно меньше времени. Она работает по девяти часов в неделю.

Я двигаюсь, отходя от лимузина, к которому прислонился, и открываю дверь. Андреа и

Лия исчезают в здании, в котором находятся офисы «Хай Кутюр», оставляя нас на оживленной улице.

— Какой джентльмен.

— Ты бы думала по-другому, если бы была достаточной смелой, чтобы остаться со мной наедине.

Глаза Скарлетт вспыхивают, когда она садится на кожаное сиденье, поправляя синюю органзу так, чтобы она прикрыла икры, которые я только что увидел. Платье, которое на ней надето, с открытыми плечами и глубоким вырезом, который скрывает изгибы ее груди. Глядя на нее сверху, для меня открывается чертовски красивый вид.

— Это не имеет ничего общего со смелостью.

Я напеваю, прежде чем захлопнуть дверцу машины и обогнуть ее сзади, чтобы забраться с другой стороны. Как только моя дверь закрывается, лимузин выезжает на дорогу.

— Хороший день?

Она уже начала листать страницы в одной из папок, которые ей оставила Андреа.

— Да. Прекрасный.

Упрямо давлю на нее.

— Чем занималась?

— Многим, но папочке кофе не носила.

Скарлетт пытается вывести меня из себя. С той самой ночи, когда она вернулась из Парижа, когда я отнес ее наверх и продемонстрировал невероятное самообладание, даже мельком не увидев ее обнаженной, она была колючей и агрессивной при каждом удобном случае. У меня такое чувство, что, если бы я пришел домой и застал ее бодрой, а не свернувшейся калачиком на диване, враждебность могла бы снизиться на ступеньку ниже. Она определенно равнодушна ко мне. Хотя я не уверен, что это хорошо для меня.

Я встал, чтобы выпить стакан воды ночью. Скарлетт стояла на кухне в своем любимом комплекте: платье и туфли на каблуках, — и готовила чашку чая. Я не видел ее в джинсах со времен моего мальчишника, не говоря уже о спортивных штанах или пижаме.

Она уже вернулась к своим папкам, но я чувствую себя обязанным ответить.

— Я вице-президент...

— Мне все равно, Крю. Делай все, что хочешь. На работе и вне ее. Только не говори мне, когда я могу или не могу работать.

— Я не говорил, что ты не можешь работать. Я спрашивал тебя о работе, Скарлетт, — я позволил гневу просочиться в мой голос. То, что я был милым, вывело ее из себя. Вместо этого я могу быть кратким. — Но давай просто посидим в гребаной тишине, как и каждый день с тех пор, как ты вернулась.

— Отлично. Давай, — она так агрессивно переворачивает страницу, что уголки рвутся.

Я фыркаю и выглядываю наружу.

Сегодняшний гала-концерт состоится на террасе на крыше Карнеги-Холла. Наше прибытие привлекает больше внимания, чем я ожидал. Это наш первый официальный выход в качестве пары, не говоря уже о супругах. Ни мои, ни родители Скарлетт не придут сегодня вечером, что делает нас единственными представителями двух самых богатых семей Нью-Йорка. Я привык к вниманию. Но когда рядом со мной Скарлетт, я чувствую себя по-другому. Два противоположных желания бурлят во мне: защитить ее и отойти в сторону.

Скарлетт принимает решение за меня. Как только мы оказываемся внутри, она берет бокал шампанского у проходящего мимо официанта и направляется к большой группе

хихикающих женщин. Они с легкостью принимают ее в круг, некоторые оглядываются на меня.

Это не должно меня удивлять. Именно так мы поступали на всех других мероприятиях, которые оба посещали в прошлом. Сомневаюсь, что Скарлетт считает кого-либо из женщин, с которыми она сейчас общается, подругами, но вы бы не догадались об этом по тому, как она смеется и кивает в ответ на что-то, что говорит одна из них.

Я заказываю бурбон и начинаю обходить гостей, начиная с Резерфордов, которые принимают гостей сегодня вечером. Дональд Резерфорд — председатель правления Нью-Йоркской больницы общего профиля. Его жена Дженнифер — наследница, связанная с полудюжиной благотворительных организаций по всему городу. Я поздравляю их с праздником и вручаю Дженнифер чек, прежде чем перейти к разговору о предстоящих мероприятиях в Хэмптоне.

Лето я провожу на Манхэттене. Если мне нужно сбежать, я еду на север штата или в Европу. Наш дом в Хэмптоне — единственный из многочисленных владений моей семьи, в котором сохранились четкие воспоминания о моей матери. Я провожу там как можно меньше времени. Находиться там с Кэндис, моими отцом и братом было бы все равно, что пролить воду на написанный текст. Я хочу сохранить свои воспоминания, а не разрушить их.

Когда Дэниел Уолдорф упоминает вечеринку у Эллсвортов в следующие выходные, я понимаю, что у меня, возможно, нет особого выбора. Скарлетт не говорила мне об этом, но ее родители явно ожидают, что мы будем присутствовать там вместе.

Дэниел описывает мне свою новую парусную лодку, когда к нам бочком подходит Ханна Гарнер.

— Приятно снова видеть тебя, Крю.

Дэниел улыбается и уходит, оставляя меня наедине с Ханной.

Она не достаивает Дэниела взглядом, оценивая меня ясными голубыми глазами. Ханна, вероятно, ближе всего подошла к тому, чтобы добровольно вступить в серьезные отношения. Ее семья богата и имеет хорошие связи: ее отец основал спортивное агентство, представляющее интересы целого ряда спортсменов, которые в будущем станут членами Зала славы. Он также владеет «Лос-Анджелес Титанс». Прошлой осенью мы с Ханной вместе ходили на игру. Она отсосала мне во время перерыва. Именно такими и были наши отношения: мы встречались, когда это было удобно.

— Привет, Крю, — ее длинные светлые волосы завиты. Один локан опускается между ложбинками ее груди, привлекая мое внимание к ее декольте. Она ухмыляется, прослеживая мой взгляд.

— Ханна, — отвечаю я. — Не знал, что ты в городе.

— Я убедила папу позволить мне заняться кое-какими делами. В «Метс» есть парень, которого он хочет подписать, — она делает паузу. — Я бы позвонила... оо ты женился.

В этом слове безошибочно угадывается укус, но я не обязан ей ничего объяснять.

— Ты была на свадьбе? — предполагаю, что Гарнеры были приглашены.

Ее лицо напрягается.

— Не смогла придти.

— Да неужели.

— Ты мне ничего не говорил об этом.

Я делаю глоток бурбона.

— Разве это имело бы значение, Ханна?

— Скарлетт Эллсворт? Серьезно, Крю?

— Кенсингтон, — поправляю я. Ханна хмурит брови. — Теперь ее имя Скарлетт Кенсингтон.

На это она усмехается.

— То, что она взяла твою фамилию, не меняет того факта, что она наглая и властная, с эмоциональным диапазоном как у айсберга. Ты мог бы выбрать и получше.

Прилив гнева застает меня врасплох. Если отбросить в сторону наши сексуальные похождения, я считаю Ханну другом. Приехав сюда, я в очередной раз доказал себе, что Скарлетт холодна и замкнута. Но даже несмотря на сравнение с айсбергом, она все равно моя жена. Я крепче сжимаю стакан, позволяя гневу проникнуть в мой голос.

— Еще раз оскорбишь мою жену, и это будет наш последний разговор, Ханна.

— Да ладно, Крю. Никто не ждёт, что ты будешь ей верен. Ты женился на ней из-за ее денег.

Гости начинают делать заказы в банкетном зале, где будет подан ужин.

— Только попробуй сказать это ещё раз, — говорю я ей, затем начинаю уходить.

Она хватается за руку, прежде чем я успеваю сделать больше пары шагов.

— Я здесь до среды. Остановилась в своем постоянном номере в отеле «Карлайл».

Я стряхиваю ее руку и продолжаю идти.

Когда я вхожу в большой зал, Скарлетт уже сидит за отведенным нам столиком. Я ничего не говорю, когда сажусь на стул рядом с ней. Вежливая болтовня эхом разносится вокруг нас.

Ее палец проводит по краю бокала с шампанским, наполняя тишину тонким жужжанием. Она вздыхает, затем допивает содержимое одним последним глотком.

— Хочешь пить?

— Скучно.

— Я нахожу вечер очень интересным, — отвечаю я, просто чтобы подколоть ее.

— Я в этом не сомневаюсь, — бормочет она, отводя взгляд на сцену.

Должно быть, она заметила, как я разговаривал с Ханной. С любой другой женщиной я бы подумал, что она ревнует. Но поскольку это Скарлетт, я предполагаю, что она обижена, что я получаю удовольствие.

Дженнифер Резерфорд, ведущая сегодняшнего вечера, выходит на сцену. Все, кто еще стоит, спешат на свои места, когда толпа затихает. Я отключаюсь, когда она начинает говорить, благодаря всех за то, что пришли сегодня вечером, и делаясь планами на ремонт, на который они собирают средства сегодня вечером. Только когда я слышу, как упоминается мое имя, я возвращаюсь к разговору.

— ...и Крю Кенсингтон, чей щедрый вклад обеспечил нам достижение сегодняшней цели.

Вклад? Я смотрю на Скарлетт, когда вокруг нас раздаются громкие аплодисменты.

— Ты выписала чек? — спрашиваю я достаточно тихо, чтобы никто другой за нашим столом не услышал.

— Это сбор средств, — шепчет она в ответ тоном «ты идиот», который мне уже хорошо знаком. — Конечно, я сделала пожертвование.

— Ты могла бы сказать мне. Выглядит странно, что мы делаем два отдельных пожертвования.

— Мне не хотелось мешать тебе с той блондинкой.

Мне хочется посмеяться над этим, но вместо этого я приклеиваю на лицо улыбку. Она остается до конца выступления Дженнифер и во время ужина. Я сижу рядом с Говардом Бертоном, управляющим фондом, на несколько лет моложе моего отца. Он болтает о тенденциях рынка, пока я запикиваю в рот лимонное ризотто и жареную утку.

Как только ужин заканчивается, места переставляются. Говард и его жена тяготеют к тихому аукциону, организованному в соседней комнате. Скарлетт разговаривает с Кэтрин Биллингс, которая сидит по другую сторону от нее. Я собираюсь пойти выпить еще, когда Ашер занимает свободное место Говарда.

Я поднимаю на него взгляд.

— Я думал, ты не придешь сегодня вечером.

Он ссутуливается на своем сиденье.

— Э-э, я передумал.

— Твой отец?

— Ага, — Ашер закатывает глаза. Его отцу нравятся приглашения на подобные мероприятия, но он редко доводит дело до конца, чтобы на самом деле прийти на них. По той же причине Ашер оказался в «Кенсингтон Кансалдид» — его отец загнал процветающую компанию в тупик из-за явного пренебрежения. И он всегда ждет, что Ашер вмешается и спасет его задницу.

— Пусть он сам разбирается со своими проблемами, чувак.

— Да. Когда-нибудь, — отвечает Ашер. Мы оба знаем, что он этого не сделает. — Ханна здесь.

Я напрягаюсь от попытки сменить тему и оценить свою реакцию.

— Да, знаю.

— Она разозлилась?

Я пожимаю плечами.

— Она не в восторге, — я смотрю на Скарлетт, чтобы убедиться, что она все еще разговаривает с Кэтрин. Но нет. Кэтрин ушла, а Скарлетт что-то прокручивает в своем телефоне. Выражение ее лица ничего не выражает, и я не могу понять, слушает ли она наш разговор.

Ашер в ответ издает раздражающий жужжащий звук.

Скарлетт встает.

— Прошу прощения.

Я смотрю, как она уходит, затем снова смотрю на Ашера.

— Чертовски большое спасибо за это.

Он выглядит смущенным.

— С каких это пор тебя волнует, что думает женщина?

— С тех пор, как я женился, — отвечаю я. — Я застрял с ней больше, чем на одну ночь.

— Ты сказал, что почти не видишь ее. Что вы живёте разными жизнями.

— И то, и другое верно.

— И что? Перестаньте стараться. Я пригласил ее в скалодром, и она ушла через пятнадцать минут. Не похоже, что ее волнует Ханна.

— Не волнует, — это все, что я говорю. Я не упоминаю, что необъяснимо хочу, чтобы она волновалась обо мне. Ревность, — эмоция, которую я всегда ненавидел в женщинах, — взбудоражила бы меня, если бы исходила от Скарлетт.

— Тогда в чем проблема?

— Просто... не упоминай других женщин рядом с ней, хорошо?

Он изучает меня с минуту, прежде чем согласиться.

— Хорошо.

Я чувствую, что его глаза остаются на мне, когда я стараюсь осмотреться. Струнный квартет расположился в углу и начал играть, создавая приглушенный саундтрек к вечеру. Несколько пар устремляются к танцполу и начинают кружиться.

— Как дела с сексом?

Я ничего не говорю.

Ашер усмехается.

— Давай, Кенсингтон. Ты не из тех, кто стесняется.

— Это другое, и ты это знаешь.

— Другое, потому что у вас его нет? — поддразнивает он.

Я потираю пальцем край своего бокала.

Ашер смеется.

— Черт возьми. Вы ещё не спали.

— Никто не должен знать об этом, — бормочу я.

— Как, черт возьми, ты еще не занялся сексом со своей женой?

Я встаю.

— Я за добавкой.

Но вместо того, чтобы направиться к бару, я каким-то образом оказываюсь рядом со Скарлетт. Я прерываю группу, с которой она разговаривает, вежливой улыбкой.

— Не хочешь потанцевать, куколка?

— Конечно, сладкий.

Как только мы оказываемся вне пределов слышимости, она бормочет:

— Куколка? Это худший вариант из всех возможных.

— Забавно. Думаю, «сладкий» может стать моим новым любимым прозвищем.

Скарлетт отводит взгляд, но не раньше, чем я улавливаю тень улыбки. Я заметил, что она никогда не пытается скрыть никаких негативных эмоций. Когда она злится или расстроена, все это выставляется на всеобщее обозрение. Я заметил это за те несколько приятных моментов, которые мы разделили.

Как только мы выходим на танцпол, я проверяю теорию. Танцует около дюжины других пар, большинство из них среднего возраста или старше. Все вальсируют на приличном расстоянии друг от друга.

Я поворачиваю Скарлетт так, чтобы наши груди соприкасались. Выражение ее лица не меняется, ни когда мы начинаем танцевать, ни когда я крепче сжимаю ее руку и талию. Мой большой палец покидает ее ладонь и опускается к запястью. Единственные украшения, которые она надела сегодня вечером, — это пара бриллиантовых сережек и кольца, которые я ей подарил. Остальная ее кожа гладкая и обнаженная. Я кладу большой палец поверх точки ее пульса, чувствуя, как он бьется в быстром темпе.

Улыбаюсь, чувствуя, как колотится ее сердце. Может, ей и не хочется желать меня, но она желает. Мне хорошо знакомо это чувство.

Она не отстраняется, но и не встречается со мной взглядом. Это самый близкий наш контакт с тех пор, как я отнес ее наверх после того, как обнаружил на диване. Скарлетт не единственная, кто ведет себя невозмутимо. Я хочу притянуть ее губы к своим. Хочу, чтобы она была обнажена и смотрела на меня. Хочу поговорить с ней без необходимости искать

какой-либо предлог, который не был бы важным.

Вместо этого я просто кружу ее по танцполу. Между нами возникает обоюдное молчание. Оно мерцает. У него есть форма и субстанция. Тишина отягощена всем тем, что мы не говорим, и всеми эмоциями, которые мы не выражаем.

Песня заканчивается и переходит в новую. Через несколько минут она сглатывает и смотрит прямо на меня.

— Мне завтра рано вставать.

После нашего разговора в машине ранее, я знаю, что предлагать ей взять выходной в субботу — плохая идея.

— Мне тоже.

— Я пойду за машиной, Крю.

— Хорошо, — я перестаю танцевать. — Поехали.

На ее лице мелькает удивление.

— Ты поедешь домой сегодня вечером?

— Разве я говорил об обратном?

Румянец заливает ее щеки.

— Я предполагала, что у тебя есть планы.

— Ты же знаешь, что говорят о людях, которые делают предположения.

— Нет, не знаю, — она бросает вызов. — Что о них говорят?

— Ты хочешь, чтобы я назвал тебя глупой?

— Меня называли и похуже, — отвечает она, затем направляется к выходу.

Я догоняю ее у гардероба.

— Меня уже тошнит от всего этого, Скарлетт. Должен ли каждый наш разговор превращаться в спор? Ты хочешь уйти? Давай уйдем. Я не собираюсь с тобой ругаться.

— Ты устраиваешь сцену.

Я хватаю ее за руку, чтобы удержать на месте.

— Ты злишься, что я возвращаюсь домой? Не думал, что тебя это будет так волновать.

— Я не знаю.

— Тогда почему с тобой так сложно? — шиплю я.

— Сложно? — вторит она. — Я не та, кто...

— Вы двое стоите в очереди за верхней одеждой? — Черт. Я знаю этот голос. Поворачиваюсь и вижу, что Ханна мило улыбается в мою сторону. В этом выражении нет никакой искренности. — Ох. Крю, — она издает тихий, фальшивый смешок. — Не знала, что это ты.

Я приподнимаю одну бровь, безмолвно обвиняя нашей ссоре.

— Мы не стоим в очереди. Наш водитель уже в пути.

— Ох. Тогда все в порядке.

Она по-прежнему не двигается. Я раздраженно поджимаю губы.

— Ханна, это моя жена, Скарлетт. Скарлетт, это Ханна Гарнер, — это первый раз, когда я представляю Скарлетт как свою жену. Странно это говорить, и не менее странно осознавать, что мне нравится, как это звучит.

— Мы встречались раньше, — говорит Ханна. — Рада снова видеть тебя, Скарлетт.

Скарлетт пристально смотрит на нее.

— Где?

— Прошу прощения?

— Ты сказала, что мы встречались раньше. Где?

Ханна выглядит взволнованной, но быстро приходит в себя.

— Ох. Хм, должно быть, это было на каком-то мероприятии? Крю любит бывать в Лос-Анджелесе, но, похоже, это место не для тебя.

— Нью-Йорк тоже не для всех, — отвечает Скарлетт.

— Я предпочитаю приезжать сюда летом. Ненавижу холод.

— Могу понять почему, — взгляд Скарлетт скользит по короткому подолу и глубокому вырезу платья Ханна.

Ханна напрягается.

— Для такого оживленного города здесь тоже может быть одиноко, — она бросает на меня взгляд, намеренно.

Я разрываюсь между тем, чтобы что-то сказать или ничего не делать. Совершенно очевидно, что Ханна делает и почему. Она ревнует и обижена, что я женился на другой, несмотря на то, что прошло уже несколько месяцев с тех пор, как мы были вместе, и мы никогда не были парой. Чего я не понимаю, так это того, что делает Скарлетт: почему она спорит, а не игнорирует. На каждом шагу она ясно давала понять, что рассматривает наш брак не более чем как деловые отношения, если таковые имеются. Я бы даже сказал, что она относится к своим деловым партнерам с большей теплотой, чем ко мне. И все же она спорит с Ханной, а не уходит. Не предъявляет права на меня, но и не проявляет полного безразличия.

— Если ты так отчаянно нуждаешься в компании, может быть, тебе стоит вернуться внутрь и поискать кого-нибудь, — предлагает Скарлетт. — Учитывая, что мы уходим.

Я сдерживаю улыбку, не упуская из виду, как она подчеркивает «мы».

Ханна тоже не уступает. Она оценивающе смотрит на Скарлетт, не утруждая себя тем, чтобы скрыть свою неприязнь.

— Не знала, что ты способна беспокоиться о чем-то, кроме бизнеса, Скарлетт.

— А я не знала, что ты хоть что-то знаешь обо мне, — парирует Скарлетт. — Тем более, что ты, кажется, гораздо больше интересуешься моим мужем.

Ханна улыбается. Маленькой, но броской и фальшивой улыбкой. Затем смотрит на меня.

— Надеюсь увидеть тебя снова, Крю, — ее улыбка впервые становится искренней, прежде чем она проходит мимо нас и направляется обратно внутрь.

Я продолжаю изучать Скарлетт.

— Что? — рывкает она. Думаю, что ее тон был теплее по отношению к Ханне.

Я улыбаюсь.

— Ничего.

Скарлетт качает головой, прежде чем направиться к нашей машине. Роман подъехав во время разговора с Ханной. Он вылезает, чтобы открыть дверцу, но я отмахиваюсь от него и сам открываю дверцу для Скарлетт. Она бурчит «спасибо», прежде чем забраться на заднее сиденье. Я захожу с противоположной стороны, затем стучу в перегородку, чтобы Роман знал, что мы готовы ехать.

Мы даже не доехали до конца квартала, когда она заговорила.

— У тебя ужасный вкус на женщин.

Я оглядываюсь.

— Включаешь себя в этот список?

Она игнорирует меня.

— Не хочу, чтобы она была в моем пентхаусе.

Я сдерживаю слова, которые хочу сказать ей. Вместо этого говорю ей правду.

— Это не будет проблемой.

— В «Карлайл» у меня проходят деловые обеды.

Мне требуется минута, чтобы осознать, что она говорит. Еще один вопрос, откуда, черт возьми, Скарлетт знает, что Ханна останавливается именно там, когда находится в городе.

— Это не то, что я имел в виду. У нас с ней все кончено.

— Она знает об этом?

— Да, — отвечаю я. Затем, по какой-то глупой причине, что очень похоже на преданность, которой она, похоже, не хочет, уточняю: — Я сказал ей, что, если она оскорбит тебя, я больше не буду с ней разговаривать.

Скарлетт усмехается.

— Не делай мне никаких одолжений.

Я громко выдыхаю.

— Теперь ты бесишься, что я не трахаю ее?

— Нет! Я просто...

— Ты спишь с другими мужчинами? — наконец-то я озвучиваю вопрос, который беспокоил меня уже несколько недель.

— Не уверена, — отвечает она.

Я скрежещу зубами.

— Не уверена в чем?

— Не уверена, что это можно назвать сексом.

Блять. Значит да.

— Кто он?

— Ты его не знаешь.

Да, конечно.

— Я знаю много людей.

— Его зовут Кайл. Он хирург.

Это ее типаж? Помешанный на науке с комплексом превосходства? Это беспокоит меня больше, чем я ожидаю. Больше, чем следовало бы. Если он не часть нашего мира, может быть, у нее действительно есть настоящие чувства к этому парню.

— Звучит как способ снять напряжение.

— Ревнуешь? — насмехается она.

— Это потребовало бы от меня каких-то чувств.

— Вот именно.

Я выдавливаю из себя смешок. Для моих ушей это звучит пусто, но я сомневаюсь, что она может заметить разницу.

— Тебе не стоит об этом беспокоиться.

— Отлично.

— Отлично, — эхом отзываюсь я.

Это стало предсказуемым: цикл наших разговоров. Шутки, насмешки и молчание. То, как один из нас немного более открыт, чем другой. Мы никогда не действуем синхронно, никогда оба не готовы отдавать, не получая ничего взамен.

Я достаю свой телефон и начинаю перебирать электронные письма, которые могут

подождать до понедельника. По крайней мере, отец будет рад моей инициативе. Они с Оливером застряли в Майами из-за тропического шторма. Они отправились на юг поиграть в гольф и встретиться с коммерческим застройщиком по поводу офисов для новой компании. В их продолжительном отсутствии все проходит через меня. Я вернулся домой в три часа ночи вчера, или, технически, сегодня утром.

— Сегодня я завершила разработку коллекции для своей новой линии одежды, — звук голоса Скарлетт настолько неожиданный, что я поражаюсь. — Она называется «Руж». Вот для чего нужны эти рисунки. Я выбираю команду дизайнеров. Я также одобрила редактуру для августовского номера «Хай» и выбрала статьи для сентябрьского. Это было после того, как я провела собеседование с пятью секретаршами, потому что Лия уже занята моим расписанием в «Хай Кутюр», и мне нужна дополнительная помощь.

Я ничего не знаю о том, что она делает ежедневно. Вот почему я спросил об этом ранее. Но это было до того, как я узнал, насколько фальшивым она считает этот брак. Не успел я опомниться, как она трахнулась с другим парнем, нося мое кольцо на пальце.

Гнев и ревность скапливаются у меня в животе, как деготь, темная и ядовитая.

— Мне абсолютно наплевать, что ты делаешь, Скарлетт. Помнишь? — я растягиваю слова, как будто у меня есть дела поважнее, чем утруждать себя их произнесением, затем продолжаю прокручивать сотни накопившихся писем.

Она вздрагивает. Краем глаза я улавливаю едва заметную отдачу, прежде чем она отворачивается от меня, чтобы посмотреть на городские огни. Неприятные эмоции затвердевают, погружаясь в меня, как якорь.

Почему меня это волнует?

А ее нет?

Остальная часть поездки проходит в молчании.

9. Скарлетт

Трудно сказать, что сильнее угнетает: июльская жара или пять женщин, уставившихся на меня с яростью бойцовых собак.

— Вы с Крю работаете над ребенком?

Я сдерживаю саркастические ответы, которые приходят на ум на вопрос Эйлин Уолдорф.

Я все еще девственница.

Мой муж слишком занят своими любовницами.

Может быть, через десятилетие или два.

Любой из этих ответов распространился бы по внутреннему дворику дома моих родителей в Хэмптоне как лесной пожар. Возможно, я пробила себе дорогу к значимости и уважению в некоторых частях делового мира, но это произошло в ущерб моему положению среди большинства женщин в нью-йоркском обществе. Мои попытки вырваться из оков брака и детей не принесли мне никаких союзников.

Эйлин всего на год старше меня. До того, как прошлым летом она вышла замуж за Дэниела Уолдорфа, она работала в агентстве по связям с общественностью. Несколько месяцев назад у нее родился их первый ребенок. Женщины нередко работают до тех пор, пока не выйдут замуж. Предполагается, что теперь, когда я стала миссис Кенсингтон, я буду входить в советы благотворительных организаций и выбирать цвета для детской.

Вместо того чтобы ответить на вопрос Эйлин резкой шуткой, я смеюсь и встряхиваю волосами. Просто потому, что я ненавижу эту игру, не значит, что я не могу в нее играть.

— Нет, пока нет. Мы наслаждаемся временем вместе, когда есть только мы вдвоем, — особенно учитывая, что мы поженились месяц назад.

Последнюю часть я держу при себе. Я знаю, чего ожидают, и что является подходящей темой для разговора на таком роде мероприятий. Вот почему я стараюсь избегать многих из них, насколько это возможно. Но избежать вечеринки в честь Четвертого июля было невозможно. Я посещала ее каждый год, сколько себя помню.

Эйлин кивает и улыбается, принимая мой дерьмовый ответ, не моргнув глазом. У меня такое чувство, что я буду часто его повторять. Наслаждение — это лесть, но я не лгу, говоря, что хотела бы подождать, прежде чем родить детей. Дело не в том, что я их не хочу. Я хочу. Но дети уничтожат расстояние между мной и Крю. Между нами все неудобно и неловко, и я не знаю, как это изменить. Я должна это хотеть. По крайней мере так было раньше.

Я не понимала, что он будет идти до конца.

— Прошу прощения, дамы, — его голос заставляет меня напрячься. От него у меня бегут мурашки по коже, несмотря на то, что температура сегодня колеблется в районе 27 градусов по Цельсию. — Вы не будете возражать, если я на минутку уведу свою прекрасную жену? — Крю обнимает меня за талию, играя роль любящего мужа так убедительно, что даже я на секунду в это верю. Я уверена, он чувствует, как я напряжена.

Дамы, которые ранее допрашивали меня, все ворковали о том, как сладко и помолодоженски щебечет Крю. Двое из них близки по возрасту к моей матери. И все же все они смотрят на Крю тем же оценивающим взглядом, который он, кажется, вызывает у каждой женщины, которая его видит. Я добавляю его раздражающую привлекательность к длинному списку вещей, которые меня сейчас беспокоят.

Как только мы оказываемся вне поля зрения любопытных женщин, его рука опускается. Я не благодарю его за то, что он спас меня, ничего ему не говорю. Странно и неуютно видеть его здесь. Приходится вести себя как счастливая пара, когда мы очень далеки друг от друга.

Мы едва ли обменялись двадцатью словами с тех пор, как ехали домой на машине с гала-концерта Резерфорда. Я злюсь на него, на себя. Он ведет себя как холодный, отчужденный мудака, за которого мне посчастливилось выйти замуж.

И это меня беспокоит.

Я скучаю по тем проблескам, которые получила от парня, которого, как мне кажется, мало кто видит. Я ненавижу, как он ведет себя, как будто я обещала хранить верность. Ведь это больше, чем просто удар по его мужскому достоинству. Я хочу сказать ему, что это нелепый двойной стандарт, что никто здесь не удивился бы, узнав, что он изменил мне, но был бы шокирован, если бы я повторила то, что сказала ему в лимузине.

О чем я солгала ему в лимузине.

И это главная причина, по которой я не предприняла никаких попыток исправить ситуацию, которая сложилась после вечеринки: безразличное выражение лица Крю. Я думала, что моя ложь, по крайней мере, заденет его эго. Я солгала, и не хочу лгать снова. Мне было больно, и я разозлилась, поэтому я выдумала свою «Ханну». Я надеялась, что между нами возникнет дистанция. Но не такая большая. И кажется, что нам обоим не все равно, тем не менее мы едва разговариваем.

— Тебе что-то нужно? — я делаю глоток из своего бокала, стараясь не обращать

внимания на то место на спине, которое все еще покалывает там, где он прикоснулся ко мне всего минуту назад.

Он изучает мои движения.

— Ты что, пьешь?

Я поднимаю бровь, затем демонстративно смотрю на стакан, который держу в руке.

— Ты ожидаешь, что я переживу это трезвой?

— Вовсе нет. Чем больше ты напиваешься, тем меньше люди будут спрашивать меня беременна ли ты. Мы оба знаем, каковы шансы на это. По крайней мере, от меня.

Я киплю, когда Эндрю Спенсер заворачивает за угол и приближается к тому месту, где мы стоим, стирая любую возможность возразить.

— Это все, дорогой?

— Пока да, милая, — Крю тоже заметил Эндрю. Его тон стал дружелюбным. — Я уверен, что позже найду другой предлог, чтобы украсть тебя.

— Не могу дождаться, — щебечу я.

— Крю! Я так и знал, что это ты! — Эндрю останавливается прямо перед нами, перекрывая мне путь к отступлению. — Как у тебя дела?

— Хорошо, — спокойно отвечает Крю. — А у тебя? Как Оливия?

— Хорошо, хорошо, — голос и выражение лица Эндрю веселые, когда он смотрит на меня. — Скарлетт. Рад тебя видеть.

Я улыбаюсь, но он уже повернулся к Крю. Я допиваю свое шампанское, пока они разговаривают.

— Не видел вас со свадьбы, — говорит Эндрю, хмурясь.

— Как дела в компании? — спросила я.

— Как обычно.

— Должно быть, здесь более беспокойно, чем обычно. Вы уже месяц никуда не выходили. Все спрашивали о вас.

Крю переводит взгляд на меня и отводит, так быстро, что я почти пропускаю это. Я нахожу в этом разговоре новый интерес.

— Да. Мы были заняты.

Я и не подозревала, что Крю и Эндрю были так близки. Честно говоря, я никогда не обращала пристального внимания на тех, с кем он общается на мероприятиях, которые мы посещали на протяжении многих лет. Я разговариваю со всеми по долгу службы, даже с теми, кто близок мне по возрасту. Девочки, с которыми я училась в школе-интернате, всегда сплетничают, а парни вставляют один-два наводящих комментария между хвастовством своими инвестициями.

— Заняты. Конечно, — взгляд Эндрю снова устремился на меня. Он ухмыляется, не оставляя никаких сомнений относительно того, как он воспринял ответ Крю.

— Я должна была догадаться, что встреча с Крю — это причина, по которой ты хотел прийти, — Оливия Спенсер неторопливо подходит к тому месту, где стоим мы трое.

У меня были все намерения поспешно извиниться и оставить Крю и Эндрю говорить обо всем, что они хотят. Но что-то, возможно, то, как Оливия смотрит на Крю, удерживает меня на месте.

По крайней мере, Оливия тонко оценивает ситуацию, в отличие от Ханны Гарнер. Но я все еще вижу интерес в том, как расширяются ее глаза и застенчиво изгибаются губы. До того, как мы поженились, я намеренно старалась не обращать внимания на сплетни о Крю,

когда в них были замешаны другие женщины. Я начинаю понимать, что это могло быть ошибкой. Эти женщины думают, что знают обо мне все, в то время как я понятия не имею, какую историю они делят с Крю

— Ты жаловался, что Крю никуда не ходит, — добавляет Оливия, когда никто из нас ничего не говорит. Я не пропускаю взгляд, которым она одаривает меня при этом. Очевидно, она винит меня в том, что Крю не посещает ночные клубы Нью-Йорка, и меня так и подмывает сказать ей, что я на самом деле сделала все, что могла, чтобы он проводил со мной как можно меньше времени.

Мелочная часть меня, цепляющаяся за мысль о том, что Крю Кенсингтон — это средство для достижения цели, а не кто-то, кто будет что-то значить. Вместо этого я решаю отказаться от этой мысли. Тем более что Крю подумает, что это притворство.

Я подхожу ближе к Крю. На нем белая рубашка с закатанными рукавами. Его обнаженная рука теперь прижата к моей, посылая небольшие ударные волны. Возбуждающего ощущения почти достаточно, чтобы заставить меня забыть о цели всего этого.

Я беру стакан из рук Крю и делаю глоток, почти выпивая остатки алкоголя. Бурбон. На моих накрашенных губах остается немного красного налета, и я вкладываю его обратно в его руку. Не самый тонкий жест, и у меня нет выбора использовать левую руку. Бриллианты сверкают на солнце.

— Я удивлена, что ты все еще посещаешь ночные клубы, Оливия. Тебе не кажется, что мы должны оставить это подросткам?

Я чувствую на себе взгляды Крю.

— О, я знаю. Если не считать случайных девичников. Я уверена, что ты можешь это понять, Скарлетт. Ты такая... независимая, — в голосе Оливии столько же сахара, сколько и в моем, когда она отступает на полшага от Крю.

— Да, понимаю.

— Что ж, было приятно увидеть тебя. Это было единственное мероприятие, на котором я знала, что увижу тебя.

— Много работы.

Губы Оливии поджимаются при упоминании «Хай».

— Ты сотворила чудеса с этим маленьким журнальчиком. Я даже почти не слышала о нем, и вдруг вижу, что люди говорят о нем повсюду.

— Я предпочитаю думать об этом как о мудром инвестировании и эффективном маркетинге, а не как о чуде, — отвечаю я. — И разве твой отец не спонсировал мой «маленький» журнал?

Я знаю, что он это сделал. Я увеличила инвестиции Джозефа Адамса на десять миллионов и уже вернула его в десятикратном размере.

— Думаю, он долго думал над этим, — отвечает Оливия. — Он решил, что журналы — это умирающий рынок.

— Жаль. Наши отчеты о доходах говорят об обратном, — отвечаю я, наслаждаясь тем, как ее губы сжимаются.

— Как раз то, что тебе нужно. Больше денег, — парирует Оливия, немного ее сладости растворяется.

— Читаешь мои мысли, — отвечаю я.

Наступает неловкое молчание.

— Я позволю вам двоим наверстать упущенное, — добавляю я. Но прежде чем уйти, я поворачиваю голову и шепчу на ухо Крю:

— Я не собираюсь напиваться. В конце концов, мы спим сегодня вместе.

Я не жду его реакции на намек. Улыбаюсь Спенсерам и направляюсь к бассейну.

Когда мы достигаем песка, я сбрасываю каблуки. Ощущение грубых зерен между пальцами ног облегчает беспокойство, которое я носила с собой всю ночь. Рейчел и Пенелопа, две женщины, с которыми я училась в школе-интернате, смеются и спотыкаются, когда мы приближаемся к ревущему костру, разведенному на пляже. Бутылка «Дом Периньон» болтается между пальцами Рейчел, пока она бежит со скоростью миллион миль в час, чуть не падая лицом вниз.

Костер — ежегодная традиция Четвертого июля, в которой я никогда не участвовала, на что Пенелопа указала три раза за те десять минут, которые потребовались, чтобы пройти по дощатому настилу от дома моих родителей сюда в темноте. Это именно то, что я себе представляла. Вынужденная светская беседа с моими сверстниками — это одно. Другое дело — пьяный разврат. Я видела слишком много фальшивых улыбок, сопровождаемых двусмысленными комплиментами.

Как Эллсворт, я всегда придерживалась более высоких стандартов. Я знаю это. Как и все остальные. Люди на пьедесталах кажутся совершенными. Пока они не падут.

Но я больше не Эллсворт. Я Кенсингтон. Неприкасаемая. Мало того, что Крю богат и имеет связи, он нравится людям.

Мы подходим к группе, собравшейся вокруг мерцающего пламени. Я оглядываю знакомые лица, быстро рассматривая всех присутствующих. Здесь собрались в основном те, кто был на вечеринке у моих родителей в возрасте до тридцати лет. Я ловлю взгляд Крю через огонь. Он стоит с группой парней и выглядит более расслабленным, чем я когда-либо видела его. Ни галстука, ни костюма. Только пара темно-синих плавок и белая рубашка, которая почти не застегнута. Его волосы растрепаны. Ветром... или кем-то еще. Сделал бы он это? На вечеринке моих родителей в моем присутствии? Не знаю. Я не видела его с тех пор, как мы встретились со Спенсерами. Если бы он захотел, то легко мог бы ускользнуть на некоторое время.

Рейчел с визгом открывает шампанское, снова привлекая мое внимание к ней и Пенелопе. Брызги белой пены падают на песок, когда она направляет струю золотистой жидкости в хрустальные бокалы, которые принесла Пенелопа. Я беру его с благодарностью. Пузырьки щекочут мне горло, когда я выпиваю половину одним глотком.

Здесь, в темноте, я чувствую себя по-другому. Я не чувствую себя картиной, выставленной на показ. Принуждение казаться совершенным и точно знать, что сказать,

исчезло. Знакомое тепло струится по моим венам, когда я осушаю свой бокал, облегчая и расслабляя движения.

Я чувствую себя достаточно комфортно, чтобы прислушаться к разговору Рейчел и Пенелопы. Вскоре они принимают ставки на то, кто с наибольшей вероятностью пойдет купаться нагишом. Я смеюсь, когда они рассказывают истории прошлых лет, решая, кто, скорее всего, снова испугнется.

— А что насчет Крю? — спрашиваю я, когда он оказывается единственным парнем, которого они не упомянули.

Рейчел и Пенелопа обмениваются взглядами.

— Крю никогда не приезжал в Хэмптон летом, — говорит мне Рейчел.

— О.

— Знаешь, люди делали ставки на сегодняшний день, — она смеется над моим удивленным выражением лица. — Не волнуйся, держу пари, он не сделал это. Только идиоты это делали. Те же самые люди, которые называют тебя заносчивой сукой.

Пенелопа шипит:

— Рейчел!

Я не реагирую. Я знаю, что именно так люди видят меня. Однако совсем другое дело слышать, как об этом говорят в такой резкой форме.

Рейчел пожимает плечами.

— Что? Трудно не ненавидеть того, кто получает все, что хочет.

Я поднимаюсь.

— Пойду найду туалет.

Ближайший дом принадлежит Кингсли, технически мы находимся на их участке пляжа, но на самом деле у меня нет никакого намерения идти в туалет. Я вернусь в дом своих родителей.

Мой план с самого начала состоял в том, чтобы сегодня пораньше лечь спать. Впервые я буду делить постель со своим мужем. В идеале, я буду крепко спать к тому времени, когда он ляжет.

Я останавливаюсь у костра. Теперь, когда солнце зашло, жар от пламени противостоит прохладному морскому бризу.

— Стало прохладно, да?

Я не сразу поворачиваюсь. Секунда кажется необходимой. Когда я оглядываюсь назад, он стоит ближе, чем я ожидала.

— Ты уверен, что никогда не хотел стать метеорологом? У тебя, кажется, странное пристрастие к погоде.

— Уверен.

— Никто больше не находит твоё увлечение странным?

Крю вроде бы смеется, но это быстро превращается во вздох.

— Я не знаю, что еще сказать тебе, Скарлетт.

Я отвожу взгляд, как делаю каждый раз, когда мы сближаемся.

— Тебе не нужно следить за мной. Иди развлекайся.

Он так близко, что я чувствую его вздох. Его грудь поднимается и опускается, а дыхание развеивает мои волосы, когда он выдыхает. Я жду, когда он отступит, отодвинется. Вместо этого он кладет руки мне на талию и разворачивает к себе. Так быстро, что у меня нет времени среагировать или отказаться.

Теперь мы стали еще ближе. Всего несколько сантиметров разделяют наши лица, когда его руки ослабляют хватку на моих бедрах.

— Я не делаю того, чего не хочу, Скарлетт. Если я не хочу следить за тобой, я этого не делаю. Если я не хочу проводить с тобой время, я этого не делаю.

— Хорошо, — произношу я. Не слишком громко, чтобы не разрушить этот момент, как делала до этого.

— Хорошо, — его эхо такое же тихое.

Первый фейерверк пугает меня. Он взрывается захватывающим звуком и цветом, освещая берег, море и все окружающее, ранее скрытое ночью. Горящее дерево и лунный свет были слабыми по сравнению с ним. Отдаленные звуки музыки из дома и ритмичный плеск волн о песок кажутся приглушенными.

Еще один взрыв озаряет небо, посылая в полет розовые дуги, которые с шипением опускаются обратно. За ним последовал еще один, и еще, и еще. Поблизости слышны смех и крики, но я не обращаю на них внимания. Я поворачиваюсь лицом к фейерверку, но не вырываюсь из его объятий. Я прижимаюсь к нему, в буквальном смысле, прислоняясь спиной к его груди. Руки Крю свободно обвиваются вокруг моей талии. Теплые, надежные и сильные.

Этот момент кажется волшебным, и я знаю, что дело не в фейерверке, за которыми наблюдаю, и не в шампанском, струящемся по моей крови.

Я смирилась с тем, что выйду замуж за Крю. Он был лучшим из достойных вариантов.

Так не должно было быть. Предполагается, что наши отношения должны основываться на взаимопонимании и нерушимых юридических документах. Не на доверии, похоти и всем остальном, что сжимает мою грудь прямо сейчас. Волнующие, пугающие чувства. Я не смогу оставить его, никогда не смогу уйти. Когда ему надоест быть заботливым мужем и примерным семьянином, я буду единственной, кто застрянет дома в ожидании.

Будет больно, если я позволю этому случиться.

Я говорю себе, что этого не будет, даже когда расслабляю свое тело рядом с ним и игнорирую завистливые взгляды, направленные в мою сторону. Крю, возможно, женился на мне из-за моих денег и имени, но он сам решил жениться на мне. Он не делает того, чего не хочет, как он только что сказал.

— Как думаешь, кто это придумал?

Я откидываю голову назад, чтобы видеть его профиль.

— Придумал что?

— Фейерверк на Четвертое июля. А как насчет того, что кровавая война говорит «давайте осветим небо»?

— Они праздничные, — отвечаю я. — Моя мама хотела фейерверк для нашего приема.

— Неужели? — его рука скользит по изгибу моего бедра. Это невинное движение, смена позы. И все же оно обжигает мою кожу. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как у меня был секс. Я виню в этом то, что осознание накапливается у меня в животе.

Сегодня вечером мы будем спать в одной комнате. Кровати. До сих пор я не думала, что есть хоть какой-то шанс, что что-то может случиться. Мой предыдущий комментарий был поддразниванием, напоминанием о том, чего мы раньше не делали. Теперь меня поглощает мысль о том, что что-то может случиться. Что я, возможно, захочу этого.

— Да, — подтверждаю я.

— Почему тогда у нас на свадьбе не было фейерверка?

— Я сказала ей «нет».

— Для тебя это был не праздник, — это не вопрос, а утверждение.

— Они вредны для окружающей среды.

Он хихикает, уткнувшись мне в волосы, и я чувствую вибрацию повсюду.

— Как и частные самолёты.

— Никто не совершенен.

Он все еще смеется. В груди появляется странное липкое ощущение, как будто что-то тает внутри меня.

Быстрые всплески цвета озаряют небеса, сигнализируя о начале финала. Мы оба молчим до конца, оставаясь неподвижными, пока гаснут последние вспышки.

Когда фейерверк заканчивается, волшебство исчезает вместе с ним. Я чувствую себя неловко, стоя здесь. Когда он обнимает меня, мне не так комфортно, как было несколько минут назад. Я прочищаю горло.

— Я должна вернуться наверх.

Крю не двигается и не реагирует в течение нескольких секунд. Когда его руки опускаются, я испытываю разочарование, а не облегчение.

— Я провожу тебя.

Он ожидает, что я буду возражать. Я поворачиваюсь так, чтобы оказаться лицом к нему.

— Хорошо.

На его лице нет триумфа, только возбуждение.

— Позволь мне забрать свои туфли из беседки.

— Ты собирался плавать, — заявляю я. Как идиотка, которая ляпнула очевидное.

— Да. Некоторые ребята хотели поплавать.

— Только парни? — слова вылетели раньше, чем я смогла их остановить.

— Только парни, — подтверждает он.

Мне удастся коротко, отрывисто кивнуть. На этот раз я испытываю облегчение.

— Сейчас вернусь.

Я смотрю, как он разворачивается и уходит, восхищаясь тем, как двигаются его плечи при каждом шаге. То, как его плавки облегают бедра и ягодицы.

Это всего лишь одна ночь. У людей постоянно бывают романы на одну ночь. У меня были романы на одну ночь. Это не обязательно должно что-то значить. На следующей неделе у меня еще одна поездка в Париж. Это приведет к некоторому отдалению между нами. Я смогу это пережить. Мне должно быть все равно.

Суматоха отвлекает меня от внутренней ободряющей речи. Я прищуриваюсь в сторону беседки Кингсли, пытаюсь разглядеть две фигуры, стоящие возле нее. Один из них наносит удар, и фигура, принимающая его, опускается вниз, как камень.

Я реагирую, не задумываясь, и бегу в том направлении вместе со всеми остальными, кто находится поблизости. Высший класс предпочитает словесные перепалки дракам. Если у вас с кем-то проблемы, вы говорите это ему в лицо ласковым тоном. Вы не сбиваете его с ног.

И последнее, чего я ожидаю, когда добераюсь до толпы, образовавшейся вокруг драки, это то, что Крю будет стоять, щеголяя красными костяшками пальцев и убийственным выражением лица. Я бросаюсь вперед, мой путь свободен, как только все понимают, кто я такая. Люди изо всех сил стараются убраться с моего пути.

— Какого хрена ты делаешь? — кричу я, как только добегаю до него, переводя взгляд с разъяренного лица Крю на Кэмдена Крейна, который сидит на песке с разбитой губой.

Изо рта Кэмдена капает кровь, когда он начинает смеяться.

— Я бы сказал это тебе в лицо, Кенсингтон. У нее должен быть...

Крю бросается вперед и снова бьет его. Завтра у Кэмдена будет синяк под глазом в тон его распухшему рту. Я принимаю глупое решение не уходить и игнорировать все, что происходит. С любым другим, я бы так и сделала. Вместо этого я толкаю Крю в грудь, чувствуя исходящий от него адреналин и враждебность. Он тяжело дышит.

— Крю. Что происходит? Что ты делаешь?

Он не отвечает ни на один из вопросов. Просто продолжает свирепо смотреть на парня, лежащего на земле. Я оглядываю собравшихся зрителей, пытаюсь разобраться в ситуации. Очевидно, Кэмден сказал что-то, что вывело Крю из себя. Достаточно сильно, чтобы убедить Крю изуродовать его лицо.

Пенелопа и Рейчел обе прижимают руки ко рту, выглядя потрясенными. Но я задерживаюсь на мужчинах. Они все выглядят испуганными, нервными. Даже Эндрю Спенсер, который, как мне казалось, считал Крю своим другом. Никто из них не смотрит мне в глаза.

Кэмден снова смеется. Он вытирает нижнюю губу, размазывая кровь по подбородку.

— Не думал, что ты из тех, кто пачкает руки.

— А я думал, ты из тех, кто знает, когда нужно заткнуться, — огрызается Крю.

— У меня просто хватило смелости сказать то, что все остальные здесь думают.

— Это правда? — пристальный взгляд Крю поднимается, блуждая по собравшимся зрителям. Все мотает головами. Жестокая улыбка кривит губы Крю, когда он снова смотрит на Кэмдена. — Попробуй еще раз, Крейн. Пожалуйста. Я бы с удовольствием избил тебя всего, а не только твое отвратительное лицо.

Как только это прощальное слово достигает цели, Крю разворачивается и шагает в направлении тропинки, ведущей обратно к дому моих родителей. После минутного колебания я следую за ним.

Я схожу с ума. Судя по перешептываниям и косым взглядам, я была непреднамеренно вовлечена в то, что только что произошло. Не могу вспомнить, когда в последний раз разговаривала с Кэмденом Крейном. Я понятия не имею, что он мог сказать, чтобы вывести Крю из себя. Я понятия не имела, что Крю может выйти из себя из-за меня. Он защищал меня, заступился за меня. И я совершенно не представляю, как с этим смириться.

Обратный путь темный. Мои глаза привыкли к яркому фейерверку и отблеску костра. Слабого лунного света едва хватает, чтобы я могла идти по дощатой дорожке, которая петляет между стеблями пляжной травы. Соленый воздух сдувает пряди волос с моего лица. Я глубоко дышу, пытаюсь сосредоточиться.

Я думала, что отношения между мной и Крю уладятся естественным путем. Что мы найдем какую-нибудь систему, которая позволит нам воспользоваться преимуществами этого соглашения без ущерба для наших целей. Но все больше и больше мне кажется, что между нами все становится только сложнее.

Дойдя до края патио, я колеблюсь. Я должна пройти внутрь и присоединиться к вечеринке. Сыграть роль идеальной хозяйки и дать Крю возможность остыть. Я захожу внутрь, но вместо того, чтобы идти на звук разговоров и смеха, я поднимаюсь по задней лестнице, ведущей на второй этаж.

Дверь в мою спальню приоткрыта, хотя я уверена, что закрыла ее перед тем, как спуститься вниз. Толкаю ее, чтобы увидеть пустую и темную комнату. Но в ванной горит

свет. Я закрываю за собой дверь, объявляя о своем присутствии.

Бесшумно крадусь по ковру к двери, ведущей в ванную комнату. Крю стоит у раковины, моет руки. Вода становится розовой.

Я прислоняюсь к дверному проему, раздумывая, что сказать. И останавливаюсь на вопросе:

— Ты в порядке?

— Все прекрасно, — его тон такой же резкий, как и ответ.

Я остаюсь на месте, пока он закрывает кран и вытирает руки, избегая порезов на костяшках.

— Тебе следует нанести на них немного перекиси.

Он не отвечает. Я отталкиваюсь от дверного косяка и подхожу к нему. Напряжение все еще исходит от него, когда я касаюсь его руки, чтобы наклониться и вытащить коричневую бутылку из шкафчика. Беру несколько ватных шариков.

— Садись, — я киваю в сторону края ванны, смачивая вату жидкостью. Резкий химический запах обжигает нос.

Крю колеблется, прежде чем подчиниться. Я наблюдаю за ним краем глаза, когда он садится на мрамор. Ванная большая, такая же большая, как в моем пентхаусе, но в его присутствии она кажется крошечной. Я изучаю золотистые волоски на его загорелых руках. То, как его рубашка туго натягивается на плечах. Голубые глаза, которые видят больше, чем я хочу показать.

Убедившись, что вата намокла, я пересекаю плитку и приседаю, чтобы обработать раны на его руке. В течение нескольких секунд единственным звуком является наше дыхание.

Крю заговорил первым.

— Знаешь, я уже представлял тебя в таком положении раньше. Но никогда не мог поверить, что это случится.

Я встречаюсь с ним взглядом на минуту. Несколько слов вертятся у меня на кончике языка. Но я не хочу, чтобы наш первый раз был таким. Поэтому задаю вопрос, который, я почти уверена, потушит пламя между нами:

— Почему тебе не нравится в Хэмптоне?

— Мне здесь очень нравится, — его ответ беспечен. Однако под этим скрываются эмоции, подчеркнутые тем, как его челюсть сжимается, а глаза темнеют. Так близко, что я замечаю едва заметные изменения.

— Тогда почему ты не приезжал сюда летом?

— Кто тебе это сказал?

— Рейчел Арчибальд. Хорошо, что у нас была короткая помолвка. Фраза «ты недостаточно хороша для него», которую я услышала сегодня нескончаемое количество раз, уже достала меня, а это они говорят после свадьбы. Кто знает, как бы всё было до свадьбы.

— Кто сказал, что ты недостаточно хорош для меня? — вместо того чтобы злорадствовать, выражение его лица скорее сердитое.

— Я знаю, что люди думают обо мне. Очевидно, я получаю все, что хочу, не прикладывая усилий для этого.

— Ты работаешь по сто часов в неделю, Скарлетт. К черту любого, кто говорит иначе.

Я не говорю того, что думаю: «Ты, вероятно, уже послал их. Меня тошнит от этих насмешек».

Он использует свою здоровую руку, чтобы приподнять мой подбородок.

— Я серьезно. Ты — Скарлетт Элсворт. Тебе все равно, что думают другие.

— Я хорошо умею вести себя так, будто все иначе, — честнее, чем хотелось бы.

— Ты не должна притворяться рядом со мной.

Сначала я не отвечаю. Поднимаю его правую руку, чтобы более внимательно осмотреть порез на его руке. Костяшки его пальцев покраснели и распухли, но, по крайней мере, они больше не кровоточат.

— Кенсингтон.

— А?

Я отпускаю его руку и бросаю ватные шарики в мусорное ведро, прежде чем встать.

— Ты назвал меня Скарлетт Элсворт. Я — Скарлетт Кенсингтон, — его улыбка заставляет меня пожалеть, что я не осталась сидеть. — Я собираюсь спуститься обратно вниз.

Он кивает. Я убегая. Мне нужно пространство. Время. Расстояние.

Крю сбивает с толку. Все в нем сбивает с толку. То, что он говорит. И не говорит. Что делает. И чего нет. И то, что я чувствую рядом с ним, сбивает с толку больше всего.

Вступая в этот брак, у меня была одна цель: заставить Крю видеть во мне равную ему. Я сохранила всю ту власть, которая была у меня, когда согласилась выйти за него замуж. Я беспокоюсь, в ужасе от того, какими могут быть последствия признания, что я хочу, чтобы между нами все было по-настоящему. Но продолжать идти по тому пути, который у нас есть, нецелесообразно.

Вместо того чтобы спуститься вниз, я направляюсь в одну из других гостевых комнат дальше по коридору. Мне хочется побыть одной. В углу есть диванчик, на котором я сворачиваюсь калачиком. Я теряю счет времени, лежа там и прокручивая сегодняшний день в голове.

Как только звуки внизу становятся все тише и тише, я встаю и иду обратно в свою комнату. В спальне темно, а в ванной горит свет, как и раньше. Но в левой части кровати есть большой бугор.

Я на цыпочках иду в ванную, чтобы почистить зубы и умыться.

Когда я возвращаюсь в спальню, Крю уже спит. Или он убедительно притворяется. На нем тоже нет рубашки. До этого вечера я редко видела своего мужа в чем-либо, кроме костюма. Я прислоняюсь к дверному косяку и смотрю на него. У него золотистая кожа. Я не уверена, когда у него есть возможность усвоить витамин D. Кажется, он работает почти так же много, как и я. Его загар выделяется на фоне белых простыней, свободно накинутых на живот, который впечатляюще очерчен даже в расслабленном состоянии. Должно быть, он много тренируется. Когда — понятия не имею. Осознание этого беспокоит меня. Я провела последние пару недель, живя с ним, и узнала больше, когда шпионила за ним с камер наблюдения по ту сторону Атлантики.

Сближение с Крю приводит меня в ужас. То немногое, что я уже знаю, интригует. Предполагалось, что причины этого брака понятны. Деньги, перспективы, империя, которую мы создадим вместе. Мы с ним должны были быть фальшивой парой.

Вместо этого фальшивой кажется наша империя.

Раньше слияние с Крю казалось очень реальным.

Что с ним случилось? С той девушкой, которой было все равно? Совсем недавно я ни о чем не сомневалась. Когда у меня не было соблазна уйти с работы пораньше. Когда я не отвлекалась. Когда голубые глаза не преследовали мои мысли.

Крошечный уголок моего сердца нашептывает ответ: «Та девушка вышла замуж за Крю Кенсингтона».

Я выключаю свет в ванной и на цыпочках иду по полу, пока не добираться до своего чемодана. Мне требуется несколько минут, чтобы разобраться в своих вещах в темноте, но я наконец нахожу шелковую ночную рубашку.

Скользя под теплые простыни кажется чуждым. Кровать обычно холодная, когда я забираюсь в нее. Я прижимаюсь как можно ближе к краю матраса. Даже при том, что я не вижу его, я чувствую его. Его шампунь. Слышу его дыхание.

Как только я понимаю, что в ближайшее время не засну, выскальзываю из кровати и направляюсь к двери. В коридоре пусто и тихо. Я спускаюсь вниз и пересекаю холодную плитку прихожей, которая ведет в гостиную. Французские двери расположены вдоль дальней стены с видом на бассейн. Я останавливаюсь у книжного шкафа, чтобы взять потрепанный экземпляр «Унесенных ветром», а затем набираю код безопасности на клавиатуре у холодильника. Он мигает зеленым, указывая на то, что сигнализация отключена.

Там нет никаких следов вечеринки, которая состоялась ранее. Каждая поверхность блестит, без единого пятнышка. Я беру бокал, бутылку и открывашку и выхожу на улицу. Луна отбрасывает яркое сияние, которое покрывает все вокруг.

Сажусь на один из стульев, стоящих вдоль края бассейна. Пробка выскакивает с первой попытки. Я наливаю себе щедрый бокал, а затем откидываюсь на подушки, время от времени делая глоток и глядя на участок частного пляжа, который отделяет задний двор от океана.

Затем беру книгу и начинаю читать.

10. Крю

Я просыпаюсь один в постеле. Протягиваю одну руку, ощущая прохладную ткань там, где должна быть Скарлетт. Мои больные костяшки протестуют против этого движения. Я морщусь, как от боли, так и от воспоминаний о том, как у меня распухла рука. Взглянув на часы на прикроватном столике, я понимаю, что уже три часа ночи.

Переворачиваюсь на спину, пытаюсь снова заснуть. В конце концов, я сдаюсь. Вылезаю из кровати и натягиваю спортивные шорты. Я не беспокоюсь о рубашке, прежде чем выйти в коридор. Комната Джозефины и Хэнсона находится в противоположном крыле дома. Если только у них не вошло в привычку бродить среди ночи, в чем я очень сомневаюсь. Мне не нужно беспокоиться о том, что я столкнусь со своими родственниками.

Найти Скарлетт не заняло много времени. На кухне горит свет, а дверь, ведущая во внутренний дворик и к бассейну, приоткрыта. Как только я выхожу на улицу, замечаю ее, развалившуюся на одном из шезлонгов, с бокалом вина в одной руке и листающей книгу в мягкой обложке.

— Не можешь уснуть? — спрашиваю я, присаживаясь на край шезлонга, на котором она лежит.

Она откладывает книгу в сторону и делает глоток вина, прежде чем ответить.

— Ты храпишь.

— Нет, я не храплю.

Скарлетт вздыхает.

— Да, ты не храпишь. Ты просто находишься там.

Я знаю, что она имеет в виду. Нам еще предстоит спать вместе, в буквальном или сексуальном смысле. Вынужденная близость в этой поездке не является нежелательной, но это определенно странно. Я не знаю, как вести себя с ней. Каждый раз, когда я думаю, что мы, возможно, добились какого-то прогресса, мы откатываемся назад. Она даже не может спать рядом со мной.

Я кладу локти на колени и смотрю на плоскую поверхность бассейна. Фильтры образуют небольшую рябь, которая преломляет падающий вниз лунный свет.

— Так вот как все будет, Скарлетт?

— Что будет?

— Мы. Это то, чего ты хочешь?

— У нас никогда не было того, чего я хочу.

Я смеюсь.

— Чушь собачья.

Ее глаза вспыхивают.

— Извини?

— Ты слышала меня. Если бы ты не хотела, мы бы не поженились, — я пристально смотрю на нее, осмеливаясь отрицать это.

Она отводит взгляд.

— Я ожидала, что все будет по-другому.

— Как по-другому?

— Не знаю. Просто... по-другому.

Я вздыхаю. С этой женщиной никогда ничего не бывает простым.

— Я хотел бы знать, каково это — трахать свою жену, Скарлетт.

Она не вздрагивает от грубого заявления. Вообще не реагирует.

— Ты можешь получить это в другом месте.

— И ты тоже? — я добавляю эти последние слова просто для того, чтобы задеть ее. Увидеть ее сердитое выражение лица. Она более общительна, когда злится.

— Не твое дело.

Я смеюсь.

— Но это было мое дело после гала-концерта Резерфорда?

Она молчит.

— А как насчет детей?

— Ты имеешь в виду наследников? — она усмехается. — Я не готова. Из-за журнала и новой линии одежды я даже не помню, что нужно есть. Я сейчас не могу справиться с ребенком.

— Хорошо.

Она смотрит на меня с явным подозрением из-за отсутствия у меня аргументов.

— Ты хочешь, чтобы я съехал? — спрашиваю я.

— Что? — Скарлетт выглядит искренне шокированной этим вопросом. — После того, как ты настоял на том, чтобы переехать со своими костюмами, которые заняли два шкафа, и наполнил холодильник пакетами с коровьим молоком?

Вторая претензия кажется более недовольной, чем первый, и я почти улыбаюсь. Филипп уже сообщил мне, что Скарлетт предпочитает растительное молоко животному и была недовольна тем, что у меня в холодильнике не оказалось такого.

— Я переехал туда, потому что мы женаты, Скарлетт. Если ты хочешь притвориться, что

это не так, то все в порядке.

Она садится.

— Я знаю, что мы женаты. И выполняю свою часть сделки. Я не знаю, чего еще ты от меня хочешь.

— Очевидно, ничего из того, что ты готова дать.

— Секс. Верно, — она фыркает. — Ты такой мужлан.

— Да. Я хочу заняться с тобой сексом. Я также хочу знать, почему ты попросила меня поцеловать тебя перед нашей свадьбой. Почему ты сопротивляешься мне во всем. Я ни черта о тебе не знаю, Скарлетт.

— Ты знаешь то, что нужно.

— Иначе говоря то, что ты хочешь, чтобы я знал, — возражаю я.

Она вздыхает. Отводит взгляд. Перелистывает страницы своей книги.

— Тебя назвали в честь вида спорта? (*Crew — гребля*)

Я моргаю. Что? Скарлетт пристально смотрит на меня. Я приподнимаю бровь.

— Это все, что ты хочешь знать обо мне?

Скарлетт делает еще один глоток из своего бокала.

— Ответ на вопрос.

— Нет, это семейное имя, — я перемещаюсь так, чтобы быть лицом к ней, а не к бассейну. — Тебя назвали в честь цвета? (*Scarlett — алый*)

Веселье недолго появляется на ее лице.

— Моя мать была поклонницей Маргарет Митчелл, — она переворачивает книгу рядом со мной, показывая выцветшую обложку «Унесенных ветром».

— Значит, тебя назвали в честь колкой девушки, безнадежно влюбленной в парня, который женился на кузине?

Она прищуривает глаза, но не раньше, чем я вижу, что она удивлена, что я читал книгу.

— Скарлетт сильная. Она умеет выживать. Она спасает себя снова и снова, никогда не признавая поражения и не полагаясь на спасителя.

— Это тебе подходит.

Ее ногти с розовым лаком постукивают по краю кристалла, который она держит в руках. Она посасывает нижнюю губу, и я представляю, как делаю то же самое.

— Я не хочу, чтобы ты съезжал, — на ее щеках появляется румянец, но она выдерживает мой взгляд.

— Скарлетт...

— Я постараюсь, хорошо? Я постараюсь.

— Это был не ультиматум, — тихо говорю я.

— Хорошо.

Она встает с шезлонга и забирается ко мне на колени, чем шокирует, заставляя застыть. Она устраивается прямо на моей промежности. Отчего я становлюсь невыносимо твердым.

— Спасибо.

— За что? — я задыхаюсь.

Она смотрит на мои красные, распухшие костяшки пальцев.

— За это.

— Я годами хотел ударить Кэмдена. Он мудака, — вру я. Кэмден Крейн — мудака. Но я никогда не думал о том, чтобы ударить его, пока не услышал, как он рассуждает о том, какая Скарлетт в постели.

По выражению ее лица могу сказать, что она знает правду, но не оспаривает ее.

— Люди будут много болтать.

— Ну и пусть.

— А твой отец не расстроится? Он ведет дела с Себастьяном Крейном.

Расстроится? Больше будет похоже на ярость.

— Вопреки тому, что думают некоторые люди, я не принимаю решения, основываясь на мнении моего отца.

Вместо ответа она целует меня. На вкус она как терпкое вино. Кислая и сладкая одновременно. Опыняющая.

В последний раз, когда наши губы соприкасались, мы стояли в вестибюле с сотнями людей по другую сторону стены. На мне был смокинг, а на ней — белое платье. Сейчас уже середина ночи. Вокруг никого нет. Она трется у меня на коленях, одетая в шелковую ночную рубашку, которая едва прикрывает ее задницу.

Жар разливается по моим венам. Между нами вспыхивают искры, горящие намерением. Желанием, нуждой и другими всепоглощающими эмоциями, которые смывают рациональное мышление.

Обычно я не обращаю особого внимания на поцелуи. Это вежливость, остановка на пути к конечному пункту назначения. Граничащая между отчаянными прикосновениями и срыванием одежды. Но со Скарлетт я наслаждаюсь этим. Может быть, потому, что прошел месяц с тех пор, как ее губы были на моих. Целовать ее — подарок, привилегия.

Как и во всем остальном, она бросает мне вызов. Ее зубы царапают мою нижнюю губу, и я не могу сдержать вырывающийся стон. Я чувствую ее улыбку, хотя ее лицо слишком близко, чтобы разглядеть.

Я близок к тому, чтобы кончить от одного ее вкуса, ощущения рук в моих волосах, трения между нашими телами. Когда ее правая рука выскальзывает из моих волос и скользит вниз к поясу, я проклиная свою нелюбовь к планированию. В этих шортах нет карманов. Я хватаю ее за запястье, прежде чем она опускается достаточно далеко, чтобы я не мог мыслить здраво. Кровь уже хлещет к члену. Не может быть, чтобы она не заметила, насколько мне тяжело.

— У меня ничего нет, — я жду, что она скажет.

Что-то проходит по ее лицу. Похожее на сожаление, смешанное с некоторой неуверенностью. Затем она пожимает плечами и уходит.

— Хорошо.

Хорошо?

Я в бешенстве. Раздраженный, что она целует меня вот так, а потом так же быстро отступает. Кровь бежит по моим венам так же быстро, как колотится мое сердце, а она откидывается на спинку шезлонга, выглядя так же, как и тогда, когда я пришел сюда — совершенно невозмутимой.

Этот толчок и притяжение стали предсказуемой закономерностью между нами. Но на этот раз я наступаю сильнее.

Я ползу к ней, потираясь своей эрекцией о внутреннюю сторону ее бедра. Ее дыхание учащается, как будто она изо всех сил пытается вдохнуть достаточно кислорода. Скарлетт умеет контролировать свои слова. Однако ее тело — совсем другая история.

Я целую ее, крепко, глубоко и жадно. Она целует меня в ответ. Я чувствую, как она борется с желанием выгнуться мне навстречу. Я перестаю целовать ее, отстраняясь, чтобы с

минуту изучить ее лицо. Ее щеки покраснелись, а темные волосы разметались в диком беспорядке.

Увидеть Скарлетт в свадебном платье было для меня шоком. Это похоже на еще один новый опыт: как будто я вижу ее в первый раз. Она поглощает каждую мысль, даже не стараясь.

Ее кожа такая же гладкая, как шелк, который она почти не носит. Расстояние между нами очень маленькое. Ее тихий вздох, когда я просовываю руку под подол ее короткой ночной рубашки, единственный звук, который я слышу. Я не отрываю от нее глаз, пока провожу по влажному кружеву между ее бедер, наблюдая, как ее глаза закрываются, а губы приоткрываются.

— Посмотри на меня, Скарлетт, — приказываю я. Как будто, черт возьми, она притворяется, что это какой-то другой парень прикасается к ней.

Она борется со мной с минуту, упрямо не открывая глаз. Я и не ожидал ничего меньшего. Но потом она смотрит на меня. Между нами потрескивает электричество, такое же всепоглощающее, как все, что я когда-либо чувствовал.

Скарлетт прикусывает нижнюю губу. Она все еще борется, не реагирует, не издает ни звука.

— Покажи мне свои сиськи.

Ее глаза расширяются. Не только от удивления, но и от возбуждения. Ей нравится, когда ею командуют в постели.

Медленно Скарлетт протягивает руку и дергает за тонкие бретельки, удерживающие ее ночную рубашку. Ткань сползает вниз, открывая все больше и больше ее бледной кожи. Мой член дергается, когда в поле зрения появляется ее грудь. Острые пики ее сосков каменеют под моим пристальным взглядом. Ее рубашка собралась вокруг талии, прикрывая лишь небольшую полоску живота. Остальная часть ее тела обнажена, разложена передо мной и подо мной.

Я фантазировал о том, чтобы увидеть Скарлетт обнаженной, смущающее количество раз. В отличие от большинства вещей, реальность превосходит мое воображение. Ее тело идеально. Но тот факт, что это тело принадлежит женщине, которая борется со мной во всем, но позволяет мне видеть ее такой, заставляет меня чувствовать, что я никогда раньше не видел обнаженную женщину.

Я не двигаюсь. Я смотрю, впитывая в себя ее женственные изгибы и кремовую кожу. Другая женщина могла бы уклониться от оценки. Прикрыться или отвернуться. Скарлетт не делает ни того, ни другого. Она выдерживает мой пристальный взгляд с намеком на вызов, искрящийся в ее глазах, глядя на меня так, как будто я сам уязвимый.

Может быть, она права. Может быть, так оно и есть.

Она само совершенство. И в некотором смысле она моя.

— Раздвинь свои ножки для меня, детка.

На этот раз никаких колебаний. Никакого ласкового прозвища в раздраженном тоне. Желание — преобладающая эмоция на ее лице, когда она раздвигает бедра так широко, как только может, открываясь мне.

Я опускаюсь ниже, стаскивая с нее трусики, чтобы они не мешали. Ее дыхание становится быстрым и прерывистым. Я опускаю голову и облизываю ее.

Ее бедра поднимаются, ноги еще больше раскрываются. Она пытается направить меня туда, куда хочет. Гонится за удовольствием, предлагая искушение. Она нравится мне такой.

Подо мной. Наблюдающая за мной. Несмотря на все ее позерство по поводу собственности и призов, не думаю, что Скарлетт осознает, какой властью она обладает. Над всеми. Надо мной.

Она унаследовала это. Но еще и создала. Завоевала. Приумножила. Как императрица, а не королева. Это редкость в нашем мире, где люди прячут несчастье под машинами, которые не водят, домами, в которых не живут, и отпусками, которыми не наслаждаются.

Она — сила, моя жена, и прямо сейчас она в моей власти. Молча молит о моих пальцах и языке, потому что слишком горда, чтобы попросить об этом.

Я дразню ее медленно и соблазнительно, избегая места, которое, я знаю, возбудит ее. Жесткий выступ стула впивается в мое колено, и мой ноющий член прижимается к подушке, отчаянно требуя внимания. Огни у бассейна отбрасывают тени на патио, равномерное журчание воды в фильтре — единственный звук, кроме учащенного дыхания Скарлетт. Ее кожа на вкус как соль и грех, когда я подталкиваю ее ближе к краю, а затем отстраняюсь.

Когда я выиграю пари, «когда», а не «если», исходя из того, насколько она мокрая, мы снова окажемся в таком положении, и я заплачу за эту медленную пытку. Я в этом уверен. Но прямо сейчас у нее нет другого выбора, кроме как лечь на спину и принять это. Я предполагаю, что большинство парней, с которыми она была, были слишком возбуждены и отчаянны, чтобы доставить ей удовольствие. Растянуть каждую сладкую секунду.

В следующий раз, когда я поднимаю глаза, она пробует новую тактику: проводит пальцами между ложбинками своих грудей, а затем обхватывает ладонью левую грудь. Ее губы приподнимаются, озорные и соблазнительные.

Мы играем с огнем. Она просит, чтобы ее обожгли.

Я просовываю в нее один палец, затем два. Хриплый вздох срывается с ее губ, натуральных розовых, а не красных. Ее стенки сжимаются вокруг моих пальцев, крепко сжимая их. Я сгибаю их, и она взрывается, бьется в конвульсиях и стонет.

Она удерживает мой взгляд, когда кончает, и это самое сексуальное, что я когда-либо видел. Ее бедра дрожат от толчков, когда я поднимаю голову, чтобы встретиться с ней взглядом. Она моргает, глядя на меня, сонная и довольная.

Мы смотрим друг на друга под аккомпанемент ударов волн о песок, примеряя то, что только что произошло, с тем, кем мы были раньше. Я ожидаю отказа. Что она поправит пижаму, возьмет книгу и поведет себя так, словно ничего не произошло. Вместо этого она садится и тянется к моим шортам.

Я хватаю ее за запястье и держу его.

— Не надо, — мой член хочет познакомиться с ее ртом. Очень, очень сильно. Но если я позволю ей отсосать мне, это будет выглядеть как сделка. Сравнение счета. Я хочу, чтобы все, что произошло между нами, казалось незавершенным. Я хочу, чтобы ей было интересно, как я выгляжу полностью обнаженным. Когда я кончаю.

Скарлетт смеется, вырываясь из моей хватки, чтобы намеренно провести рукой по моей промежности.

— Ты шутишь.

— Звучит не так уж весело, не так ли? — я выдерживаю ее пристальный взгляд, не оставляя никаких вопросов о том, что я имею в виду.

Ее губы сжимаются.

— Чертовски по-взрослому, Чемпион.

Я наклоняюсь вперед, чтобы запечатлеть последний, болезненный поцелуй на ее губах.

Она целует меня в ответ, затем прикусывает мою нижнюю губу. Я хихикаю, отстраняясь, провожу по ней языком, проверяя, нет ли крови, и ощущаю резкий металлический привкус. Протягиваю руку и возвращаю ее ночную рубашку на прежнее место, прикрывая ее обнаженное тело от луны и звезд.

— Спокойной ночи, Роза.

Затем встаю и захожу обратно в дом, оставляя ее отдыхать.

Когда я просыпаюсь, солнце льется в окна, а Скарлетт лежит рядом со мной в постели. Крепко спит, свернувшись калачиком на боку, подложив одну руку под щеку. Ее темные волосы в спутанном беспорядке разметались по подушке. Ее губы приоткрыты, а одна бретелька ночной рубашки упала с плеча.

Я вспоминаю, как она извивалась подо мной прошлой ночью.

Я испытываю мучительное искушение потянуть за другую лямку и начать все с того места, на котором мы остановились прошлой ночью.

Скарлетт любит вызовы. Возможно, она хотела меня прошлой ночью, но я уверен, что любая близость длилась бы примерно столько же, сколько и секс. Я хочу, чтобы она отчаянно нуждалась во мне. Хочу, чтобы она признала, что между нами есть нечто большее, чем притяжение.

Мы еще не пришли к этому. До прошлой ночи я не был уверен, что мы когда-нибудь будем вместе.

Я выскальзываю из кровати, стараясь вести себя как можно тише. Прошлой ночью я не слышал, как она ложилась спать, так что, должно быть, было уже поздно. После нашей встречи я некоторое время лежал без сна, слишком взвинченный, чтобы заснуть. Наверное, стоило подрочить, но я не знал, сколько у меня будет времени, прежде чем она последует за мной.

Скарлетт все еще спит, когда я заканчиваю мыться и одеваюсь. Я спускаюсь вниз один. Ее отец сидит в столовой. На столе представлен ассортимент всех мыслимых блюд для завтрака.

Хэнсон Эллсворт закрывает «Нью-Йорк Таймс» и морщится, когда видит меня.

— Доброе утро, Крю.

— Хэнсон.

— Хорошо спалось?

Я вытесняю из головы все мысли о том времени, которое не потратил на сон.

— Да, сэр.

— Хорошо, — Хэнсон возвращается к своей газете, пока я накладываю на тарелку свежие фрукты, блинчики и бекон.

Джозефина Эллсворт входит в столовую через несколько минут, неся чашку и половинку грейпфрута. Она заметно оживляется, когда видит меня.

— Крю! Доброе утро.

— Доброе утро, Джозефина.

Пока я завтракаю, мать Скарлетт начинает рассказывать о вчерашней вечеринке, которая не требует особого участия с моей стороны. Я киваю и хрюкаю между укусами, пока она продолжает рассказывать о кейтеринге и цветах.

Хэнсон полностью игнорирует свою жену, когда она говорит. Я понимаю, что это и есть те романтические отношения, свидетелем которых выросла Скарлетт. Ее колючесть начинает обретать смысл.

Она появляется, одетая более небрежно, чем я когда-либо видел, в джинсовые шорты и майку. Ее волосы собраны в конский хвост, который развевается при ходьбе.

— Доброе утро.

— Доброе утро, дорогая, — Джозефина разговаривает со своей дочерью, но ее глаза прикованы ко мне. Без сомнения, она пользуется этой возможностью, чтобы понаблюдать, как мы взаимодействуем друг с другом.

Хэнсон просто бурчит в ответ, не потрудившись оторвать взгляд от своей газеты.

За этим столом с комфортом могла бы разместиться пара дюжин человек, но Скарлетт садится рядом со мной. Ее волосы касаются моей руки, когда она наклоняется и наливает себе стакан апельсинового сока.

— Я рада, что ты выспалась, милая. Ты слишком много работаешь, — говорит Джозефина.

— Угу, — бормочет Скарлетт, беря круассан и немного клубники.

— Я подумала, что мы могли бы сегодня пройтись по магазинам в городе. И Марси Уитмен сказала, что ее дочь вернулась в город. Она хочет пообедать. Как зовут ее дочь? Я не могу вспомнить прошлую ночь.

Скарлетт закатывает глаза.

— Люси, — она кладет в рот клубнику.

— Верно. Люси. Мы поедем сразу после того, как ты переоденешься.

Рядом со мной раздается тихий вздох.

— Прекрасно.

— Я подумала, что вы с Крю тоже могли бы приехать на следующие выходные. В загородном клубе проводится...

— Я буду в Париже в следующих выходных, мам. Мне нужно утвердить окончательный дизайн для «Руж».

Для меня это новость: поездка в Париж и то, что Скарлетт рассказала родителям о своем новом деле, но я ничего не говорю.

Впервые с тех пор, как Скарлетт спустилась вниз, Хэнсон заговорил.

— Ты уверена, что это хорошая идея, Скарлетт?

Ее рука крепче сжимает вилку.

— Да.

— Возможно, в настоящее время дела у журнала идут хорошо, но это не повод забегать вперед. Особенно теперь, когда ты замужем.

— Я не понимаю, какое отношение к этому имеет мой брак, — голос Скарлетт ледяной.

— Ты слишком умна, чтобы прикидываться дурочкой, милая, — тон Хэнсона

снисходителен. — Ты знаешь, чего стоит ожидать.

Скарлетт накалывает еще одну клубнику.

— Спасибо за непрошенный совет, папа.

— Если ты не хочешь слушать меня, я надеюсь, ты послушаешь своего мужа. Эта договоренность заняла годы. Не уничтожай ее, чтобы поиграть в переодевание, — Хэнсон смотрит на меня. — Конечно, ты согласен, что это смешно.

— Если бы я думал, что это смешно, я бы не собирался ехать в Париж на следующей неделе, чтобы помочь, чем смогу.

Хэнсон слишком опытный бизнесмен, чтобы выказать какое-либо удивление. Но очевидно, что он ошеломлен, поскольку ничего не говорит. Что бы он ни собирался сказать, это явно больше не относится к делу.

— Как волнующе! — Джозефина вступает в разговор. — Надеюсь, что вы двое найдете время для осмотра достопримечательностей. Вы не были в свадебном путешествии.

— Я люблю осматривать достопримечательности, — на самом деле я не могу вспомнить, когда в последний раз ездил на экскурсию во время поездки. Мои международные поездки с «Кенсингтон Кансалдид» обычно состоят из времени, проведенного в отеле и в зале заседаний. Однако стоит сказать об этом, чтобы увидеть сомнительное выражение на лице Скарлетт. Я борюсь с желанием рассмеяться.

Пока мы со Скарлетт едим, Джозефина продолжает рассказывать о своих любимых местах в Париже. Хэнсон по-прежнему сосредоточен на своей газете. В конце концов Скарлетт извиняется, чтобы подняться наверх и переодеться. Я даю ей фору в несколько минут, а затем следую за ней.

Когда я вхожу в комнату, Скарлетт уже одета в розовый сарафан. Она поднимает взгляд, надевая пару туфель на танкетке.

— Эй.

— Эй, — повторяю я.

— Я оставлю машину здесь, если ты захочешь съездить куда-то. Ключи на комод.

Я засовываю руки в карманы, наблюдая, как она расправляет и разглаживает платье.

— Хорошо. Я мог бы повидаться с Эндрю.

— Хорошо, — вторит она. На ее лице читается некоторое любопытство. Я уверен, что она хочет снова спросить о том, что случилось с Кэмденом, но все, что она делает, это хватается свой телефон.

— Ты хочешь поехать домой, когда вернешься?

Наш первоначальный план состоял в том, чтобы провести здесь еще одну ночь, но я с радостью вернусь пораньше.

Облегчение омывает ее лицо.

— Да.

Я киваю.

— Хорошо.

Она оглядывает комнату, проверяя, все ли она взяла. Затем идет к дверному проему, где я стою. Вместо того чтобы пройти мимо, она делает паузу. Ее рот открывается. Закрывается.

Скарлетт качает головой.

— К черту все.

Она целует меня. Я слишком потрясен, чтобы сразу отреагировать. К тому времени, как я начинаю отвечать, она уже отстраняется.

Одна легкая улыбка, и она уходит.

11. Скарлетт

— Париж — это всегда хорошая идея, — сказала Одри. И с тех пор, как я стала главным редактором «Хай», поездки в столицу Франции стали обычным делом.

Этого визита я боялась и ожидала. Я здесь для того, чтобы утвердить окончательный дизайн и ткани для «Руж». Как только все будет готово, я сделаю публичное объявление. Это пугающая перспектива. Я боюсь, что потерплю неудачу. В индустрии моды много подводных камней, независимо от того, сколько у вас денег. Вы не можете купить успех. И если я потерплю неудачу, то потерплю ее как Скарлетт Кенсингтон.

Прямо сейчас я больше сосредоточена на своем спутнике в этой поездке, чем на чем-либо другом. Я не ожидала, что Крю поддержит меня в Хэмптоне. Я ожидала, что он останется в Нью-Йорке. Очевидно, он имел в виду именно это, когда сказал, что поедет со мной.

Отношения между нами были напряженными с четвертого числа. Мне потребовалось несколько дней, чтобы переварить все, что произошло за этот короткий промежуток времени. В те же дни я потратила долгие часы на доработку сентябрьского номера журнала и подготовку к поездке. А потом он ждал в аэропорту, когда я приехала на свой рейс, так как Лия делится всеми подробностями моего путешествия с его секретаршей. Я приняла зрелое решение притворяться спящей на протяжении всего шестичасового полета.

Крю почти ничего не сказал с тех пор, как мы прибыли. Пока что мы зарегистрировались в отеле, встретились с двумя моими поставщиками тканей, а теперь мы на Открытом Чемпионате Франции. Жаклин Перо — моя подруга по Гарварду и наследница крупнейшего в Европе универмага. Обеспечение ее интереса к «Руж» поспособствует его успеху, поэтому отклонить приглашение посмотреть утренний матч из ее ложи на самом деле не было вариантом.

— Скарлетт Эллсворт! Как приятно видеть тебя! — Ричард Кавендиш подошел и встал рядом со мной в ложе, из которого я наблюдаю за матчем.

Ришар — вице-президент известного французского издания. Наши пути неизбежно пересекаются на многих общественных мероприятиях, которые я посещаю здесь. Я считаю, что он единственный человек, который считает себя очаровательным.

Делаю глоток Мимозы, прежде чем ответить.

— Я тоже рада тебя видеть, Ричард.

— Ты здесь по делу?

— Как всегда, — холодно отвечаю я, наблюдая, как его взгляд скользит вверх и вниз по моему белому платью. Оно скромное, с укороченными рукавами и ниспадает до икр, но взгляд Ричарда становится горячее, когда он останавливается на моих фирменных красных губах. Его нижняя губа скривилась, когда его взгляд переместился на левую руку, держащую стакан. И большой бриллиант, покоящийся на моем безымянном пальце.

— Значит, слухи верны. Ты вышла замуж.

— Слухи? Ты не доверяешь сотням газет, которые сообщали об этом?

Глаза Ричарда наполняются раздражением.

— У меня есть более важные дела, чтобы тратить свое время на пролистывание страницы светской хроники.

Слияние семей Эллсвортов и Кенсингтонов попало во множество уважаемых европейских газет, о чем Ричард хорошо знает.

Я могла бы проигнорировать желание моего отца выйти замуж за Ричарда. Он не внес бы такого большого вклада в мой собственный капитал, и я нахожу его надоедливым и скучным, но он был бы лучше для моего здравомыслия, чем Крю Кенсингтон.

Потому что, если бы Ричард Кавендиш провел последние полчаса, разговаривая с хорошенькой блондинкой-теннисисткой, я бы почувствовала облегчение, избавившись от необходимости вступать с ним в надоедливый обмен словами. Решение Крю поговорить с ней заставило меня маринаться в смеси ярости и ревности.

Вот почему вы не должны жениться по любви.

Не то чтобы я любила Крю. Я просто нахожу его слегка забавным и раздражающе привлекательным. И после того, как он заставил меня кончить за считанные секунды, у меня могут возникнуть сильные чувства к его языку.

— Твой муж, кажется, наслаждается матчем, — комментирует Ричард, проследив за моим взглядом.

Я не отвечаю. Оборачиваюсь, чтобы посмотреть, как зеленый мяч перелетает через сетку, и мне жаль, что у меня нет ничего, чем можно ударить прямо сейчас.

— Кенсингтон тоже здесь по делу? — спрашивает Ричард.

Собственническая рука скользит к моей пояснице. Еще до того, как до меня доносится аромат его дорогого одеколona, я знаю, что это Крю. След тепла следует за движением его ладони, и я подавляю дрожь, делая еще один глоток. С такой скоростью мне скоро понадобится помощь. Что, вероятно, было бы плохой идеей, поскольку я только что сказала, что я здесь по делу.

Не ради удовольствия.

— Нет. При всем моем уважении, Кавендиш, — глубокий голос Крю грохочет позади меня. — В какой-то момент ты должен сидеть сложа руки и наслаждаться добычей, согласен?

— Не могу не согласиться, — отвечает Ричард. Я знаю, что его приятный тон означает, что он думает об обратном. — Но я нахожу обескураживающим то, что ты готов сидеть, сложа руки. Ты же не хочешь, чтобы кто-то думал, что ты получил эту работу только из-за своего отца. Ты собираешься жить за счет своей жены?

Я чувствую, как рука Крю сжимается на моей спине, но его голос звучит гладко, как масло, когда он отвечает:

— По твоему мнению, я должен завидовать тому, что ты сам сделал себя миллионером, Кавендиш. Хотя газеты, которыми ты владеешь, вообще не говорят о тебе.

Лицо Ричарда приобретает уродливый багровый оттенок.

— Скарлетт, как всегда, рад тебя видеть. Приношу свои соболезнования в связи с выбором мужа.

Он уходит в направлении бара. Я снова перевожу взгляд на теннисный матч. Рука Крю остается на моей спине, обжигая сквозь тонкий материал.

— Интересный выбор собеседника.

— Я могла бы сказать тебе то же самое, — высокомерно отвечаю я.

Я слышу улыбку в голосе Крю.

— Она подошла ко мне сама.

По какой-то глупой причине я чувствую себя обязанной ответить.

— Он тоже.

— Я знаю. Я видел.

— Ты наблюдал за нами?

— Всегда, Роза.

Он не может видеть моего лица, поэтому я не пытаюсь скрыть свою улыбку.

После окончания теннисного матча я обещаю Жаклин встретиться с ней за завтраком завтра утром. Большую часть матча она провела, флиртуя с Хенриком Поповым, который является вероятным фаворитом на победу на Открытом Чемпионате Франции, вместо того чтобы обсуждать дела.

— Куда дальше? — спрашивает Крю, когда мы выходим из частной ложи.

— Ам... — честно говоря, у меня нет никаких определенных планов до сегодняшнего ужина с Жаком. — У меня нет никаких планов до ужина, — признаюсь я.

— Ты с кем-то ужинаешь?

— С Жаком. Он...

— Супер востребованный парень, ради которого ты пропустила нашу первую брачную ночь. Да, я помню.

Похоже, он ревнует.

— Ты можешь пойти со мной, если хочешь.

— Я не хочу путаться под ногами.

Я улыбаюсь.

— Если кто-то и будет мешать, так это я.

Он в замешательстве хмурит брови, сменяя ранее скучающее выражение лица.

— Жак — гей, Крю. Если ты придешь на ужин, я гарантирую, что он приударит за тобой.

Сексуальная ориентация Жака — бессмысленное уточнение, которое я делаю только потому, что все еще чувствую себя виноватой за то, что солгала ему о своем любовнике. Его единственный ответ — поход к выходу. Я бегу за ним несколько секунд спустя.

Крю пробирается сквозь толпу, даже не толкаясь. Даже среди людей, которые понятия не имеют, кто он такой, он не из тех парней, которым стоит перечить.

Он останавливается, когда мы подходим к тротуару, наклоняется, чтобы поговорить с водителем одного из многочисленных такси, выстроившихся вдоль улицы. Через минуту он встает и подзывает меня к себе.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, вытаскивая свой телефон. — Я могу позвонить...

— Залезай.

— У меня есть машина.

— Я знаю. Мы приехали сюда на нем. Залезай, Скарлетт.

Часть меня хочет поспорить. Я не люблю ни перед кем отчитываться. Но другая часть меня хочет слушать, жаждет, чтобы Крю доминировал надо мной.

Я молча слушаю. Он не обходит кабину с другой стороны. Я понимаю, что он ждет, когда я подвинусь. В этом есть что-то нормальное, так отличающееся от поездок на лимузине, которые мы делили в прошлом. Я скольжу, чувствуя, как ткань моего платья собирается вокруг бедер, скользит по коже. Крю уделяет моим голым ногам больше внимания, чем теннисному матчу.

— Куда мы направляемся? — спрашиваю я, когда машина трогается с места.

— Увидишь, — это все, что он говорит.

Я сосредотачиваюсь на проплывающем мимо пейзаже. Мы проезжаем мимо Лувра и Триумфальной арки. Когда машина останавливается, она оказывается рядом с еще более знаковой достопримечательностью.

Я смотрю на Крю.

— Серьезно?

— Ага. Мы можем отправить фотографию твоей маме, чтобы доказать, что осматривали достопримечательности.

Я улыбаюсь. Неохотно. Крю платит водителю, и мы присоединяемся к длинной очереди людей, идущих к Эйфелевой башне.

— Ты поднималась на нее раньше? — спрашивает Крю, пока мы идем.

— Нет, — признаюсь я.

— Я тоже.

Крю проводит нас к окошку с билетами без длинной очереди. Я смотрю на решетчатую башню из кованого железа, пока он покупает наши билеты. Несколько минут спустя мы приближаемся к началу ступеней. Крю изучает карту, которую он взял на кассе. Это раздражающе очаровательно.

Внезапно он останавливается.

— Черт.

Я тоже останавливаюсь.

— Что? — я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, что не так.

Когда я снова смотрю на Крю, он смотрит на меня широко раскрытыми, встревоженными глазами.

— Ты боишься высоты.

Я смотрю на него в ответ, потрясенная тем, что он вспомнил. Затем улыбаюсь.

— Все в порядке. Пока мы не прыгнем с парашютом, когда доберемся до вершины, со мной все будет в порядке.

— Ты уверена? — он все еще выглядит обеспокоенным. — Мы можем пойти и заняться чем-нибудь другим.

Будет настоящим испытанием снова увидеть Крю холодным и бессердечным.

— Я уверена. Это вопрос контроля. Я больше верю в то, что Эйфелева башня останется в вертикальном положении, чем в то, что один канат удержит меня в воздухе, — я не оглашаю другое различие между той прогулкой и сегодняшней: поскольку наши отношения с Крю изменились.

Крю снова начинает идти.

— Хорошо. Лестница или лифт?

Сегодня я надела балетки на плоской подошве. Даже если бы я этого не сделала, я все равно ответил бы:

— Лестница.

Он усмехается.

— Это моя девочка.

Я знаю, что он не имеет в виду это буквально, по крайней мере, я так не думаю, но эти слова все равно вызывают во мне глупый трепет. Бабочки порхают у меня в животе, как будто самый популярный парень в школе только что вручил мне свою куртку от Лэттемэн.

По мере того как мы поднимаемся, под нами простирается все больше и больше Парижа. Я замечаю Парк Бельвиль и Марсово поле. Мы добираемся до первой смотровой площадки и начинаем подниматься по второй лестнице.

— Ты занимаешься спортом? — спрашиваю я на полпути к третьему пролету.

Крю смеется.

— Твои связи нуждаются в доработке.

Я закатываю глаза, потому что мне не хватает дыхания, чтобы смеяться.

— Я серьезно.

— Да. У тебя же есть частный тренажерный зал.

— Я знаю. Просто им не пользуюсь.

— Да, я понял это, когда очистил беговую дорожку от пыли.

Я улыбаюсь.

— Чушь собачья. Марта никогда бы не позволила этому случиться.

— Когда ты тренируешься?

Он бросает взгляд в мою сторону.

— После того, как ты уходишь. Я тренируюсь, принимаю душ, завтракаю, а потом еду в офис.

— Почему после того, как я уезжаю?

Его глаза все еще прикованы ко мне. Мои смотрят на лестницу.

— Ты избегаешь меня. Я не собираюсь усложнять тебе жизнь.

— Я уходила на работу в семь еще до того, как мы поженились.

Мы добираемся до следующей лестничной площадки. Крю делает паузу. Я тоже останавливаюсь, наблюдая, как он одной рукой хватается за перила, а другой за лодыжку. Он балансирует на одной ноге, а другую сгибает назад.

— Что случилось?

— У меня старая травма колена. Просто нужно растянуться.

— Травма колена?

— Я играл в футбол в старших классах.

Я фыркаю.

— Конечно, Спорт — покровитель вялых спортсменов во всем мире.

— Это звучит ужасно предвзято.

— Я ужасно субъективна.

— Ага, — он ухмыляется. — Я заметил.

Мне не нравится, что он смотрит на меня как собственник. Или слишком нравится.

— Так что же произошло?

— А?

— Твое колено. Что с ним случилось?

— Ох. Крис Дженкинс ударил меня. У меня разорвалось сухожилие, последствия иногда напоминают о себе, — Крю с улыбкой качает головой. — Мудак.

— Есть ли видео того, как тебя надирают задницу?

— Нет.

— Я думаю, ты лжешь.

— Я думаю, ты никогда этого не узнаешь.

— Тебе следовало заниматься бесконтактным спортом в старших классах. Например... академическая гребля, может быть?

Он смеется. И это не тот смех, который я слышала от него раньше. Это теплый, грубый, мужской звук, который ощущается так, словно ты стоишь перед камином и пьешь горячий шоколад. Успокаивающий ожог.

— Очень гордишься собой за то, что придумала это, Роза?

Я улыбаюсь.

— Немного.

Последние несколько пролетов мы преодолеваем в тишине. Если колено Крю все еще беспокоит его, он ничего об этом не говорит. Он легко попевает за мной, когда мы поднимаемся на верхнюю смотровую площадку и бросаем взгляд на раскинувшийся перед нами Париж.

— Вау, — я привыкла скрывать свои эмоции и реакции. Я всегда наготове с правильным ответом или резкой репликой. Никто и никогда не настигнет врасплох и не собьёт с толку.

Я никогда не могла подумать, что буду самой собой рядом с Крю Кенсингтоном. Я видела много людей, вступающих в браки по договоренности с минимальным взаимодействием. Я ожидала, что мы ничем не будем отличаться от них. Осознание того, что мы можем быть чем-то большим, сбивает с толку. Он мне нравится. Я могла бы выйти за него замуж, даже если бы его собственный капитал составлял половину того, что он имеет, или вообще не существовал.

Пара девушек, которые выглядят так, словно учатся в колледже, просят Крю сфотографировать их. Я прислоняюсь к перилам и наблюдаю за их взаимодействием. Куда бы мы ни пошли, Крю, кажется, привлекает внимание всех женщин в округе. Женщины из «Пруф», Ханна Гарнер, Оливия Спенсер, блондинка-теннисистка.

Дело не в том, что я не замечаю привлекательности Крю. Просто ярываюсь на части. Предъявлять претензии равно признать его привлекательность, что сопряжено с риском. Как только я раскрою свои карты, то проиграю игру.

Несмотря на все внимание, которое он привлекает, я никогда не видела, чтобы он флиртовал с женщиной. Самое большее, он, кажется, позволяет женщинам флиртовать с ним.

Даже сейчас, когда две хорошенькие девушки чуть за двадцать пускают по нему слюни, он кажется незаинтересованным. Он улыбается, но улыбка не доходит до его глаз. Он не смотрит на них так, как только что смотрел на меня. Хотела бы я винить в этом счастливом чувстве тот факт, что я стою на вершине Эйфелевой башни в прекрасный летний день.

Я думаю, что это связано с ним.

Вместо того чтобы продолжать шпионить, я смотрю на город. Дует легкий ветерок, который немного смягчает летнюю жару, сдувая волосы с моего лица.

— Скарлетт!

Я оглядываюсь и вижу, что Крю подзывает меня к себе. Я подхожу туда, где он стоит с двумя девушками. Ни одна из них, похоже, не в восторге от моего появления.

— Это Наташа и Блэр, — представляет он. — Они тоже из Нью-Йорка.

— Потрясающе, — фальшь в моем голосе можно было услышать даже из космоса.

Мне не нужно видеть улыбку Крю, я слышу это в его голосе.

— Наташа учится в Парсонсе, — он смотрит на более светлую из двух блондинок. — Скарлетт — главный редактор «Хай Кутюр», — в его голосе слышится безошибочная нотка гордости, которая разрушает мою нервную систему.

— О Боже мой! Правда? — внезапно Наташа и Блэр смотрят на меня с благоговением, а не с раздражением. — Я люблю «Хай». Я читаю каждый номер от корки до корки. Статьи, фотографии, дизайн. Все мои друзья одержимы им.

Каждый месяц я получаю номер журнала. Я оцениваю его успех по тому, сколько денег он зарабатывает и какие модели или актрисы хотят быть изображенными на обложке. Но я никогда не видела поклонения на чьем-то лице, когда они понимают, что я одобрила каждую страницу.

— Вы можете подписать? — Наташа достает из сумки потрепанный июльский номер и протягивает его мне вместе с ручкой.

— Эм, конечно, — я беру ручку и нацарапываю свою подпись чуть ниже жирного шрифта, гласящего «Хай Кутюр».

Наташа забирает журнал обратно, как будто это бесценное сокровище.

— Не мог бы кто-нибудь из вас сфотографировать нас? — спрашивает Крю, протягивая свой телефон.

Я удивлена, но стараюсь не показывать этого. Кроме наших свадебных фотографий, у нас нет ни одной совместной. Я не думала, что он захочет чего-нибудь такого.

Блэр берет телефон Крю, когда он тянет меня к перилам. Я спотыкаюсь о пустоту и врезаюсь ему в грудь.

— Если ты хотела стоять так близко, тебе нужно было просто попросить, — шепчет он, притягивая меня к себе. Я улыбаюсь, когда его руки сжимаются вокруг моей талии, прижимая меня к нему.

— Сделано, — объявляет Блэр. Не глядя, я знаю, какой момент она запечатлела.

Крю благодарит ее, и мы прощаемся, прежде чем двинуться дальше по смотровой площадке. Я делаю несколько снимков вида, пока Крю возится с чем-то на своем телефоне.

— У тебя что, нет Инстаграма?

— Что?

— Есть Скарлетт Эллсворт, но я серьезно сомневаюсь, что ты опубликовала это, — он показывает мне свой телефон. Это фотография, на которой я иду по улице и разговариваю по телефону.

— Что за черт? — я хватаю его телефон и, прищурившись, смотрю на него. Фотография набрала сорок три тысячи лайков.

Крю забирает свой телефон обратно.

— Значит, нет?

— Технически, я управляю аккаунтом журнала, но у меня есть кое-кто, кто публикует контент со мной.

Он ухмыляется, печатая.

— Конечно, но я не поставлю отметку на модный журнал.

— Отметку где?

— Я публикую нашу фотографию.

Я не знаю, что на это ответить. «Зачем?» — это единственный ответ, который я могу придумать. Но затем придумываю кое-что похуже.

— Ханна Гарнер следит за тобой?

— Понятия не имею, я никогда не проверял. А что?

Когда я набираюсь смелости, чтобы встретиться с ним взглядом, в его глазах пляшет веселье, которое он даже не пытается скрыть.

— Ты знаешь в чем, — бормочу я.

Он усмехается.

— Хочешь, чтобы я проверил? Заблокировать ее?

— Нет, — я начинаю идти к выходу.

На то, чтобы спуститься по лестнице, у нас уходит в два раза меньше времени, чем на то, чтобы подняться. Как только мы возвращаемся на твердую почву, Крю отправляется в туалет. Когда он скрывается из виду, я открываю Инстаграм на своем телефоне и ищу его имя. Несмотря на то, что он опубликовал всего несколько фотографий, у него миллионы подписчиков. На фотографиях в основном пейзажи: Копенгаген, Лондон и Нью-Йорк. На паре изображены двое парней с его мальчишника, Ашер и Джереми. Один был сделан в Бостоне; я знаю этот бар.

А еще есть наша фотография, которую он только что опубликовал. Я прикусываю нижнюю губу, когда вижу, как он подписал ее: «Знакомство с Парижем с самой красивой женщиной в мире. Она затмевает все достопримечательности».

Я прокручиваю некоторые комментарии внизу. Многие из них наводят на размышления с участием Крю. Это меня не удивляет: «великолепная пара», «вы выглядите такими счастливыми» и «пара мечты». Я снова нажимаю на фотографию, пытаюсь рассмотреть изображение так, как это сделал бы совершенно незнакомый человек.

Мы действительно выглядим счастливыми. Мы оба улыбаемся. Я знаю, что моя улыбка не была наигранной, и у Крю, похоже, тоже. Он обнимают меня за талию, а его подбородок покоится на моей макушке. Цветущая зелень и каменные памятники видны на заднем плане позади нас. Я ищу его подписчиков и узнаю, что Ханна — одна из них. Какая-то ничтожная часть меня довольна.

— Готова идти?

Звук его голоса пугает меня.

— Ага, — я кладу телефон обратно в сумку.

— Ты свободна до ужина? — спрашивает Крю, когда мы пересекаем лужайку и направляемся обратно к улице.

— Угу.

— Ты умираешь от желания вернуться в отель и заняться работой?

На этот раз это не так. Я стараюсь не вникать в это осознание.

— Нет, если ты сделаешь мне лучшее предложение.

Крю бросает на меня шокированный взгляд.

— То есть мне надо найти козырную карту, которая перебьет желание работать?

— Заткнись, — я толкаю его в плечо. — Я не настолько плоха.

— Ты еще хуже. Но я уважаю это. Любой, кто говорит, что тебе все досталось просто так... они ошибаются, Скарлетт.

— Ты достался мне.

Он останавливается и тянет меня к краю дорожки так быстро, что я снова врезаюсь ему в грудь.

Я отступаю назад, как будто он ошпарил меня.

Крю ухмыляется, но улыбка быстро исчезает.

— Просто чтобы внести ясность, бывают моменты, когда я не согласен со своим отцом. Я спорю с ним. Я его не слушаю. Такие моменты не попадают в прессу. Они не выставлены на всеобщее обозрение. Я понимаю, почему ты думаешь, что я Артур Младший. Но это не так, Скарлетт. Когда я стану генеральным директором, я внесу изменения в компанию. Я мог бы жениться на Ханне или на какой-нибудь другой женщине. Я мог бы жениться на ком угодно. Но я женился на тебе, Скарлетт. Это что-то да значит, даже если ты хочешь притвориться, что это не так.

— Хорошо, — честно говоря, я больше не рассматриваю Крю как продолжение его отца.

Крю вздыхает, как будто мой ответ вызывает разочарование.

— Хорошо.

Я прочищаю горло.

— Э-э, ты можешь прислать мне фотографию?

— Что?

— Нашу фотографию. Ты можешь прислать ее мне?

На его лице мелькает удивление.

— Да, конечно.

Мы снова начинаем идти. Мой телефон вибрирует от сообщения, когда мы подходим к тротуару. Крю направляется к очереди такси, пока я жду. Я проверяю свой телефон и вижу, что фотография пришла от него. Это первое сообщение, которое он когда-либо посылал мне.

Я отправляю фотографию своей маме по электронной почте. Это первая фотография в нашей цепочке сообщений. В основном все снимки, которые она присылала мне, связаны со свадьбой, и я так на них и не ответила.

Я убираю телефон и подхожу к Крю.

— Куда мы поедem дальше, — говорит он, кивая в сторону водителя.

— Версаль? — предлагаю я. Я была там раньше, но это было много лет назад.

Улыбка Крю ослепительна.

— Это очень похоже на осмотр достопримечательностей.

— Я слышала, ты любишь экскурсии.

Он улыбается.

— Это лучшее предложение?

Я киваю.

— Поехали.

Когда мы входим в ресторан, Жак уже сидит за столом. Наша поездка в Версаль заняла большую часть дня. Я намеревалась вернуться в отель и переодеться перед ужином, но времени не было.

Не то чтобы это имело значение. Жак гораздо больше сосредоточен на Крю, чем на том, что на мне надето.

Я получаю беглое приветствие, прежде чем он начинает закидывать Крю вопросами. Я кидаю на Крю взгляд «а я говорила». Его улыбка в ответ заставляет мои внутренности чувствовать себя взбитым шампанским.

Сегодняшний день чудесный и ужасный одновременно. Я подумывала о том, чтобы открыть свою собственную линию одежды еще со времен колледжа. Эта поездка — кульминация многолетнего планирования. «Хай» послужил незапланированным трамплином для установления связей в индустрии моды, что сделало «Руж» более реальным.

Линия одежды может быть занятием, на которое большинство людей смотрят свысока. Это не так точно, как финансы или какие-либо сделки на Уолл-стрит. Мой отец, конечно, считает это поверхностным и глупым.

Но в том-то и прелесть: оно только твое. И ничье другое. Вам не нужно разрешение или оправдание, чтобы стремиться к ним. Вы можете сами придать им актуальность, важность и смысл.

К несчастью для моего сердца, Крю, похоже, не разделяет мнения моего отца. В промежутках между прогулками по садам и прогулками по залам дворца он задавал мне вопросы о «Руж» и выслушивал ответы.

Либо он очень хочет затащить меня в постель, либо ему действительно небезразлично, куда я трачу свое время, энергию и деньги.

Я провожу большую часть ужина, изучая его. Это первый раз, когда я вижу Крю не в его стихии. Он здесь не для того, чтобы заключать сделку от лица «Кенсингтон Кансалдид». Я сомневаюсь, что он много знает, если вообще что-то знает, об индустрии моды. Жак не из тех, с кем у него могли бы быть общие знакомые.

И все же он заинтересован. Очарователен. Это должен был быть деловой ужин. Каждый прием пищи, который я делила с Жаком во время моей последней поездки сюда, был потрачен на мозговой штурм или пролистывание эскизов. Сегодня вечером нет никаких признаков маниакальной энергии, которая обычно жужжит вокруг него, как пчелиный рой, выбрасывая идеи со скоростью света. Жак расслаблен и смеется. Как и Крю. Я незваный гость, который раздражается все больше и больше, поскольку они болтают как старые друзья, а не незнакомцы.

Это моя поездка. Мое начинание. Мои владения. Предполагалось, что наши жизни будут разделены. Внезапно они так переплелись, что я не могу смотреть мимо него.

Я извиняюсь и направляюсь в туалет после того, как мы заканчиваем есть, даже не уверенная, что они заметят мое исчезновение. Сходя в уборную, я задерживаюсь у раковины, вытираю лицо бумажным полотенцем и проверяю зубы на предмет еды.

Когда я открываю дверь туалета, Крю стоит, прислонившись к противоположной стене и скрестив руки на груди.

— Я знаю, что твой французский не очень хорош, но ты не слепой. Фигурка из палочки в платье означает, что это женский туалет. Мужской, должно быть, там, внизу, — я мотаю головой налево, туда, где простирается коридор. По шкале стервы от одного до десяти я нахожусь на одиннадцатой ступени.

Сначала он ничего не говорит, что является наилучшим возможным ответом. Крю стал единственным человеком, которому я могу позволить бросить мне вызов. Я жажду этого от него больше, чем финансовой безопасности или верности. Я хочу, чтобы он видел во мне равную ему и партнера, потому что именно так я его вижу. Мышцы его челюсти двигаются, когда он заметно сжимает ее, сдерживая то, что собирался ответить. Я жду, и это выплескивается наружу.

— Какого черта, Скарлетт?

Этот вопрос, по сути, брошен мне в лицо. Я хочу улыбнуться, но не делаю этого.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не могу понять тебя. Я пришел сюда, чтобы поддержать тебя. И я часами смотрел теннис, пытаюсь узнать тебя получше, завел светскую беседу с твоим... я даже не знаю, что Жак значит для тебя, а ты ведешь себя так, будто я тебе мешаю!

Он слишком хорош. Во всем. Я знаю, как играть в игру секретов, лжи и обмана. Знаю о предательстве и заматании ошибок под ковер. Знаю, как обращаться с Крю, с которым разговаривала в «Пруф», который смотрел на меня с полным безразличием. Парнем, который приветствовал меня небрежным, вежливым «Ты хорошо выглядишь», а затем игнорировал меня до конца ночи. Я не в состоянии справиться с Крю, который приехал сюда, чтобы поддержать меня. С которым я чувствую себя особенной, не такой, как и со всеми остальными. Он — солнце, а я — Икар, после того как он усвоит свой урок.

— Я не просила тебя делать ничего из этого! — огрызаюсь я. — Я не просила тебя приезжать. Я не хотела, чтобы ты приходил сюда.

Он качает головой. Смеется. Издевается.

— Если ты так ссоришься, не могу представить, как ты будешь вести себя, когда будешь подавать на развод.

Я не реагирую на это, но чувствую, что эти слова бьют меня, как пощечина. Он запятнал этот момент, это воспоминание, втягивая его в этот дурацкий спор. Я потратила весь день на прогулку. Если бы я этого не сделала, то отсиживалась бы в отеле и работала. Игнорировать друг друга, за исключением обмена оскорблениями, было невыносимо. Как и быть счастливой парой, которой мы притворялись сегодня. Я всегда буду одной ногой за дверью, всегда буду ждать, когда он превратится в какую-нибудь версию моего отца, сосредоточенную только на том, чтобы сохранить ключи от королевства.

Крю сказал мне, что он мог бы жениться на ком-то другом раньше. Мы оба знаем, почему он этого не сделал. Если бы моя фамилия не была Элсворт, он бы это сделал. У него есть качества, которые нельзя купить, такие как харизма и обаяние. Он может предложить больше, чем красивое лицо и банковский счет с приличной суммой.

Он искренне нравится людям. Они потакают мне, потому что знают, что я могу быть

могущественным другом и безжалостным врагом. Потому что я обнаружила, что страх гораздо эффективнее любви.

Он бы не женился на мне, если бы не договоренность.

Но я бы вышла за него замуж.

Вот почему я больше не могу смотреть на него. Вместо этого я изучаю оштукатуренную плитку на полу.

— Я не собираюсь подавать на развод.

Может быть, это самая честная фраза, которую я когда-либо говорила ему. Я не буду причиной распада этого брака.

Не потому, что мой отец был бы в ярости, если бы я разрушила будущее, которое он устроил.

Не потому, что я потеряю все, что приобрела.

Не потому, что другие мои перспективы были бы сомнительными.

А потому, что я эгоистка.

Я хочу его и не хочу, чтобы он принадлежал кому-то другому.

Крю отталкивается от стены, нависая надо мной. На одну дикую, волнующую секунду мне кажется, что он собирается поцеловать меня. Заставить меня признать, что я действительно хочу, чтобы он был здесь. Вместо этого он поворачивает направо, к выходу.

— Ты уходишь?

Одна бровь раздраженно приподнимается, когда он оглядывается назад.

— Хочу воспользоваться туалетом. Это разрешено, дорогая?

Самое грубое слово в предложении — самое сладкое. Медовый шлепок. Наша игра в прозвища была забавной. Но после того, как я услышала, как он назвал меня Розой с чувством, с искренней любовью, «дорогая» звучит просто оскорбительно. Я вздыхаю, борьба покидает меня, когда слышится его горький тон. Это одна из наших многочисленных проблем: один из нас обычно настроен на спарринг.

— Ты можешь уйти, если хочешь.

Я говорю не только о ресторане, и знаю, что он понимает это, когда на его лице появляется решимость.

— Я не пасую. Хорошо это или плохо, Роза.

— Я думала, единственная клятва, которую ты давал, была для заключения сделки.

Его губы подергиваются, плохое настроение временно исчезает, как солнце, выглядывающее из-за облаков.

— Ты все еще носишь свою наклейку.

— А?

Крю делает шаг вперед и срывает с моего платья зеленую наклейку с пропуском из Версаля. Я выхватываю листок из его пальцев, прежде чем он успевает его скомкать.

Он смотрит, как я засовываю его в клатч, с непроницаемым выражением лица.

— Это нормально — заботиться, ты же знаешь.

— Знаю.

— Правда?

А потом он оставляет меня стоять и пялиться ему вслед, как на золотую рыбку.

Вы бы не догадались, что сейчас лето, судя по обледенению в этой машине. Остаток ужина с Жаком прошел гладко. Крю молчал, пока мы с Жаком обсуждали все, о чем нужно позаботиться на этой неделе.

Я надеялась, что Жак не замечал напряжения, накалявшегося между мной и Крю на протяжении всего ужина. Но когда мы прощались, он прошептал мне на ухо, что любить нелегко, *ma chérie*, (*Моя дорогая (пер. фр.)*) и это заставило меня подумать, что нужно быть слепой и глухой, чтобы не заметить, что мы вели себя не как молодожены. Жак рассмеялся, увидев, с каким хмурым видом я отреагировала на его совет.

После ужина водитель отвез нас обратно в отель. Я пересекаю мраморный вестибюль, не утруждая себя ожиданием Крю. Мне нужно немного пространства. К сожалению, его длинные ноги сокращают расстояние между нами всего за несколько секунд. Золотые двери лифта медленно закрываются, запечатывая нас внутри, и мы начинаем подниматься.

Я жду, что он заговорит, но он молчит, прислонившись к блестящей металлической стене и ведя себя так, будто я не стою в полуметре от него.

Пару минут спустя мы добираемся до верхнего этажа.

— У тебя есть ключ от моей комнаты? — спрашиваю я, когда двери открываются, раздраженная тем, что мне пришлось первой нарушить молчание. Именно он зарегистрировал нас. Если я не хочу спать в коридоре или обыскивать его, как офицер полиции, у меня нет выбора.

Крю молча достает из кармана пластиковый прямоугольник и протягивает его мне. Я киваю в знак благодарности, прежде чем направиться к номеру, выбитому на пластике. Подношу ключ к сенсору. Он мигает зеленым, пропуская меня внутрь. Я закрываю за собой тяжелую дверь и на мгновение прислоняюсь к ней спиной. Что за день. Часть, большая часть была хорошей, и от этого сладко и горько одновременно. Я вспоминаю его раздраженную позу в машине, когда думаю о том, как мы поднимались на Эйфелеву башню бок о бок. Моя вина.

Я направляюсь вглубь шикарного люкса, сбрасывая туфли на шпильках с тяжелым вздохом, который не снимает никакого напряжения. Все мои сумки сложены в гостиной, рядом с незнакомым багажом, которого здесь быть не должно. Я оборачиваюсь в тот момент, когда дверь снова подает звуковой сигнал. Крю входит в комнату.

— Что ты здесь делаешь? Я думала, у тебя есть свой номер.

— Свободных номеров не было, — беззаботно говорит Крю, снимая пиджак и бросая его на спинку позолоченного дивана.

— Ты лжешь.

— Неужели? — он одаривает меня приводящей в бешенство ухмылкой.

— Ты не будешь спать здесь.

— Почему это? Беспokoишься, что не сможешь себя контролировать, Роза?

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки так сильно, что чувствую вкус крови.

— Я контролировала себя в течение месяца, пока мы были женаты. Так что нет, не переживаю.

Я ожидаю, что он расскажет, как громко я стонала рядом с бассейном моих родителей. Единственная причина, по которой мы не занимались сексом в ту ночь, заключалась в том, что у него не было презерватива и он думает, что я сплю с хирургом. Тереться о него не было вершиной самоконтроля. Но вместо напоминания все, что он говорит, это:

— Отлично. Тогда я не понимаю, в чем проблема.

— Ты будешь спать на диване, — черт. Я не веду переговоров. Никогда.

Торжествующая ухмылка Крю сводит с ума. Он расстегивает рубашку. Смотрит на причудливый диван в викторианском стиле, который кажется таким же мягким, как деревянная доска.

— Кровать выглядит более удобной.

— Я уверена, что это так. Если тебе нужна кровать... — еще одно предложение снять собственную чертову комнату замирает у меня на языке, когда он сбрасывает свои шорты цвета хаки и шагает к кровати в одних черных боксерах. У меня пересыхает во рту, когда он забирается на край кровати, на которой я обычно сплю.

Золотистая кожа, переливающаяся на четко очерченных мышцах, атакует мое зрение и захватывает мысли. Я пялюсь на него, а он выглядит равнодушным, забирается в кровать и переворачивается на живот. Он подкладывает под голову подушку, закрывает глаза, и все.

Никаких прикосновений. Никаких поддразниваний. Никаких насмешек. Никаких разговоров.

Мы выглядим как семейная пара, прожившая пятьдесят лет вместе. Мы не влюбленные, которые дорожат каждым мгновением, которое разделяют. Мы смирились со временем, проведенном вместе, которое стало рутиной.

Я совершенно не в себе, но, если я буду протестовать еще больше, это, по сути, будет признанием того, что я не могу выносить его близость. Что находиться рядом с ним, пока он спит, возбуждает меня. Так и есть, но я бы предпочла спать на полу, чем дать ему эту информацию. Чем доставить Крю удовольствие от того, что он вытолкнул меня из постели.

Я топаю к своим сумкам, чтобы забрать набор туалетных принадлежностей и пижаму. Я обязательно захопываю за собой дверь ванной, прекрасно понимая, что веду себя как капризный ребенок. Больше, чем на Крю, я злюсь на себя. Если бы я действительно захотела, я могла бы заставить его уйти. Я решаю позволить ему остаться, потому что часть меня хочет этого. Я чувствую, как в моих стенах появляются трещины. И я это знаю.

Что хуже? Он тоже это знает.

Но я не признаюсь в этом ни ему, ни себе.

Я умываю лицо и намазываю его увлажняющим кремом. После того, как я выполняю остаток своей вечерней рутины, снимаю платье, которое носила весь день, и надеваю пижаму.

Затем возвращаюсь в гостиную, бросая свое белое платье на тот же диван, где Крю оставил свой пиджак. Продолжаю идти в спальню. Лампа все еще горит, но Крю, похоже, крепко спит, его спина спокойно поднимается и опускается с каждым вздохом. Я зависаю в дверях, пользуясь редкой возможностью изучить его, так же, как в прошлый раз, когда мы делили постель. То, что, как я думала, будет редким явлением.

Я направляюсь к левой стороне кровати и проскальзываю под шелковые простыни. Это двуспальная кровать, но она кажется крошечной. Крю и я даже близко не соприкасаемся, но я чувствую жар, исходящий с его стороны кровати. Слышу его ритмичное дыхание. Вместо того чтобы считать овец, я думаю о сексе с ним.

Мне требуется много времени, чтобы заснуть.

12. Крю

Скарлетт не любит, когда ее удивляют. Я знал это еще до того, как привел этот план в действие, и у меня до сих пор звенит в ушах от ее вопросов, когда мы приземляемся в Италии. Ее тон становится все более и более раздраженным с каждым неопределенным ответом.

— Куда мы едем?

— Увидишь.

— Как долго мы здесь пробудем?

— Не знаю.

Мой личный фаворит, на который я не утруждаю себя ответом: «Будет ли там Wi-Fi?»

Я знаю, что она переживает из-за того, что произошло в Париже в тот первый день. Говорила, что не хотела, чтобы я приезжал, дулась, пока Жак приставал ко мне. Она слишком упряма и горда, чтобы извиниться, но она согласилась продлить нашу поездку на несколько дней. Я солгал и сказал ей, что мне нужно встретиться от имени «Кэнсингтон Консалдит», и для меня было более разумно пересечь франко-итальянскую границу, чем садиться на самолет из Нью-Йорка во Флоренцию. После четырех дней избегания и молчания, думаю, она была просто шокирована тем, что я спросил.

Может быть, это лицемерно с моей стороны: ожидать от нее честности, пока я договариваюсь о встречах. Но разница в том, что я лгу, чтобы удержать ее рядом. Скарлетт же лжет, чтобы оттолкнуть меня. И, считайте меня сумасшедшим, но я продолжаю пытаться снова и снова.

Я такой же упрямый, как и она. То, что моя жена игнорирует меня — не предмет для гордости. Скарлетт очаровывает меня. Ее красота пленительна, она завораживает. Я хочу большего, чем поверхностные отношения с ней. Больше, чем физические, хотя мое тело не совсем согласилось бы с этим.

Я хочу знать, почему она мультимиллиардерша, работающая так, словно изо всех сил пытается заплатить за квартиру. Я хочу знать, были ли ее отношения с родителями когда-либо иными, повлияло ли их несчастье на нее, а теперь и на нас. Я хочу знать, почему она согласилась выйти за меня замуж, когда кажется, что она намеренно игнорирует желания своего отца и враждебно относится к обязательствам.

После того, как она спрашивает о Wi-Fi, я перестаю отвечать на ее вопросы, что только еще больше раздражает ее. Она все еще ворчит, когда следует за мной от самолета к машине.

Послеполуденный воздух теплее и суше, чем был, когда мы покидали Францию. Золотистые блики падают с голубого неба, заливая тонким сиянием взлетно-посадочную полосу и далекие здания аэропорта.

Я обмениваюсь любезностями с водителем, прежде чем сесть в машину с кондиционером. Он заканчивает загружать наш багаж, а затем мы выезжаем из аэропорта и сворачиваем на оживленную дорогу.

— Ты говоришь по-итальянски? — Скарлетт кажется удивленной.

— Немного. — Я спрашиваю ее, где находится ближайшая железнодорожная станция.

Она, кажется, впечатлена, говоря мне, что совсем не говорит по-итальянски.

Я ловлю улыбку нашего водителя в зеркало заднего вида, когда поток машин редет, и мы едем по дороге, соединяющей портовый город Салерно и скалистый Сорренто, прежде чем въехать в Амальфи. Автомобиль проезжает мимо живописных виноградников, расположенных террасами, и лимонных рощ на склонах холмов.

Эта вилла — одна из немногих международных объектов недвижимости, принадлежащих моей семье, в которых я когда-либо останавливался. Когда мы подъезжаем к дому, я вспоминаю, почему. Раньше это была старая веревочная фабрика, производившая рыболовные сети. Рабочие, несомненно, наслаждались тем же видом аквамариновых волн, усеянных лодками, с береговой линией, обрамленной разноцветными домами, расположенными в шахматном порядке на скалах, выглядящими такими же ненадежными, как блоки Дженга. Годы ремонта и богатые владельцы сделали дом неузнаваемым. Облицовка из майолики была специально разработана для этого объекта.

Скарлетт идет к террасе. Она ничего не говорит, и это впервые. Я уже приводил сюда других женщин, и все они потратили минимум двадцать минут, охая и ахая над каждой деталью. Никто из них не вырос в такой роскоши, к которой привыкла Скарлетт. Все они знали, что их пребывание здесь будет временным.

Технически, у Скарлетт есть права на эту виллу. Наш нерушимый брачный контракт распределяет наши значительные активы в случае развода. Пока мы женаты, все они принадлежат нам обоим, за исключением журнала. Обладание чем-то часто приводит к тому, что оно теряет свой блеск. Это человеческая природа — желать того, чего мы не можем иметь.

Я смотрю, как наш водитель складывает чемоданы в прихожей, затем поворачиваюсь к Скарлетт. Она скручивает свои длинные темные локоны в пучок, оглядываясь вокруг, как будто она вошла в музей и рассматривает его экспонаты.

— Я вернусь к шести.

Она поворачивается, впервые с тех пор, как мы приехали, обращая на меня внимание.

— Куда ты едешь? Я проделала весь этот путь, а теперь ты просто уходишь?

— Звучит знакомо?

Ее глаза вспыхивают, а рот отвисает. Я выхожу, прежде чем она ответит. Удар ниже пояса. Признаю, ее отсутствие и отстраненность в последние несколько дней беспокоили меня. Но я раздражен, потому что хочу провести с ней время, и вместо того, чтобы собраться с духом и признаться ей в этом, я солгал. А теперь мне приходится вести себя так, будто это не так.

Я приказываю водителю высадить меня у крошечного кафе в городе. Веселая болтовня наполняет улицу на множестве языков. Я заказываю у официантки капучино и сажусь за один из крошечных столиков. Похоже, Европа — полная противоположность Техасу, с оштукатуренными зданиями, дорогими машинами и океаном, сверкающим на солнце.

Мой телефон начинает звонить. Я не решаюсь ответить, но это Ашер. Я не разговаривал с ним с тех пор, как уехал в Париж.

— Привет.

— Почему ты не отвечаешь на мои сообщения?

— Почему ты ведешь себя как прилипчивая бывшая?

Он хихикает.

— Черт возьми, чувак. Я скучаю по тебе. Ты придешь сегодня вечером?

Я моргаю, потом понимаю. Я должен был вернуться в Нью-Йорк несколько часов назад.

— Нет. Я на вилле.

— На вилле? Твой отец знает?

Большую часть времени мне нравится тот факт, что кабинет моего лучшего друга находится прямо по коридору от моего.

— Он не мой надзиратель. Если я захочу поехать в Италию, я, черт возьми, поеду в Италию.

— Я просто спросил, чувак. Он был зол, что ты уехал в Париж без предупреждения, а сделка с Ланкастером должна быть завершена в пятницу. Завтра мы должны просмотреть окончательные отчеты. Вся команда.

— Я просмотрю отчеты и отправлю свои замечания.

На мгновение воцаряется тишина.

— Все настолько плохо, да?

— Что?

— Путешествие со Скарлетт. Я знал, что это будет катастрофа. Вы даже не смогли вернуться вместе.

Эта инсинуация раздражает. Неизвестно по какой причине я чувствую необходимость защитить ее.

— Это не катастрофа. Она здесь, со мной.

— Seriously? — Ашер, похоже, шокирован.

— Мы не ездили в свадебное путешествие. Это всего лишь еще на пару дней.

— Так у вас все хорошо? Должно быть, раз ты рискуешь навлечь на себя гнев Артура.

Мои зубы скрипят. Я не знаю точно, когда, но мой брак со Скарлетт стал чем-то таким, что я не хочу ни с кем обсуждать. Я защищаю нас. Я избегал серьезных отношений, как чумы. Даже если бы у меня возникли чувства к Ханне Гарнер или любой другой женщине, с которой я был, я все равно бы женился на Скарлетт. В те времена я и представить себе не мог, что когда-нибудь буду желать ее внимания. Теперь я не могу представить, что могу изменить своей жене.

Самые важные моменты между нами длились мгновение. Поцелуй перед нашей свадьбой. Как я нес ее на руках, когда нашел спящей на диване. Танцы на гала-концерте Резерфорда. Четвертое июля. Восхождение на Эйфелеву башню и знакомство с Версалем.

Они такие же, как мы. Грязные, обжигающие, сбивающие с толку, захватывающие и всепоглощающие.

Мы женаты всего чуть больше месяца. И все же я не могу представить свою жизнь без нее. Это все равно что годами жить с плохим зрением, надеть очки, а потом потерять их навсегда. Жить с четкой ясностью, а затем возвращаться к тусклым размытым очертаниям, зная, что вы упускаете. Скарлетт заставляет меня смотреть на вещи по-другому. Ясно. Я никому не могу этого объяснить, да и не хочу. Я другой рядом с ней, и мне хотелось бы думать, что она тоже другая рядом со мной.

Ашер явно не знает, что делать с моим затянувшимся молчанием. Я не отношусь к пассивно-агрессивному типу людей. Я говорю то, что имею в виду. Я сказал ему, что мой брак со Скарлетт ничего не изменит, и я в это поверил. Он поверил в это.

Я был неправ.

— Ты позвонил, чтобы обсудить что-нибудь, кроме моей сексуальной жизни? —

спрашиваю я.

— Я слышал, ты ударил Кэмдена Крейна на празднике. Себастьян появился в офисе на этой неделе. Не хочешь обсудить это?

— Нет.

Ашер вздыхает.

— Ты ездил в Хэмптон, чувак.

— Праздник организовывали родители Скарлетт. Было бы невежливо пропустить.

— Она того не стоит, Крю.

Я сжимаю свою чашку.

— Я знаю, что ты порядочный парень, и она тоже. Она тобой пользуется. Играет с тобой. Все говорят, что она ледяная королева. Даже если секс хорош, не мучай себя. Просто...

— Заткнись.

— Крю.

— Она не ледяная королева. Ты должен верить мне, а не парням, которые злятся, что она никогда не уделяла им внимания.

— Ну если ты так говоришь, — голос Ашера звучит скептически.

— Если ты мне не веришь, спроси Кэмдена Крейна, что он говорил прямо перед тем, как я ударил его, — предлагаю я. — Если ты хочешь обсудить что-нибудь, связанное с работой, напишите мне. Я отвечу, как только успокоюсь, — затем вешаю трубку.

Я не могу отвести от нее взгляд. Свечи горят между нами, отбрасывая мягкий свет на Скарлетт. На ее острые скулы и длинные ресницы. Ее красные губы и голубое платье.

Когда я вернулся из кафе, она молчала. Согласилась, когда я предложил пойти куда-нибудь поужинать. Мы в моем любимом ресторане. Перила слева от меня встроены в самую скалу. Один взгляд в сторону, и все, что вы видите — это бурлящее море.

— Значит, все готово? С «Руж»? — спрашиваю я.

— Да. Веб-сайт заработает завтра, как только будет объявлено об этом.

— Ты взволнована?

Я ожидаю бойкого ответа «Нет», а не «Я в ужасе».

На секунду мне кажется, что она издевается надо мной. Но легкое пожатие плечами перед тем, как она откусывает кусочек булочки, неподдельно в своей уязвимости.

Я наклоняюсь вперед.

— Не пойми неправильно...

Она перебивает:

— Ужасный способ начать предложение.

Я улыбаюсь.

— Зачем ты это делаешь? Я знаю, что дизайнерское дело может быть прибыльным, но тебе не нужны деньги. Ты уже работаешь за троих, а потом добавила еще больше работы. Сначала я подумал, что это из-за меня, из-за нас. Ты избегала оставаться дома. Но за ужином с Жаком... ты планировала это годами. Почему, Скарлетт? Я получаю возможность проявить себя, и делаю это. Но вот так давить на себя кажется... не знаю. Чрезмерно?

Скарлетт смотрит на воду. Закат размазан по небу позади нее. Брызги мандарина и персика смешались с золотистым светом. Ее профиль такой же потрясающий, как и все остальное в ней.

Вздыхая, я откидываюсь назад.

— Не бери в голову. Я...

— Я чувствую, что мне нужно заслужить это, — она поворачивается ко мне, ее карие глаза кажутся сегодня скорее зелеными, чем карими. — всю мою жизнь мне все преподносили на блюдечке. Да, я работала, но я бы получила это, несмотря ни на что. Гарвард не собирался отвергать мои документы, я же Элсворт. Подача заявления была обычной формальностью. Я увидела, что «Хай» продается, и... не знаю. Я знала, что смогу все изменить. Даже сейчас, когда все идет хорошо, я не могу полностью позволить себе доверить журнал ещё кому-то. Чем усерднее я работаю, тем больше чувствую, что заслуживаю успеха. Все было решено: я просто использовала деньги и связи, чтобы снова сделать журнал прибыльным. С «Руж»... это... это мое. От начала и до конца. Я хочу, чтобы одежда, которую я создаю, заставляла женщин чувствовать себя сильными. Я хочу, чтобы она создавалась в городах, где людям нужна работа, в здании, где люди взволнованы и гордятся тем, что там работают. Я хочу чувствовать, что я сделала что-то важное, и что я сделала это сама. Когда я делаю пожертвования на благотворительность, я просто подписываю чек. Я не лечу детей и не летаю на самолете с вещами. Но я разбираюсь в одежде. Я могу создать одежду, которую кто-то наденет, когда получит работу своей мечты. Или на первом свидании с человеком, за которого она собираются выйти замуж. Или... — она замолкает и отводит взгляд, щеки краснеют. — Это глупо, я знаю.

— Вовсе нет, — это все, что я говорю, пока она не встречается со мной взглядом. — Это не глупо, Роза, — я поднимаю свой бокал и наклоняю его в ее сторону. — За «Руж».

— За «Руж», — вторит она, постукивая своим бокалом по моему.

Мы поддерживаем зрительный контакт, пока оба пьем, и это кажется более интимным, чем секс.

— Ройс Рэймонд хочет, чтобы я возглавил его продюсерскую компанию, — едва заметный подъем ее бровей — единственный признак того, что она меня услышала. — Он сделал предложение на нашей свадьбе. Сказал, что я должен создать свое собственное наследие. Я не думаю, что соглашусь на это. Но... как вариант.

Скарлетт осушает свой бокал и снова наполняет его.

— Вариант в Лос-Анджелесе?

— Я бы не рассматривал это, если бы это было в Лос-Анджелесе.

— Почему бы и нет? Там тепло. Солнечно. Ты мог бы заняться серфингом.

Я ухмыляюсь.

— Я не умею серфить.

— Ты мог бы научиться.

Каким-то образом Скарлетт всегда умудряется сказать то, чего я меньше всего ожидаю.

— Ты хочешь переехать в Лос-Анджелес?

Она усмехается.

— Конечно, нет. Нью-Йорк — это наш дом. Я бы никогда не переехала в Калифорнию.

— Как я уже сказал, я бы не рассматривал это, если бы мне пришлось переехать в Лос-Анджелес.

Это признание на минуту останется между нами.

— Ты ничего не знаешь о киноиндустрии.

— Откуда ты знаешь? — возражаю я.

— Ты читаешь или смотришь бейсбол, когда у тебя есть свободное время.

Она права; я даже не могу вспомнить название последнего фильма, который посмотрел. Я удивлен, что она это заметила.

— Я сказал то же самое, — признаю я. — Он сказал, что у него есть люди, которые этим занимаются. Он хочет заполучить меня за мое деловое чутье, — я опускаю немного о свое моральном образе.

Скарлетт кивает, как будто в этом ответе есть смысл.

— Никакой шутки насчет того, что у меня его нет? — поддразниваю я.

— Я видела отчеты департамента. Я знаю, что ты профессионал.

— Зачем ты смотрела отчеты? — каким образом? Это не публичные записи.

— Мне было любопытно. И я Кенсингтон.

— Что это значит?

— Тебе интересно, как я получила доступ, — она откусывает кусочек своей пасты. Жует. — Вот как.

— О, — это мой блестящий ответ.

Она не проявила никакого интереса к «Кенсингтон Кансалдид», но она права. После нашей свадьбы она получила значительную долю в компании. Более чем достаточно, чтобы получить доступ к отчетам компании или ко всему остальному, что она может запросить.

— Не думаю, что тебе следует принимать его, — продолжает она.

— Принимать что?

Она закатывает глаза.

— Предложение Ройса.

— Неужели? Я думал, ты захочешь, чтобы я это сделал.

Ее глаза сужаются.

— Почему?

— Из-за всего, что ты мне только что сказала. О том, как зарабатывать на своих собственных достижениях. Не быть прихвостней отца.

— Я не это имела в виду, Крю.

— Да, ты именно это и имела ввиду.

— Нет. Я хотела причинить тебе боль и не знала, как еще это сделать. «Кенсингтон Кансалдид» принадлежит тебе по праву рождения. Наследие твоей семьи. Ты это заслужил. Любой другой уничтожил бы его.

Я обрабатываю ее слова.

— А как насчет «Эллсворт Энтерпрайзиз»? Я мог бы сказать тебе то же самое. Ты единственная наследница.

Она пожимает плечами.

— Думаю, мы разберемся с этим, когда придет время.

— Мы?

Ее щеки окрашиваются румянцем.

— Если есть «мы», то да.

— У меня не было сегодня встречи, — я выпаливаю признание без прелюдии, без дальнейших объяснений.

Она изучает меня.

— Куда ты ходил?

— Я читал в кафе в течение трех часов.

— Почему?

Я знаю, что она не спрашивает, почему я читал.

— Я хотел привести тебя сюда.

— Теперь я Кенсингтон.

Я моргаю от очередного стремительного поворота в разговоре.

— Да, я знаю. Я был на свадьбе, помнишь?

Она не улыбается этой дурацкой шутке.

— Если «Руж» потерпит неудачу, если я потерплю неудачу, твоя фамилия будет связана с этим. Вот почему я так расстроилась в Париже. Я не хочу, чтобы ты разочаровался во мне.

Я так ошеломлен, что не могу говорить. Такое чувство, что я слышу эти слова через аэродинамическую трубу: «Я не хочу, чтобы ты разочаровывался во мне.». Издалека донесся крик.

— Скар... — я прочищаю горло. Один раз. Дважды. — Скарлетт, как ты могла подумать? Я никогда не разочаруюсь в тебе. Клянусь. Ты можешь кого-нибудь убить, и я закопаю тело, не задавая лишних вопросов. Если у «Руж» ничего не получится, я буду чертовски горд тобой за то, что ты старалась.

Проходит несколько секунд, в течение которых она ничего не говорит, и я убеждаюсь, что мне не следовало ничего говорить.

— Я шпионила за тобой.

— Что?

Она полуулыбается и делает еще глоток вина.

— Раз мы делимся секретами... когда я была в Париже, я шпионила за тобой каждую ночь. Через камеры слежения. Учитывая разницу во времени, я возвращалась в свой отель, когда ты возвращался домой с работы. Я шпионила. Каждую ночь.

— Зачем?

— Наверное, мне было любопытно. Что ты делал. Как ты себя вел. Какой ты на самом деле.

— И что же ты узнала?

— Не так много. Ты довольно скучный.

Я ухмыляюсь.

— По-видимому, не настолько скучный, раз ты шпионила.

Заставлять Скарлетт краснеть может стать моим новым любимым хобби. Каждый раз это ощущается как подарок. Достижение.

— Как скажешь.

Моя улыбка становится шире. Она смеется и отводит взгляд.

— Ты готова идти?

— Да.

Я подзываю официанта и оплачиваю счет, все время украдкой поглядывая на Скарлетт.

К тому времени, как мы выходим из ресторана, на улице уже кромешная тьма. Я не понимал, сколько времени прошло. Когда я с ней, я не вижу ничего, кроме нее. Обескураживающее осознание для того, кто привык все контролировать.

Более поздний час не ослабил никакой активности. Улицы так же оживлены, как и раньше. Мы идем бок о бок, ближе, чем требуется. Я пристально смотрю на каждого парня, который смотрит на нее.

Скарлетт спотыкается абсолютно обо все, и я протягиваю руку, чтобы схватить ее. Она смеется.

— Я думала, мы не прикасаемся друг к другу.

— Ты пьяна, — понимаю я.

Она тычет одной рукой мне в лицо, держа большой и указательный пальцы плотно прижатыми друг к другу прямо перед моим лицом.

— Вот настолечко.

Я раздвигаю их на несколько сантиметров друг от друга.

— Думаю, ты имела в виду вот столько.

Я никогда раньше не видел Скарлетт навеселе. Обычно она олицетворяет собой самообладание и язвительность, независимо от того, сколько бокалов шампанского она выпила. Есть что-то странно милое в том, как блестят ее глаза и морщится нос. Она выглядит моложе.

— Нет, — она сокращает расстояние. Между ее пальцами и между нами. — Я имела в виду именно столько.

Прежде чем я успеваю ответить, она целует меня. Она нетвердо стоит на каблуках, опираясь на меня, пока обвивает руками мою шею и сосет мой язык на оживленной улице.

Большинство наших поцелуев были поспешными. Этот не исключение. Она целует меня так, словно у нее есть таймер. Как будто наступил конец света, и мы — единственные два человека, которые выжили.

На полпути к пирсу, где мы оставили катер, на котором приехали с виллы, Скарлетт останавливается и снимает туфли. А потом она начинает вприпрыжку бежать к песку. Ее темные волосы развеваются на ветру, а голубое платье развевается вокруг бедер.

Впервые с тех пор, как я познакомился со Скарлетт, я думаю, что она выглядит беззаботной. Счастливой. Вино, вероятно, заслуживает большего уважения, чем я, но я все равно претендую на нее. Особенно когда мы достигаем песчаного пляжа, и она протягивает руку и переплетает свои пальцы с моими.

— Я бы хотела, чтобы сейчас был фейерверк.

— Может быть, в следующий раз.

— Ты бы вернулся сюда?

— Если ты этого хочешь.

Она стоит и смотрит на меня, а ветер треплет ее волосы.

— Это пугает меня.

Я чувствую, как мои брови хмурятся.

— Что тебя пугает?

— Как сильно я хочу вернуться. Как сильно я хочу... тебя.

Она тут же сожалеет о своем признании. Я прочитал это по тому, как напряглись ее плечи. И тому, как она отворачивается от меня и вместо этого смотрит на океан.

— Скарлетт, — я подхожу ближе.

— Что?

Она по-прежнему не смотрит на меня, поэтому я беру ее за подбородок и поворачиваю ее лицо к себе.

— Я хочу тебя. Я всегда буду хотеть тебя.

Ее лицо искажается от недоверия.

— Ты не можешь знать. Что будет...

Я не ослабляю хватку.

— Я знаю. Ты моя жена. Не забывай про клятвы. Ты единственная женщина, с которой я когда-либо общался в баре. Я бы никому другому не отдал кольцо своей матери. Рисковал крупным деловым контрактом, потому что какой-то пьяный придурок описал, как он ее трахнет. Ты совсем другая, Скарлетт. Ты важна для меня, Роза. Я бы никогда не предпочел тебя кому-то другому. Не сомневайся в этом. Никогда.

— Я не хочу, чтобы ты что-то значил, — это заявление звучит с искренностью, которой обычно не хватает ее словам.

— Я знаю, — мой ответ мгновенный. Но эти слова наполнены таким жаром и тоской, что я ожидаю, что они оставят ожоги на моих губах. Я не уверен, когда мы стали такими. Когда она начала иметь такое чертовски большое значение.

— Но ты уже значишь.

— Знаю.

Она толкает меня.

— Тогда говори сам с собой, — ее тон вернулся к тому, который она обычно использует со мной.

Я хихикаю и притягиваю ее обратно к себе.

— Ты уже насытилась пляжем?

Она вздыхает и прислоняется ко мне.

— Да. Я устала.

Я подхватываю ее на руки и несу по причалу.

— Что ты делаешь? — бормочет она.

— Несу тебя.

— Не останавливайся, — командует она сонным голосом.

— Не останавлиюсь

— Не отказывайся от меня.

— Не откажусь.

Остаток пути до пирса Скарлетт молчит. Она сворачивается калачиком на сиденье лодки, как только я укладываю ее. Поездка обратно на виллу занимает десять минут. Я привязываю лодку и снова поднимаю ее. Ее руки обвиваются вокруг моей шеи, когда она прижимается своей головой к моей. Тяжесть должна обременять. Вместо этого я наслаждаюсь этим. Я замедляю шаг, поднимаясь по каменной лестнице и пересекая задний двор, открывая дверь.

Большинство огней на вилле горят, сияя в темноте, как маяк. Скарлетт моргает, когда мы подходим ближе. Как только мы проходим через парадную дверь, я опускаю ее на пол. И она начинает раздеваться. Ее туфли разлетаются первыми. Затем она крутит и дергает молнию своего платья. Оно падает, столкнувшись с ее упрямством. Внезапно на всеобщее обозрение выставляется ее обнаженная кожа.

Я провожу рукой по лицу, когда она проходит через гостиную в одном розовом кружеве. Убейте. Меня. Конечно, именно в эту ночь она решает устроить мне чертову выставку нижнего белья.

А потом и оно тоже исчезло.

Слова застревают у меня в горле, когда она подходит ко мне, полностью обнаженная.

— Почему ты все ещё в одежде?

— Потому что я не пьян.

— Я не пьяна.

— Конечно, — соглашаюсь я. Спорить с пьяным человеком, как правило, бесполезное занятие. Спорить с пьяной Скарлетт было бы все равно что биться головой о кирпичную стену: бессмысленно и больно.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня.

Иисус Христос. Я никоим образом не был готов к такому предложению. Да, я определенно думал о том, что это произойдет сегодня вечером, но не так. Не тогда, когда я понятия не имею, о чем она на самом деле думает. Чувствует.

— Не так.

На ее лице мелькает раздражение, за которым следует обида. На ощупь это похоже на ржавый нож. Несмотря ни на что, мы никогда не находимся на одной волне в одно и то же время.

— Это потому, что я должна умолять об этом?

Если она это сделает, я действительно потеряю самообладание.

— Черт возьми, нет.

И снова я сказал совершенно не то, что нужно.

— Думаю, ты не узнаешь, каково это — трахать свою жену.

Она бросает в меня мои собственные слова, а затем уходит в хозяйскую спальню, хлопнув за собой дверь для пущей убедительности.

Я запускаю пальцы в волосы, пытаюсь стереть воспоминания о том, что только что произошло. Два шага вперед, три назад.

Гостевая комната рядом с хозяйской — чужая для меня. Я не заходил сюда уже много лет. Когда мой отец устраивает «семейный» отпуск, он всегда отправляется на Рождество в Альпы или на какой-нибудь тропический остров. Всякий раз, когда я проводил здесь время, я оставался в главной спальне. Я ни за что не войду туда сегодня вечером.

Я раздеваюсь до трусов и ложусь в постель.

Я просыпаюсь с сухостью в горле, когда на улице еще темно. Несколько минут кутаюсь в простыни, пытаюсь найти удобное место, которое убаюкало бы меня и снова погрузило в

сон. В конце концов, сдаюсь. Встаю и выхожу из спальни, направляясь в темную, тихую кухню.

Мне требуется три попытки, чтобы найти шкаф с бокалами. Я наполняю один из них холодной водой из-под крана, сливаю большую ее часть, снова наполняю и затем поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Ты хочешь воды?

Она усмехается и отворачивается.

Я пересекаю кухню в несколько шагов и хватаю ее за руку.

— Скарлетт. Послушай, я...

Она резко поворачивается ко мне.

— Что? Чего ты хочешь от меня, Крю? Потому что я думала, что секса. Но я предложила его тебе на гребаном блюде, а ты решил спать дальше по коридору.

— Ты не мыслила ясно.

— Ни хрена себе. Я не могу ясно мыслить рядом с тобой.

— Это самая милая вещь, которую ты когда-либо говорила мне, детка.

— Не привыкай к этому.

— Уже поздно.

Это, кажется, пробьет любую броню, которую она носит под своей тонкой ночной рубашкой. Клянусь, эти лоскутки короткой ткани приведут меня к смерти.

— Все ведь закончится, когда мы займемся сексом?

— Что?

— Забудь.

— Просто скажи, что ты имеешь в виду, Роза. Я, блядь, не умею читать мысли.

Она прикусывает нижнюю губу.

— Я хочу переспать с тобой. Но не хочу, чтобы это что-то изменило.

— Изменило что? Безразличное отношение в Нью-Йорке?

Она мотает головой.

— Не бери в голову.

Я делаю первый шаг. Стираю пространство между нами и прижимаю ладонь к ее талии, направляя ее ко мне.

Она делает второй шаг. Ее руки пробегают по моим рукам и плечам, прежде чем скользнуть в мои волосы.

— Просто убереги меня, хорошо? — шепчет она. — Убереги меня от завершения всего этого. Со мной все будет в порядке, пока у меня есть твоя защита.

— О чем, черт возьми, ты говоришь?

Скарлетт не отвечает. Она целует меня. Пьяняще, глубоко и возбуждающе. Этот поцелуй может стать главным праздником моей жизни. Я мог бы целовать ее часами. Запомнить точно, каково это, какая она на вкус, какие тихие звуки она издает, и этого все равно будет недостаточно.

Но я понимаю, что на этом все не закончится, когда ее рука скользит вниз. Прежде чем я успеваю подумать, а тем более отреагировать, она сжимает мой член в кулаке. С меня хватит. Я не собираюсь останавливаться. Тормоза не работают. Я хочу ее. Я хотел ее так долго, что трудно вспомнить время, когда я этого не хотел.

Она быстро справляется с моими боксерами, и я стягиваю шелк, который едва прикрывает ее. Я плохо соображаю, тем не менее достаточно осведомлен, чтобы понимать,

что это не обязательно должно происходить на кухне. Я притягиваю ее к своему телу, и ее ноги обвиваются вокруг моей талии. Маневрировать по темному дому, неся ее на руках, нелегко, но я справляюсь.

Я бросаю ее на кровать, среди спутанных простыней, которые наводят на мысль о том, что она долго ворочалась.

— Не могла уснуть?

— Прекрати болтать, — она хватается меня за волосы, возвращая меня к своим губам.

Я хочу насладиться этим: ее ощущением, вкусом, видом ее тела, расprostертого подо мной. Но здесь темно, а это значит, что я не могу видеть ничего, кроме ее фигуры. У меня не было секса уже несколько месяцев, и это делу не помогает.

Скарлетт не то чтобы замедляет ход событий. Она извивается подо мной, пока кончик моего члена не проскальзывает сквозь ее влажный жар. Она приподнимает бедра, дразня меня, прижимая нас ближе друг к другу. Ногти впиваются мне в спину. Мое имя прерывает тишину рваным стоном.

Я начинаю погружаться в нее и понимаю, что чувствую себя по-другому.

Я отстраняюсь, пытаюсь вспомнить, где оставил свой багаж.

— Не останавливайся, — ее голос не похож на тот, который я когда-либо слышал. Он отчаянный.

— Мне нужен презерватив.

— Нет, не нужен.

Это не тот ответ, которого я ожидал. Мы не обсуждали контроль над рождаемостью или детей, кроме того, что она сказала, что не готова к ним. Не говоря уже о том, что есть хирург, с которым она якобы трахается. Я чист, но она этого не знает. Все это нам нужно будет обсудить позже, не прямо сейчас.

Ее ответ — безрассудный и безответственный, ни одно из этих прилагательных я обычно не использую для описания Скарлетт.

Мой шок, должно быть, отразился на лице. Внезапно она убирает руки с моей спины, лежа на белой простыне, как будто собирается сделать снежного ангела. Открыта, но не уязвимая.

— Забудь. Возьми презерватив.

Она молчит, пока я встаю и нахожу свой чемодан. Я чувствую, как раздражение разливается по всей комнате. Я чувствую, что что-то упустил, но не могу понять, что именно. Есть большая вероятность, что мне не понадобится пакет из фольги, с которым я вернусь в постель.

— Мы не должны делать это сейчас.

В ответ она берет у меня презерватив, разрывает его и скатывает по моему члену. Затем садится мне на колени и опускается. Ее тяжелый выдох наполовину всхлип, наполовину стон, когда я наполняю ее. Я мысленно повторяю каждый вывод из последнего квартального отчета, чтобы не кончить сразу же, как возбужденный подросток. Она мокрая и горячая.

Я позволяю ей контролировать темп. Позволяю ей взять меня глубоко, быстро и неистово. Позволяю ей использовать меня как игрушку, чтобы получить удовольствие. Часть меня рада, что она хочет меня так же сильно, как и я ее. Другая же застигнута врасплох. Я отказывался от контроля во время секса, когда дело касалось других женщин. Скарлетт — исключение.

Когда Скарлетт становится все равно, она замолкает. Ее отчаянные движения — явное

проявление не безразличия. Она хочет этого и показывает мне, насколько сильно. Я провожу языком по ее шее, ощущая привкус соли на ее коже после нашего путешествия по волнам. От нее пахнет лимоном и чем-то цветочным, почти сладким.

Когда я провожу языком вниз между ее грудей, она ахает и кружит бедрами. Я ворчу.

— Ты уже близко, Роза. Я чувствую, как ты сжимаешься вокруг меня, — влажные, жадные звуки наполняют комнату, когда она снова и снова насаживается на меня, добиваясь своего освобождения.

— Крю, — она произносит мое имя как проклятие.

— Ты собираешься кончить на моем члене, Роза?

Наши губы встречаются в грязном поцелуе. А потом она бьется в конвульсиях вокруг меня, издавая звуки, которые почти толкают меня через край вслед за ней.

Я переворачиваю ее так, чтобы она оказалась подо мной, и приподнимаю одну из ее ног, снова погружаясь в нее. Мои губы находят раковину ее уха. Я не смотрю на ее лицо, просто использую ее тело так же, как она только что использовала мое.

— Ты быстро кончила, Скарлетт. Неужели твои мальчики для секса не справляются со своей работой? — она притягивает мой рот обратно к своему и прикусывает мою нижнюю губу так сильно, что я чувствую вкус крови.

Скарлетт нельзя ни приручить, ни контролировать. Это часть ее привлекательности. Дикая, необузданная красота — самый разрушительный вид. Она — буря, та самая катастрофа, которую вы не можете не уважать, даже оплакивая ее потрясения.

— Каково это — трахать свою жену, Крю?

Адреналин переполняет мой организм. Я кайфую от ощущений, от острых ощущений, от нее. Я потираю ее набухший клитор, продолжая трахать ее быстрыми, жестокими толчками.

— Ты всегда такая мокрая, или только для меня?

Скарлетт сопротивляется, но я слышу, как стон срывается с ее губ. Мурашки бегут по ее обнаженной коже, несмотря на то, что кондиционер здесь не включен. Я беру, беру и беру, ускоряя темп с каждым толчком. И она раздвигает ноги так широко, как только может, впуская меня глубже. Умоляя без слов.

Я врываюсь в нее, как будто выигрываю нашу битву желаний, как будто претендую на нее как на приз. Скарлетт впивается ногтями мне в спину и встречает мои толчки, подстегивая меня. Она может лгать мне сколько угодно, но ее тело не может участвовать в том же обмане. Оставляя в стороне беспорядок других эмоций между нами, то, что мы не сказали, наша химия — это горючий материал. Она потрескивает в воздухе, как летняя гроза.

Она носит мое кольцо, но она никогда не чувствовала себя моей. Это единственный способ, которым я могу заявить на нее права, трахая ее как можно сильнее и тщательнее. Изголовье кровати отстукивает ритм по стене. Пот скапливается между нашими телами.

Я замедляю свои движения, еще не готовый к тому, что это закончится. Скарлетт борется. Завтра у меня на спине появятся отметины.

— Пожалуйста, Крю. Пожалуйста.

Она умоляет меня, прежде чем снова забиться в конвульсиях, и я не могу больше сдерживаться. Хриплые мольбы вывели меня из себя. Цунами удовольствия накатывает, прокатываясь по моему телу мощной волной. Жар вспыхивает раскаленным добела огнем, который пронзает меня насквозь и стирает все остальное. Мысли, страхи, беспокойства? Все исчезло.

Есть только я и женщина, заставляющая меня кончать сильнее, чем когда-либо прежде.

Последствия секса обычно предсказуемы. Я привык к приставучести и вопросам. Со Скарлетт я научился ожидать неожиданного.

Поэтому, когда я вытаскиваю и бросаю презерватив, первое, что она говорит:

— Ты хорош в постели.

Я смеюсь.

— Ты не кажешься удивленной.

— Я не удивлена.

Близко к комплименту.

— Я могу уйти...

Она сдвигается так, что ее голова оказывается на подушке. Легкий ветерок колышет воздух, когда она натягивает простыни на свое обнаженное тело.

— Если ты хочешь.

Это не то, чего я хочу, и я знаю, что выбор слова был преднамеренным. Поэтому я ложусь рядом с ней.

Я смотрю в потолок, пытаюсь понять, как это возможно, чтобы что-то превзошло все ожидания и в то же время не оправдало их.

В темноте нет метрики для измерения времени. Секунды, минуты, может быть, часы спустя, дыхание Скарлетт не выровнялось.

— Ты хочешь поговорить об этом?

Ее нога дергается, ударяясь о мою.

— Я думала, ты спишь.

— Нет, — единственное слово, которое я могу выговорить.

— Это было... не так, как я ожидала.

Я напрягаюсь.

— Твой хирург заставляет тебя кончать три раза? — я звучу, как ревнивец — будто мне не все равно, — и я ненавижу это. Я должен был бы радоваться, что она не прилипчива. Что мне никогда не нужно будет чувствовать себя виноватым за то, что я принимаю предложения других женщин. Вместо этого я маринуюсь в отвратительной смеси ярости и раздражения.

— Я не то имела в виду.

— Что ты хочешь этим сказать?

Она молчит. Так долго, что я задаюсь вопросом, удалось ли ей заснуть.

— Не надо меня ненавидеть, — шепчет Скарлетт.

— Я не буду.

Она вздыхает, и это самый печальный звук, который я когда-либо слышал.

— Ты будешь.

Затем она переворачивается на другой бок, так что я вижу только ее спину.

13. Скарлетт

Я не такая девушка.

У меня не кружится голова, я не нервничаю и не меняю платье три раза. Я свысока смотрю на женщин, которые готовы изменить в себе все и вся ради мужчины. Если вы готовы сделать для себя, зачем вам делать это для кого-то другого?

Вместо того чтобы быть жалкой, я чувствую себя легче и свободнее, чем когда-либо. Шипучая, как бутылка шампанского, которую взболтали, но еще не откупорили. Чувство

возбуждение всплывает на поверхность. У меня всегда все было под рукой, и все же меня сводит с ума лишь одно: проводить время с парнем, за которого я вышла замуж по множеству логичных и еще более нелогичных причин.

Я разглаживаю гофрированный подол розового платья, которое на мне надето. Это наряд, который я бы никогда не надела в Нью-Йорке. Он кричит о девчачьей невинности и наивности. Сегодня я отказалась от своих красных губ, оставила волосы распущенными и надела сандалии. В кои-то веки я выгляжу на свой возраст. Может быть, моложе. Я потеряла бдительность, и мой внешний вид отражает это.

Когда я выхожу в спальню, на долю секунды меня охватывает паника. Может быть, Крю хочет женщину на высоких каблуках. Может быть, он был очарован лишь одним — тем, как меня было трудно заполучить. Я сказала ему «нет», и это было в новинку. Прошлой ночью я вела себя так, словно его член был единственным в мире. И я определенно дала понять, что неравнодушна к нему. Я фактически призналась, что запала на него.

Ветерок дует через открытые двери террасы, касаясь мягкой хлопковой ткани. Каждый раз, когда я вижу террасу в этом доме, я влюбляюсь в виллу немного больше. Если бы можно было управлять журналом отсюда, я бы никогда не уехала. До тех пор, пока Крю тоже остаётся тут.

Он стоит у входной двери и что-то печатает на своем телефоне. Между нами все по-другому. Не лучше и не хуже, просто по-другому. То, что мы разделяем и то, чего у нас нет, раньше было четко определено. Теперь все превратилось в размытое пятно.

Когда Крю улыбается мне, бутылка шампанского встряхивается еще немного.

— Готова?

— Да.

Я выхожу вслед за ним на улицу. Мы не притворяемся, что прошлой ночи не было: признаний, секса, совместного пробуждения в постели, — но мы также не обсуждаем это. Прошлой ночью я не была так уж пьяна. Я помню каждую секунду. Мое поведение было вызвано главным образом тем, что я потеряла бдительность и действовала так, как хотела, не беспокоясь о последствиях. При дневном свете они не кажутся такими яркими.

Мы могли бы улететь обратно уже сегодня. Вместо этого Крю спросил, не хочу ли я пойти на футбольный матч. Несмотря на то, что мне было неинтересно сидеть под палящим солнцем, наблюдая, как куча парней бегают вокруг, и слушать, как зрители притворяются, что могли бы играть лучше, я согласилась. Потому что он сам это предложил.

Проезжая мимо впечатляющих скал и ослепительных видов на океан, вы не почувствуете особых трудностей. Крю вырулил из гаража серый кабриолет Мазерати с откидным верхом, на котором мы сейчас и едем.

Я пытаюсь и не могу вспомнить, когда мы были одни в машине вместе. Все, что казалось бы обычным делом для любого другого, кажется значимым для него. Я не рассуждаю о том, почему это так. Возможно, сейчас мы находимся в идеальном месте, но я не питаю иллюзий, что это продлится долго.

Счастье на данный момент — это больше, чем я ожидала.

Счастливое будущее нереально.

Я наблюдаю за Крю под предлогом изучения пейзажа, прячась в тени своей шляпы и солнцезащитных очков от Гуччи. Все мои недавние поездки в Италию были по работе, в основном в Милан. Я и забыла, как от скалистой береговой линии захватывает дух, а голубая вода поразительно чистая и яркая. Цвет глаз Крю — настолько красивый, что вы думаете,

что это подделка.

Крю выглядит расслабленным и настороженным, когда мы едем. Он одет небрежно, в белую хлопковую футболку и темно-синие шорты. Этот парень неузнаваем по сравнению с Крю Кенсингтоном, который подошел ко мне в «Пруф». Загорелый, расслабленный, может быть, даже счастливый.

Вспышки прошлой ночи проносятся в моей памяти, пока я слежу за ним, задерживаясь на движении сухожилий на его руках, когда он поворачивает руль, чтобы повернуть направо. Я могу перечислить количество парней, чьи предплечья я ранее рассматривала, на пальцах одной руки. По какой-то причине я не могу отвести взгляд от Крю.

Кажется, он доволен тем, что сидит в тишине, не делая никаких попыток завязать разговор. Теплый ветер проносится мимо, время от времени донося звуки разговоров или звуки музыки, когда мимо проезжают другие машины. Мои волосы развеваются вокруг лица. Я убираю их за спину, и через несколько минут ветерок снова развивает их.

Я раздраженно вздыхаю, и уголок рта Крю дергается. В моей сумочке полный беспорядок, как и всегда, когда я путешествую. Я роюсь в блеске для губ, евро, гостиничном шоколаде и моем паспорте — вероятно, его следует хранить в другом месте, — прежде чем нахожу резинку для волос.

Я собираю волосы в беспорядочный узел. Каникулы обычно включают в себя экскурсии по музеям и дегустации вин. Установленный маршрут и рабочие звонки. Езда в кабриолете в летний день — это то, что я легко могла сделать раньше. Но что-то во мне шепчет, что я бы не чувствовала себя так с кем попало.

Я не могу игнорировать Крю. Не могу притворяться, что он просто парень, который возит меня повсюду. Вместо того чтобы бороться с этим, я принимаю головокружение, которое вызывает его присутствие. Я откидываю спинку сиденья, ставлю босые ноги на приборную панель и высовываю руку из окна, чтобы она бороздила ветер. Подол моего платья ползет вверх по бедрам, когда я откидываюсь назад. Я наблюдаю за взглядом Крю, прежде чем он сжимает руль побелевшими костяшками пальцев. Поворачиваю голову в сторону, не делая никаких попыток притвориться, что не смотрю на него.

— Нравится то, что видишь?

Он смотрит на меня, прежде чем сделать еще один поворот. Солнце освещает его, разбрасывая лучи золотистых оттенков.

— Да.

Его ухмылка мальчишеская. Не расчетливая или хищная, и я понимаю, что я не единственная, кого может тошнить от совершенства и притворства.

Я улыбаюсь в ответ, и что-то меняется. Есть осязаемый момент, когда он не Кенсингтон, а я не Эллсворт. Когда мы просто Крю и Скарлетт.

И тут у него звонит телефон. Он подключен к автомобильному Bluetooth, поэтому звук доносится из динамиков. На экране мелькает Изабель.

Крю отвечает.

— Привет, — его тон ровный, слегка раздраженный, и я нахожу в этом некоторое утешение.

— Крю! Привет! — она бодрая и жизнерадостная. Я закатываю глаза, прежде чем повернуть голову, так что смотрю в окно, а не на него.

— В чем дело?

— Я не хотела тебя беспокоить, просто... ты в аэродинамической трубе?

— За рулем, — отвечает Крю.

— Ох. Э-э, ну, Ашер упоминал, что ты продлеваешь свою поездку?

— Да.

— У нас встреча по сделке с Ланкастером сегодня днем.

— Я отправил тебе свой отзыв об отчетах сегодня утром. Со всем остальным мы разберемся, когда я вернусь.

— Я видела твоё электронное письмо. Я просто...

— Просто что, Изабель? — Крю звучит нетерпеливо.

— Ты вел эту сделку от начала до конца. Я просто удивлена, что тебя здесь нет, а вместо этого ты... ну, никто не знает, что ты делаешь. Все в порядке?

— Да.

— Хорошо... У нас во вторник заседание правления. Ты вернешься к этому времени?

— Да, — повторяет Крю.

— Твой отец будет зол.

— Значит... все как обычно?

Изабель смеется.

— В общем, да. Я пришлю тебе протокол собрания к концу дня.

— Я буду недоступен до завтра. Не спеши.

Наступает тишина, тяжелая от недоверия.

— Хорошо.

— Пока, Изабель, — Крю заканчивает разговор.

— Бездельник, — бормочу я.

Он смеется, но ни один из нас больше ничего не говорит до конца поездки.

Я знала, что соккер, или футбол, как его называют европейцы, что логично, как и метрическая система, был популярным видом спорта в Италии. Огромные толпы людей, которые появляются еще до того, как возвышающееся сооружение появляется в поле зрения. Длинные очереди болельщиков в футболках и с широкими улыбками заполняют обе стороны тротуара.

Крю, похоже, не заботится об этом. Он заезжает на стоянку, окруженную сетчатым забором, после быстрого обмена репликами по-итальянски с человеком, охраняющим ворота. Оттуда нас ведут через отдельный вход в самое сердце стадиона. Я спрашиваю:

— Какой долей ты владеешь?

Он ухмыляется мне.

— Двадцатью процентами.

— Этого не было в документах.

Крю моргает, преисполненный ложной невинности.

— Не было? — я закатываю глаза. — Я использовал свой трастовый фонд. Технически, это не было учтено.

— Используешь лазейки, да?

— Не я переписывал брачный контракт.

— Ты бы подписал, если бы я рассказала тебе о «Руж»? — бренд был на предварительной стадии, когда я принесла документы Крю. Ничего такого, что мне нужно было раскрывать, с юридической точки зрения, но кое-что я должна была утаить.

— Если бы ты сказала мне, то все было бы проще.

— Я не знала, что ты бы тогда сделал.

— А теперь знаешь?

Его вопрос звучит как нечто большее, чем просто вопрос.

— Не знаю, — это не ложь, но я не могу признать, что честный ответ «да».

Взгляд Крю задерживается на моем лице на несколько секунд, но он ничего не говорит.

Наши места находятся прямо возле поля. Я смотрю на зеленую траву, пока Крю разговаривает с человеком, который привел нас сюда, по-итальянски. Мой французский может быть сомнительным, но мои знания итальянского языка не заходят дальше «Чао».

Несмотря на то, что игра еще не началась, на поле кипит жизнь. Игроки на обоих концах выполняют упражнения и растяжку. Другие бегают трусцой на месте или разговаривают с тренерами.

Крю садится рядом со мной.

— Ты много знаешь о футболе?

— Что тут можно знать? Ты пытаешься забить мяч в сетку.

Он тихо посмеивается и откидывается назад. Его голая рука касается моей, и это обжигает.

— Думаю, ты загубила свою карьеру тренера.

Я усмехаюсь.

— Ты часто сюда приезжаешь?

— Приезжаю куда?

— На виллу. Этот стадион.

— Несколько раз в год. В колледже... парни всегда хотели повеселиться. Знаешь, Лондон, Копенгаген. А мой папа хотел только ездить в Альпы или на хорошее поле для гольфа.

— Ты выбрал лучший вариант.

— А я-то думал, что мы будем расходиться во мнениях по любому поводу.

— Ты ждёшь, что прошлая ночь повторится?

— Какая ее часть? Когда ты призналась, что следила за мной, бегала по пляжу или когда я нес тебя?

— Забудь об этом.

— Я бы хотел.

Вопреки здравому смыслу, я встречаюсь с ним взглядом. И поскольку он больше не за рулем, он держит его, не беспокоясь о том, что разобьется.

— Я действительно надеюсь на это. Все это, плюс секс.

Я делаю вид, что он не заслуживает ответа, предпочитая сосредоточиться на фигурах на поле, а не на человеке рядом со мной. Это работает какое-то время, пока не начинается игра.

Крю либо считает его комментарии бесценны, либо пытается добиться от меня ответа, потому что он извергает бесконечный поток фактов о разных игроках, на которых мне наплевать.

Я попеременно то ухмыляюсь, то вздыхаю. Профессиональные футбольные матчи длятся дольше, чем я думала.

Самое волнительное — это когда черно-белый мяч отскакивает от ворот за десять минут до конца. Но мне скучно.

Здесь жарко и шумно. Мы посетили Открытый чемпионат Франции в тени, потягивая шампанское.

Проходит почти три часа. Не забив ни одного гола, игра заканчивается. Крю

продолжает свой анализ до тех пор, пока мужчина не появляется снова и не спрашивает его о чем-то по-итальянски.

Он поворачивается ко мне.

— Владелец команды хочет поговорить. Ты не против подождать?

Несколько дней, может быть, даже часов назад я бы честно ответила «да», потому что сидеть здесь еще дольше — одна из последних вещей, которые мне хочется делать. Однако потепление по отношению к Крю — не эквивалент пересадки личности, так что я не говорю «нет».

— Я пойду с тобой.

Что-то в выражении лица Крю подсказывает, что моя промежуточная позиция — не то, что он считает компромиссом, но он не спорит, просто кивает.

Мы покидаем свои места, следуя за таинственным итальянцем, который, должно быть, работает на Крю. На полпути Крю хватает меня за руку, притягивая ближе, чтобы пробиться сквозь толпу. И я снова подавляю желание сразиться с ним. Я чувствую, что доказала Крю, что могу постоять за себя. Он знает, что я вполне способна протолкаться сквозь шумных фанатов. Если он хочет сделать это для меня, прекрасно. Более тревожное осознание заключается в том, насколько мне нравится то, как это ощущается — когда он хоть немного заботится обо мне. Я упорно боролась за установление независимости. Полагаться на других — значит часто подставлять себя под разочарование. Я говорю себе, что это не скользкий путь, что позволить Крю провести меня по стадиону — это не признак того, что я разрушаю границы, которые тщательно выстраивала.

Я лгу себе.

Толпа редет по мере того, как мы углубляемся на стадион. Большинство людей уходят, а не входят. Мы проходим в приватную секцию, где наш молчаливый гид должен показать свой значок. В коридоре пусто и тихо, единственные звуки приглушены бетонными стенами.

Крю продолжает держать меня за руку, и я не отпускаю ее. Мы заходим в лифт, а затем выходим в другой коридор, на этот раз устланный ковром. Стены увешаны фотографиями игроков в натуральную величину.

— Антонио, ты не мог дать нам минутку?

Сопровождающий нас мужчина — Антонио — кивает и продолжает идти по коридору несколько десятков метров, прежде чем остановиться.

Я перевожу взгляд с него на Крю.

— В чем дело?

— Мне нужно, чтобы ты подождала здесь, — он открывает дверь слева от нас, показывая пустой номер с видом на поле.

Я прищуриваюсь.

— Почему?

Он вздыхает.

— Владелец команды... ну, он придурок. Когда я вступил в долю, всем заправлял его отец, и это был непростой переходный период. Я надеялся избежать встречи с ним. Должно быть, кто-то сказал ему, что я здесь.

— Я могу справиться с придурками.

Улыбка Крю мимолетна.

— А я нет. Он будет приставать к тебе или еще хуже, и я ударю его, — его голос полон мрачной честности. — Я только получил доступ к своему трастовому фонду, когда

инвестировал в эту команду. Это была глупая прихоть, и мне повезло, что она окупилась. Мое участие минимально. Если это превратится в беспорядок, это будет настоящая заноза в заднице.

— Ты мог бы просто, ну, не бить парня, — предлагаю я.

— Я не собираюсь стоять в стороне и позволять кому-то оскорблять тебя.

— Это больше похоже на то, что он сделал бы мне комплимент.

Он выдыхает.

— Пожалуйста.

Вот что меня заводит. Пожалуйста. Мне любопытно познакомиться с этим парнем. Но моей новой установкой, когда Крю просит меня что-то сделать, стало слушать, а не спорить. Так что я согласилась.

— Хорошо.

Все происходит быстро. Между нами меньше полуметра расстояния, так что Крю нужно сделать только один шаг вперед, прежде чем его губы врезаются в мои. Это совсем не похоже на обязательный прощальный поцелуй. Его язык дразнит мой. Его зубы прикусывают мою нижнюю губу. Его руки притягивают мои бедра вплотную к его.

Вздых, когда он отступает назад, тяжел от сожаления и раздражения, ни то, ни другое, похоже, не направлено на меня.

— Я скоро вернусь, хорошо?

Он уходит к ожидающему Антонио, прежде чем я успеваю ответить. Я вхожу в номер, чувствуя себя немного ошеломленной. Не похоже, что кто-то наблюдал за игрой отсюда сегодня — все безупречно.

Я иду в дальний конец номера, глядя на поле. Это совсем другой вид, чем тот, что открывается с трибун. Все поле раскинулось в виде симметричного прямоугольника, зеленая трава разделена четкими белыми линиями.

Я обыскиваю номер. Выпила немного воды. Ответила на несколько рабочих писем. Софи написала мне сегодня утром, спрашивая о встрече. Если не считать одного короткого позднего завтрака несколько недель назад, я не видела ни ее, ни Надю со дня моей свадьбы. Я отвечаю, предлагая им прийти ко мне на девичник на следующей неделе. Моя мама ответила на присланную мной фотографию меня и Крю в Париже приглашением приехать к нам на ужин в ближайшее время. Я не знаю, обижаться мне или благодарить за эти усилия. Все, что касается моих родителей, обычно сопровождается определенными условиями. До того, как мы с Крю поженились, просьбы о встрече со мной обычно основывались на событиях, когда они считали, что мое отсутствие будет оскорбительным.

Наконец, Крю возвращается. Один, Антонио исчез.

— Извини. Это заняло больше времени, чем я предполагал.

Я встаю и подхожу к нему.

— Все в порядке. Это значит, что твои инвестиции приносят доход, верно?

Его ухмылка имеет ядерный эффект.

— Правильно.

Мои планы на быстрый уход быстро меняются. Я понятия не имею, почему я замечаю те детали, которые замечаю. У Крю есть веснушка под левым глазом. Не идеально круглая.

— Ты готова идти?

Мой ответ удивляет нас обоих.

— Нет, — эта прогулка была целиком его. Он планировал, контролировал, заканчивает

ее. Внезапно я перестаю этого хотеть.

К чести Крю, он быстро реагирует.

— Ты обнаружила глубокую любовь к европейскому футболу?

— Не совсем так, — я прижимаюсь к нему, заставляя его отступить. Ему не нужно соглашаться, но он соглашается. Я веду его обратно к одному из диванов и опускаюсь на него.

Глаза Крю превращаются в расплавленные голубые озера, когда он понимает, к чему все это клонится. Это хорошо, фантастически, для моего эго.

Я оседлала его и обнаружила, что он уже становится твердым. Я чувствую опьяняющую силу, когда трусь о него. Он шипит и хватает меня за бедра.

— Любимая поза?

— Разве мы не использовали ее раньше? — поддразниваю я.

— Скарлетт.

Мне всегда нравилось мое имя, то, как оно звучит. Каждый раз, когда Крю произносит его так, как будто это самый драгоценный подарок, я влюбляюсь в него все больше. И, может быть, не только в эти 8 букв.

— Я не запер дверь, — бормочет он.

— Не думаю, что это займет много времени, — я встаю. Скидываю сандалии и стягиваю стринги.

Крю откидывается на кожаном диване, его кадык подпрыгивает, а глаза полуприкрыты от вожделения, когда я возвращаюсь на свое место у него на коленях и расстегиваю молнию на его шортах. Он издает низкое ворчание, когда я хватаю его член. Его горло напрягается, когда он борется с желанием вонзиться в мою руку.

Его руки ползут вверх по моим бедрам.

— Никаких прикосновений, — шепчу я. — Если только ты не будешь умолять.

Один из его знаменитых изгибов рта появляется, когда он опускает руки. Было время, когда я не думала, что Крю Кенсингтон способен уступить в чем-либо. У него безжалостная репутация. Он нравится людям, но они также уважают его. Он достойный противник и могущественный союзник. Но ради меня он отступает.

Он стискивает челюсти, становясь все жестче. Я продолжаю поглаживать его, дразня легкими движениями бедер, которые почти позволяют ему скользнуть внутрь. Его дыхание становится все быстрее и быстрее. Мы оба полностью одеты, юбка моего розового платья лежит у него на коленях, прикрывая все, что мы делаем. Каким-то образом это делает все намного сексуальнее. Крю выглядит огорченным, изучая мою грудь, находящуюся всего в нескольких сантиметрах от своего лица.

— Никаких прикосновений, — повторяю я, прежде чем позволяю ему скользнуть в меня. Только кончик, а затем высоко приподнимаю бедра.

Он стонет, и я ухмыляюсь.

— Ты сказала мне трахнуть тебя голой прошлой ночью. Почему?

Крю, спрашивающий о сексе прямо перед тем, как мы займемся им, выглядит странно возбуждающе. Я никогда не обсуждала это с другими парнями, с которыми спала. Это просто случилось.

— Это был наш первый раз.

Он не отвечает «да». Но его «я знаю» не намного лучше.

Крю меня не трогает. Я все еще задаю темп. Но внезапно я больше не чувствую, что

контролирую ситуацию.

— Я полагаю, что ты не... такой как все. И я чиста и принимаю противозачаточные, — он молод, горяч и наследник многомиллиардной империи. Если он не предохранялся, значит, он идиот. И я не думаю, что это так.

Разговоры метафорами — не мой обычный способ общения, но думаю, что Крю понимает, о чем я говорю. Я хотела, чтобы наш первый раз был чем-то особенным, чем-то только нашим. Просто того факта, что это был он, было недостаточно.

Я не буду даже намекать на это, но я также хочу, чтобы он доверял мне. Глупо, учитывая, что я дала ему несколько причин не делать этого. Учитывая, что я солгала. Я беспокоюсь, что признание может разрушить любое шаткое доверие, которое мы построили.

Крю выдерживает мой пристальный взгляд, когда лезет в карман и достает свой кожаный бумажник. Глупое разочарование наполняет меня, но я сохраняю нейтральное выражение лица, приклеенное к месту.

— Мы должны быть осторожны, — он произносит эти слова, надевая презерватив. Я сосредотачиваюсь на том, что он делает, потому что мне не нужно смотреть ему в глаза.

— Мы должны, — соглашаюсь я. Вместо того, чтобы сказать ему, что я не спала ни с кем другим уже несколько месяцев. Вместо того, чтобы спросить его, спит ли он с кем-нибудь еще.

Я дразню его еще несколькими движениями бедер, а затем снова опускаю таз. С меня капает, и он скользит внутрь без сопротивления. Даже глубже, чем в прошлый раз.

Крю ругается, его руки сжаты в кулаки, он явно сдерживает себя.

— Пожалуйста, Скарлетт. Блять, я... блять. Двигайся, Роза. Пожалуйста.

Я подчиняюсь, и мое освобождение начинает нарастать мгновенно. Я близко, так близко, и я чувствую, как лопаются остатки моей силы воли. Я больше не забочусь о том, чтобы контролировать все. О его настойчивом желании надеть презерватив. О том, что эта поездка — передышка от реальности, с которой нам скоро придется столкнуться.

— Прикоснись ко мне, Крю, пожалуйста.

Я умоляю, и он не дразнит меня по этому поводу. Он внезапно оказывается повсюду. Его губы прокладывают свой путь вдоль моей шеи. Одна рука массирует мою грудь, а другая пробирается между моих бедер, чтобы коснуться влажного места, где он скользит внутри меня.

Я кончаю за считанные секунды. Горячее, ослепляющее наслаждение омывает каждый сантиметр моего тела, освещая каждую клеточку и распространяя тепло. Крю берет верх, снова и снова насаживая меня на себя. Продлевая мое освобождение и дергаясь внутри меня, когда кончает.

Я падаю на него, тяжело дыша. Мои конечности кажутся расслабленными и вялыми, выжатыми.

Его руки бегут вверх и вниз по моим икрам.

— И они говорят, что реальность не соответствует фантазии, — шепчет мне Крю.

Я улыбаюсь, прижимаясь к его горячей коже.

14. Крю

Когда я захожу в конференц-зал для еженедельной встречи в понедельник утром, мой отец и брат нехарактерно молчаливы. Я нехарактерно жизнерадостен. Мы со Скарлетт

вернулись из Италии в субботу. Между нами все хорошо, потрясающе хорошо. Она забрела в домашний тренажерный зал, когда я тренировался сегодня утром, и все закончилось тем, что мы занялись сексом на коврике для йоги. Но наши отношения не стали просто физическими. Мы договорились, что оба будем дома к восьми вечера и поужинаем вместе. Это похоже на начало новой нормальной жизни, которую я, на удивление, хочу.

Я сажусь за стол, рассчитанный на тридцать персон.

— Доброе утро.

Оливер выглядит смущенным, в то время как мой отец выглядит мрачным. Что-то не так. В кои-то веки я хотел бы, чтобы кто-то другой отвечал за решение любой возникшей проблемы. Последние остатки того покоя, который я испытывал со Скарлетт на прошлой неделе, ускользают.

— Что случилось?

Опасения усиливаются, когда ни один из них не отвечает.

— Это реальная проблема или кто-то из вас упустил потенциального клиента?

Первым заговаривает мой отец.

— Я разговаривал с Натаниэлем Стюартом о некоторых инвестициях.

Я перевожу взгляд с отца на Оливера, ища хоть какой-то намек на то, почему это проблема.

— Хорошо.

Натаниэль Стюарт учился в Гарварде на пару лет раньше меня. Он заработал солидную репутацию на Уолл-стрит благодаря разумным инвестициям в перспективные компании. Не тот вид бизнеса, которым обычно занимается мой отец, но мне все равно. Это не то, что должно подниматься до уровня этих встреч. В этой истории должно быть что-то еще.

— Как дела со Скарлетт? — резко спрашивает мой отец.

Я напрягаюсь, понимая, что отсутствие плавного перехода означает, что это должно быть как-то связано с ней.

— Прекрасно.

— Неужели?

— Да, — отвечаю я. — Я не думаю, что мой брак — это твое дело.

— Конечно, это так. Он служит определенной целью, — мой отец бросает конверт на блестящее дерево, разделяющее нас. — Она изменяет тебе, Крю.

Я замираю в шоке на несколько секунд.

— Что?

— Мой лучший частный детектив сделал их две недели назад. Они встретились возле отеля «Чатвелл» и пробыли внутри больше часа. У него был забронирован номер. Это было не в первый раз. Все записи находятся там. Они регулярно встречались в течение года.

Я не говорю ни слова, когда открываю конверт и вытаскиваю глянцевые фотографии. Они четкие. Рука Натаниэля покоится на пояснице Скарлетт. Его губы на ее щеке. На одном из них они стоят в вестибюле, а он что-то шепчет ей на ухо. Я не вижу ее лица ни на одной из них, но Натэниел выглядит самодовольным.

Две недели назад. Они были сделаны до Италии, до того, как мы переспали. Это не кажется мне большим утешением. Мы уже были женаты. Узнать о хирурге было неприятно, но, по крайней мере, мне не пришлось видеть доказательств этого. Натаниэль Стюарт редко появляется на вечеринках, но он посещает некоторые мероприятия. В какой-то момент мне придется увидеть его самодовольную физиономию лично и не ударить его.

— Ты шпионишь за всеми своими деловыми партнерами?

Мой отец откидывается на спинку стула, внимательно изучая меня.

— Да. Я не собираюсь лезть в чужую постель. От мужчины, которого вот-вот обескровит мстительная жена, мне мало пользы. Не каждая женщина такая понимающая, как Кэндис, — бесцеремонность, с которой он говорит о своей второй жене, отвлекаясь от дел, обеспокоила бы меня, если бы я мог оторвать взгляд от фотографий.

Я собираю их и запикиваю обратно в конверт, чтобы не пялиться.

— Скарлетт может делать все, что, черт возьми, хочет, — слова отдают горечью на моем языке.

— Нет, не может, Крю. Она Кенсингтон, часть будущего этой семьи. Раздвигать ноги для потенциальных деловых партнеров — это не выход. Держи ее в узде.

Я двигаю челюстью.

— Я разберусь с этим, хорошо?

— Как ты с этим разберёшься?

— Я еще не знаю. Дай мне больше пяти минут, чтобы подумать об этом, — я могу не соглашаться со многими вещами, которые говорит и делает мой отец, но он мой отец, мой босс и, возможно, самый влиятельный человек в стране. Резкий тон, которым я обрываю эти два предложения, не тот, которым я когда-либо разговаривал с ним раньше.

Он не обвиняет меня в этом, даже когда глаза Оливера расширяются.

— Я разговаривал с Себастьяном Крейном на прошлой неделе. Уговорил его не заниматься бизнесом в другом месте, после того как ты напал на его сына.

— Кэмден сам напросился на это.

Мой отец качает головой.

— Этот парад глупости заканчивается сейчас, Крю. Может быть, она и красива, но она всего лишь кусок дерьма. Возьми себя в руки, прежде чем ты поставишь в неловкое положение нашу семью.

Мне никогда так не хотелось ударить своего отца, как сейчас.

— Я сказал, что разберусь с этим.

Карие глаза пригвождают меня к месту. Я никогда не был так благодарен, что вместо них унаследовал голубые глаза своей матери. Я больше похож на нее, чем Оливер, и я всегда задавался вопросом, не поэтому ли мой отец строже ко мне. Больше ответственности, больше требований, больше разочарования. Все зависит от дня.

— Хорошо.

Оливер был слишком труслив, чтобы вмешиваться в наш разговор раньше, но он оказывает мне большую услугу и поднимает некоторые производственные проблемы с зарубежной компанией. Я притворяюсь, что слушаю, делая пометки в блокноте и украдкой бросая взгляды на конверт, который возвращает нас со Скарлетт туда, откуда мы начали: к незнакомцам.

Мое настроение не улучшилось к тому времени, как я вхожу в свой кабинет. Я киваю всем, кто со мной здоровается, даже не утруждая себя приветствием.

Ашер на своем обычном месте: ноги закинута на угол моего стола. Он улыбается, когда видит меня, ожидая, что я что-то скажу. Я слишком зол, чтобы заботиться о том, где он ставит свои ботинки. Моя кожа гудит от беспокойной энергии, которая кипит в крови.

В последний раз, когда я чувствовал себя таким расстроенным, я ударил Кэмдена Крейна. До Четвертого июля я участвовал в одной драке. Это было в бостонском баре. На меня налетел парень, который был достаточно пьян, чтобы подумать, что я его толкнул. Он нанес первый удар, и я уложил его одним ударом, который счел самозащитой. Я не иррациональный парень. У меня вспыльчивый характер, но я держу его на коротком поводке. Или, по крайней мере, раньше, до того, как женился на Скарлетт.

— И тебе доброго утра, солнышко, — говорит Ашер. Когда я не отвечаю, он добавляет: — Я думал, что люди должны возвращаться из отпуска отдохнувшими. Ты выглядишь так, словно только что присутствовал на собственных похоронах. Я имею в виду... — он поднимает ноги и брови, — ...ты даже ничего не сказал.

Я фыркаю. Он должен был увидеть меня до восьми утра, я, блядь, насвистывал, когда входил в здание. Теперь я так резко отодвигаю свой стул от стола, что он чуть не опрокидывается.

— Я в порядке.

Брови Ашера приближаются к линии роста волос.

— Черт возьми. Что произошло? Я никогда не видел тебя таким взбешенным.

— Просто какая-то ерунда с отцом, — отвечаю я вполголоса. — Забудь об этом.

— Чушь собачья.

Я качаю головой.

— Итак... как прошла твоя поездка?

— Хорошо.

— Неужели? — он растягивает вопрос недоверчивым тоном.

— Ага, — я включаю свой компьютер и начинаю перебирать стопку бумаг, которые

Селеста оставила на моем столе.

— А как насчет отношений со Скарлетт?

Я заставляю себя перебирать бумаги.

— Все хорошо.

Раздается стук в дверь моего кабинета.

— Войдите, — зову я.

Она открывается, и входит Изабель. Я не удивлен, увидев ее; я почти ожидал, что она будет ждать в моем кабинете рядом с Ашером.

— Привет, Крю.

— Доброе утро, Изабель.

— С возвращением. Хорошо отдохнул?

— Все прошло прекрасно.

— Я думал, она прошла хорошо? — вмешивается Ашер. Я бросаю на него свирепый взгляд, и он мудро затыкается.

— Если у тебя есть немного времени сегодня утром, я подумала, что расскажу тебе о том, как обстоят дела с проектами.

— Я свободен до десяти. Присаживайся, — киваю в сторону свободного стула рядом с Ашером.

— Думаю, мне пора, — Ашер встает и застегивает пиджак. — Здорово, что ты вернулся, приятель.

Я ворчу в ответ и беру чистый лист бумаги, чтобы сделать заметки.

Четверка превращается в пятерку. Без четверти восемь, вместо 7:44. Я весь день размышлял, стоит ли выполнять обещание, данное Скарлетт сегодня утром, что я буду дома к восьми. Это было несложно, тем более что она обычно работает дольше, чем я. Я был счастлив; хотел этого. Но большая, мелочная часть меня сейчас хочет показать ей, что я тоже могу быть равнодушным.

Я могу поставить другие вещи на первое место.

За исключением того, что я, по-видимому, не могу сделать это. Поэтому встаю, беру свой портфель и направляюсь к лифтам. Весь день я боролся с желанием встретиться с ней лицом к лицу. Появится в ее офисе и потребовать ответов. Но я этого не сделал. И теперь, когда приближается шанс получить ответы о фотографиях в моем портфеле, я не знаю, действительно ли они мне нужны.

Поездка до пентхауса занимает тринадцать минут. Я выхожу из лифта в 7:58. На кухне какая-то суматоха, поэтому я направляюсь туда в первую очередь. Филипп стоит перед плитой, готовя сразу три сковородки.

— Добрый вечер, мистер Кенсингтон.

— Добрый, Филипп. Скарлетт дома?

— Ее ещё нет.

Я бросаю взгляд на часы. 7:59.

— Хорошо. Я подожду, пока она вернется домой, чтобы поесть.

— Я прослежу, чтобы все было готово.

— Спасибо.

Я направляюсь вверх. Я спал в комнате Скарлетт все те две ночи, что мы провели

здесь, так что сначала я иду туда. Мой единственный крюк — это зайти в библиотеку, чтобы налить себе выпить.

В углу ее спальни есть диванчик. Я бросаю портфель рядом со шкафом, снимаю пиджак, ослабляю галстук и сажусь. Большая часть дальней стены — стеклянная. Вдали мерцает горизонт Манхэттена, очертания зданий светятся, как рождественские елки.

Я сижу и помешиваю виски с тушеным мясом, пока время идет.

Скарлетт появляется дома в 8:47. Когда она видит меня, то улыбается. Секунду я наслаждаюсь этим зрелищем.

— Ты опоздала.

Она сбрасывает туфли на каблуках и бросает телефон на комод. Вздыхает.

— Я знаю.

Я смотрю, как виски окрашивает внутреннюю поверхность стакана, прежде чем оно стекает вниз.

— Мы договорились на восемь, Скарлетт.

— Я знаю, — повторяет она. — Мне очень жаль. Меня не было целую неделю, и много дел накопилось. Я должна была сделать их сегодня.

Я узнал, что можно одновременно восхищаться и презирать кого-то.

— Ложись на кровать.

Она изучает меня, начиная понимать, что что-то изменилось.

— Я не подчиняюсь приказам.

Мой контроль опасно близок к срыву. Я хочу посмотреть, как это стекло разобьется о стену. Мне хочется крикнуть на нее, спросить, как ей удастся продолжать это делать. Продолжать заводить меня снова и снова. Я думал, что Италия стала поворотным моментом.

Я опустошаю стакан, смакуя дымный привкус, когда он прокладывает дорожку к моему горлу. Встаю.

— Ложись на кровать, Скарлетт.

Удерживая мой пристальный взгляд, она тянет вниз свое платье. Я слышу, как шелкает молния, когда зубцы отделяются друг от друга. Ткань растекается у ее ног, оставляя ее в соответствующем комплекте черного нижнего белья. Мой член дергается.

Мой контроль ослабевает. Я надвигаюсь на нее, как хищник, выслеживающий добычу. Я атакую ее губы, целую с сильным напором и множеством укусов. Она стонет, ее ногти впиваются мне в затылок, прикусывая мою губу и посасывая ее зубами. Я притягиваю ее к себе, двигаюсь к кровати и бесцеремонно бросаю на матрас.

Стягиваю галстук через голову и расстегиваю брюки.

— На колени.

Скарлетт колеблется. Она знает, что что-то не так. Но она не спрашивает, просто принимает ту позу, о которой я просил. Я стягиваю с нее кружевное нижнее белье и вытаскиваю свой член. Я болезненно тверд, как и всегда рядом с ней.

Я ненавижу то, как сильно хочу ее. Моя челюсть сжимается, когда я натягиваю презерватив. Защита была под вопросом между нами, прежде чем я увидел эти фотографии сегодня утром.

Я врываюсь в нее без предупреждения, во всю длину одним толчком. Хватаю ее за бедра, толкаясь в нее снова и снова, пытаюсь притвориться, что она кто-то другой. Просто теплое тело, которое я использую, чтобы кончить.

Я не прикасаюсь к ней нигде, кроме талии. Мои толчки эгоистичны, первобытны и

отчаянны. Прямо сейчас я гонюсь за шансом забыть. Ирония того факта, что я использую Скарлетт, чтобы попытаться забыть Скарлетт, не ускользает от меня. Я мог бы пойти в бар или клуб и найти случайную женщину — или двух — чтобы отвлечься на ночь от крушения моего брака. Вместо этого я пришел домой и стал ждать ее.

Скарлетт стонет, когда ее внутренние мышцы сжимаются вокруг меня. Она близка к тому, чтобы кончить. И я не могу забыть, что трахаюсь именно с ней. Ее запах мне знаком. Как и жадные тихие всхлипы, которые она издает.

Раздражение ускоряет мои движения. Я думал, что, если буду относиться к ней как к собственности, которой она не хочет быть, то почувствую себя лучше. Но я не могу трахать ее так, будто она женщина, которую я впервые встретил сегодня вечером. Звук моего имени, слетающего с ее губ, когда она сжимается вокруг меня, толкает меня через край сразу после нее. Она все еще бьется в конвульсиях, когда я выхожу из нее и направляюсь в ванную, чтобы избавиться от презерватива.

Когда я возвращаюсь в спальню, Скарлетт растягивается на кровати. Я игнорирую ее, застегиваю брюки и поднимаю с пола галстук.

Она садится, обнаженная, если не считать лифчика.

— Какого хрена, Крю?

— Что-то не так, Скарлетт? — мой ответ едкий, и я вижу, как она вздрагивает от моего тона. Я не думал, что сейчас можно чувствовать себя хуже, но это едва уловимое движение сделало это. Мне нужно выбраться отсюда.

— Если это была какая-то ролевая игра, то ты можешь сейчас же прекратить притворяться.

Я мрачно хихикаю.

— Ты хочешь, чтобы я притворилась, что все хорошо?

— Делай, что хочешь, — парирую я. — Ты все равно всегда так делаешь.

Она встает и подходит ко мне. Несмотря на то, что я кончил несколько минут назад, мое тело реагирует. Мой член еще не понял, что она лгунья и предательница.

— Скажи мне, что не так.

— Ничего, — я отворачиваюсь.

— Куда ты идешь?

— Подальше отсюда.

— Куда? — настаивает она.

— Не твое дело.

— Конечно. Я всего лишь твоя жена, — это, наверное, самое худшее, что она могла сейчас сказать.

Я смеюсь, и этот глухой звук немного пугает меня.

— Как ты во время вспомнила что ты моя жена. Вспоминала про этот брак.

— Я же сказала тебе, что попытаюсь, Крю. Я пытаюсь.

Я качаю головой и направляюсь к двери.

— Ты сказал, что всегда будешь хотеть меня, — говорит она мне. Я все еще ненавижу то, что она сейчас поднимает эту тему. Омрачая это прекрасное воспоминание гневом и болью, кружащимися между нами. — В Италии все, что ты говорил...

— Я действительно хочу тебя, Скарлетт. Вот в чем гребаная проблема.

— Думаю, я была права насчет того, что ты ненавидишь меня. Но я правда наделась, что все может измениться, — слова звучат резко, но я не упускаю из виду скрытую за ними

печаль. Это глубоко ранит.

— Мы оба знаем, что ты всегда добиваешься всего, чего желаешь.

Я выхожу из ее спальни, не сказав больше ни слова.

— Ты выглядишь ужасно, — говорит мне Ашер, когда я захожу в конференц-зал на ежемесячное заседание правления на следующее утро.

— Новые неприятности в раю?

— Не хочу об этом говорить, — отрезаю я. Вчера я не выходил из офиса и пропустил наш обед.

Ашер благоразумно не давит. Мое вчерашнее мрачное настроение все еще витает в воздухе, подпитываемое обильным количеством виски, которое я выпил прошлой ночью, и тем, что я мало спал в своем пентхаусе. Я привык спать рядом со Скарлетт. Мой старый матрас казался холодным и пустым.

Оливер внимательно изучает меня, когда входит в комнату и садится напротив. Я сохраняю бесстрастное выражение лица. Он и мой отец захотят получить последние новости. Результат конфронтации, к которой я не готов. По крайней мере, хирург был до того, как мы начали чувствовать себя настоящей парой. Но знать, что она была с кем-то другим прямо перед нашим отъездом в Европу? Гораздо хуже, чем просто кипеть от такой новости.

— Ты видел электронное письмо о корпоративной вечеринке? — спрашивает меня Ашер.

— Да, — это напоминание не улучшает моего настроения. Ежегодное мероприятие, которого я с нетерпением ждал. Это должен был быть наш первый выход в качестве настоящей пары. Вплоть до вчерашнего утра, когда время, проведенное со Скарлетт, превратилось в медленную и мучительную пытку. Как будущий генеральный директор и сын нынешнего, я ни за что не смогу отказаться от посещения.

— Ты смотрел игру «Джайентс» вчера вечером?

— Не совсем, я... — я замолкаю, когда знакомое лицо входит в конференц-зал. — Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я Скарлетт гораздо громче, чем хотел бы.

Ее лицо — безразличная маска. Именно так она смотрела на меня раньше.

— Я пришла на заседании правления. Также, как и ты, полагаю.

— Почему ты пришла на заседании правления? — я стискиваю зубы, когда она тянет стул рядом со мной и садится.

— Потому что я член правления, — легкий цветочный аромат ее духов окружает меня.

— Нет, — спор происходит автоматически.

— Да. В уставе компании указано количество акций, которыми я владею благодаря

нашему браку.

Я зажимаю переносицу и делаю долгий выдох, игнорируя смущенные взгляды всех, кроме Ашера.

Это расплата за прошлую ночь. Я руководил этим шоу, так что теперь она принимает встречные меры, чтобы доказать, что я не контролирую ситуацию. Наши отношения — это бесконечная шахматная партия.

Скарлетт открывает папку, размашисто подписывает какую-то бумагу и откладывает ее в сторону, прежде чем посмотреть на меня, в ее глазах пляшет вызов. Я чувствую, как у меня начинает болеть голова. Я в бешенстве.

— Прошлой ночью ты, казалось, говорил, что я должна вести себя как хорошая жена, — говорит она мне. — Я здесь, чтобы поддержать тебя, Чемпион.

— Это не то, что я имел в виду, и ты это знаешь.

— Тогда, может быть, тебе следовало уточнить. А не уходить.

— Ты хочешь, чтобы я появился на одной из твоих журнальных встреч? — требую я.

Скарлетт ухмыляется.

— Ты не можешь. Потому что мне принадлежат все акции моей компании, помнишь?

Всегда на два хода вперед. Я наклоняюсь вперед, стараясь не отвлекаться на то, как она пахнет. Я не могу не реагировать на ее близость.

— Скарлетт...

У нее звонит телефон. Она отвечает на звонок, как будто я не пытаюсь с ней заговорить. Как будто мы не в зале заседаний в ожидании важной встречи, на которой она не должна присутствовать.

— Алло? — пауза. — Нет, это не сработает. Мне все равно. Это неприемлемо — Тот, с кем она разговаривает, отвечает. — Соедините его. Я с этим разберусь.

Она встает и выходит из комнаты, прижимая телефон к уху. Все смотрят, как она уходит.

Если бы я был один, я бы прямо сейчас ударился головой о стол.

Ашер наклоняется ближе.

— Чувак.

— Не сейчас, — я стискиваю зубы, открывая одну из папок, которые были разложены по столу, притворяясь, что просматриваю графики и отчеты о расходах.

Тележка с кофе проезжает мимо, доставляя напитки. Ашер заказывает эспрессо, а потом наступает моя очередь.

— Простой кофе, пожалуйста. Черный, — женщина средних лет, которая работает в маленьком кафе на этом этаже, подчиняется, ставя передо мной дымящуюся чашку с темно-коричневой жидкостью.

— Здесь сидит кто-то? — она кивает на сумку Скарлетт рядом со мной.

Меня так и подмывает сказать «не». Но я попал в эту переделку, разозлив ее. Вздыхаю.

— У вас есть растительное молоко? Соевое или что-то в этом роде?

Ашер хихикает, и я бросаю на него взгляд, обещающий медленную и мучительную смерть, если он издаст еще один звук.

— Да. У меня есть соевое.

— Она будет соевый капучино.

Изабель входит в конференц-зал, когда бариста готовит напиток для Скарлетт. Выражение ее лица говорит о том, что она уже знает, кому принадлежат вещи, разбросанные

рядом со мной. Скарлетт, должно быть, недалеко ушла, чтобы закончить свой телефонный разговор. Есть только один коридор, который ведет сюда.

Скарлетт появляется снова через пару минут, снова привлекая внимание присутствующих.

— Он плакал? — саркастически бормочу я, когда она садится рядом со мной.

— Нет. Но он снизил стоимость своей ткани в два раза, когда я была готова заплатить вдвое больше.

— Как интересно, — бормочу я.

— Что это? — она смотрит на чашку с капучино.

— То, о чем ты думаешь.

— Ты заказал мне кофе?

— Там есть тележка, — отвечаю я, мучительно осознавая, что все в радиусе десяти мест слушают этот разговор.

— Я не могу это пить.

Я вздыхаю.

— Оно соевое.

Ее глаза прожигают меня, пока я продолжаю притворяться, что смотрю на бумаги. На самом деле цифры сливаются воедино.

— Ты считаешь, что заменители молока — это смешно.

— Так и есть. Мне просто не хотелось слушать, как ты жалуешься на то, что не можешь пить молочные продукты, несмотря на то, что у тебя нет непереносимости лактозы.

— Только из-за того, что мне пришлось выслушивать твои жалобы по поводу пропавшей упаковки молока?

Я закрываю папку.

— Оно не пропало, ты его выбросила.

— Я переставила его.

— В мусорное ведро.

— Ты даже не пьешь кофе перед работой. А вот я пью.

— В нашем холодильнике больше овсяного молока, чем десять человек могут выпить за месяц. Но моя единственная коробка...

— Их было три, — вмешивается Скарлетт.

Ашер смеется. Он пытается скрыть это за кашлем, но уже слишком поздно.

Скарлетт смотрит мимо меня.

— Привет, Ашер.

— Скарлетт, приятно видеть тебя, как всегда. Я никогда так не наслаждался заседанием совета директоров... никогда.

— Это не будет обычным явлением. У меня и так полно работы. Но я сверхуспевающая, так что...

Я стискиваю зубы, когда она произносит эту маленькую реплику.

— Я видел объявление о «Руж». Поздравляю.

— Спасибо, Ашер, — Скарлетт звучит искренне.

— И вся коллекция уже распродана? Никакого давления?

Я смотрю на нее, полностью игнорируя Ашера.

— Распродана?

— Да.

Она не встречается со мной взглядом, убирая папку обратно в сумку.

— Ты мне не сказала.

Слова вылетают прежде, чем я успеваю их обдумать, не более чем рефлекс. Я знаю, что это ошибка, еще до того, как она усмехается.

— Я собиралась сказать тебе вчера вечером. Отчасти из-за этого я и опоздала. Очевидно, у тебя были другие планы на вечер.

Прежде чем я успеваю решить, как реагировать или справиться с чувством вины, появляется мой отец. В комнате воцаряется тишина, когда он занимает свое место во главе стола. В нашей компании нет круглых столов. Иерархическая структура с таким же успехом могла бы быть нарисована здесь на стенах аэрозольной краской. Даже среди членов правления иерархия ясна.

Его взгляд задерживается на Скарлетт, но он никак не реагирует на ее присутствие. Я знал, что он этого не сделает. Однако я услышу об этом в нашей следующей «беседе».

Артур Кенсингтон не утруждает себя любезностями. Он вникает прямо в сегодняшнюю повестку дня, получая информацию от разных отделов о текущих проектах и различных приобретениях. Проекторы отображают серию графиков и диаграмм, отражающих прибыль и убытки.

Скарлетт, кажется, полностью поглощена материалом. Интересно, так ли она вела себя в Гарварде?

Я потягиваю кофе, когда она заговаривает.

— Где прогнозы по доходам на ноябрь?

За вопросом Скарлетт следует полная тишина. Здесь ковровое покрытие, но если кто-то уронит ручку, вы услышите, как она упадет. Никто не перебивает Артура Кенсингтона. Особенно когда он ведет собрание. И даже когда он жалуется на погоду. Некоторые руководители, сидящие за столом, никогда не произносили ни единого слова во время заседания совета директоров, они так боятся моего отца.

Скарлетт не глупа; она делает заявление.

Мой отец выдерживает ее пристальный взгляд, в то время как остальные из нас затаили дыхание. У меня возникает странное желание издать какой-нибудь звук и нарушить тишину. Чтобы защитить Скарлетт от тяжелого бремени неодобрения Артура Кенсингтона.

Но Скарлетт не нуждается в моей защите. Я ей не нужен. Она ясно дала это понять.

Прилив гордости тоже неожидан. Не у многих людей хватает уверенности расспрашивать моего отца о чем-либо, не говоря уже о бизнесе.

Молчание продолжает затягиваться. Если бы мне пришлось гадать, я бы сказал, что мой отец задается вопросом, стоит ли борьба со смелостью Скарлетт тех миллиардов, которые мы заработали. Он должен попробовать жениться на ней. Я не жалею, что согласилась на это, не надо ненавидеть ее, как она намекала прошлой ночью, но я определенно недооценил, какой проблемой это будет.

— Изабель?

Интересно, знала ли Скарлетт, что Изабель отвечает за расчет прогнозов для наших новых проектов? Она определенно знала, что мой отец одобряет документы перед встречей. Я перехожу к отчету, содержащему проекции. Сентябрь, октябрь, декабрь. Никакого ноября.

Мой отец допустил ошибку, и Скарлетт увидела ее.

— Да, мистер Кенсингтон? — к чести Изабель, ее голос не дрогнул, когда ее окликнули.

— Ваш отдел не включил ноябрь в прогнозы?

— Похоже, что так. Приношу свои извинения. Я исправлю отчёт и отправлю копию совету директоров.

Мой отец кивает.

— Сделайте это, — он смотрит на Скарлетт. — Я рад видеть, что ваши таланты выходят за рамки дизайна одежды и общения, миссис Кенсингтон.

Мышцы моей челюсти протестуют от того, как сильно я ее сжимаю. Я точно знаю, что он имел в виду под общением, и упоминание моды не было комплиментом.

— Даже генеральный директор может совершать ошибки, Артур.

Люди не перебивают моего отца и не называют его по имени. Скарлетт умудрилась нарушить оба правила в течение двух минут.

Мой отец наклоняет голову. Он недооценил ее. Я знал это раньше, он знает это теперь.

Остальная часть встречи проходит без происшествий. Как только она заканчивается, меня втягивают в разговор с главой нашего финансового отдела. Я наблюдаю, как Скарлетт с минуту разговаривает с Ашером, затем поворачивается и выходит из конференц-зала, не удостоив меня взглядом. Глупая часть меня хочет погнаться за ней. Но я позволил ей уйти.

Когда я выхожу из конференц-зала, Оливер ждет меня.

— Какого хрена она здесь делала, Крю? — он сердито шепчет этот вопрос. — Папа в бешенстве. Что, если она сливает информацию Натаниэлю Стюарту?

Я скриплю зубами от этого намека и имени.

— Она моя жена. Она имеет право на место в совете директоров; она владеет необходимыми акциями.

— Она делает из тебя дурака.

— Не лезь в мой брак, Оливер. Я справляюсь сам.

Он цокает, и это чертовски раздражает.

— Интересно, что теперь ты называешь это браком, а не деловым соглашением.

— Деловые соглашения — это то, чем я занимаюсь в офисе. Я не иду домой и не сплю рядом с ними.

— Вы спите в одной постели?

— Не твое гребаное дело, — я разворачиваюсь и ухожу, направляясь к своему кабинету. Мне нужна минута, чтобы выдохнуть в тишине. За исключением того, что, когда я вхожу в свой кабинет, он не пуст. Скарлетт прислоняется к передней части моего стола.

— Что ты здесь делаешь? — я захлопываю дверь.

— Запри ее.

Сначала я не двигаюсь с места. Эмоции переполняют меня. Особенно волнение.

Скарлетт — самая сильная женщина, личность, которую я знаю, и она ослабляет мою решимость всякий раз, когда находится рядом. Вопреки здравому смыслу, я захлопываю замок.

— Ты не должна быть здесь.

— Моя фамилия написана на стене здания.

— Моя фамилия, — я не могу удержаться от укола.

Она прищелкивает языком.

— Мы — соглашение или брак, Крю? — она бросает мне мои слова обратно, заставляя меня напрячься. Тем более, когда она подходит ко мне. — Что удобнее прямо сейчас?

Я выдерживаю ее взгляд, и мы ведем войну глазами. Я знал, что сломаюсь первым, когда она опустила на колени и расстегнула молнию на моих штанах. Вся кровь в моем

теле устремляется к члену.

Она же не собирается... да. Она так и делает.

Мы в моем кабинете. Скарлетт стоит передо мной на коленях. Я должен чувствовать себя полностью под контролем. Вместо этого я никогда не чувствовал себя более беспомощным, более благоговейным. Она вошла в это здание, как будто оно принадлежит ей, и теперь она сосет мой член, как будто он тоже принадлежит ей.

Что правда.

Я даже не целовал другую женщину с тех пор, как мы поженились. Не из преданности, не из чувства долга или любви, а потому, что знаю, что они потерпят неудачу. Что я представлял бы брюнетку с красными губами, которые в данный момент обхватывают мой член.

Я никогда раньше не занимался сексом в своем офисе. Я разделяю работу и удовольствие. Я хочу, чтобы люди думали, что я заслужил должность генерального директора, а не то, что мне ее вручили. Но сейчас я не в том положении, чтобы мыслить ясно. Обдумать последствия.

Скарлетт отстраняется, чтобы лизнуть и покрутить чувствительную головку моего члена, ее рука поглаживает всю длину, прежде чем она направляет меня обратно во влажный жар своего рта, пока кончик не ударяется о заднюю часть ее горла. Я перестаю изображать безразличие к минету и веду себя так, словно уже не так смущающе близок к оргазму.

Я рад, что ее волосы подняты. Это позволяет мне беспрепятственно наблюдать за завораживающим движением ее рта. Одна ее рука остается обернутой вокруг основания члена, в то время как другая опускается ниже, чтобы обхватить и поласкать мои яйца. Я стою, когда чувствую знакомое покалывание в основании позвоночника. Я скоро кончу. Возмутительно скоро.

Мои бедра начинают раскачиваться, инстинктивно загоняя член все глубже и глубже в ее рот, по мере того как я подхожу все ближе и ближе к пику.

Ее имя срывается с моих губ с хриплым рычанием.

— Я сейчас кончу, — она продолжает сосать и обводить языком щель на головке, двигая рукой в темп. Мое дыхание становится неровным, а сердце колотится, когда жар распространяется по позвоночнику. — Скарлетт.

Я сделал ей два предупреждения, а это на два больше, чем я сделал бы кому-либо другому. Я кончаю со стоном, заполняя ее рот. Ее горло подпрыгивает, когда она проглатывает все до единой капли. Я прислоняюсь спиной к двери, позволяя ей поддерживать большую часть моего веса, пока удовольствие медленно рассеивается.

Мои мышцы расслаблены.

Мой разум взорван.

Скарлетт садится на корточки и вытирает губы тыльной стороной ладони. Затем встает и подходит к сумочке, которую оставила на моем столе. Она достает тюбик губной помады и, что б меня, наносит свежий слой на свои пухлые губы.

Я прочищаю горло.

— Скарлетт...

— Мне нужно идти, — она смотрит на часы. — У меня встреча через десять минут. Это заняло больше времени, чем я ожидала.

— Встреча или минет?

Она ухмыляется. Затем проносится мимо, оставляя меня застегивать штаны и задаваться

вопросом: что, черт возьми, только что произошло?

Я сижу за своим столом, размышляя, стоит ли мне идти домой, когда Оливер открывает дверь.

— Когда-нибудь слышал, что надо стучать? — огрызаюсь я.

— Она встречается с ним.

— Кто с кем встречается?

— Скарлетт. Частный детектив, которого нанял папа, только что сообщил, что она в отеле с Натаниэлем Стюартом.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки.

— Прямо сейчас?

— Я только что так и сказал. Давай, пошли.

— Куда?

— В отель, Крю.

— Я же сказал тебе, что разберусь с этим.

— Да, но, то, как ты справляешься с этим, очень похоже на то, что ты ничего не делаешь. Я ухожу. Ты можешь остаться, если хочешь.

Это заставляет меня пойти за ним. Появление Оливера в одиночку добром не кончится.

Поездка начинается в тишине, но это длится недолго.

— Она такая же с тобой? Как на собрании?

— Это сложно.

— Похоже, предстоит много работы.

— Думаю, мой брак не так хорош как то, что делаете вы с папой.

— Что это значит?

— Разве ты не спишь с Кэндис?

Оливер сворачивает Порш вправо, а затем снова едет по прямой, поправляя руль.

— Кто тебе это сказал?

— Ты, только что, — я смеюсь. — Ух ты. Серьезно?

Костяшки его пальцев становятся белыми из-за давления, которое он оказывает на руль.

— Папа знает?

— Учитывая, что он не ударил тебя, сомневаюсь в этом.

Оливер усмехается.

— Ему нет дела до нее.

— Это точно, — соглашаюсь я. — Но ему определенно будет безразлично, что его сын занимается сексом с его женой. Если бы это попало в новости.... это был бы кошмар для компании.

— Это не выйдет наружу.

Я не так уверен, но я этого не говорю.

— Когда это началось?

Он вздыхает.

— Несколько месяцев назад, когда папа был в Чикаго, я приехал. Я думал, Кэндис уехала с ним. Но она была там и попросила меня остаться, чтобы выпить. Так все началось.

Я качаю головой.

— Господи. Это все еще продолжается?

— Это повторилось еще несколько раз. Было довольно горячо, понимаешь? Она...

Я прерываю его.

— Не хочу никаких подробностей. Я не могу представить вас двоих вместе, да и не хочу.

Оливер молчит несколько минут.

— Я могу представить вас вместе. Тебя и Скарлетт. Не так, просто в общих чертах. И ты можешь отрицать это сколько угодно, но очевидно, что она тебе небезразлична.

— Я не знаю, — мой ответ звучит пусто даже для моих собственных ушей.

Он напевает.

— Я слышал, что она была в твоём офисе после заседания правления.

Я прищуриваюсь, когда еще одна пара фар освещает машину.

— Где ты это услышал? — его кабинет находится в противоположном конце этажа.

— Как минимум десять человек шептались об этом. Подслушал, как некоторые секретарши тоже говорили об этом.

Я усмехаюсь.

Оливер притормаживает напротив отеля и ставит машину на стоянку. Мы сидим и смотрим на здание.

— Ну, что? — спрашиваю я.

— Что «ну, что»?

— Это была твоя идея. Что дальше, Шерлок Холмс?

— Может быть, нам стоит зайти внутрь. Или тебе следовало бы.

— Почему?

Он пожимает плечами.

— Я не знаю. Может быть, если ты поймаешь ее, она почувствует себя виноватой и расскажет тебе, что происходит на самом деле.

— Это самая глупая идея, которая тебе когда-либо приходила в голову.

— Это не моя жена мне изменяет.

— Нет, в твоём сценарии ты Натаниэль сценарии, а я папа, — я прислоняю голову к стеклу и закрываю глаза. — Черт.

— А вот и она.

Я поднимаю голову и открываю глаза, готовый увидеть, как Скарлетт целуется с другим мужчиной. Вместо этого она выходит из отеля одна, одетая в то же самое платье, которое было на ней сегодня утром. Ее волосы собраны в тот же причудливый завиток, который я старался не повредить, пока она отсасывала мне. Она не выглядит так, будто просто валялась на гостиничных простынях или занималась страстным сексом, но внешность может быть обманчивой.

Вместо того чтобы направиться прямо к машине, ожидающей у тротуара, она колеблется. Я наблюдаю, как она подаёт водителю знак подождать минуту, а затем

отступает к отелю. Она не возвращается в него. Вместо этого она прислоняется к кирпичной стене здания, запрокинув голову вверх.

Через пару минут она достает свой телефон из кармана. Она смотрит на него еще несколько минут, затем начинает стучать по экрану. В конце концов, она подносит его к уху.

Оливер ругается.

— Черт возьми. Я сказал папе, что он должен попросить частного детектива прослушивать ее телефон. Наверное, она звонит Джонатану. Теперь мы не... — он замолкает, когда в подстаканнике загорается мой телефон. На экране высвечивается имя Скарлетт и наша фотография на Эйфелевой башни.

— Она звонит тебе?

Я так же потрясен, как и он.

— Ответь!

Я молча беру телефон и нажимаю на зеленую кнопку. Делаю глубокий вдох, когда звонок соединяется.

— Крю?

Я засовываю гнев, ревность и смятение далеко-далеко вглубь и пытаюсь казаться нормальным.

— Привет.

Она прочищает горло.

— Привет.

Я внимательно наблюдаю за ней. Ее голова все еще откинута назад. Она яростно прикусывает нижнюю губу.

— Тебе что-то нужно? — спрашиваю я.

Мгновение тишины.

— Я, э-э, я собираюсь уходить из офиса, — говорит она. Ложь, опять.

— Я ещё не собираюсь домой, — я смотрю на приборную панель машины. Уже почти восемь.

Она не обвиняет меня в нарушении нашего обещания.

— Ох. Ладно. Я собираюсь купить китайскую еду по дороге домой. Хочешь, я тебе что-нибудь возьму?

Выражение ее лица меняется, как только она произносит вопрос. Странно видеть ее реакцию на то, что она говорит. Она звучит нормально. Выглядит огорченной и неуверенной. Не виновной. Что это значит?

— Конечно. Спасибо.

— Хочешь что-нибудь конкретное?

— Ты знаешь, что мне нравится, — я не хочу, чтобы эти слова звучали наводяще, но в них определенно есть какой-то намек.

— Неужели? — она звучит неуверенно.

— Я постараюсь поскорее выбраться отсюда, хорошо? Мы сможем... поговорить.

— Хорошо. Пока, — она вешает трубку, но не двигается с места. Ее поза не меняется, пока она не проводит пальцем по щеке. Она плачет. Осознание поражает меня, как удар молнии, и расплющивает, как двух тонный груз.

— Поехали, — говорю я Оливеру.

— Что она сказала?

— Ничего существенного.

— Ты собираешься...

— Оливер. Клянусь Богом. В последний, блядь, раз. Не. Лезь. Это. Тебя. Не. Касается

Приезд сюда был ошибкой.

Остаток пути обратно в офис проходит в молчании. Я не утруждаю себя возвращением наверх. Я желаю Оливеру спокойной ночи, а затем направляюсь прямо в гараж к своей машине.

Скарлетт ждёт меня. Когда я захожу в пентхаус, она сидит, скрестив ноги, на одном из диванов с видом на террасу и ковыряется в коробке с едой на вынос. Выражение ее лица пустое, когда она поднимает взгляд, и я ненавижу это. Я хочу увидеть улыбку, которой она одарила меня прошлой ночью.

— Ты дома.

Я снимаю пиджак и бросаю его на диван.

— Да.

— Ты голоден? Твоя еда...

— Ты знаешь Натаниэля Стюарта?

Я внимательно наблюдаю за ее реакцией. Она кашляет. Делает глоток воды из стакана, стоящего на кофейном столике.

— Да.

— Когда ты видела его в последний раз?

— Сегодня вечером, — она выдерживает мой пристальный взгляд. По крайней мере, она честна. Хотя она достаточно умна, чтобы понять, что я не стал бы затрагивать эту тему, если бы кое-что не знал.

— Ты что, спишь с ним?

— Нет, — быстро отвечает она.

— Не лги мне, Скарлетт, — предупреждаю я. — Если ты трахаешься с ним, просто скажи мне гребаную правду.

— Это и есть правда, — она засовывает палочки в еду и встает, скрестив руки на груди. — Клянусь.

— Если ты не спишь с ним, тогда зачем тебе встречаться с ним в отеле?

Ее глаза сужаются.

— Ты за мной следил?

— Мой отец. Он заинтересован в возможности для бизнеса и хотел убедиться, что Стюарт чист.

— Когда ты узнал об этом?

— Вчера утром, — признаюсь я. — У него есть фотографии.

— О, где я трахаюсь с Натаниэлем?

Я вздрагиваю.

— Конечно, нет.

— Вот почему ты... прошлой ночью. Ты поверил ему. Подумал, что я обманываю, — гнев, с которым я могу справиться. Боль в ее голосе становится еще сильнее.

— Это выглядело так, Скарлетт. И не то чтобы ты этого не делала.

Она впервые прерывает зрительный контакт.

— Это все в прошлом, Крю.

— Я знаю.

— И меня тошнит от того, что мне это швыряют в лицо. Как будто у тебя ни с кем не

было секса с тех пор, как мы поженились.

— Не было.

Она выглядит потрясенной.

— Правда?

— Да, — я закатываю рукава и направляюсь к дивану, вытаскиваю из сумки контейнеры с едой, которые, как я предполагаю, предназначены для меня, и беру пару палочек для еды. Впервые за тридцать шесть часов в груди становится легче. И в результате я умираю с голоду.

— Почему?

Я пожимаю плечами и начинаю есть.

— Не был заинтересован.

Это признание встречено долгим молчанием, когда она опускается обратно на диван и берется за еду.

— Он дал мне денег, — наконец говорит Скарлетт. Когда я оглядываюсь, она снова возится со своими палочками для еды.

— Какого черта тебе понадобились деньги? — спрашиваю я. Еще до того, как она вышла за меня замуж, Скарлетт была самой богатой женщиной в стране.

— Я собираюсь многое унаследовать. Мои родители платили за все: машины, пентхаусы, обучение, кредитные карты. Но у меня нет прямого доступа ни к чему. Точнее не было, пока я не вышла замуж.

— Что?

— Я единственный ребенок в семье. Если бы я не вышла замуж и не завела детей, у Эллсвортов не было бы наследника, — она поджимает губы. — Очевидно, мой отец не хотел рисковать. Он поставил несколько жестких условий в отношении моего трастового фонда. Я уверена, что превращение «Хай Кутюр» в прибыльный бизнес сильно напугало его.

— Тогда тебе не нужно было бы выходить замуж, — понимаю я.

Она кивает.

— Я не была... против этого, — она жестом указывает между нами. — Я просто хотела сделать это на своих собственных условиях, думаю. И если бы я подождала, пока мы поженимся, то «Хай» бы уже был продан. У меня было не так уж много вариантов.

— Я бы дал тебе деньги.

— Как я уже сказала, у меня было не так много вариантов.

Я слегка улыбаюсь этому.

— Он все еще замешан в этом деле?

— Нет. Я вернула ему деньги, как только мы поженились. В полном размере.

— Ты спала с ним? Тогда, в прошлом.

— Нет. Я не смешиваю бизнес и секс.

— Значит, он пытался.

— Да, — признается она.

— А сегодня вечером?

— Он хочет осуществить еще одно совместное дело, — она откидывается назад и поджимает под себя ноги. — Я восприняла эту встречу как любезность, но сказала ему «нет». Что у меня по горло забот с журналом, а теперь и с «Руж». И еще много чего, — она прочищает горло. — Я упомянула, что счастлива в браке.

— Он снова приставал к тебе?

— Да, — она замечает выражение моего лица, и ее лицо становится удивленным. — Я справилась с этим, Крю.

Я вздыхаю.

— Мне очень жаль. Прошлой ночью... я был взбешен.

— Ага. Я это поняла.

— Я думал, что мы наконец-то достигли понимания. А потом я увидел эти фотографии и просто... Если бы это оказалось правдой, я не уверен, что хотел бы знать. Вот почему я до сих пор ничего тебе не говорил.

— Я должна была рассказать тебе об этом.

Я вздрагиваю.

— Иногда я веду себя как осел.

— Иногда?

Я ставлю еду на кофейный столик и придвигаюсь к ней поближе. Приподнимаю ее голову и провожу большим пальцем по ее нижней губе.

— Скарлетт, — ее имя — мое любимое слово в английском языке. Мне нравится его говорить, растягивая слоги.

Я собираюсь поцеловать ее, когда она спрашивает:

— Где ты был прошлой ночью?

— В моей старой квартире. Один.

Она выдерживает мой пристальный взгляд.

— Хорошо.

— Тебя бы это беспокоило? Если бы меня там не было?

— Да.

Я улыбаюсь.

— Хорошо.

Впервые из всех попыток между нами чувствуется прогресс.

15. Скарлетт

— Доброе утро! — я улыбаюсь Лие и Андреа, когда выхожу из лифта.

— Доброе утро, — заикается Лия, затем смотрит на Андреа. — Вы, эм, вы не получили мое сообщение?

— О задержке с доставкой? — я опускаю взгляд на свой телефон, чтобы ответить на сообщение от матери. Она все еще пристаёт ко мне по поводу ужина. — Я видела его. Я попросила, чтобы они отправили все прямо в парк. Мы все равно должны уложиться в график.

— Хорошо. Отлично, — когда я поднимаю глаза, Андреа и Лия обмениваются удивленными взглядами.

Я прячу улыбку. Они обе, наверное, удивлены, почему я в таком хорошем настроении.

— Мне просто нужно забрать некоторые вещи из моего кабинета, а потом я отправлюсь туда. Все остальное идет по графику, верно?

Андреа кивает.

— Увидимся в час.

Я направляюсь в свой кабинет. Образцы, которые я должна была просмотреть вчера, висят на переносной стойке. Уход в восемь часов вечера каждый день снижает мою производительность. Я счастлива от этого больше, чем когда-либо могла себе представить.

Я не понимала, насколько неуравновешенной была моя жизнь, пока Крю не привел все в порядок. Мое стремление добиться успеха журнала, а теперь и бренда одежды зашло все остальное. Посвящение каждой мысли и решения этой цели — вот причина, по которой в сегодняшней фотосессии в Центральном парке примут участие самые модные дизайнеры, самые талантливые фотографы и самые желанные модели. Это предмет моей гордости — вершина моей индивидуальности, помимо того, что я жена Крю Кенсингтона. Но это не тот титул, от которого я испытываю желание отделиться так сильно, как раньше. Крю — тот человек, кем я горжусь, и тот, к кому я привязана.

Просматривая каждый образец, я печатаю свои комментарии и отправляю их команде дизайнеров. Я прочитала статьи, представленные для следующего выпуска. Фотографии для обложки помечаются в зависимости от предпочтений. А потом я уезжаю на съемки.

В Центральном парке больше народу, чем я ожидала. Я редко бываю в городе в светлое время суток, по крайней мере, в будний день. Любители бега трусцой и семьи заполняют извилистые тропинки, по которым я пробираюсь к карусели, где должны проходить съемки.

Когда я приезжаю, подготовка только начинается. Территория оцеплена, реквизит и камеры расставлены по своим местам. Я убеждаюсь, что никаких проблем нет, а затем сажусь на ближайшую скамейку.

Уже накопилось несколько электронных писем. Я отвечаю на все, а затем подумываю написать Крю. Он, наверное, занят.

Сейчас между нами все хорошо, действительно хорошо, и я боюсь этого. Просто потому, что ситуация кажется стабильной, не значит, что так будет и дальше. Я видела, как быстро его расположение может измениться во время фиаско с Натаниэлем.

Сексуальное влечение не является для меня загадкой. Но все остальное: то, как мы оба возвращаемся домой к восьми, тот факт, что мы спим в одной постели, двухпроцентное молоко в холодильнике. Они символизируют то, чего, как я думала, у нас никогда не будет.

Я выключаю телефон и сосредотачиваюсь на том, что меня окружает. Команда осветителей все еще настраивает свет. Мало кто утруждает себя тем, чтобы взглянуть на людей, проходящих в стороне от тропинки. Большинство из них бегают трусцой или ходят пешком. Измотанные мамы или няни обещают купить мороженое детям. Одна женщина проходит мимо меня с шестью собаками, тянущими ее за собой. Она останавливается у скамейки рядом с моей и продолжает привязывать их один за другим. Ей удается привязать пятерых. Шестой — щенок с висячими ушами, большими лапами и пушистым золотистым мехом не может перестать путаться в своем поводке.

Женщина раздраженно фыркает.

— Голди! Стой спокойно!

— Я могу подержать его, — слова вылетают без какого-либо обдумывания с моей стороны. Я типичный житель Нью-Йорка. За исключением моего пребывания в школе-интернате, я всю свою жизнь прожила в Верхнем Ист-Сайде. Я не останавливаюсь и не разговариваю с незнакомцами; я прохожу мимо них, как будто гонюсь за золотом в соревнованиях по скоростной ходьбе.

Благодарная улыбка стирает все шансы взять свои слова обратно.

— Правда? Это было бы здорово. Спасибо вам! — женщина, которой на вид слегка за двадцать, делает пару шагов ко мне и протягивает зеленый поводок. Щенок немедленно обращает свое внимание на меня, чередуя лизание моей ноги с обнюхивание обуви.

Женщина поправляет свой небрежный конский хвост и наклоняется, чтобы завязать

шнурки на кроссовке.

— Я боялась, что они собьют меня с ног, — она завязывает непослушные шнурки, а затем проверяет другой кроссовок. — Я должна гулять только с тремя за раз, но другой волонтер заболел.

— Вы выгуливаете собак?

— Нет. Ну, — она встает и улыбается. — Думаю, что в некотором роде так и есть. Я работаю волонтером в приюте «Любящие лапки». Выгул собак составляет менее пяти процентов работы. В основном это кормление, расчесывание и выгребание какашек, и, в общем, вы понимаете картину.

Я смотрю вниз на собаку, которая перестала лизать и устроилась у моих ног. Его маленький хвост виляет, когда он кладет голову на крошечную лапку.

— Они все живут в приюте?

— Ага. У моего домовладельца строгая политика запрета домашних животных, и мои соседи по комнате убьют меня и выкинут в коробке из-под обуви, — она закатывает глаза. — Поэтому я стала волонтером и провожу время с животными. По большей части все здорово. Кое-что из этого отстойно, — она изучает собаку, привязанную к поводку, который я держу. — Этого парня скоро усыпят.

— Что? Почему?

— Из-за помещения. На него уходит много денег и еще много голодных ртов, которые нужно накормить, понимаешь?

— Они убьют его? — я смотрю вниз на лицо, которое выглядит так, будто оно улыбается. Высунутый язык. Виляющий хвост.

— Если никто его не возьмет... тогда да.

— Это так печально. Он выглядит таким счастливым.

Лицо женщины вытягивается.

— Да. По крайней мере, он не знает, что это произойдет. Не о чем беспокоиться, когда ты собака.

— Да. Думаю, да.

У меня никогда в жизни не было домашнего животного. Когда я была моложе, я попросила котенка. Животное, которое царапает мебель и ходит в туалет в помещении, было худшим кошмаром моей матери, по крайней мере, так она утверждала. Я могу только представить, что просьба о собаке была бы гораздо хуже.

— Спасибо, что подержала его, — женщина улыбается и забирает у меня поводок Голди. — Хорошего дня.

— Тебе тоже.

Я смотрю, как она уходит, подталкиваемая вперед собак, которые напрягаются и лают. Затем качаю головой и снова смотрю на свой телефон.

Но пушистая мордочка остается со мной на протяжении всей съемки. Пока я просматриваю фотографии и выбираю аксессуары. Консультируюсь с фотографами и выбираю ракурсы. К тому времени, когда съемки заканчиваются, уже почти пять вечера.

По какой-то причине я гуглю приют «Любящие лапки», пока иду к ожидающей меня машине. Это недалеко, всего в нескольких кварталах отсюда. Я решила, что так и должно быть, поскольку девушка шла пешком. Взять с собой шесть собак в путешествие длиной в несколько миль звучит нереально.

Я забираюсь на заднее сиденье.

— Домой? — спрашивает мой сегодняшний водитель, Эрик.

Несколько секунд я раздумываю. Уход с работы в разумное время — это одно. Живое животное — совсем другое. Но что-то заставляет меня ответить адресом приюта для животных. Движение очень интенсивное. На короткую поездку уходит пятнадцать минут. Внешний вид здания ничем не примечателен. Если бы не маленькая белая табличка, я бы не поняла, что нахожусь в нужном месте.

Над дверью звенит колокольчик, когда я захожу внутрь, мимо пяти складных стульев и витрины с брошюрами о бешенстве и кастрации. Женщина за прилавком не та, с которой я познакомилась сегодня утром.

Она поднимает взгляд, ее брови хмурятся.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

Я подхожу к столу и прочищаю горло.

— Я здесь, чтобы взять щенка. Голди?

— Мы закрываемся через десять минут.

— Я заплачу дополнительно. Чего бы это ни стоило.

Женщина изучает меня, собирая свои каштановые волосы в хвост и завязывая их. На ней футболка с надписью «Я торможу ради белок». Я воспринимаю это как многообещающий признак того, что она не поддерживает всю концепцию убийств. Из бумаг, завалявших стол, извлекается коричневый блокнот.

— Заполните это.

Я облегченно выдыхаю.

— Хорошо.

Форма является базовой. Я заполняю все разделы, оставляя пустым раздел о бывших домашних животных. Возвращаю бумагу, наблюдая, как женщина просматривает ее.

— Плата составляет двести долларов, — сообщает она мне.

— Вы принимаете пожертвования?

— Да.

Я достаю из сумочки чековую книжку и выписываю чек, прежде чем передать его ей. Брови женщины взлетают вверх, когда она видит сумму.

— Счастливый пес, — ее щеки вспыхивают, заставляя меня думать, что она не хотела говорить это вслух.

— Могу я забрать его сегодня?

— Да. Я сейчас приведу его.

Она исчезает в задней части, оставляя меня одну в маленьком вестибюле. Я немного паникую, глядя на все эти брошюры. Я абсолютно ничего не знаю о собаках. Из-за двери доносится лай. Женщина появляется снова, держа Голди на руках. Она ставит его на землю, и он подбегает ко мне, виляя хвостом.

Я подхватываю его на руки, позволяя ему облизать мое лицо. Это, кажется, является проверкой, потому что выражение лица женщины становится мягче, когда она протягивает мне папку.

— Вот все бумаги. История его болезни. График вакцинации. Советы по обучению. Рекомендации ветеринара. Если возникнут вопросы, просто звоните сюда. Он уже поужинал. Количество и время кормления также указаны там.

Я беру у нее папку.

— Хорошо. Спасибо.

— Поздравляю. Он такой милый.

Я смотрю вниз на щенка, уютно устроившегося у меня на руках.

— Спасибо.

— Я читаю «Хай Кутюр».

Когда я поднимаю глаза, она застенчиво улыбается.

— До и после того, как вы его купили. То, что вы с ним сделали, действительно впечатляет.

Я улыбаюсь.

— Благодарю вас. Это очень много значит для меня.

Затем я поворачиваюсь и направляюсь обратно на улицу. Эрик выходит, чтобы открыть дверь. Его глаза расширяются, когда он смотрит на собаку, но он ничего не говорит. Просто спрашивает, куда мы дальше едем.

Голди тщательно исследует заднее сиденье, пока мы едем обратно в пентхаус. Я просматриваю папку, чувствуя себя ошеломленной обилием информации. Я даже не знаю, любит ли Крю собак. Насколько я знаю, у него может быть аллергия.

Когда двери лифта открываются в пентхаус, я слышу его голос, доносящийся из кухни. Я сажаю Голди на пушистый ковер в гостиной и иду по коридору.

Крю стоит у кухонной стойки, изучает какие-то бумаги и разговаривает по телефону. Его глаза загораются, когда он видит меня. Я улыбаюсь ему, прежде чем подхожу к холодильнику и наливаю себе стакан воды. Поразмыслив, я также наполняю стеклянную миску водой.

— Да, — говорит Крю. — Пришли отчеты о расходах, когда сможешь, и я посмотрю позже, — наступает пауза. — Все в порядке. Пока.

Он вздыхает, а затем я слышу, как он двигается. Он опускает подбородок мне на плечо и целует в шею.

— Привет.

— Привет, — к моему удивлению, мой голос звучит хрипло и высоко.

— Как прошла съемка?

— Хорошо, — его вопрос отвлекает меня от ощущения его губ на моей коже. Я отстраняюсь. — Я должна тебе кое-что показать.

— О, неужели? — он приподнимает одну бровь.

— Да. Следуй за мной, — я направляюсь в гостиную, потом вспоминаю о воде. Оборачиваюсь, чтобы схватить миску. Крю смотрит на это, но ничего не говорит, пока мы идем по коридору.

Мы входим в гостиную. В пустую гостиную.

— Черт. Куда он делся?

— Куда и кто делся?

— Я, эм, — я ставлю миску с водой и смотрю на него. — Я вроде как сегодня купила нам собаку.

Крю выглядит шокированным.

— Ты что?

— Я была на съемках, в парке, и там была одна женщина с собаками. И с ней был этот щенок. Он очень милый и очень мягкий, и они собирались убить его, Крю. Так что, я... я поехала туда после съемок и забрала его, — я делаю паузу, оценивая выражение его лица. — Ты зол?

— Я, ах, где он?

Все на своих местах, и с моего места в гостиной не видно ни одной собаки.

— Я не знаю. Я оставила его на ковре.

— И ты думала, что он просто останется на одном месте? Это не мягкая игрушка, Скарлетт. Он настоящий.

— Я знаю это, — огрызаюсь я. — Ты становишься ужасно осуждающим из-за собаки, которую ты даже никогда не видел.

Он улыбается.

— Хорошо. Я посмотрю наверху. Ты посмотри на этом этаже.

Я вздыхаю.

— Хорошо. Он крошечный. Как шар из золотистого пуха.

— Я знаю, как выглядит собака.

Закатить глаза очень заманчиво, но я воздерживаюсь.

— И его зовут Голди.

— Голди?

— Что не так с Голди?

— Мы поменяем ему имя, — говорит Крю.

— Давай сначала найдем его, хорошо?

Крю не отвечает, прежде чем направиться к лестнице. Я улыбаюсь, когда слышу, как он зовет Голди.

Я заглядываю под диван и за кресло в углу гостиной. На кухне нет никаких тайников. Затем направляюсь в кабинет, ползу на четвереньках, чтобы заглянуть под всю стоящую там мебель. Я иду в столовую, когда слышу:

— Я нашел его!

Когда я добираюсь до верха лестницы, Крю сидит на дорожке, которая проходит по всей длине коридора. Голди у него между ног. Его маленькие лапки болтаются в воздухе, пока Крю чешет ему живот.

Как только я оказываюсь в метре от него, опускаюсь на колени.

— Он — красавчик.

— Ага.

— Ты хотела собаку?

— Кошку, когда была маленькой. Моя мама сказала «нет». Я не знаю никого, у кого была бы собака. И ничего о собаках, — я морщу нос. — Это было глупо. Импульсивно. Я на самом деле не думала.

И это вина Крю. В последнее время я изменилась. Я ухожу с работы в разумное время. Меньше волнуюсь. Больше улыбаюсь. Принимаю спонтанное решение взять щенка. Это здоровые изменения. Изменения, которые я бы не приняла в одиночку. Примирять то, кто ты есть, с тем, кем ты была, неудобно. Особенно когда ты не уверена, что это постоянное изменение.

— Я всегда хотел собаку, — говорит он мне.

— Правда? — удивление насыщает вопрос.

Крю чешет подбородок Голди. Щенок потягивается.

— Да.

— Они дали мне целый пакет всякой всячины. Ему нужна еда, дрессировка и прививки.

— Хорошо. Поехали.

— Куда?

— В зоомагазин, Роза, чтобы купить все, в чем он нуждается.

— Например, что?

— Лежанка, и будка, и игрушки, и ошейник, и поводок, и еда?

Да. Определенно, я ни о чем из этого не подумала.

— О.

— У нас ничего этого нет, верно?

Я обращаю внимание на «нас».

— Нет.

Крю встает и протягивает руку, чтобы поднять меня на ноги.

— Тогда давай пройдемся по магазинам.

— Ты работал. Я могу просто...

Он наклоняется и поднимает собаку.

— Ты идешь?

Не дожидаясь ответа, он направляется к лестнице, неся Голди.

Час спустя мы стоим бок о бок, уставившись на стену, увешанную игрушками для собак.

— Ух ты.

— Может, нам купить ему по одной от каждой игрушки? — шутки Крю. Там есть дельфины, приправы и смайлики. Динозавры и пивные бутылки.

Наша собака будет избалована. Другого логического вывода нет, глядя на переполненную тележку. Нам потребовалось пятнадцать минут, чтобы выбрать правильную марку корма для щенков. Мы провели еще десять минут в отделе угощений. Выбор будки был быстрым, потому что мы выбрали самую большую. То же самое и с лежанкой, потому что там была только одна, которая подходила для самой большой будки. А теперь мы застряли в отделе игрушек со слишком большим количеством вариантов.

— Кто бы купил своей собаке эмодзи с баклажанами?

Крю ухмыляется. Хватает фиолетовую плюшевую игрушку и бросает ее в тележку.

Я смеюсь.

— Мы не купим это.

— Я отдам это ему, когда ты вернешься домой с работы.

Я борюсь с этим, но улыбаюсь, когда звонит телефон Крю. Он вытаскивает его из кармана.

— Ашер, — он не отвечает на звонок.

— Работа?

— Не-а. Он, наверное, хочет пойти в бар.

— Ты можешь... если захочешь. Не то чтобы тебе нужно было мое разрешение, — одним предложением я распространяю неуверенность, которую пыталась похоронить. За два месяца, прошедших с тех пор, как мы поженились, Крю ни разу не ходил в клуб. Он работает и проводит время со мной. Я жду, что этого будет недостаточно.

— Я не хочу, — он хватает медведя и оранжевую веревку. — Пойдет?

— Конечно.

Мы переходим к следующему проходу. Крю просматривает ремни безопасности, пока я выбираю синий ошейник и поводок в тон. В очереди к кассе его телефон звонит снова. На этот раз он отвечает.

— Привет.

Я глажу Голди и притворяюсь, что не слушаю.

— Нет, я не могу, — Пауза. — Ашер... Мы слишком стары для этого, — он смотрит на меня. — Хорошо. Прекрасно. Я буду там через двадцать минут, — Крю вешает трубку и вздыхает. — Ашера нужно подвезти. Он ездил ужинать со своими родителями. Его отец, ну, иногда он делает его похожим на плюшевого мишку.

Я смотрю вниз на собаку, положившую подбородок мне на плечо.

— Тедди.

— А?

Я киваю в сторону собаки.

— Ты сказал, что хочешь переименовать его. А как насчет Тедди?

— Мне нравится.

— Хорошо.

— Я могу высадить вас, прежде чем заберу Ашера.

— Я не возражаю.

— Ты уверена?

— Да.

Мы проверяем и грузим все в машину. Большую часть поездки у меня уходит на то, чтобы понять, как надеть новый ремень безопасности на Тедди. Я пристегиваю его к ремню безопасности как раз в тот момент, когда Крю подъезжает к «Пастиче».

— Милое место, — комментирую я.

— Ты бывала здесь раньше?

— Один раз. С друзьями.

Появляется Ашер.

— Игнорируйте все, что он говорит о нас, — советует Крю.

Я поднимаю обе брови, но не думаю, что он может видеть в темной машине. Ашер идет мою сторону, сворачивая к заднему сиденью в последнюю минуту, когда видит, что я сижу впереди.

— В наши дни ты никуда не можешь пойти без жены, Кенсингтон?

— Да.

Ашер смеется, растягиваясь на заднем сиденье. Пакет шуршит.

— Что за черт? — сияет свет. — Почему твое заднее сиденье заполнено... мягкими игрушками и костями?

— У нас теперь есть собака, — отвечает Крю, плавно вливаясь в поток машин.

— Собака?

— Ага.

— Как так вышло? — спрашивает Ашер.

— Скарлетт просто помешана на милых личиках.

Я закатываю глаза.

— Да неужели, мистер «я всегда хотел собаку, давай купим весь зоомагазин».

Крю хихикает.

Мы проезжаем еще несколько кварталов, прежде чем Тедди просыпается и начинает скулить.

— Что мне делать? — спрашиваю я Крю, когда его крики становятся громче.

— Что тебе сказали в приюте?

— В принципе, ничего. Я еще не прочитала всю папку и оставила ее дома. Он уже поел.

— Ему, наверное, нужен клочок травы, — скучающим тоном предполагает Ашер.

Я смотрю на Крю.

— Притормози.

— Здесь?

— Ты хочешь, чтобы он сходил на меня?

Ашер смеется, а Крю что-то бормочет себе под нос.

Он притормаживает перед деревом, окруженным мульчей.

— Это все, что я могу сделать.

Я работаю над тем, чтобы отстегнуть все ремни, которые я только что прикрепила.

— А он не может пописать на дерево?

— Он прикреплен к ремню безопасности, Чемпион.

Ашер снова смеется.

— Я понимаю, почему пресса одержима вами двумя. Вы настоящие бунтари.

И я, и Крю игнорируем его, борясь с ремнями безопасности.

— У этого были лучшие отзывы, — бормочет Крю.

— Ты смотрел отзывы?

Судя по освещению от уличных фонарей, он выглядит оскорбленным.

— Конечно, — Крю продолжает возиться с ремнем, поглаживая при этом Тедди. Я отказываюсь от помощи и смотрю, как он изо всех сил пытается освободить нашу собаку.

Я думаю, что люблю его. Это ужасающее осознание.

— Вот так!

— Ты понимаешь, что нам придется надеть его обратно, верно? Не стоит пока праздновать.

Крю закатывает глаза, прежде чем вылезти из машины вместе с Тедди. Он опускает собаку на мульчу, и та тут же садится на корточки.

— Я не предвидел этого, когда мы ходили в тот скалодром.

Звук голоса Ашера пугает меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Я полагал, что вы двое в конечном итоге разведетесь или не будете разговаривать. Крю нравится, когда все делается определенным образом, как он хочет. У меня такое чувство, что ты была такой же. По сути, это верный путь к катастрофе.

— Прошло всего пару месяцев. Кто знает, чем все закончится.

— Любой, у кого есть глаза, скажет, что вы долго продержитесь, — отвечает Ашер.

Крю забирается обратно в машину, прежде чем я успеваю ответить. Он протягивает мне Тедди, который извивается и лижет мне лицо.

— Он сделал свои дела.

— Я видела, — я глажу его мягкую головку. — Кто самый лучший мальчик?

— Ты никогда не говоришь мне этого, Роза.

— Ты приучен к лотку.

Ашер издает рвотный звук.

Крю наклоняется, чтобы помочь мне снова пристегнуть ремни безопасности.

— И тебе нравится, когда я плохой мальчик, — шепчет он мне на ухо.

— Если ты закончил его притегивать, мы можем ехать?

Крю вздыхает.

— К тебе домой?

— Нет, высади меня у «Пруф». Мне нужно выпить.

— Ты мог бы вызвать гребаный «Убер», чувак. Я не автосервис.

— Правильно. Ты был так занят, будучи папой щенка. Я подумал, что, если позвоню тебе, мы могли бы пойти куда-нибудь выпить. Ты не сказал мне, что приведешь жену, и я даже не знал, что у тебя есть щенок.

Крю вздыхает, но думаю, что он слышит то же самое, что и я. Ашер хотел поговорить с ним, а не просто доехать до дома. Я думала, что их отношения были скорее отношениями коллег по работе, чем чем-либо еще, но, похоже, они настоящие друзья.

— Хорошо, я высажу тебя в «Пруф». Тебе лучше не опаздывать на утреннюю встречу в Данбери.

— Не волнуйся, босс. Я буду в твоём кабинете с утра пораньше, положу ноги на стол.

— Ноги на стол? — спрашиваю я.

— Крю терпеть не может, когда люди прикасаются к его столу, — говорит мне Ашер.

— О, — я бросаю взгляд на Крю. Он выглядит удивленным, а не раздраженным. Я прикасалась к его столу. Прислонялась к нему. Сидела за ним.

Через несколько минут Крю останавливается перед «Пруф». Я смотрю на очередь людей, стоящих снаружи, одетых в короткие платья и дорогие наряды. Не так давно на его месте могла бы быть я. За исключением ожидания в очереди. Я всегда была в списке.

— Спасибо, чувак, — говорит Ашер. — В один прекрасный день я действительно скажу ему, чтобы он отвалил, — он прочищает горло. — Seriously, я твой должник. Пока, Скарлетт.

— Пока, Ашер.

Ашер вылезает из машины и исчезает внутри.

— Ты должен пойти с ним, — говорю я Крю.

Он выглядит удивленным.

— Почему?

— Он, очевидно, хотел поговорить с тобой, и именно поэтому он позвонил. О том, кого он хочет послать к черту. Вы, ребята, друзья, верно?

— Зависит от дня, — Крю улыбается, говоря мне, что он шутит. — Да, мы друзья. Мы знаем друг друга уже давно. Его семья почти такая же, как и моя.

— Иди. Seriously. Я смогу справиться со всем этим, — я машу рукой на все принадлежности для собак, которые мы только что купили.

— В прошлый раз ты потеряла собаку.

— Теперь у него есть поводок. К тому же, он выглядит уставшим, — я бросаю взгляд на Тедди, который методично облизывает свою лапу.

— Ашер — большой мальчик. У него есть другие друзья, которым он может позвонить.

— Он позвонил тебе, — указываю я.

Крю учитывает это. Слегка улыбается.

— Не могу поверить, что ты призываешь меня пойти в клуб с Ашером. Половина глупостей, которые я натворил, была его идеей.

— Я доверяю тебе, — шепчу я. Это кажется правильным, и в то же время является правдой.

Это привлекает внимание Крю.

— Да?

— Да.

Он смотрит на меня, и я смотрю в ответ. И что-то очень осязаемое и очень реальное проходит между нами, прежде чем Крю отстегивает ремень безопасности.

— Напиши мне, когда будешь дома.

Я киваю. Он наклоняется вперед и целует меня, прежде чем открыть дверь и выйти из машины. Я наблюдаю, как его уверенные шаги сокращают расстояние между бордюром и входом в «Пруф», останавливаясь только для того, чтобы что-то сказать вышибале, прежде чем исчезнуть внутри.

Я забираюсь на водительское сиденье и еду домой.

16. Крю

Когда двери лифта открываются, раздается громкий женский смех. Это не Скарлетт — ее смех я невольно запомнил, несмотря на то, что слышал его всего несколько раз. Это более высокий тон.

Я прохожу мимо столиков у входа и вхожу в гостиную, следуя на звук. Скарлетт сидит на диване и тычет вилкой в контейнер с китайской едой. При звуке моих шагов она поднимает голову. Ее глаза расширяются от удивления, она не ожидала, что я вернусь так рано.

— Крю!

— Роза! — я смотрю на двух других женщин на диване. У одной светлые волосы, у другой светло-каштановые. Удивительно, но я их узнаю. Они были со Скарлетт в ту ночь в клубе, когда она отпугнула ту девушку, и я ответил тем же. Если бы это сделал кто-нибудь другой, я бы разозлился. Со Скарлетт я нахожу это забавным. Первое из многих исключений, когда речь идет о ней.

Я выхожу вперед и одариваю двух женщин своей самой очаровательной улыбкой.

— Не знал, что ты пригласила гостей.

— Я думала, у тебя сегодня вечером встреча.

— Планы изменились, — скорее, я перенес встречу на завтрашнее утро, чтобы прийти домой пораньше и трахнуть Скарлетт до беспамятства. Я сажусь рядом с ней на диван и сосредотачиваю свое внимание на двух других женщинах.

— Приятно познакомиться с вами обеими. Я — Крю, — я предполагаю, что они были на нашей свадьбе, но не помню, чтобы видел кого-то из них.

Блондинка одаривает меня дерзкой улыбкой, которая сразу же говорит мне, почему они со Скарлетт подруги.

— Очень приятно познакомиться с тобой. Я Софи, а это Надя, — она кивает в сторону девушки справа от себя. — Скарлетт была скупа на подробности о своем сексуальном

муже.

Я бросаю взгляд на Скарлетт как раз вовремя, чтобы увидеть, как она закатывает глаза, а затем делает большой глоток вина.

— Сексуальный муж? Вы замужем?

— Надя практически помолвлена. Она и Финн были вместе всегда. И я вижу, к чему все идет.

— Видишь, к чему все идет? Ты сказала, что собираешься порвать с Кайлом несколько недель назад! — говорит Надя.

Имя «Кайл» и то, как напрягается Скарлетт рядом со мной, щекочет что-то в глубине моего мозга.

— Как долго вы с Кайлом встречаетесь?

— Уже около четырех месяцев, — отвечает Софи. — Но мне кажется, что меньше. Он хирург, так что я его почти не вижу.

— Хирург, значит? — я бросаю взгляд на Скарлетт, которая сосредоточенно изучает свой ужин. Когда ваша жена говорит вам, что спит с кем-то другим, детали, как правило, накладывают отпечаток. Наш разговор в машине после гала-концерта Резерфорда запечатлелся у меня в памяти. Она сказала мне, что его зовут Кайл, и он хирург. Это слишком большое совпадение, не так ли? Если она не трахалась с парнем своей подруги за ее спиной, значит она солгала мне. Намеренно. Убедительно.

— Звучит как настоящий улов. Ты знакома с этим Кайлом, Скарлетт?

— Нет, — она запихивает в рот вилку с курицей в кисло-сладком соусе.

— Мы должны пойти на тройное свидание! — восклицает Софи, делая вид, что это самая выдающиеся идея, когда-либо существовавшая. — Мы никогда раньше не были в отношения все одновременно.

— Конечно, звучит забавно, — соглашаюсь я. Я сомневаюсь, что это будет весело, но расположение друзей Скарлетт не повредит.

Софи сияет.

— Идеально. Я спрошу Кайла о свидании.

— Не могу дождаться встречи с ним.

Если это возможно, улыбка Софи становится ярче. Я определенно нравлюсь ей. Надк читать труднее, но она кажется достаточно приятной. Пальцы Скарлетт буквально сжимают вилку.

— Давайте посмотрим фильм, — предлагает Скарлетт.

— Сначала я схожу в ванную, — говорит Надя, прежде чем подняться с дивана.

Софи тоже встает.

— Я пойду с тобой. В прошлый раз, когда мы были здесь, я заблудилась.

Надя и Софи исчезают. Ни я, ни Скарлетт не двигаемся. Я не начинаю разговор первым. Я жду, чтобы увидеть, что она скажет. Наконец она вздыхает.

— Я солгала, ясно? Я тоже ни с кем не была с тех пор, как мы поженились.

Я думал, что примирился с этим. Прилив эйфории, облегчения от признания, которое она сделала, является неожиданным.

— Почему ты солгала мне?

— Ты знаешь почему. Я была зла на тебя в ту ночь. Все не должно было быть... так. Я предположила, что ты спишь со всеми подряд, и поэтому сказала тебе, что у меня есть любовник. Я не думала, что ты мне поверишь, если я не назову тебе имя, поэтому я назвала

парня Софи, — еще один долгий выдох. — Просто забудь об этом.

Нет никаких шансов, что я буду это делать.

— Ты когда-нибудь собиралась мне сказать?

— Я почти сделала это. В Италии, после того, как мы... — она бросает взгляд на дверь, за которой скрылись ее подруги, как будто боится, что они нас подслушают. — Я не была уверена, как ты отреагируешь. Если ты все еще... — я смотрю, как она играет с выбившейся ниткой на подоле своей майки.

— Если я все еще что? — я мягко подталкиваю его локтем.

— Если тебе все еще интересно.

Я несколько раз моргаю, пока до меня доходят эти слова.

— Интересно? — эхом отзываюсь я. О чем, черт возьми, она говорит?

— Не валяйте дурака, Крю. Мы женаты. Я в принципе уверена в себе. Парни хотят того, чего они не могут иметь, а не того, что у них есть.

Я смеюсь.

— Ты серьезно? — судя по тому, как вспыхивают ее глаза, так оно и есть. — Нет, ты серьезно? — произнося эти слова, я снова начинаю смеяться. Я никогда так усердно не добивался ни капли женского внимания, как со Скарлетт. Каждый раз, когда она прикасается ко мне, я чувствую себя самым счастливым парнем в мире. Я беру ее за подбородок и приподнимаю ее лицо, так что у нее нет другого выбора, кроме как смотреть прямо на меня. — Я никогда никого не хотел так, как хочу тебя, Скарлетт. Мысль о том, что ты была с другими парнями, не сделала тебя более желанной и не привлекла моего внимания. Это вызвало у меня желание ударить каждого из них по лицу.

— Мы прошли лабиринт! — объявляет Софи, влетая в комнату.

Скарлетт вырывает свое лицо из моих рук и поворачивается к своей подруге, приклеивая на лицо широкую фальшивую улыбку.

— Отлично. Где Надя?

— Здесь, — Надя входит в комнату и садится на свое прежнее место на диване. — Что мы смотрим?

Я изучаю Скарлетт, пока Софи и Надя обсуждают варианты на Netflix.

— Мы можем поговорить позже, — тихо говорю я ей. — Тедди накормлен?

Она кивает, не глядя на меня.

— Да. Он спит. Твой ужин на кухне, если ты голоден.

— Спасибо, — я наклоняюсь и целую ее в плечо. — Я буду наверху.

— Ты не обязан, — на этот раз она смотрит на меня, когда я поднимаю взгляд. — Ты можешь остаться здесь. Поешь с нами, если хочешь.

Я не спрашиваю, уверена ли она. Скарлетт не делает предложений, которые она не имеет в виду.

— Хорошо.

И Надя, и Софи оборачиваются, когда я встаю.

— Просто собираюсь перекусить и переодеться, — говорю я им. — Вам, леди, нужно что-нибудь?

Они обе качают головами, хихикая.

Когда я захожу на кухню, на столе стоят три бумажных контейнера. Я открываю один и нахожу внутри говядину. Следующее блюдо — курица кунг пао. Однажды я ел китайскую кухню со Скарлетт, и она запомнила все, что мне понравилось. Это вызывает во мне

неведанные чувства. Что-то большее, чем влечение, больше, чем преданность. Все мои образцы для подражания, когда дело доходит до романтических отношений, были дерьмовыми. Мужчины, которые знают, что им все сойдет с рук, и женщины, которые им это позволяют.

Мы со Скарлетт совсем другие. Я хочу, чтобы мы были другими. Впервые я чувствую некоторую реальную уверенность в том, что это то, чего она, возможно, тоже хочет.

Ничего не изменилось, когда я возвращаюсь в гостиную в спортивных штанах с ужином в руках. Тедди следует за мной по пятам. Я люблю маленькую собачку, которая неуклонно растет с каждым днем. Бумаги из службы спасения только догадывались о его происхождении. В нем определенно много от золотистого ретривера. Кроме того, он — загадка.

Скарлетт улыбается, когда видит его. Тедди обнюхивает ее, а затем направляется к Софи и Наде на другом диване. Они обе набрасываются на него. Софи даже спускается на пол, чтобы погладить его.

Я сажусь рядом со Скарлетт и принимаюсь за свой ужин.

— Ты слабак, — обвиняет она, глядя на Тедди, который купается во внимании своих друзей. — Он должен был спать.

— В детском саду сказали, что ты забрала его на три часа раньше.

Она пожимает плечами, но я вижу ее насквозь.

— Это было по дороге домой.

— Признайся, ты скучала по нему.

— Ты тоже рано вернулся домой.

— Не для того, чтобы увидеть Тедди.

— Что мы смотрим? — спрашивает Надя, прерывая наш разговор.

Скарлетт наклоняется вперед, чтобы взять пульт с кофейного столика. Ее майка задирается, обнажая полоску кожи. И я представляю, как снимаю тонкий материал с ее тела. Переодеться было ошибкой.

Девушки останавливаются на комедии. Через несколько минут я знаю, что не буду обращать на фильм особого внимания. Я доедаю свой ужин и растягиваюсь на диване. Поколебавшись, Скарлетт ложится рядом со мной. Ее задница трется прямо о мою промежность, и я стону ей в ухо.

— Если ты не хочешь закончить это, не начинай, Скарлетт.

— Кто сказал, что я не хочу закончить это? — шепчет она в ответ.

Я просовываю несколько пальцев под подол ее майки, рисуя круги на ее гладкой коже. Надя, или, может быть, Софи, смеется над чем-то, что происходит на экране. Я не

оглядываюсь, чтобы проверить.

— Я не хочу делиться тобой. Я единственный, кто трахает тебя, Роза.

У нее перехватывает дыхание. Я слышу это, и чувствую это. Быстрый подъем ее грудной клетки.

— Скажи это.

Она поворачивает голову, так что оказывается у меня под подбородком.

— Ты единственный, кто трахает меня, — шепчет она.

Я дразню нижнюю часть ее груди, а затем опускаю руку вниз и кладу ее на живот.

— Смотри фильм.

Она раздраженно фыркает. Я улыбаюсь, скольжу рукой по ее бедру и смотрю на экран, не замечая ни единого пикселя.

Следующее, что я помню, это то, что Скарлетт трясет меня за плечо, чтобы разбудить. Я моргаю, провожу руками по лицу и зеваю.

— Черт. Я заснул?

Она кивает.

— Где-то между перестрелкой и сексуальной сценой. Ты, должно быть, был измотан.

— Я думал фильм о девичнике.

— Ситуация обострилась, полагаю. Я не обращала на это особого внимания.

— Почему? — спрашиваю я невинно.

Скарлетт закатывает глаза.

— Я положила Тедди в его будку. Софи и Надя ушли. Я иду спать, — но она не двигается.

Как и я.

Я притягиваю ее ближе, меняя наши позиции, так что она оказывается подо мной. Между нами потрескивает электричество. Она не сопротивляется мне. Растягивается, поднимая руки и вытаскивая волосы из пучка. Ее колени раздвигаются, так что мой твердеющий член прижимается прямо к ее мягкому центру. Я двигаю бедрами, и она стонет.

— Ты хочешь мой член, Роза?

В ответ она снова стонет. Громче. Я сажусь, стаскиваю рубашку и спортивные штаны, так что мой член выпрыгивает. Скарлетт прикусывает нижнюю губу, сфокусировавшись на моей растущей эрекции. На ней нет лифчика. Я вижу твердые кончики ее сосков, когда ее тело реагирует.

Леггинсы, которые на ней надеты, обтягивают кожу. Мне требуется три рывка, чтобы снять их. Затем снимаю ее промокшее нижнее белье. Придвигаюсь ближе, собираясь войти в нее, когда понимаю:

— Презервативы наверху.

Это всегда было напряженной темой между нами. Теперь, когда мы не только занимаемся сексом, но и занимаемся им как можно чаще, этот вопрос становится все более актуальным. Это постоянная проверка доверия друг к другу. Сказать, что ты кому-то доверяешь — это одно. Доказать это действием — другое. Особенно когда передача болезни или беременность являются потенциальными последствиями.

— Я доверяю тебе, — она повторяет то же самое, что сказала мне четыре ночи назад, без раздумий. И это вызывает тот же прилив ощущений, который очень похож на любовь.

Я целую ее, пока она прокладывает свой путь вниз к моему члену. У меня никогда раньше не было секса без презерватива. Я стону от ощущения ее тугого, влажного тепла, сжимающегося вокруг меня без каких-либо барьеров.

— Срань господня.

— Это ощущается по-другому?

— Да, — выдыхаю я, набирая темп, как только мы оба приспособились. — Чувствую тебя. Ты ощущаешься так чертовски хорошо.

— С тобой все по-другому, — бормочет Скарлетт. Я знаю, что она говорит не об отсутствии латекса между нами.

Она обвивает своими длинными ногами мою талию, открываясь еще больше. Мы оба стонем, когда я проскальзываю глубже, попадая в новую точку. Мое дыхание учащается, когда я начинаю чувствовать знакомое покалывание в моих яйцах. А потом я кончаю, сильнее и дольше, чем когда-либо. Белые пятна усеивают мое зрение, придавая новый смысл ослепляющему удовольствию.

Медленно реальность просачивается обратно в гостиную. Но я не отодвигаюсь от нее. Рука Скарлетт трогает мои волосы, снова и снова перебирая короткие пряди. Я прижимаюсь губами к изгибу ее шеи, прямо там, где она переходит к плечу, вдыхая ее аромат и дыша на ее кожу.

Это тоже ново для меня. Близость после секса. Я не был любителем этого, но и никогда не задерживался, чтобы прижаться к кому-то после этого.

— Ты нравишься Софи и Наде, — говорит она мне.

— Они не осудили меня за то, что я заснул, как старик?

Я чувствую, как ее смех щекочет мою щеку.

— Нет. Они обе тоже много работают. К тому же ты не похож на старика, так что это помогло.

— Это комплимент, Роза? — дразню я, откидывая голову назад, чтобы видеть ее лицо.

— Как будто ты не знаешь, что я считаю тебя сексуальным.

— Мне нравится, когда ты так говоришь.

— Прекрасно. Ты горячий как ад, ясно?

Я улыбаюсь.

— Хорошо.

— Софи хочет встретиться с Оливером. Она планирует порвать с Кайлом.

— Ей было бы лучше остаться с хирургом.

Скарлетт приподнимает бровь.

— Почему?

— Помнишь, когда ты спрашивала обо мне и Кэндис?

— Да.

— Помнишь, что я сказал?

— Срань господня. Seriously?

— Ага.

— Вау, — она колеблется. — Могу я спросить тебя кое о чем? Совершенно не связанном с драмой Оливера, спящего с вашей мачехой.

— Да, конечно.

— Пройшей ночью Ашер упомянул твой стол. Что тебе не нравится, когда другие люди прикасаются к нему. Почему?

— Может быть, мне просто не нравится, когда люди трогают мои вещи, — поддразниваю я.

— Правда?

Я выдыхаю.

— Нет. Это был письменный стол моей мамы. Она тоже была богата. У ее семьи был судоходный бизнес. Она унаследовала его и выполняла большую часть работы. У нее был свой собственный офис в доме и все такое. Мой отец продал компанию после ее смерти. В то время я думал, что он был бессердечен. А теперь... — я смотрю на нее. — Теперь, я думаю, что напоминания могли быть слишком болезненными.

Между нами повисает долгое молчание.

— Ты бы продал «Хай Кутюр»?

Разговоры о важном. И это так похоже на Скарлетт. Проверяет мои чувства к ней, обсуждая бизнес.

— Нет, — отвечаю я. — Я бы не стал.

Она выдерживает мой взгляд, но я чувствую, как сильно ей хочется отвести его. Я могу сказать, что она думает, что я говорю.

— Я бы позаботился о том, чтобы он процветал, потому что думаю, ты бы этого хотела. Мой отец труслив, когда дело касается чувств. Я бы не стал пытаться забыть. Я бы боролся изо всех сил, чтобы вспомнить.

Я никогда не видел, чтобы Скарлетт плакала. Сейчас она этого не делает, но в ее карих глазах есть блеск, который говорит о том, что она, возможно, близка к этому. Ее рука все еще в моих волосах, и она использует ее, чтобы притянуть меня ближе, пока наши губы не оказываются всего в нескольких вдохах друг от друга.

— Я бы тоже не стала продавать, — шепчет она, прежде чем поцеловать меня.

17. Скарлетт

— Скарлетт? Скарлетт?

Я моргаю и смотрю на Лию, которая бросает на меня странный взгляд.

— Да?

— Я спросила, есть ли у вас какие-либо вопросы по октябрьскому номеру, прежде чем мы закончим.

Я опускаю взгляд на страницы с заметками, лежащие передо мной. Тру лоб в попытке облегчить нарастающую головную боль.

— Нет. Все это выглядит великолепно. Всем хорошей работы.

Следует тишина. Молчание с шокированным оттенком. У меня всегда есть заметки. Предложения. Я слишком рассеяна, чтобы придумать что-нибудь прямо сейчас.

Я встаю, мне нужно выбраться из этой комнаты. Я устала. Я хочу уютно устроиться на

диване в спортивных штанах с бутылкой вина и Крю.

Вот только вино может оказаться неподходящим вариантом. Я поняла, что у меня задержка на две недели и четыре дня. Я была так занята, что не осознавала, как быстро летит время.

Я беременна.

Скорее всего.

Последние несколько дней меня тошнило каждое утро. Я была слишком эмоциональна. Часто уставала. И опаздывала, чего раньше никогда не случалось. Но я не знаю наверняка, беременна ли я, потому что боюсь узнать. Я никогда не думала, что назову себя трусихой, но именно ей я и являюсь. Я в ужасе от этого. Мне страшно признаться Крю. Если я правильно предположила, то я забеременела в Италии, возможно, в первый раз, когда мы переспали.

Он, наверное, будет гордиться. Наши семьи будут в восторге.

И я... схожу с ума.

Кроме того, я чувствую, что меня сейчас стошнит. Еще раз. В последнее время моя «утренняя тошнота» стала очень похожа на тошноту в течение всего дня. Поговорим о ложной рекламе. Я ничего не знаю ни о детях, ни о беременности. Я думала, у меня будет время. Мне нужно было время. У пловцов Крю явно были другие планы. С точки зрения статистики, у нас было достаточно секса, чтобы сделать беременность возможной. Защищенный секс. Если я действительно на шестой неделе, то мы зачали ребенка тогда, когда он еще использовал презервативы. Эффективность на девяносто девять процентов? Думаю, мы входим в тот самый один процент.

Я не против того, чтобы иметь детей. Я знала, что рано или поздно они у нас будут. Крю хочет детей, хотя я знаю, что отчасти это желание подпитывается его отцом. Все происходит слишком быстро. Мы не были парой до того, как поженились. У нас ушел месяц на то, чтобы заняться сексом. Мы наконец-то нашли равновесие, которое очень неустойчиво. Разделение ответственности за собаку — новый опыт. Рождение ребенка — огромная перемена для любой пары. Для нас это будет сопряжено с целым рядом осложнений, которые я была рада отложить на некоторое время.

Я ковьялю по коридору на каблуках, жалея, что не могу снять их и швырнуть в стену. Я не выспалась. И, возможно, нахожусь под действием гормонов. Как только мы занимаемся сексом, Крю гаснет, как лампочка. Последние несколько ночей я лежала без сна, беспокоясь о том, как это изменит нашу жизнь.

Мой кабинет — это святилище. Когда я купила этот журнал, я потратила несколько часов, решая, как будет оформлен каждый метр. Я провожу все свои встречи здесь. Цвета смелые, но не кричащие. Абстрактные картины украшают стену над белым кожаным диваном. На противоположной стене, над столом, на котором всегда стоит свежая композиция из цветов, висят изящные номера в рамках. Сегодня это пионы. Цветочный аромат обычно делает меня счастливой. Прямо сейчас меня от этого тошнит.

Я сажусь за свой стол, быстро отвечая на несколько электронных писем, которые пришли во время встречи, которую я только что покинула. У меня есть тысяча дел: согласование фотосессий, общение с рекламодателями и договоренности с разными поставщиками. Несколько месяцев назад я бы заказала еду на вынос и поселилась здесь еще на несколько часов.

Все, что я хочу сделать прямо сейчас, это вернуться домой.

Мой взгляд падает на фотографию в рамке справа от компьютера. Я поместила ее туда в

качестве реквизита, свидетельства того, что женщины могут иметь все: счастливую семейную жизнь и успешную карьеру. У меня уже была успешная карьера, и я всегда знала, что у меня есть возможность выполнить любой проект, который захочу. В течение последних девяти лет я также знала, что, вероятно, выйду замуж за Крю Кенсингтона. Я просто не знала, каково это — быть замужем за ним. Запутанно, захватывающе и весело. Он стал тем, на кого я полагаюсь, кому доверяю и с кем с нетерпением жду встречи.

Как, черт возьми, это произошло?

Я думала, он не будет заинтересован в том, чтобы этот брак стал чем-то большим, чем двухсот страничный документ, описывающий последствия, если этого не произойдет. Я сделала ставку на это. Полагалась на это. То, что мы стали чем-то настолько другим, одновременно обнадеживает и вызывает беспокойство.

Черно-белая фотография, на которой мы запечатлены в день нашей свадьбы, стоящая на моем столе, больше не выглядит бутафорией. Она выглядит настоящей. Я даже могу точно определить момент, когда это произошло. Крю сказал мне, что мы должны были попрактиковаться в танцах, прежде чем пожениться, так же, как мы целовались перед произнесением наших клятв. Я улыбаюсь, и он тоже.

Я пытаюсь представить маленького ребенка с голубыми глазами Крю и моими темными волосами. Ноне могу. Я никогда раньше не держала на руках ребенка; я даже не могу вспомнить, когда в последний раз видела детей вживую.

Вместо того чтобы зайти в аптеку и развеять все сомнения, я иду прямо домой. Трусиха. Я ищу утешения, которое может дать только Крю. Обычно это включает в себя обнимания на диване, а затем секс.

Мое тело привыкло жаждать его.

Двери лифта открываются, показывая Крю, прислонившегося к стене рядом с картиной Моне.

— Наконец-то! Я как раз собирался тебе звонить.

Я рассматриваю его: зачесанные волосы, смокинг и озабоченное выражение лица

— Ты забыла, — эти два слова являются плоскими, раздраженными. Любые надежды уговорить его остаться дома, повалиться на диване и признать, что я, возможно, беременна, улетучиваются, как листья в ветреный осенний день.

— Нет, — вру я. — Моя встреча просто затянулась. Я приехала домой, как только смогла, — последняя часть, по крайней мере, правда. Я помчалась домой, потому что хотела увидеть его. — Я поеду переоденусь.

Не могу поверить, что забыла. Сегодня вечером корпоративная вечеринка «Кенсингтон Кансалдид». Я знаю, что это важно для Крю.

Крю хватает меня за руку, когда я пытаюсь пройти мимо него. Его раздраженное выражение лица меняется, появляется что-то более мягкое.

— С тобой все в порядке?

Я приклеиваю на лицо улыбку.

— Конечно. Просто дай мне несколько минут, хорошо? — я не могу ему сказать. Не перед тем, как нам придется всю ночь вести светскую беседу с важными людьми. Какая-то часть меня даже испытывает облегчение. У меня нет другого выбора, кроме как не произносить этих слов.

Только когда я оказываюсь в своей гардеробной, я позволяю улыбке исчезнуть. Я где-то когда-то читала, что улыбка обманывает ваш мозг. Простое движение запускает

высвобождение гормона счастья, независимо от того, фальшивая у вас улыбка или настоящая. Поскольку я не могу пить, возможно, в течение девяти месяцев, а пока до тех пор, пока не пройду тест на беременность, я собираюсь принимать любые лекарства, которые мой организм может вырабатывать естественным путем. И сегодня вечером я заставлю себя много улыбаться.

Я меняю юбку-карандаш и блузку, которые носила весь день, на шелковое платье в пол. Изумрудная ткань шелестит на моей коже, когда я направляюсь в ванную, чтобы освежить прическу и макияж. Как только я довольна и тем, и другим, я беру подходящий клатч и пару туфель на шпильках с ремешками. Мои ноги съеживаются от этой мысли, но ткань будет волочиться по полу, если я не надену каблуки.

Крю находится на том же месте, где я его оставила, просматривает электронную почту на своем телефоне.

— Я готова, — щебечу я.

— Ты прекрасно выглядишь, — говорит он мне, прежде чем мы заходим в лифт.

Я прикусываю язык, пока боль не становится острой, борясь с желанием рассказать ему, чем я была озабочена весь день.

— Спасибо.

— Все хорошо на работе?

— Да, — я колеблюсь. — Возможно, на следующей неделе мне придется съездить в Париж на несколько встреч.

Крю не отрывает взгляда от телефона.

— Да. Конечно.

— Хорошо, — я откидываю голову на жесткие панели лифта, следуя за Крю в подземный гараж, когда мы достигаем нижнего этажа. Роман ждет рядом с машиной. Он уважительно кивает мне.

— Миссис Кенсингтон.

Я улыбаюсь ему, прежде чем забраться во внедорожник.

Поездка в Метрополитен проходит в молчании. Я знаю, что Крю нервничает из-за сегодняшнего вечера. В последнее время он занимался крупной сделкой, и я уверена, что он готов к вопросам инвесторов. Я озабочена возможностью того, что внутри меня может расти крошечный человек.

Выйти из машины и подняться по ступенькам — и мои ноги начинают кричать на меня от боли. Система климат-контроля и гладкие полы в вестибюле музея создают небольшое облегчение. Нас немедленно проводят в Большой зал. Вежливая болтовня эхом отражается от высокого потолка и каменных стен. У меня едва хватает времени рассмотреть свечи или цветочные композиции, украшающие помещение, прежде чем к нам начинают подходить люди.

Крю — золотой мальчик «Кенсингтон Кансалдид», всего Манхэттена. Наследник престола. Будущий император.

У меня никогда не складывалось впечатления, что Артура Кенсингтона любят. Подкованный в бизнесе, но недоступный. Это тот парень, которого ты приглашаешь, потому что должен, а не потому, что хочешь.

Оливер — это скорее загадка. Я замечаю, что он стоит в углу, разговаривая с двумя другими мужчинами в смокингах. Он похож на лакея своего отца, готовый сделать все возможное, чтобы произвести впечатление и удержать свое положение. Но я не думала, что

он из тех, кто может трахнуть жену своего отца за его спиной. Какими бы ни были его намерения, у него нет той непринужденной харизмы, которой обладает Крю. Способность заставить вас чувствовать себя особенной только за то, что вы привлекли его внимание. Я заметила это, когда мне было шестнадцать, и сказала отцу, что единственный Кенсингтон, за которого я выйду замуж, — это Крю, и я вижу это сейчас, когда он разговаривает со Спенсерами.

Такое чувство, что каждый из тысячи с лишним посетителей уже поговорил с Крю к тому времени, как мы добрались до нашего столика в самом центре зала. Артур и Кэндис уже сидят, но Оливера нигде не видно.

Артур встает, чтобы поцеловать меня в щеку, изображая идеального тестя.

— Скарлетт. Сногсшибательно, как всегда.

— Спасибо, — я улыбаюсь Кэндис, которая выглядит совершенно непринужденно рядом со своим мужем. Возможно, я недоценила и ее, и Оливера. Она определенно не похожа на человека, способного отказаться от своего брака. Измена может быть социально приемлемой для мужчин, но она стала бы изгоем, если бы об этом стало известно.

— Ты говорил с Джастином Марксом? — Артур переключает свое внимание на Крю, который выдвигает мой стул.

Я посылаю ему легкую улыбку, когда опускаюсь, немедленно сбрасывая каблуки под скатертью.

— Да, — Крю подзывает официанта и заказывает скотч. Он смотрит на меня. — Ты хочешь шампанского?

По какой-то причине мне не приходило в голову, что тут может подаваться алкоголь.

— Нет, спасибо. У меня болит голова.

Его лоб морщится.

— Правда? Ты ничего не говорила.

— Я в порядке. У меня просто был долгий день. Алкоголь, вероятно, усыпит меня.

Морщинка между его глазами не разглаживается. Он знает меня достаточно хорошо, чтобы услышать фальшивую нотку в моем голосе. Но прежде чем он успевает задать еще какие-либо вопросы, Артур прерывает меня, очевидно, не разделяя той же заботы о моем благополучии, что и его сын. Думаю, он чувствовал бы себя по-другому, если бы знал, что моя «головная боль» — это будущее его тщательно построенной империи.

Я отключаюсь, пока Крю и Артур обсуждают дела. Оливер появляется, когда подают ужин, и занимает одно из двух свободных мест. Он игнорирует Кэндис и присоединяется к обсуждению какого-то инвестора. Я ковыряюсь в своей еде. Я хочу есть, но не то, что лежит у меня на тарелке. Стейк выглядит сырым, а картофель слишком прожаренный.

— Ты не голодна? — спрашивает меня Крю, когда его отец отвлекается на сотрудника музея, который спрашивает его о какой-то логистике.

— Не очень.

— Ты хочешь уйти? Мы можем уйти, если...

По какой-то причине от этого предложения у меня на глазах наворачиваются слезы. Что, вероятно, связано с гормонами. Я знаю, что Крю видит это, поскольку его глаза расширяются.

— Нет. Мы должны остаться. Я просто... мне нужно в уборную. Я скоро вернусь.

— Хорошо, — Крю звучит неуверенно, но его отец снова что-то спрашивает у него. Он отвлекается.

Я снова надеваю туфли и направляюсь к туалету, следуя указателям. Я иду прямо в одну из кабинок и прислоняюсь спиной к кафельной стене, наслаждаясь ощущением холодного камня на своей коже. Глубокие вдохи немного помогают справиться с тошнотой.

Всю ночь я играла роль «плюс один» для Крю. Никого здесь не интересует мое мнение о «Кенсингтон Кансалдид». Я никому из них ничего не должна. Но я хочу поддержать Крю, как это сделал он, когда поддержал меня с моим отцом или когда спрашивал о моих встречах и выслушивал мои ответы. Ради него я могу вытерпеть ночь скучных разговоров и еды по завышенным ценам.

Я делаю свои дела, а затем покидаю кабинку, чтобы вымыть руки. Намыливаю их, когда открывается дверь туалета, и входит Ханна Гарнер. На ней темно-синее платье, которое оттеняет ее загар и каскад светлых кудрей. Я никогда не требовала от Крю подробностей об их прошлом. Честно говоря, я не хочу их знать. Но это ставит меня в невыгодное положение, которое Ханна намерена использовать.

— Скарлетт. Какой сюрприз.

— Что здесь удивительного? — я споласкиваю руки и закрываю кран. — То, что я умываю руки, или то, что я здесь поддерживаю своего мужа?

Она хихикает, и это звучит злобно.

— Твоего мужа? Он не принадлежит тебе. Его заставили жениться на тебе. Совершенно очевидно, что ты ему даже не нравишься.

— Ты ничего не знаешь о моем браке.

— Я знаю больше, чем ты думаешь. Я знаю, что Крю не едет домой после работы, — она делает шаг ближе. Ее каблук стучит по полу, как предупредительный выстрел. — Хочешь знать, откуда я это знаю?

— Он расстался с тобой, — я повторяю то, что он мне сказал.

Ханна цокает языком и качает головой.

— Это то, что ты говоришь себе? Он — Крю Кенсингтон. Ты зануда, настолько одержимая работой, что твоему папочке пришлось продать тебя тому, кто больше заплатит. Все, что достойно в тебе внимания, это твои деньги. Он представляет меня, когда кончает во время секса.

Моя ладонь дергается, испытывая искушение дать ей пощечину. Но я не доставлю ей такого удовольствия. Реакция — это именно то, чего она хочет.

— Всегда такая стойкая, Скарлетт. Ведешь себя так, будто тебе на все и на всех наплевать. Но я видела тебя раньше с Крю. Ты заботишься о нем. Думаешь, он верен тебе? Никогда не думала, что Принцесса Парк-авеню может быть такой наивной.

— Ты, кажется, ужасно ревнуешь, Ханна. Я вышла замуж за того парня, которого ты хочешь?

Ее глаза сужаются.

— Две недели назад он трахнул меня в туалете клуба. Сказал, что никогда не кончал сильнее. Я не хочу его. Он уже мой.

Впервые я чувствую легкую вспышку неуверенности и ненавижу себя за это. Крю был в «Пруф» две недели назад, когда я предложила ему пообщаться с Ашером. Стал бы он трахаться с Ханной вместо этого? Это было до того, как он узнал, что я ему верна. На лице Ханны нет ничего, кроме триумфа, уверенности без следа обмана. Но я ей не доверяю. У нее есть все основания лгать, чтобы посеять сомнение в моей голове.

Нет ничего, что я ненавижу больше, чем когда меня выставляют душой. Всю мою жизнь

люди видели во мне избалованную принцессу. Они никогда не задумывались о том, насколько тяжелой чрезмерное богатство может сделать вашу жизнь. Все становится фальшивым. Всегда сомневаться в намерениях других заставляет вас чувствовать себя одиноко.

Мне повезло во многих отношениях, но моя жизнь далека от совершенства.

Я доверяю Крю. Я верю, что он предан мне.

А если это не так, если я ошибаюсь, это разобьет меня вдребезги.

Я смотрю Ханне прямо в глаза.

— Я тебе не верю.

Я выхожу из туалета, не сказав больше ни слова. Приглушенная музыка и голоса, доносящиеся из холла, звучат громко после тихого противостояния в туалете.

Когда я возвращаюсь на вечеринку, мой взгляд прикован прямо к Крю. Он стоит возле нашего пустого столика, выглядя греховно сексуально в своем смокинге, сжимая в руке бокал с янтарной жидкостью и разговаривая с большой толпой мужчин.

Я вздыхаю и направляюсь к открытому бару. Джозеф Хантингтон, хороший друг моего отца, стоит рядом с ним, наблюдая, как бармен смешивает мартини. Он улыбается, когда видит меня.

— Скарлетт! Как ты, дорогая?

— Я в порядке, мистер Хантингтон. Как у вас дела?

— Хорошо, хорошо.

— Вот это семейка, в которую ты попала? — он машет рукой на окружающую нас роскошь. — Хэнсон никогда не устраивал такого рода интриг.

Я пожимаю плечами.

— Мой отец не из тех, кто любит помпезность.

— Я бы так не сказал, увидев свадьбу, за которую он заплатил.

Я улыбаюсь.

— Вините в этом мою мать.

— Может быть, ты все изменишь, когда Хэнсон уйдет в отставку, — Джозеф пристально смотрит на меня. В основном я игнорировала спекуляции о будущем нашего семейного бизнеса. Мой отец приближается к пенсионному возрасту. Я не устроилась на работу в компанию, как все от меня ожидали. Я вышла замуж за Крю, у которого есть собственная империя, которой нужно управлять.

— Может быть.

Джозеф улыбается моему неопределенному ответу и берет свой бокал.

— Приятного вечера.

— Вам тоже.

Я поворачиваюсь к бармену, как только он исчезает.

— Привет. Не мог бы ты приготовить мне что-нибудь без алкоголя, пожалуйста?

Бармен ухмыляется. Он симпатичный, примерно моего возраста. Высокого телосложения и с лохматыми волосами.

— Первый безалкогольный коктейль за вечер.

— Держу пари, бизнесмены любят модные напитки.

— Без шуток. Если бы я заложил одну из этих бутылок, то смог бы платить арендную плату в течение нескольких месяцев, — он быстро отступает. — Очевидно, я не собираюсь этого делать. Просто неудачная шутка.

Я смеюсь.

— Не беспокойся об этом. И я сомневаюсь, что кто-нибудь вообще заметит.

— Ты любишь имбирь?

— Да.

Он кивает и начинает наливать.

— Ты давно работаешь барменом?

— Пару лет. Я получаю степень магистра в Нью-Йоркском университете. Это хорошие деньги и не мешают моим занятиям.

— На кого учишься?

Он выглядит смущенным.

— Антрополог. Ты можешь смеяться. Я буду есть рамен всю свою жизнь.

— Рада за тебя, — говорю я и имею в виду именно это. — Деньги переоценивают.

— Легко говорить, когда они у тебя есть.

— Ты прав, — соглашаюсь я. — Но я уверена, что большинство из этих людей не очень довольны своей жизнью.

— А ты?

Я вздыхаю.

— Это сложный вопрос.

— Верно, — он изучает меня с минуту, затем протягивает руку. — Я Чарли.

Я пожимаю его протянутую руку.

— Скарлетт.

— Ты работаешь в «Кенсингтон Кансалдид»?

— Не совсем так. Я замужем за Крю Кенсингтоном.

— Мне показалось, я тебя узнал, — отвечает Чарли. — У тебя была та большая шикарная свадьба этим летом, не так ли?

— Ага.

— Моей младшей сестре нравится твой журнал.

Я улыбаюсь.

— Неужели?

— Угу. В последний раз, когда я был дома, моя кровать была завалена винтажными вещами.

— Серьезно?

— Клянусь.

— Ух ты. Это льстит.

Чарли ставит передо мной бокал.

— Что-то вроде Ширли Темпл, но я добавил несколько особых ингредиентов. Никакого алкоголя.

— Спасибо, — я делаю глоток. По вкусу напоминает имбирь, грейпфрут и розмарин. — Это действительно вкусно.

— Здорово.

Я продолжаю болтать с Чарли. Иногда кто-то подходит за добавкой, и ему приходится работать. Я часто заканчиваю разговор с кем бы то ни было, снова и снова слыша о том, какую фантастическую работу проделал Крю и как они с нетерпением ждут будущих проектов.

К тому времени, как появляется сам Крю, я допиваю свой третий коктейль, гоняя

соломинкой лед по кругу, пока Чарли готовит кому-то джин с тоником.

— Привет, — он останавливается рядом со мной, достаточно близко, чтобы я могла чувствовать тепло, исходящее от его тела.

— Привет, — лед звенит о мой стакан, пока я гоняю его по кругу. Раздражающий напев Ханни отдается у меня в голове.

Я не хочу его. Он уже мой.

Крю оглядывает меня. Я знаю, потому что чувствую каждое место, по которому скользит его взгляд.

— Ты что, пьяна?

Я смеюсь.

— Нет, но я бы хотела.

Он хмурит брови, пытаясь понять мои слова.

— Ты готова идти?

— А ты?

— Я бы не спрашивал, если бы это было не так.

Я фыркаю.

— Правильно. Мы делаем только то, что ты хочешь. Поскольку я всего лишь жена Крю Кенсингтона. И ничего больше. Ничего существенного.

Обида, затем вспышка гнева появляются на его лице.

— Я думал, мы прошли через это чушь.

— Да, я тоже. А потом со мной всю ночь обращались как с мебелью, в то время как тебя нигде не было видно.

Чарли заканчивает готовить напиток. Теперь он притворяется, что не слышит нашего разговора, хотя я уверена, что слышно каждое слово.

— Ты знала, что это будет за вечер, — отвечает Крю. — На что похож этот мир.

— Я хочу, чтобы мы были другими.

— Мы другие.

— Сейчас мне так не кажется, — я допиваю остатки своего напитка и машу Чарли на прощание. — Спасибо, что составил мне компанию.

Он улыбается и кивает. Я кладу пару сотен в его банку для чаевых.

Крю следит за мной, и на его челюсти дергается мышца. Я шатаюсь, когда делаю шаг, отдергивая локоть, когда он пытается поддержать меня.

— Я в порядке.

— Ты пьяна.

Я смеюсь.

— Нет. Я чертовски трезвая, благодаря тебе.

Замешательство искажает его красивое лицо.

— Что? Я не говорил тебе не пить.

Я начинаю идти к выходу, оставляя его плестись за мной. Стаккато моих каблучков стучит по мрамору, как сердитый марш. Я сошла с ума. Злюсь, что могу все испортить. Безумно волнуясь, если все испорчу.

Он преследует меня. Я чувствую это, и это меня тоже бесит.

Я едва замечаю, как его рука сжимает мой локоть, прежде чем он тянет меня в одну из пустых галерей, которые тянутся вдоль коридора, ведущего в вестибюль. Одним плавным движением я оказываюсь у стены.

— Скарлетт. Что случилось?

Здесь так темно. Только слабый намек на свет проникает сюда из коридора.

— Ничего.

— Не лги мне.

Я целую его. Он стонет, когда я прикусываю его нижнюю губу зубами. Внезапно я прихожу в отчаяние. Цепляюсь за пиджак смокинга, а затем вожусь с брюками.

— Скарлетт, — он снова произносит мое имя, но я сосредоточена на одном. Мне нужно отвлечься. Близость. Он.

— Ты мне нужен.

Еще один стон, когда я вытаскиваю его член. Я ничего не вижу. Но чувствую, как мягкая кожа твердеет в моей руке, когда я сжимаю его в своей ладони.

Он целует меня так, как я хочу, чтобы он трахнул меня. Умело, голодно и грубо. Я начала это, но Крю ясно дает понять, что я не буду контролировать процесс. Он яростно и властно целует меня, скользя под мое платье и вверх по бедру. Я выгибаюсь навстречу ему, когда его пальцы обнаруживают, насколько я влажная, едва осознавая жесткое давление стены на мой позвоночник.

Шелковый материал моего платья задирается вокруг талии, стринги оттягиваются в сторону, и затем он оказывается внутри меня. Я шиплю от вторжения, которое удовлетворяет одну потребность и подпитывает другую.

— У меня нет презерватива, — шепчет он, начиная двигаться. — Я испачкаю тебя.

— Я знаю, — оборачиваю ногу вокруг его талии, открываясь еще больше. — Все в порядке. Я хочу, чтобы ты это сделал.

Его губы снова на моих, твердые и требовательные. Все, что имеет значение, это Крю и то, что он заставляет меня чувствовать. Независимо от того, сколько раз мы занимались сексом, ощущения всегда одни и те же. Как в первый раз, в самый лучший раз.

Он задает быстрый темп. В этом нет ничего вялого. Секс грубый, первобытный, жесткий и глубокий.

Я закрываю глаза, потому что все равно почти ничего не вижу. Это усиливает ощущения. Звук его хриплого дыхания. Запах его одеколona. Ощущение того, как он входит и выходит из меня.

Его жадные губы поглощают мои стоны.

Издали я слышу голоса и суматоху, которые напоминают мне, где мы находимся. Каким скандалом это может обернуться. Как мало людей, слоняющихся по коридору, вероятно, занимались сексом в полупубличном месте, потому что они были полностью поглощены другой половиной своего брака.

Я так близко. Каждый толчок направляет меня все ближе к краю. Я чувствую, как нарастает давление, образуется жар, и мои мышцы напрягаются.

Рот Крю перемещается к моей шее, покусывая и посасывая чувствительную кожу.

— Ты всегда такая мокрая для меня, Роза, — бормочет он. — Такая отзывчивая. Такая нетерпеливая. Ты готова кончить ради меня, детка?

Везде горит. Я использую его галстук, чтобы притянуть его ближе, усиливая трение между нашими телами, когда прижимаюсь к нему, преследуя свое освобождение. Удовольствие накапливается и расширяется, вытесняя все остальное. Я так близка к пропасти; я сделаю все, чтобы достичь этой точки.

— Да.

Еще один толчок, и я кончу. Распадусь на миллион осколков, которые действуют как самое сладостное забвение. Я все еще испытываю оргазм, когда чувствую, как Крю наполняет меня.

Он выходит через несколько секунд, оставляя после себя липкое тепло, которое стекает по внутренней стороне моего бедра. Мы оба тяжело дышим. Он засовывает свой наполовину твердый член обратно в смокинг от Армани. Я выпрямляюсь. Шелковая юбка моего платья падает на пол, прикрывая мои ноги и влагу между ними.

Единственный звук в большой галерее — наше дыхание.

— Мы должны идти, — наконец говорит Крю. — Люди пришли на ужин, а не на шоу.

Я не улыбаюсь этой дурацкой шутке. В любом случае, он не может видеть мое лицо. Я просто выхожу из галереи и возвращаюсь в коридор, направляясь в сторону вестибюля. Каким-то маленьким чудом мы ни с кем не сталкиваемся. Волосы Крю растрепанны, а рубашка помята. Я уверена, что любому было бы очевидно, что только что произошло между нами.

Горячий воздух снаружи бьет мне в лицо, как в сауне, вытесняя холодный, сухой кондиционированный воздух и вместо этого насыщая мое платье и волосы влагой.

Романа нигде нет. Автомобиль, который останавливается снаружи перед фонтанами, — черный Ламборгини Крю.

— Где Роман? — спрашиваю я, когда мы садимся в машину. Я вроде как рассчитывала на его присутствие по дороге домой.

— Я дал ему выходной на остаток ночи, — отвечает Крю.

— О, — это все, что я могу придумать. Вместо этого я смотрю на городские огни, пока мы не подъезжаем к заправочной станции.

Быстрый взгляд на датчик говорит мне, что там больше половины бака. Нам не нужно было останавливаться. Но я ничего не говорю, когда Крю выходит из машины. Нет никакой понимающей улыбки. Никаких шутливых слов. Он вылезает и со зловещим стуком захлопывает дверцу.

Слезы обжигают мои глаза, а сожаление закипает в моем животе. Я храбрее этого. Сильнее. Мое настроение — мои эмоции — раньше зависели лишь от меня. Теперь же я стала полагаться на настроение Крю, чтобы донести свои собственные чувства.

Я выхожу из машины, не заботясь о том, что шелковый подол моего платья волочится по грязной земле.

— Мне надо купить воды.

Кивок — единственный ответ Крю. Резкий запах бензина витает во влажном воздухе, когда я пересекаю парковку и направляюсь в круглосуточный магазин. Из динамиков льется какая-то поп-песня.

— Добрый вечер, — женщина за прилавком одаривает меня усталой, небрежной улыбкой.

Я киваю в ответ, прохожу мимо кассы и направляюсь к холодильникам в задней части. Беру бутылку «Фиджи» и поворачиваюсь, чтобы посмотреть... тесты на беременность. Их целая полка. Различные марки и цвета обещают быстрые результаты. Я колеблюсь. Придумываю оправдания. Я осматриваю полки, удивляясь количеству различных вариантов, обещающих точные и быстрые результаты.

В чем разница? Это просто палка, на которую ты писаешь, верно?

С тяжелым вздохом я беру наугад три коробки и иду к кассе, ставя воду и тесты на

поцарапанный пластиковый прилавок. Кассирша смотрит на мою левую руку в промежутке между звоном первой и второй коробки. Я закатываю глаза, когда она не видит.

Брак не делает тебя достойной того, чтобы стать матерью.

Я плачу за все и беру пластиковый пакет, направляясь обратно во влажный ночной воздух. Крю закончил заправлять машину, но все еще стоит снаружи машины. Его руки в карманах смокинга, а глаза устремлены в небо. Приближаясь, я замедляю шаг, впитывая его вид.

Наблюдая за ним, я признаю, что какая-то часть меня хочет надеяться, что я беременна. Желает, чтобы тест был положительным, и чтобы у нас с ним был такой брак, в котором я бы подарила ему комбинезон с надписью чего-нибудь тошнотворно очаровательного, типа «Я люблю своего папочку». Где я бы знала, что он хочет ребенка, потому что он был бы частичка меня и его, а не наследником, которому можно передать империю богатства и ответственности.

— Ты купила еду? — Крю отрывает взгляд от неба и смотрит на меня. Или, точнее, на пакет в моих руках.

— Нет, — я подхожу к пассажирской двери и забираюсь внутрь.

— Черт возьми, — Крю устраивается рядом со мной и закрывает дверь. — Я умираю с голоду. Хотя еда в таких заведениях всегда дерьмовая.

«Возможно, я беременна», — думаю я, но не говорю.

— Что ты купила?

— Воду, — я наклоняюсь и достаю пластиковую бутылку из пакета. Коробки с тестами на беременность слышно сдвигаются под скрип жесткой бумаги. Крю поднимает брови, но ничего не комментирует.

Я делаю большой глоток, пока мы мчимся по улице. Холодная вода попадает в мой пустой желудок, вызывая громкое бульканье. Я переживаю несколько неприятных секунд, пока вода согревается у меня в животе, прежде чем сделать еще несколько маленьких глотков. Мы едем в тишине еще десять минут, пока Крю неожиданно не останавливается.

— Что ты делаешь?

— Я же сказал, что голоден. Как и ты, судя по всему, — он заглушает машину. — Здесь готовят лучшую жареную курицу в городе.

— Дома есть еда.

— Но она не приготовлена. Я не собираюсь вытаскивать Филиппа из постели в такое время, чтобы он что-то приготовил.

— Это его работа.

— В чем проблема? Ты не можешь провести со мной десять лишних минут в машине?

Я не отвечаю, просто смотрю в окно.

Он тяжело и измученно вздыхает.

— Ты хочешь немного курицы?

— Да. И шоколадный молочный коктейль. Вроде, здесь их подают.

Он смотрит на меня.

— Не думаю, что они готовят его на растительном молоке.

Я почти улыбаюсь.

— Ничего страшного.

Он опускает ключи в подстаканник.

— Хорошо. Скоро вернусь.

Я смотрю на проезжающие машины, когда он выходит. Пластик шуршит, когда я задеваю пакет ногой, дразня меня. Я на девяносто восемь процентов уверена, что беременна. Теперь, когда у меня есть тесты, кажется глупым что-то говорить, пока я не буду знать наверняка. Оставшиеся два процента излишне усложнит отношения между нами. Усложнят ситуацию еще больше, чем мое сбивающее с толку поведение из-за неопределенности.

Крю возвращается, неся аппетитно пахнущую жареную курицу. Он протягивает мне контейнер и ставит готовую чашку в подстаканник.

— Я попросил добавить кленового масла. Надеюсь, тебе... — и замолкает, когда понимает, что я уже поглощаю еду, — ...хорошо.

Я не знаю, потому ли это, что я умираю с голоду, или потому, что я, вероятно, беременна, или потому, что я жажду вкусной еды, но жареная курица на вкус — лучшее, что я когда-либо ела. Глазурь соленая и хрустящая, а кленовое масло — сладкой и дымное. Я съедаю три кусочка за один укус, а затем запиваю их глотком шоколадного рая.

— Вкусно?

Я стону, и он улыбается.

Поездка обратно в пентхаус проходит в молчании. Крю паркуется в гараже, и мы бок о бок идем к лифту. Кажется, что мы ехали несколько дней, а не часов.

Как только мы оказываемся в лифте, я делаю шаг вперед, чтобы провести карточкой по пентхаусу. Когда я смотрю на Крю, он смотрит вниз. Я прослеживаю за его взглядом. Тонкий белый пластик, который я держу в руках, не скрывает фиолетовых букв, обозначающих тест на беременность.

— Ты беременна? — голос Крю тихий. Спокойный. Нечитабельный. Я не ожидала волнения, но я ожидала каких-то эмоций. Вместо этого вопрос звучит так, будто его произнес робот. Гладко и бесчувственно.

— Я не знаю, — отвечаю я. Я компенсирую отсутствие у него эмоций некоторой язвительностью. — Для этого и нужен тест.

— Но ты думаешь, что беременна?

— Ну, я купила их не для развлечения, — огрызаюсь я. Его пальцы сжимают ключи от машины, которые он держит в руке. Я смягчаю свой тон, пытаюсь вести себя так, будто апатия и рациональные вопросы были тем ответом, на который я надеялась. — У меня большая задержка, и меня постоянно тошнит по утрам. Так что да, я думаю, что беременна.

Он делает долгий выдох.

— Ух ты.

Это слово витает в воздухе между нами до конца поездки. Двери раздвигаются, открывая знакомый вход. Я не успеваю сделать больше нескольких шагов, как он произносит мое имя. Затем обхватывает мое предплечье теплой ладонью и разворачивает меня лицом к нему. И я вижу лишь пристальный взгляд его ледяных синих глаз.

— Скарлетт.

— Что?

Он закрывает глаза, затем открывает их, вероятно, молясь о терпении. Я знаю, что веду себя резко и неразумно, но он не должен волноваться из-за этого. Это мое тело изменится.

— Ты не можешь сказать мне, что, возможно, беременна, и уйти. Этот брак устроен совсем не так.

— Тогда как, Крю? Если я беременна, что ты хочешь, чтобы я сделала? Ты хочешь, чтобы я завернула палку, на которую пописала, как рождественский подарок? Ждать

несколько месяцев, пока ты заметишь, что что-то изменилось? Сегодня вечером я хорошо обошлась со всеми твоими поклонницами, которых ты трахал, а я, вероятно, скоро рожу тебе наследника. Чего еще ты хочешь от меня?

Линия его челюсти становится напряженной.

— Я хочу, чтобы ты сделала тест, Скарлетт. А потом покажи мне результат, чтобы я не провел всю ночь в раздумьях.

У меня настроение для ссоры, но он вдруг становится раздражающе покладистым.

— Прекрасно, — я разворачиваюсь и крадусь в направлении нашей спальни, острые углы коробок ударяются о мои ноги с каждым шагом.

Пластиковая ручка впивается в мою ладонь. Я думала, что станет легче, когда Крю узнает. Думала, что это избавит меня от дилеммы дать ему окончательный ответ, если он спросит. Но я не думала, что он будет находиться рядом, пока я буду делать тест. Что у меня не будет возможности самой переварить эту новость, не видя его реакции.

Глухой звук его шагов остается позади, пока я добираюсь до лестницы и поднимаюсь на второй этаж. Дверь в спальню слегка приоткрыта. Я открываю ее до упора, роняя пластиковый пакет на пол, прежде чем скинуть каблуки и размять пальцы ног.

Лучшее чувство на свете.

Мои ноги утопают в мягком ковре, когда я нахожу молнию на своем платье и тяну ее вниз. Шелк струится вокруг моих лодыжек.

Шаги Крю прекратились. Я чувствую на себе его взгляд, скользящий по моей обнаженной коже с молчаливым пониманием.

Подхожу к нему босиком, в лифчике и стрингах. Затем беру один тест с пола, прежде чем направиться в ванную. Когда я поворачиваюсь, чтобы закрыть дверь, он стоит в дверном проеме.

— Нет.

Он выглядит удивленным.

— Я вроде как видел тебя голой раньше.

— Я не голая.

Голубые глаза скользят вниз, к прозрачному кружевному бюстгальтеру, и обратно вверх.

— Конечно.

Я веду себя так, будто он ничего не сказал.

— Я писаю в одиночестве.

— Сколько времени это займет?

— Тебе нужно куда-то идти?

Он тяжело вздыхает.

— Мне просто интересно, Скарлетт.

Я открываю коробку, беру тест и протягиваю ему пустую коробку.

— Тогда прочти инструкцию, — закрываю за ним дверь, а затем подхожу к раковине. Я делаю длинные, глубокие вдохи и целую минуту смотрю на свое отражение в зеркале.

Несмотря на полный макияж на лице, включая красные губы, я выгляжу молодо. Нервничаю. Это похоже на важный момент. Если бы я была ближе к своей маме, я бы позвонила ей. Но она расскажет моему отцу, который позвонит своему адвокату и начнет переделывать все документы, которые были только что оформлены после свадьбы. Надя и Софи взбесились бы, а любая лругая моя «подруга», вероятно, позвонила бы прессе.

Я умываюсь и чищу зубы. Тяну время. Я не знаю, какой результат хочу увидеть. За

последние несколько дней я начала понимать, что, должно быть, беременна. Если это не так, то я буду не совсем разочарована, но испытаю какие-то другие сопутствующие эмоции.

Слишком быстро.

Слишком рано.

Мы женаты меньше трех месяцев. Отношения между мной и Крю непостоянные. Для нас это все в новинку. Предполагается, что весной я представлю свою линию одежды. Если я беременна, то в то время у меня будет огромный живот.

— Здесь написано «две минуты», — кричит Крю через дверь. — Но на двух других написано пять. Означает ли это, что они более точны? Почему ты купила три? Зачем столько? Ты сама их выбрала?

Я не отвечаю ни на один из его вопросов, поскольку делаю первый тест. Как только все готово, я не знаю, что с этим делать. Просто держать? Или размахивать им, как Волшебной палочкой? Я помочилась на него, поэтому не кладу его на столешницу вокруг раковины.

— Скарлетт?

Меня все меньше и меньше беспокоит, что Крю здесь. На самом деле это приятно, но не то чтобы я ему об этом говорила. Я открываю дверь и протягиваю тест.

— Вот. Подержи его, пока я сделаю два других.

— Что? — он возится с коробками. — Зачем?

— Потому что я не хочу класть его на столешницу, — одариваю его презрительным взглядом.

— Что там написано? — он косится на палочку.

— Пока ничего.

Я беру у него два других теста. Мочусь на них обоих сразу, что в принципе может повлиять на результаты. На данный момент меня это уже не волнует. Я просто хочу получить несколько окончательный ответ, прежде чем лечь спать.

Когда я снова открываю дверь, Крю смотрит на тест в своей руке, как будто тот исчезнет, если он отвернется.

— Он, гм, положительный, — он прочищает горло. — Беременна, — это первый раз, когда я слышу, как он звучит неуверенно, хотя все точно.

После быстрого взгляда вниз, чтобы определить, показывают ли те два, которые я держу, результаты — нет, — я снова смотрю вверх. Теперь он смотрит на меня, и я понятия не имею, что сказать или сделать. Думаю, он надеялся получить от меня какую-то реакцию, потому что его лицо такое же пустое, и он не двигается.

— Думаешь, это нормально? Другие пары делают тест вместе?

Он улыбается, и я улыбаюсь в ответ.

— Кого волнует, что делают другие?

Я выдыхаю.

— Да. Ты прав. Ты... ты же хочешь этого?

— Ребенка? — уточняет он.

Я киваю.

— Да. А ты?

Оба теста, которые я сделала, оказались положительными. Я поворачиваю их так, чтобы он мог видеть.

— Три из трех. Думаю, мы закончили разговор о желании иметь детей.

— Нет.

— Мы женаты, и ты хочешь ребенка, но при этом говоришь мне, что не будешь возражать, если я не захочу оставлять этого ребенка?

— Я говорю, что это твое тело, и, если ты хочешь поговорить об этом, давай поговорим.

Я удивлена и знаю, что это отражается на моем лице. Мы не пара старшеклассников, которые когда-то дурачились. Дети — наследники — одна из главных целей этого брака.

— Ух ты. Это так прогрессивно с твоей стороны. Сюзанна Ламонт спросила меня, не собираюсь ли я взять отгул на работе, чтобы попытаться забеременеть раньше.

— Ей не стоит совать свой нос куда не следует.

Я улавливаю предостережение.

— Оставь это мне, Крю. Вопросов никогда не возникало. Да, я хотела бы, чтобы это произошло позже — например, когда мы действительно будем готовы, — но этого не произошло. Я не чувствую себя готовой, но, я также думаю, что никогда не буду готова к этому. Так что... — я приподнимаю одно плечо и опускаю его, — ...у нас будет ребенок.

Комментарий о его недостаточной роли во всем процессе взросления и рождения человека в будущем вертится у меня на кончике языка. Его вклад был быстрым и приятным. У меня будет ребенок, а не у него. Но я сдерживаюсь, учитывая, что он справляется со всем этим гораздо лучше, чем я ожидала.

— Ага. Что ж, я пойду к врачу и подтвержу, что эта сверхточная наклейка верна, хотя, по-моему, маловероятно, что все пойдет по-другому? Не знаю.

— Ты мне скажешь? Когда прием?

— О, — отвечаю я, сбитая с толку. — Э-э-э, тебе не обязательно...

— Я хочу пойти.

— Хорошо, — мой голос едва слышен, как шепот.

— Хорошо, — вторит он.

Затем, неожиданно, он целует меня. Настойчиво и нетерпеливо. В поцелуе нет утонченности и эмоций. Жесткий материал его смокинга трется о мою обнаженную кожу, заставляя стоны срываться с моих губ. Затем что-то меняется. Замедляется. Смягчает. Прикосновения задерживаются и затягиваются. Впиваются в мою кожу и обжигают.

— Я должен пойти выпустить Тедди, — бормочет Крю, отстраняясь.

— Ты вернешься?

— Да. Вернусь.

— Хорошо, — я отступаю и иду обратно в ванную, не глядя на него. Его шаги затихают, когда он идет по коридору в гостевую комнату, которая стала владением Тедди.

Я сбрасываю кружева, которые на мне надеты, и вхожу в душ. Горячая вода льется на меня, пока я мою кожу и волосы шампунем. Я кладу руку на свой плоский живот, пока по нему стекает пена.

Я беременна.

Подозревать — совсем не то же самое, что знать. Я напугана, взволнована и испытываю миллион других эмоций, которые не могу назвать.

Я рада, что Крю знает. Я не понимала, как эта информация давила на меня тяжелым грузом, пока она не спала. У меня не было никаких сомнений, что он захочет этого ребенка. Наследники — для компании его семьи, для компании моей семьи — всегда были насущной целью этого брака. Вся неопределенность проистекает из того, как это повлияет на нас.

На Крю и Скарлетт.

Я выхожу из душа и вытираюсь полотенцем. Быстро расчесываю волосы и наношу на

кожу увлажняющий крем. Я слишком устала, чтобы делать что-то еще. Вешаю полотенце, надеваю одну из шелковых ночных рубашек, в которых обычно сплю, и забираюсь в постель.

Когда дверь открывается, я все еще не сплю. Я лежу, свернувшись калачиком, на боку и наблюдаю, как силуэт Крю снимает смокинг. Я закрываю глаза, когда он подходит к кровати. И точно знаю, в какую секунду он проскальзывает под простыни. Его тепло излучается. Матрас прогибается.

Я не двигаюсь, и он не тянется ко мне.

Обычно мы занимаемся сексом перед сном. Технически мы уже это сделали. Прямо сейчас я жажду его близости больше, чем его члена.

Прежде чем я успеваю обдумать это, переворачиваюсь на другой бок. Его глаза удерживают мои, пока наши тела соприкасаются. Он кладет свою теплую ладонь на мою поясницу и притягивает меня ближе. Я прижимаюсь к нему, кладу голову ему под подбородок и сплетаю наши ноги вместе.

— С тобой все в порядке?

— Я боялась сказать тебе об этом, — признаюсь я. — Это слишком большой шаг.

— Да.

Я колеблюсь, прежде чем продолжить разговор.

— Мои родители хотели больше детей. Когда я родилась... я не знаю подробностей, но моя мама не смогла больше забеременеть. Что, если это случится с нами?

— Тогда у нас будет один ребенок.

В его устах это звучит просто.

— Мой отец до сих пор обижается на нее за это. Она не подарила ему сына.

— Ты думаешь, меня это волнует?

— Мои родители решили пожениться. Их брак не был договоренностью. То, как они прошли путь от того, кем они стали сейчас... я не хочу того же с нами, Крю. Я знаю, что для этого потребовалось нечто большее, чем просто невозможность иметь больше детей. Но это было важным толчком, и я... я боюсь. Мне нравится, какие мы сейчас. Я не хочу, чтобы это менялось.

— Если что-то и изменится, то только к лучшему. Обещаю.

— Ты не можешь этого обещать.

— Но я уже это сделал.

Я закрываю глаза, но не могу заснуть.

— Что еще тебя беспокоит?

И снова я колеблюсь.

— Я разговаривала с Ханной Гарнер сегодня вечером.

— О? — многое скрывается под одним словом. Я не уверена, связано ли это с ней или с тем, что я поднимаю этот вопрос. Или потому, что он знает, что мы, должно быть, говорили о нем. Но нет ни паники, ни чувства вины.

— Она рассказала мне кое-что. Но это явно ложь.

— Что?

— Что ты занимался с ней сексом две недели назад, в туалете «Пруф».

— Она была там в ту ночь, когда я выпивал с Ашером.

— Хорошо.

— Я с ней не разговаривал. И уж точно не занимался сексом.

— Хорошо, — повторяю я.

— Ты мне веришь?

— Да. Я сказала, что не верю ей, и ушла. Я доверяю тебе. Правда. Просто... не делай из меня дуру, ладно?

Крю усиливает хватку, так что между нашими телами совсем не остается пространства.

— Надеюсь, наш ребенок будет похож на тебя, — шепчет он.

— Надеюсь, у него твои глаза, — бормочу я в ответ.

— Мы со всем справимся, — обещает он.

Мы. Я никогда не чувствовала себя частью «мы». Это стало моим новым любимым словом. Я влюблена в него.

И человека, говорящего это.

18. Крю

Дверь конференц-зала открывается в середине собрания. К моему удивлению, именно голова моей секретарши выглядывает наружу.

— Эллсворт...

Я поднимаю руку.

— Не сейчас, Селеста. Я же сказал, не беспокоить меня.

— Но...

— Я сказал не сейчас.

— Я просто...

Я впервые отрываю взгляд от презентации, совершенно раздосадованный.

— Для тебя же лучше, чтобы произошел финансовый крах или смерть члена моей семьи.

— Нет. Но ваша жена...

Я встаю, чуть не опрокидывая стул.

— Что со Скарлетт?

— Она здесь. Она упала в обморок в коридоре...

Я выхожу за дверь прежде, чем она заканчивает предложение.

— Где она? — рявкаю я, шагая по коридору так быстро, что Селеста чуть не спотыкается, пытаясь не отстать.

— В вашем кабинете.

Холодный кулак страха, сжимающий мое сердце, немного ослабевает, когда я вхожу в свой кабинет и обнаруживаю, что Скарлетт сидит на моем кожаном диване, выглядя более-менее здоровой.

Захлопываю за собой дверь.

Она поднимает на меня взгляд и вздыхает.

— Я сказала Селесте не беспокоить тебя.

— Что случилось? — спрашиваю я, опускаясь на колени рядом с ней.

— Я в порядке, — говорит Скарлетт. Она держит бутылку воды и играет с бумажной этикеткой. Дергает за край, пока она не рвется.

— Это не ответ.

Еще один вздох.

— У меня немного закружилась голова в коридоре. Сегодня утром я почувствовала тошноту и поэтому не завтракала.

— Скарлетт.

— Знаю-знаю. Но со мной правда все в порядке, — она делает глоток воды. — Мне просто нужна была минутка.

Я встаю и подхожу к своему столу, чтобы набрать номер Селесты. Она отвечает после первого гудка.

— Офис Крю Кенсингтона.

— Мне нужно, чтобы ты сказала Изабель, что я пропущу оставшуюся часть презентации. Пусть они передадут мои извинения Патрику. И перенеси мои встречи на остаток дня.

— Да, сэр.

— И что, Селеста?

— Да?

— Спасибо. Мне жаль, что я был немногословен раньше.

— Все в порядке. Не за что, мистер Кенсингтон.

Я вешаю трубку.

— Я в порядке, Чемпион, — Скарлетт встает с дивана. — Ты слишком остро реагируешь. Возвращайся к работе, — она хватается за сумку. — Я возьму что-нибудь поесть, хорошо?

— Чертовски верно, — выключив компьютер, я подхожу к ней. — Я отвезу тебя домой.

— Я возвращаюсь в свой офис. Мне нужно работать, — она направляется к двери.

Я игнорирую ее и слеую за ней.

— Крю. Я серьезно.

— Я тоже.

— Я не собираюсь домой!

— Нет, ты поедешь домой. Есть упрямство, а есть безрассудство. Ты беременна, Роза. Ты не можешь продолжать вести себя так, будто это не так. Тебе нужно поесть и отдохнуть.

Ее глаза вспыхивают.

— Есть раздражающий, а есть властный мудака. Хочешь знать, кто ты?

Она выходит из моего кабинета, ничего не сказав, но я готов поспорить, что знаю ее ответ.

Я иду за ней по коридору. На самом деле, это больше похоже на бег. Скарлетт гораздо быстрее на каблуках, чем я ожидал.

Она подходит к лифту и нажимает на кнопку, затем со вздохом смотрит на меня.

— Это всего лишь пара встреч. И не знаю, как ты, но мне нетяжело сидеть на собраниях

— Но это и не отдых.

Она оглядывается по сторонам и понижает голос.

— Доктор сказал, что я в порядке, чтобы продолжать работать.

— Держу пари, ты не упомянула во время последнего осмотра, что работаешь по четырнадцать часов и забываешь поесть, — я присутствовал на первом приеме Скарлетт — когда врач официально подтвердил, что она беременна, — но на прошлой неделе я был в Лондоне и скучал по ней.

— Я не видела для этого никаких причин.

Я в отчаянии провожу рукой по волосам.

— Как насчет того, что твой муж и отец твоего ребенка сказал тебе это?

— Ты бы пошел домой в середине дня? — спрашивает она меня.

— Это нелепая гипотеза.

— Потому что мы оба знаем, что ты бы этого не сделал.

— Нет, это потому, что ты беременна!

— Вот как только ты встанешь на мое место, можешь командовать, сколько душе угодно.

Я подхожу ближе, наклоняя ее голову, чтобы она встретила со мной взглядом.

— Я не могу изменить то, как работает биология, детка.

Она вздыхает.

— Я съем ланч, обещаю. И если я начну плохо себя чувствовать, то постараюсь уйти с работы пораньше, хорошо? Я должна утвердить гранки для следующего выпуска.

— Скарлетт...

— Я знаю, что ты беспокоишься. Но сейчас я чувствую себя совершенно нормально. Мне нужно многое сделать, пока я еще могу.

— Тебе нужно нанять больше людей, — говорю я ей.

Скарлетт, похоже, справляется с таким объемом ответственности, который обычно делится между четверью людьми. Она перфекционистка и помешана на контроле.

— Я знаю.

Внезапно мне кое-что приходит в голову.

— Зачем ты пришла? — я был так отвлечен, пытаюсь убедиться, что с ней все в порядке, что не догадался спросить раньше. Сегодня нет заседания совета директоров, и это единственный раз, когда она появилась в «Кенсингтон Кансалдид», не считая вручения мне отредактированного брачного контракта.

Она прикусывает нижнюю губу.

— Я собиралась узнать, есть ли у тебя время пообедать вместе. Я должна была позвонить...

Лифт звенит, когда открывается дверь.

— Хорошо. Пойдем пообедаем, — я киваю ей, чтобы она вошла внутрь, а затем следую за ней.

— У тебя совещание. Иди...

Я нажимаю кнопку вызова вестибюля.

— Что бы ты хотела съесть?

Скарлетт бросает на меня раздраженный взгляд.

— Крю.

— Скарлетт, — произношу я ее тоном.

Она вздыхает, и я знаю, что выиграл этот раунд.

19. Скарлетт

Крю наблюдает, как я поглощаю чизбургер, с широкой улыбкой на лице.

— Голодна?

Я макаю картошку в кетчуп.

— Твой ребенок — яростный плотоядный зверь. Я хочу все жареное, и почти всегда мясо, — я откусываю еще один большой кусок. Прожевываю и проглатываю.

— Ты приняла витамины сегодня утром?

Я показываю ему язык.

— Ты становишься папой-наседкой.

— В собачим детском саду Тедди мне рассказали, как часто ты звонишь, чтобы

проведать его, Роза.

— Так и есть, Чемпион, — это лучший ответ, который я могу придумать.

Я опускаю руку к животу, что в последнее время стало бессознательным действием. Мне приходится заставлять себя не делать этого на работе, потому что Крю — единственный человек, который знает, что я беременна. Но я начинаю понимать, что нам придется объявить об этом в ближайшее время.

— Ребенок — это большая ответственность, — говорю я ему. — До Тедди у меня даже кактус не выживал.

Он хихикает, и этот смех я сравниваю все остальные. Этот напоминает смесь хохота и улыбки.

— Так вот почему ты забрала его? Какой-то родительский эксперимент?

— Нет. Я думала, до этого еще далеко. Я просто... я хотела то, что будет нас объединять.

— Разве не в этом весь смысл брака? Вся эта фишка «все мое — твое»?

— Деньги? Машины? Самолеты? Дома? — я качаю головой. — Я имела в виду то, чего у меня еще не было.

Лицо Крю изменилось. Он изучает меня, как будто я загадка, которую нужно разгадать. Головоломка, которую нужно собрать воедино. Вопрос без ответа.

— Что еще есть в этом списке? — спрашивает он. — Кроме собаки?

Я неловко ерзаю под тяжестью этого вопроса.

— Не знаю. Ребенок, — он делает глоток воды, все это время изучая меня. Я пытаюсь сдержаться от вопроса, но он все равно вырывается наружу. — Зачем спрашиваешь?

Его ответ звучит мгновенно.

— Я хочу дать тебе все, что ты хочешь.

Этот голубой взгляд должен сопровождаться предупреждающей надписью. Он проникает в каждый сантиметр моего тела, оставляя после себя клеймо. Я ожидала, что чувства к нему достигнут предела. Вместо этого они, кажется, распространяются подобно лесному пожару, который невозможно сдержать.

Официантка выбирает этот момент, чтобы снова появиться, суетясь над нашими пустыми тарелками и болтая о десерте, одновременно привлекая внимание Крю. Он не смотрит на нее. Я прерываю зрительный контакт, чтобы изучить улицу.

Чего я хочу, так это... его. Жизнь, которую мы строим вместе с собакой, ребенком и шутками, понятными только нам. Я хочу этого так сильно, что это пугает меня.

Я лучше ничего не получу, чем получу все... но без него.

Только когда Крю вылезает из машины вслед за мной, я понимаю, что он не собирается

возвращаться в офис. Он вынудил меня признать, что я могу сделать все, что мне нужно, из пентхауса, а не из своего офиса, поэтому мы приехали сюда после окончания обеда.

— Ты можешь вернуться к работе, — говорю я ему, заходя в лифт.

— Мне и здесь хорошо, — отвечает он, следуя за мной.

Его внимательность вызывает у меня беспокойство. Настанет день, когда я даже не смогу до него дозвониться, и буду помнить об этом — о том, как он бросил все ради меня, — и в результате это будет намного больше.

— Я думала, ты большая шишка в «Кенсингтон Кансалдид»? На корпоративной вечеринке все говорили мне, что ты — будущее компании. Разве они не будут скучать по тебе?

— Скарлетт, — говорит он с большим терпением, чем я ожидала, — я понимаю, что то, как я говорю тебе, как делать свою работу, будет воспринято примерно так же, как ядерная атака. Ты все еще ненавидишь двойные стандарты?

Мне нечего на это сказать, и это меня бесит. Он прав — то, что он говорит мне, как делать что-либо, а тем более управлять журналом не прошло бы бесследно.

Когда он научился так хорошо спорить со мной?

Двери лифта открываются.

— Я собираюсь принять ванну.

Не говоря больше ни слова, поднимаюсь по лестнице и направляюсь в ванную, которая несет на себе явные признаки его присутствия. Мы никогда не обсуждали это, но теперь мы делим одно и то же пространство. Спим в одной постели. Его костюмы висят у меня в шкафу. Рядом с раковиной есть вторая зубная щетка.

Я затыкаю слив и включаю горячую воду, присаживаюсь на край ванны и смотрю как она медленно наполняется.

У меня больше пены для ванн, чем нужно одной женщине, но я не утруждаю себя изучением этикеток. Я выдавливаю понемногу из каждой бутылки в воду, окутанную паром. Решение, о котором я сожалею, когда внезапно появляется толстый слой пузырьков. Я сбрасываю одежду и погружаюсь сквозь ароматную пену в обжигающую воду, большим пальцем ноги закрывая кран.

Несмотря на мое сопротивление ранее, это определенно лучше, чем ходить по офису на высоких каблуках.

Я расслабляюсь в ванне, пока пузырьки не исчезают и вода не становится холодной. Сливаю ванну, заворачиваюсь в пушистый халат и шаркающей походкой иду в спальню. Но останавливаюсь.

Крю растянулся на кровати и печатает на своем ноутбуке. Он сменил костюм, в котором был раньше, на серые спортивные брюки и белую майку.

Крю в рабочем костюме выглядит чертовски сексуально. Крю в домашнем вызывает у меня бабочек.

— Привет, — приветствует он, поднимая взгляд, когда я иду к нему. Его взгляд задерживается на мне, потому что я не завязала халат. Он висит, показывая ему практически все.

Я забираюсь на одеяло со своей стороны кровати.

— Моя фигура начинает меняться.

— Я заметил, — почти уверена, что он пялится на мою грудь, а не на мою попку.

— Мы должны решить, как расскажем все людям, — я кладу руку на маленькую

выпуклость. — Теперь, когда я почти на пятом месяце, у нас больше нет выбора.

— Рассказать кому?

— Для начала, наши родители.

— Мы всегда ездим в Альпы на Рождество. Там мы можем рассказать моей семье, если хочешь. И мы можем провести Новый год с твоими родителями.

— Будут ли Альпы такими же, каким был День Благодарения? — другими словами, грандиозное официальное мероприятие. Если бы не поданная еда, я бы и понятия не имела, что это званый ужин, не похожий ни на один другой.

— Нет. Мой отец не приглашает других людей, когда мы ездим туда.

— Почему?

Крю пожимает плечами.

— Понятия не имею. Он просто этого не делает.

— Значит, там будем я, ты, твой отец, Кэндис и Оливер?

— Ну, полагаю, мы возьмем с собой Тедди.

Я закатываю глаза.

— Это не то, что я имела в виду.

— Я знаю. И, отвечая на твой вопрос, да, это, вероятно, будет неловко.

— Хорошо.

— Ты не против поехать?

Я киваю.

— Нет.

— Хорошо. Я дам знать своему отцу, — Крю ведет себя беззаботно, но могу сказать, что это что-то значит для него. Он заботится о своих отце и брате, несмотря на их холодность. Он смотрит на свой ноутбук. — Мне нужно созвать совещание. Я пойду вниз.

— Тебе не нужно этого делать. Ты можешь остаться.

Его лоб морщится.

— Оно может затянуться. Я не хочу тебя беспокоить.

— Я не спящий малыш. И я знаю, что тебе придется говорить, поскольку ты мистер будущий генеральный директор, — это не прямое приглашение, но оно ужасно близко к нему. Я хочу, чтобы он остался. И поэтому просто говорю: — Я хочу, чтобы ты остался.

— Хорошо, — отвечает Крю мягким голосом. — Я останусь.

Я киваю и закрываю глаза. Мои веки тяжелеют, и мне тепло и уютно.

Телефон Крю подает звуковой сигнал, когда он вводит код конференции и ждет одобрения.

— Кто-нибудь еще на линии? — спрашивает он, как только звонок соединяется.

— Мы все здесь, сэр, — отвечает мужской голос.

— Отлично. Начинайте.

Тот же самый мужской голос начинает бубнить о результатах и кадровых решениях. Сантиметр за сантиметром я сдвигаю одеяло, пока не оказываюсь достаточно близко, чтобы чувствовать тепло тела Крю. Он задает вопрос, который я не могу понять, поскольку слишком сонная. Одновременно с этим он притягивая меня к себе, так что я прижимаюсь к его боку.

Я засыпаю под звук его голоса, обсуждающий сделки, пока он играет с моими волосами.

20. Крю

Наша маленькая неблагополучная семья уже сидит, когда мы со Скарлетт садимся в самолет, направляющийся в Альпы. Мой отец поднимает обе брови, когда видит кучу багажа и собаку, которую мы ведем на поводке, но ничего не комментирует.

Кэндис визжит.

— Какой милый щенок! Он у вас недавно?

— Нет, он у нас уже пару месяцев, — отвечаю я. У меня нет таких отношений с Кэндис, ни с кем из моих ближайших родственников, которых я бы уведомил о компаньоне в виде пса.

Моя мачеха слишком занята тем, что гладит Тедди, чтобы ответить. Персонал эффективно перемещается по самолету, укладывая наши чемоданы, готовясь к взлету.

Я сажусь напротив отца.

— Привет, пап.

— Этому животному лучше не создавать неприятности, — комментирует он, потягивая янтарную жидкость, хотя еще даже не полдень.

Тедди, как правило, легко перевозбуждается, но я об этом не упоминаю.

Скарлетт все еще стоит у двери, разговаривая с одной из стюардесс. Она кивает, а затем направляется ко мне, занимая место рядом.

— Счастливого Рождества, Артур.

Мой отец хмыкает.

Несмотря на то, что в самолете тепло, Скарлетт не снимает пуховик. Сейчас она выглядит явно беременной. Небольшой бугорок, который я нахожу самым сексуальным зрелищем в мире, уже начинает выделяться. Есть что-то первобытное и болезненно возбуждающее в том факте, что она носит моего ребёнка.

— Оливера нет?

— Он опаздывает, — говорит Кэндис, садясь через проход. — Скоро должен приехать.

Я киваю, не доверяя себе, чтобы говорить. Теперь, когда я знаю о ней и Оливере...

Мой брат появляется через несколько минут после неловкого молчания. Его сумки укладывают вместе с остальными нашими, пока он приветствует нас всех и ведет светскую беседу с моим отцом.

Через пару минут мы уже в воздухе. Тедди, кажется, не беспокоит высота, он дремлет у ног Скарлетт. Она прокручивает что-то в своем телефоне. Я предполагаю, что это связано с работой, но когда украдкой бросаю взгляд на экран, то обнаруживаю, что она просматривает кровати.

Я улыбаюсь, прежде чем начать просматривать документы на своем планшете, которые загрузил.

Мы летим уже несколько часов, когда появляется стюардесса, чтобы подать обед. Она раздает каждое блюдо, а затем приходит с напитками. Бокал моего отца снова наполняют. Затем настала очередь Кэндис. Она отвергает предложенный алкоголь со словами:

— Я не могу это пить. Я беременна.

Полная тишина наступает в самолёте. Даже мой отец отрывает взгляд от газеты, которую читал.

— Что ты сказала?

— Я беременна, Артур. Разве это не захватывающе?

Кэндис звучит жизнерадостной и счастливой. Мой отец выглядит потрясенным. Скарлетт смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Это то же самое объявление,

которое мы планировали сделать в этой поездке. Украденная сенсация. Но я понимаю, почему она выглядит такой шокированной, когда смотрит на Оливера. Цвет его лица стал серым.

И вдруг я понимаю... я не уверен, что это ребенок моего отца.

Как только у меня появляется такая возможность, я загоняю Оливера в угол. Мы оказываемся в гостиной шале, прямо между искусно украшенной рождественской елкой и потрясающим видом на заснеженные горы.

— Скажи мне, что нет никаких шансов, что он твой.

Он отводит взгляд.

— Я поговорю с ней.

— Оливер, клянусь Богом, если он твой...

— Я знаю, что облажался, Крю. Мне не нужно, чтобы идеальный сын втирал мне об этом.

— Если идеальность заключается в том, чтобы не трахать нашу мачеху, тогда это чертовски низкая планка, — огрызаюсь я. — Ты должен разобраться с этим. Немедленно. Если папа заподозрит... если Кэндис заговорит... это может обернуться полной катастрофой. И это последнее, что мне сейчас нужно. У меня и так достаточно дел, с...

— С чем?

Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что мы одни.

— Скарлетт беременна.

— Вау, — Оливер моргает. — Ты уверен, что... — мой взгляд прерывает его. Он прочищает горло. — Поздравляю.

Оливер приходит к тому же выводу, что и я: когда врач Скарлетт назвал дату зачатия во время нашего первого визита стало ясно — она забеременела в один из наших первых раз.

— Черт. Впечатляющая работа, братишка.

Я закатываю глаза.

— Держи это при себе. Я еще не сказал папе.

— Он будет чертовски взволнован. Больше будущих генеральных директоров.

— Знаю, — и именно поэтому я не сказал ему, потому что какая-то часть меня хочет, чтобы он был в восторге от того, что станет дедушкой, и ничего больше. Я знаю, что именно поэтому Скарлетт тоже ничего не сказала своим родителям. — Разберись с Кэндис, хорошо?

Оливер кивает.

— Да, да. Я так и сделаю.

Все остальные уже сидят за столом в столовой, когда мы с Оливером входим в комнату. Я сажусь рядом со Скарлетт, хватаю ее за бедро и быстро сжимаю его. Ее глаза полны

вопросов, которые она не может задать, а я не могу ответить. Не здесь.

Официанты приносят первое блюдо.

Мой отец, кажется, в хорошем настроении, что меня удивляет. У меня никогда не складывалось впечатления, что он хотел еще детей. Они с Кэндис женаты всего год, и я был удивлен, что он вообще решил снова жениться. Я не думал, что новости, которые ожидает Кэндис, будут приятными. И это сильно усложняет возможность того, что это даже не его ребенок.

Ужин наполнен вынужденными любезностями и обсуждением планов на предстоящую неделю.

— Ты умеешь кататься на лыжах? — спрашиваю я Скарлетт, в то время как мой отец давит на Оливера по поводу чего-то, связанного с гольфом. Я никогда особо не пытался разобраться в этом виде спорта.

— Как пингвин, — отвечает она.

— Значит, ты ходишь вразвалку?

Она закатывает глаза, откусывая кусочек салата.

— Они успешно перемещаются по снегу, ясно? Да, я умею кататься на лыжах.

Я бросаю вызов.

— Давай завтра сходим на «Черный бриллиант», и ты узнаешь.

— Договорились, — отвечаю я, хотя нет никаких шансов, что я позволю своей беременной жене кататься на лыжах с чего-либо, кроме кроличьей горки. Я знаю, что мы поспорим об этом позже — и в другом месте — учитывая, что Оливер — единственный, кто знает, а она не знает, что он знает.

За ужином следует *Torta di Pane*, лимонный хлебный пудинг, который почти так же хорош, как печенье в шоколаде, которое я здесь беру, а затем все расходится. Кэндис заявляет о смене часовых поясов и идет прилечь. Оливер исчезает, надеясь поговорить с Кэндис. Скарлетт идет выпускать Тедди. Мой отец отвечает на телефонный звонок.

Я брожу по первому этажу, пока не оказываюсь в кабинете. Я не был в шале с прошлой зимы. Это любимое место моего отца, поэтому я стараюсь избегать его. Праздники, как правило, единственное время года, когда я приезжаю сюда.

Книжные полки и кожаная мебель выглядят одинаково. Я наливаю себе напиток из барной тележки в углу и сажусь в одно из кресел, глядя на стеклянные двери, ведущие на задний дворик. На улице идет снег. Наружное освещение освещает каждую отдельную снежинку, когда она опускается с неба.

В поле зрения появляется Скарлетт, одетая в пуховик и пробирающаяся сквозь слой снега, который уже навалил на землю после шторма еще до нашего приезда. Тедди прыгает за ней, радостно лая. Я улыбаюсь, когда Скарлетт бросает оранжевый теннисный мяч, а Тедди прыгает за ним по сугробам.

Дверь в кабинет открывается, и входит мой отец. Он останавливается, когда видит меня, очевидно, не ожидая меня увидеть.

— Я могу уйти, — предлагаю я. Зная его, можно сказать, что у него есть работа, которую нужно выполнить.

Он удивляет меня, говоря:

— Все в порядке, — и садится в другое кресло. — Ты уже чувствуешь себя как дома, — добавляет он, кивая на напиток в моей руке, и его голос больше похож на его обычный.

Я смотрю, как Скарлетт снова бросает теннисный мяч Тедди.

Он следит за моим взглядом, впервые любясь видом заснеженного двора.

— Похоже, у вас двоих все идет хорошо.

— Так и есть, — я делаю паузу. — Она беременна.

Улыбка моего отца широкая, полная и более искренняя, чем я видел за долгое время.

— Отличная работа, сынок. Поздравляю.

Я неловко ерзаю. Никогда бы я не подумал, что мне придется сказать следующую часть своему отцу, став взрослым.

— Я тебя тоже поздравляю. Кэндис, кажется, взволнована.

Мой отец молчит несколько минут, добавляя неловкости к тому, что уже существовало. Наконец, он заговаривает.

— Я сделал вазэктомию вскоре после смерти твоей матери.

— О, — вместо того, чтобы вдаваться в смысл того, что он на самом деле говорит, я спрашиваю:

— Ты не хотел больше детей?

— Только с ней.

За двадцать пять лет, что я его знаю, это самое сентиментальное, что я когда-либо слышал от своего отца.

— Мама, вероятно, нашла бы это романтичным.

Все в этом моменте странно: легкая, но искренняя улыбка на лице моего отца, разговоры о моей матери, как о чем-то большем, чем призрак, который мы перестали признавать, как только закончились ее похороны, как это произошло благодаря откровению его нынешней жены.

— Нет, — он взбалтывает виски в стакане, движение, которое я узнаю. Ход, который я копирую. — Она была бы разочарована. Так, как была разочарована во мне. Потерять ее было самым худшим, что я когда-либо испытывал. Я избегал всего, что напоминало мне о ней.

Я киваю.

— Она бы простила тебя, пап.

Он говорит что-то с едва уловимым оттенком благодарности.

Я выглядываю наружу и вижу, что Скарлетт и Тедди исчезли.

— Мне нужно подняться наверх. Скарлетт очень чутко спит. Я не хочу ее будить.

Мой отец кивает, когда я допиваю свой напиток и встаю. Я на полпути к двери, когда он заговаривает.

— Крю.

Я поворачиваюсь.

— Да?

Он смотрит на снег снаружи, а не на меня.

— Не говори ничего об этом Оливеру. Кэндис не из тех, кто отказывается от внимания. Все еще есть шанс, что не он отец ребенка, — я уверен, что выгляжу как золотая рыбка. Мой рот разинут, но я не издаю ни звука. Он хихикает. — Я не был уверен, что ты знаешь. Но теперь уверен.

Я не говорю того, что думаю. Я не думал, что он знал. Я хочу спросить, планирует ли он что-нибудь сказать Оливеру или Кэндис, но я вроде как не хочу знать. По большей части я хочу притвориться, что этого разговора никогда не было.

— Я подозревал.

Он все еще смотрит во двор.

— Тебе, вероятно, следует самому запросить тест на отцовство. Нельзя никому доверять.

Любое сочувствие или понимание утекает, как жидкость в открытую канализацию. Если он хотел ни того, ни другого, ему не следовало втягивать ее в это.

— Ты прав, папа. Мама была бы разочарована в тебе.

Он даже не вздрагивает.

— Нам нужно поговорить завтра, Крю.

— Прекрасно, — я выхожу из кабинета и захлопываю за собой дверь.

Когда я вхожу в нашу со Скарлетт комнату, она съезживается под одеялом. Тедди свернулся калачиком в своей будке в углу. Он садится, когда я закрываю за собой дверь. Я опускаюсь на колени рядом с ним, чтобы почесать его за ушами. Скарлетт все еще в той же позе, когда я встаю. Я иду в ванную, чтобы подготовиться ко сну, прежде чем скользнуть под одеяло рядом с ней.

Я лежу и смотрю в потолок, которого не вижу в темноте, пытаюсь точно определить, когда моя семья так облажалась. Тот, кто сказал, что счастье за деньги не купишь, явно что-то знал. Большинство богатых людей, которых я знаю, вечно несчастны. Богатство обеспечивает безопасность. Слишком много денег заставляет вас чувствовать себя неприкасаемым. И это может легко стать опасным. Более высокие максимумы и более низкие минимумы.

— Который сейчас час? — сонный голос Скарлетт доносится слева от меня.

— Чуть больше одиннадцати.

Она стонет.

— Я легла спать полчаса назад.

— Прости. Я старался вести себя тихо.

— Дело не в тебе. Я всегда сплю плохо в первую ночь на новом месте.

Мы лежим в тишине, бок о бок. Это моя любимая часть каждого дня: засыпать рядом с ней.

— Кэндис удивила, да?

Я не могу приглушить вырвавшееся фырканье.

— Что? — требует она.

— Мой отец не может быть отцом ребенка. Но...Оливер может.

Тишина. Интересно, удалось ли ей снова заснуть за те тридцать секунд, которые потребовались мне, чтобы ответить на ее вопрос? А потом я слышу его. Сначала приглушенный, пока он не стал безошибочным.

Смех. Она смеется. Более жестоко и менее сдержанно, чем я слышал ранее. И, может быть, люди правы насчет того, что это заразительно, потому что я тоже начинаю смеяться.

Несколько минут назад, когда я забирался в постель, я был напряжен, неуверен и грустный. Цинично относится к тому, как мало привилегий кажутся реальными. Нули на банковском счете ничего не значат. Делать комплименты людям, которых ты терпеть не можешь. Притворятся, что ты счастлив, когда это не так.

Ничто в смехе со Скарлетт не кажется фальшивым. Ни звук нашего веселья, ни то, как я внезапно чувствую себя свободным и легким.

Мой отец женился на Кэндис. Оливер спал с Кэндис. Кэндис принимала сомнительные решения. Единственный, кого мне жаль, это невинный ребенок, на которого повлияет этот

выбор.

— Помнишь, когда ты сказал мне, что твоя семья нормальная?

Я улыбаюсь в темноте.

— Я не думал, что произойдет такое.

— Откуда ты знаешь, что твой отец не отец ребенка?

— По его словам, ему сделали вазэктомию. Много лет назад, после смерти моей мамы.

— Ты веришь ему?

— Я не понимаю, зачем ему лгать.

— И он ничего не говорил Кэндис?

— Не похоже на это. Я не спрашивал. Думаю, он предполагал, что это только станет проблемой...

— Если она изменит, — заканчивает Скарлетт.

— Да.

— И откуда ты знаешь, что Оливер может быть отцом?

Я вздыхаю при этом напоминании.

— Он сказал мне, что есть шанс. Я разговаривал с ним перед ужином. Он, мягко говоря, в шоке от новости Кэндис.

Скарлетт усмехается.

— Да, думаю любой бы был в шоке.

— Я сказала отцу, что ты беременна, — выпаливаю я. — Прежде чем мы поговорили обо всем остальном. — Это кажется важным уточнением, учитывая, что было после него.

— Он сказал тебе пройти тест на отцовство? — это не то, чего я ожидал от нее, и от неожиданности я замолкаю, давая ей ответ. — Ух ты.

Я копаюсь в своих мыслях, пытаюсь придумать, как ответить. Я был осторожен, когда дело касалось Скарлетт и ее чувств. Я постоянно думаю о ней: когда ем, когда нахожусь на работе, когда дрочу. Я не обращаю внимания на других женщин. Мое настроение зависит от ее настроения. Я знаю, к чему все это идет. Но «я люблю тебя» и «тест на отцовство» — не две фразы, которые относятся к одному и тому же разговору.

— Мне не нужен тест на отцовство.

— Ты хочешь его? — возражает она.

— Нет-нет, — повторяю я. Я протягиваю руку и притягиваю ее к себе, так что она оказывается прижата спиной к моей груди. Я кладу ладонь на ее живот, баюкая нашего малыша.

— Я доверяю тебе, Роза, — если не считать слова на букву «л», это самое сильное заявление, которое я могу сделать. Список людей, которым я доверяю, однозначно, очень короткий. Все начинается и заканчивается с нее. — Во всем.

На какое-то мучительное мгновение она замолкает и замирает. Затем отодвигается. Я перекатываюсь на спину, принимая дистанцию, которую она явно хочет. Но простыни продолжают двигаться. Я чувствую, как они дергаются и ослабевают, когда я смотрю на ее сторону кровати, пытаюсь понять, что она делает.

Я получаю ответ, когда ее тело прижимается к моему. Тепло исходит от ее кожи, когда она изгибается, так что лежит больше на мне, чем на матрасе. Моя рука непроизвольно обвивается вокруг нее, и я понимаю, что теперь она обнажена.

Она залезает в мои боксеры и вытаскивает мой член. Я стону.

— Скарлетт...

— Я теперь не могу заснуть без этого, — сообщает она мне. — Без тебя. Это чертовски раздражает.

Мои губы растягиваются в усмешке, которую я сомневаюсь, что она может видеть.

— Это, блядь, что-то.

Затем я заглываю ее стоны своим ртом, раздвигаю ее ноги своими бедрами и со стоном толкаюсь в нее. Мы оба кончаем за считанные минуты, используя друг друга. Здесь нет никаких грязных слов или дерзких позиций. Это сладко и больше ничего. Нежно, без долгих прикосновений. Быстро, не торопясь.

Скарлетт остается, свернувшись клубочком, на моей стороне кровати после того, как мы оба кончаем. Я провожу пальцами по длинным шелковистым прядям ее волос, подстраивая свое дыхание под ее. Оно глубокое и ровное. Я думаю, что она снова заснула, пока Скарлетт не произносит:

— Я тоже тебе доверяю.

Я продолжаю расчесывать ее волосы, чувствуя, как эти четыре слова расширяются в моей груди. Я знаю, что она мне доверяет. Она уже говорила мне об этом раньше. Что еще более важно, она показала это — когда доверилась мне насчет Ханны. Но мне никогда не надоест это слышать.

Мои конечности тяжелеют, когда я расслабляюсь на матрасе. Я близок ко сну, может быть, уже сплю, когда резкий визг будильника заставляет меня насторожиться.

Скарлетт напрягается.

— Что это такое?

— Думаю, пожарная тревога, — я выбираюсь из кровати, пытаюсь сохранять спокойствие. В каждой комнате шале есть камин. Одна случайная искра может быстро воспламениться. Видения опаленных стен и бушующего пламени заполняют мою голову. Я отбрасываю прочь наихудшие сценарии, вылезаю из кровати.

Скарлетт сидит на кровати, все еще голая. Я бросаю пару спортивных штанов на кровать.

— Надень это, — процесс занимает минуту, но она надевает. Я поднимаю с пола ее шелковую ночную рубашку и натягиваю ей через голову. Ее пальто висит на стуле. Я помогаю ей надеть его, а не полагаюсь на то, что она сделает это сама.

— Вероятно, это ложная тревога, — говорит она мне.

— Думаешь, я бы пошел с тобой на такой риск?

Она не отвечает, просто надевает зимние ботинки, которые я приготовил для нее. Я хватаю поводок и ошейник Тедди и подхожу к нему. Он выскакивает, взволнованный таким развитием событий. Должно быть, приятно быть собакой: не обращать внимания на то, что может пойти не так. Вечный оптимист.

Я провожу Скарлетт к двери. Когда открываю ее, я почти ожидаю, что там будет дым и пламя. Коридор кажется пустым и нетронутым. Но запах дыма действительно витает в воздухе. Я крепко сжимаю руку Скарлетт и поводок Тедди, пока мы идем по коридору и лестнице. Внизу дым еще гуще. Я даже вижу, как он кружится в воздухе, а не просто чувствую его запах.

Входная дверь распахнута настежь. Я вывожу свою маленькую семью на улицу. Оливер, мой отец и Кэндис столпились на крыльце.

— Что происходит? — кричу я, глядя на внешний вид шале. Оно выглядит нетронутым, каменный фасад и высокие окна не имеют никаких признаков пожара или обугленных

повреждений.

— Кэндис пыталась испечь печенье, — голос моего отца сух.

— О.

— Мне так жаль, — говорит Кэндис. — Я не знаю, что произошло, — она смотрит на наши не совпадающие наряды. — Вы уже были в постели?

Я киваю.

Скарлетт засыпает рядом со мной к тому времени, как отключается сигнализация и дом проветривается. Она, спотыкаясь, поднимается по лестнице, сопротивляясь моим попыткам нести ее. Упрямая, как всегда.

Мы добираемся до нашей комнаты, и она снимает с себя одежду, оставляя все на ковре. Я кладу Тедди в его будку и снова раздеваюсь, скользнув обратно в кровать рядом с ней.

— Не совсем безоблачное путешествие, да? — дразнит Скарлетт, переворачиваясь и кладя голову мне на грудь.

Я хихикаю.

Я почти засыпаю, когда слышу жужжащий звук. Скарлетт шевелится. Я быстро хватаю свой телефон, намереваясь заставить его замолчать. Но экран черный.

Снова жужжание. Скарлетт поспешно возвращается на свою половину кровати и хватается за телефон. Между ее глазами появляются две морщинки, когда она, прищурившись, смотрит на экран.

— Это моя мама, — она отвечает. — Мам?

Еще до того, как она снова заговорила, я понял, что что-то не так. Ее плечи напрягаются, а губы плотно сжимаются.

— Хорошо. Я прилечу, как только смогу, — она заканчивает разговор. Бросает телефон на кровать. Тупо смотрит вперед. — У моего отца случился сердечный приступ. Он в операционной.

Я откидываю одеяло.

— Поехали.

21. Скарлетт

Менее чем через двадцать четыре часа после отъезда я снова оказываюсь в Нью-Йорке. Я не выспалась и нервничаю до такой степени, что акварельный рисунок, на который я смотрю, превратился в бессмысленное пятно пастели. Интересно, кто украшает больничные залы ожидания? Кто выбирает картину в рамке, на которую вы будете смотреть, и цвет стульев, на которых вы будете сидеть в худшие часы своей жизни?

Поездка обратно в Нью-Йорк прошла как в тумане. Я наблюдала за происходящим как за фильмом, а не как участник. И я смогла это сделать, потому что Крю был со мной. Наш багаж, его семья, чартерный рейс обратно, машина, ожидающая в аэропорту, чтобы доставить нас в Нью-Йорк Джeneral в рекордно короткие сроки. Я узнала, что мой отец лежит в операционной, когда была за тысячи миль отсюда. Теперь я нахожусь в том же здании, а он все еще лежит вскрытым на операционном столе.

Я устала, но этот пластиковый стул слишком неудобен, чтобы на нем заснуть. Моя мать сидит рядом, бледная и молчаливая. Единственная реакция, которую я добилась от нее с тех пор, как приехала, была, когда она увидела, что Крю вернулся со мной. Она была удивлена. Брак моих родителей переживает не самые лучшие времена.

Мне даже в голову не приходило ругаться с Крю, когда он решил вернуться со мной, но

ее ошеломленное выражение лица заставило меня подумать, что я должна была это сделать. Заставило меня понять, как сильно я теперь полагаюсь на него. Если бы он не сидел рядом, когда позвонила моя мать, он был бы первым, кому я рассказала бы о сердечном приступе отца.

У меня сложные отношения с отцом. Так было всегда. Он хотел сына, а не дочь. Послушного ребенка, а не бунтаря, в которого я превратилась. Я люблю его, но в основном это обязательный вид привязанности. Я обижаюсь на него за то, как он относится к моей матери — как он относится ко мне. За то, что его смущают мои амбиции, вместо того чтобы поощрять их. Если бы я отказалась выйти замуж за Кенсингтона, не думаю, что у нас все еще были бы какие-то отношения.

Он может умереть. Я не врач, но тот факт, что операция длится так долго, не кажется мне хорошим знаком. И если он умрет, он никогда не познакомится с моим ребенком. Мои мотивы для того, чтобы не говорить родителям о беременности, в основном мелочные. Я хотела, чтобы мой отец видел в этом ребенке внука, а не наследника. Он был бы в восторге, узнав, что его родословная продолжается. Теперь он, возможно, никогда не узнает.

Моя мама все время смотрит на свои часы. Это раздражает, маленькое движение, которое привлекает мое внимание каждый раз, когда она это делает. Но я не прошу ее остановиться; у меня нет лучшего способа отвлечь ее. Единственный способ, который я могу придумать, — это выпалить новость, которую не следует сообщать в мрачной, безликой приемной, пока она ждет, чтобы узнать, вдова ли она.

Я бы хотел, чтобы Крю все еще был здесь. Он уехал, чтобы отвести Тедди и наш багаж обратно в пентхаус.

Мужчина в медицинской форме появляется в открытом дверном проеме и направляется в нашу сторону. Мы обе встаем, когда он приближается.

— Миссис Элсворт?

— Да, — отвечает моя мать. Ее голос напряженный и натянутый.

Хирург смотрит на меня.

— Вы родственница?

— Я его дочь.

Он кивает.

— Что ж, рад сообщить, что Хэнсон выживет. Ему предстоит долгий путь выздоровления, но нет никаких оснований думать, что он не пройдет его полностью. Ему повезло, что скорая помощь прибыла так быстро, и мы смогли немедленно доставить его в операционную. Сейчас его переводят в реанимацию. Я попрошу медсестру сообщить вам, когда вы сможете его навестить.

Слышен вздох облегчения моей матери.

— Большое вам спасибо, доктор.

Мужчина улыбается, прежде чем уйти. Моя мать опускается обратно на свое место.

— Он был с другой женщиной, не так ли? Это она позаботилась о том, чтобы скорая приехала так быстро?

Мама выдерживает мой пристальный взгляд. Не отводит взгляд, не возится с чем-либо и не оправдывается.

— Да.

Я вздыхаю. Качаю головой.

— Почему ты остаешься с ним, мам? Почему ты с этим миришься?

— Так сложилась жизнь, Скарлетт. Ты же знаешь это.

— Но брак не должен выглядеть так. Папа того не стоит. Отпусти его.

— И что дальше?

Строить жизнь звучит слишком сурово.

— Не знаю... быть счастливой? — я слышу в этом предложении более молодую

Скарлетт. Ту, которая верила в счастливый конец.

Она смеется.

— О, милая. Эта жизнь — то, что делает меня счастливым. Быть Джозефиной Эллсворт — вот кем я хочу быть. Твой отец далек от совершенства, но он хороший человек. Я точно знала, кем мы будем, когда встретила его в первый раз. Все, чем мы никогда не станем. Я смирилась с этим еще до того, как мы поженились.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы хотели одного и того же. Ему нужна была жена. Я хотела мужа. Наши отцы согласились, и на этом все закончилось.

— Я знаю, как устроен брак по договоренности, — говорю я сухо. Она часто говорила мне, что они вступили в брак не потому, что были влюблены друг в друга, и это была просто еще одна ложь. Часть идеального семейного фасада, который можно примерить, когда он подойдет. Я притворяюсь, что мне все равно. — Я замужем по этой причине, помнишь?

Моя мать улыбается. Она всегда так делает, когда считает, что я веду себя нелепо.

— Нет, это не так.

Я бросаю на нее взгляд, полный недоверия.

— Ты планировала свадьбу.

— Да, я. Я видела это тогда и вижу это сейчас. Этот мальчик влюблен в тебя, Скарлетт.

Я так потрясена ее словами, что едва могу моргнуть. Я знаю, что Крю заботится обо мне. То, что было между нами, переросло в дружбу и утешение, которые я никогда не представляла, что может быть в нашем браке. Но любовь? Моя мать в шоке. У ее мужа случился сердечный приступ, и его нашли со своей любовницей. Но все же...

— Ты бредишь.

— Нет, милая. Это правда, — мама довела до совершенства искусство извергать снисходительность сладким тоном. — Как думаешь, зачем он проделал весь этот путь?

Я сглатываю и признаюсь:

— Я беременна.

Лицо моей матери озаряется.

— Неужели?

Я киваю.

— Это... все запутанно между нами. У меня гормональный фон, и это просто... он хороший парень.

Это не вся правда. Границы между мной и Крю стерлись задолго до того, как две полоски появились на тесте на беременность. Но это та история, которой я придерживаюсь, когда речь заходит о моей матери. Я хотела бы, чтобы у нас были такие отношения, в которых я могла бы признаться во всем, что произошло между нами. То, что Крю заставляет меня чувствовать.

Но у нас другие отношения, и это никогда не беспокоило меня больше, чем сейчас. Я всегда гордилась своей независимостью. Я не избалованная богатая девчонка, которая удовлетворяет все свои прихоти. Мой внешний вид по умолчанию — уравновешенный и

подготовленный. Но прямо сейчас я хочу развалиться на части.

Крю входит в комнату ожидания, и мое сердце совершает глупый маленький скачок.

— Есть какие-нибудь новости? — спрашивает он, садясь рядом со мной.

— Он будет жить, — я делюсь новостями, как будто это прогноз погоды. Но я не чувствую себя обязанной разыгрывать любящую дочь перед Крю. Я знаю, что он не осудит меня.

— Хорошо.

Мама наклоняется вперед.

— Поздравляю, Крю. Скарлетт поделилась радостной новостью о ребенке.

Он не выглядит удивленным, что я рассказала об этом своей матери.

— Благодарю вас. Мы очень взволнованы, — его рука сжимает мое бедро.

Моя мать бросает на меня многозначительный взгляд. Я игнорирую это; она не в том положении, чтобы раздавать советы по отношениям.

— Тебе нужно немного поспать, милая, — говорит она мне. — Ты выглядишь измученной.

— Я не спала уже... — я пытаюсь считать часы. — Некоторое время.

— Иди. Твой отец на какое-то время отойдет от дел. Я сообщу тебе любые новости.

— Хорошо, — мне не нужно много времени, чтобы согласиться. Сидеть на жестком пластике, пока моя мать оправдывает свое мотивированное деньгами решение остаться с моим отцом, не было потрясением.

Крю молча встает и протягивает мне руку.

Я беру ее.

— Пока, мам.

Оставлять ее сидеть там совсем одну — не правильно. Я не могу представить себе моего отца, сидящего здесь, если бы роли поменялись. Никогда раньше я не пыталась так тщательно анализировать отношения своих родителей. Я просто приняла это за чистую монету. Я знаю, почему сейчас приглядываюсь повнимательнее — мне есть с чем сравнить. Я хочу, чтобы у меня все было иначе.

Крю ничего не говорит, когда мы покидаем больницу и садимся в ожидающую нас машину. На улице уже темно. Я не знаю, который сейчас час. Даже какой сегодня день.

Я смотрю в окно, ничего не видя. Даже когда мы въезжаем в гараж, мои глаза не фокусируются. Мои конечности не двигаются.

Дверь с моей стороны машины открывается. Крю наклоняется, отстегивает мой ремень безопасности и поднимает меня на руки.

Я прижимаюсь лицом к его теплой шее, вдыхая знакомый аромат его одеколona.

— Ты хорошо пахнешь.

— Я принял душ.

Его шаги уверенные и твердые, когда он идет к лифтам. Я не открываю глаза.

— Он был со своей любовницей, когда это случилось. Маме все равно. Она говорит, что ее это никогда не волновало. Надеюсь, что это правда, иначе мне крышка, — я крепче зажмуриваю глаза. — Я даже не могу вспомнить, когда в последний раз так уставала, — бормочу я. — И я всегда устаю, — Крю каким-то образом удается удержать меня, а также приложить карточку, чтобы привести лифт в движение. — Ты такой сильный, — я вздыхаю. — Я чувствую, что все разваливается на части. Как и я.

Его хватка на мне усиливается.

— Ничто не разваливается на части, Роза. Все в порядке. С твоим отцом все будет в порядке.

— Я знаю. Я чувствую облегчение. Знаешь, почему? Потому что моей первой мыслью, когда я услышала, что у него был сердечный приступ, было то, что если бы он умер, мне пришлось бы возглавить «Эллсворт Энтерпрайзиз». Или продать ее. Или... даже не знаю, что бы я сделала. Насколько это печально?

— Это вполне объяснимо. У вас с ним сложные отношения.

— Все мои отношения сложны.

Двери со звоном открываются. Я открываю глаза и вижу знакомый вид входа в пентхаус, который начала считать нашим, а не своим. Крю не отпускает меня, и я не прошу его об этом. Он просто шагает к лестнице.

— Ты говорил со своим отцом? — спрашиваю я.

Крю мотает головой.

— Я уверен, что он скоро позвонит по поводу чего-нибудь, связанного с работой. До тех пор я не буду ввязываться в драму с Кэндис.

Я моргаю.

— Ух ты. Я совершенно забыла об этом

— У тебя было много дел.

— Ты должен поговорить с ними, Крю.

Раньше я думала, что Артур и Оливер были ближе, чем Артур и Крю. Что Оливер обижался на Крю за то, что тот узурпировал власть и затмил его. Но я поняла, что Крю — это клей, скрепляющий его семью во время полета в Альпы. Артур и Оливер оба полагаются на него, чтобы справиться со всем, что требует решения. Мне не нравится, что я стала еще одним бременем, которое приходится нести Крю, в буквальном смысле этого слова, на данный момент. Я полагаюсь на него, нуждаюсь в нем, и он никогда так не нуждался в моей поддержке.

— Тебе следует поспать, — он укладывает меня на мягкую ткань одеяла. — Бодрствовать всю ночь вредно для ребенка. — Я не могу отличить его заботу обо мне от его заботы о ребенке. Однажды он отнес меня в постель еще до того, как я забеременела. Стал бы он нести меня сегодня вечером, если бы ребенка не было?

— Я пыталась уснуть в самолете, — бормочу я.

— Я знаю, детка, — мягкий тон его голоса временно успокаивает мои тревоги.

— С моим отцом все в порядке. Ты можешь вернуться в шале. Проведи Рождество со своим отцом и братом. С твоей семьей.

Он молчит долгую минуту. Я не хочу, чтобы он уходил, и беспокоюсь, что он воспринял это неправильно. Я бы хотела, чтобы здесь было светлее. Свет в холле освещает не все его лицо, большая его часть находится в тени. Я не вижу выражения его лица, но чувствую, как что-то пульсирует в воздухе между нами. Прежде чем я успеваю решить, что это такое, он заговаривает.

— Моя семья здесь.

Три слова, и они решают между нами больше, чем двухсот страничный документ, который должен был регулировать это соглашение. Если бы у нашей истории было другое начало, я бы ответила на это предложение своими тремя словами. Я бы признала, что он стал всем моим миром. Первым, о чем я думаю, когда просыпаюсь, и последним, перед тем как заснуть. Первый человек, которому я бы позвонила с хорошими или плохими новостями.

Моя семья.

Красивые обещания могут быть обманчивыми. Все, что я слышу в словах Крю — это правда. Не уродливая, а настоящая.

Прежде чем мой усталый мозг успевает придумать ответ, он встает и уходит.

— Поспи немного, Роза.

Дверь спальни закрывается, и я остаюсь одна в темноте. Я понимаю, что, возможно, вам не обязательно уже испытывать что-то, чтобы знать, что вы испытываете это в первый раз. Мой эмоциональный опыт общения с мужчинами смехотворно ограничен. Я была так занята тем, что учила себя не причинять себе боли, что никогда никого не подпускала близко.

Крю Кенсингтон не просто способен причинить мне боль.

У него есть сила уничтожить меня, если он когда-нибудь решит ею воспользоваться.

22. Крю

Я бегаю по беговой дорожке, когда звонит Ашер. Я не решаюсь ответить. Я плохо спал в комнате для гостей, в которой раньше жил. Скарлетт все еще спит. Я не хотел беспокоить ее прошлой ночью.

Когда он звонит во второй раз, я отвечаю. Прежде чем успеваю сказать хоть слово, он спрашивает:

— Что, черт возьми, происходит? Это правда?

Я колеблюсь.

— Что правда?

— «Кенсингтон Кансалдид» под следствием за инсайдерскую торговлю?

От шока у меня леденеют конечности. Я чуть не падаю лицом вниз.

— Что? Где ты это услышал?

Ашер ругается.

— Лучше спросить, где я об этом не услышал? Это повсюду, Крю. Газеты, телевидение, интернет. Ведущая история. Первая страница. Мне пришлось войти в офис через черный ход, чтобы избежать встречи с пятьюдесятью репортерами снаружи.

Нам нужно еще поговорить завтра, Крю.

Осознание обрушивается на меня, как мешок с кирпичами, когда я вспоминаю прощальные слова моего отца во время нашего последнего разговора. Он говорил не о Скарлетт или Кэндис. Ужас пробегает по моему позвоночнику.

Я выключаю беговую дорожку и падаю на пол, тяжело дыша. Поговорим о дерьмовых новостях этой недели. Мой брат потенциально сделал ребенка нашей мачехе, у Хэнсона Эллсворта сердечный приступ, а теперь еще и это.

— Я не знаю, — признаюсь я.

— Разве ты не со своим отцом?

— Нет. Вчера у отца Скарлетт случился сердечный приступ. Мы вернулись в Нью-Йорк.

Ашер вдыхает.

— Черт. Хэнсон выживет?

— С ним все должно быть в порядке.

На мгновение воцаряется тишина.

— Это пожар с пятью сигналами тревоги, Крю. Люди в панике. Телефоны звонят без умолку. Акции упали.

Я тру свое лицо.

— Кто первым рассказал это?

— Не знаю. Зачем тебе это?

— Мне нужно, чтобы ты это выяснил.

— Крю, это дерьмо повсюду. Дискредитация одного источника не приведет к...

— Правда это или нет, но кто-то слил информацию, — перебиваю я. — Я хочу знать, кто.

Ашер вздыхает.

— Хорошо. Я немного покопаюсь.

Я вешаю трубку и звоню своему отцу. Голосовая почта. Звоню Оливеру. То же самое.

Мое убеждение растет. Они знали об этом. Они оба.

Мой следующий звонок — Бренту Парсонсу, руководителю юридической группы «Кенсингтон Кансалдид». К счастью для него — если предположить, что он хочет сохранить свою работу, — он отвечает после первого гудка.

— Парсонс.

— Это Крю. Ты видел новости?

— Читаю их сейчас.

— Что думаешь об этом?

— Определенно было проведено расследование. Слишком много деталей, чтобы быть полностью сфабрикованными. Но если бы у федералов было что-то достоверное, мы бы узнали об этом совсем по-другому. Тот, кто слил это, вероятно, оказал нам услугу.

— Услугу? Акции упали на десять пунктов за час, Брент.

— Это вышло раньше, чем они хотели. Мы можем нанести ответный удар, пока у них еще ничего нет. Клевета. Запросы на документирование. Я уже координирую с отделом по связям с общественностью выпуск заявления. Если предположить, что нет никаких улик, с нами все будет в порядке, — он колеблется. — Если только тебе не нужно мне что-то сказать?

— Если и есть, то я об этом не знаю.

Брент вздыхает.

— Наверное, это и к лучшему. Я буду держать тебя в курсе всего. Ты хочешь, чтобы я сообщил то же самое Артуру?

— Нет. Все проводить через меня.

Я вешаю трубку и крадусь по коридору, чтобы принять душ. Дверь в нашу спальню все еще закрыта, поэтому я направляюсь в гостевую ванную. Горячая вода смывает пот, но не смывает беспокойства.

Мне следовало принять предложение Ройса Реймонда. Если бы я это сделал, я бы не оказался в центре этого дерьма в полном одиночестве. С беременной женой. Ребенок на подходе, он должен будет унаследовать это жгучее наследие.

Когда я вхожу на кухню, Филипп стоит у плиты и готовит.

— Счастливого Рождества, мистер Кенсингтон, — приветствует он.

И... конечно же, это гребаное Рождество. Сейчас сезон корпоративного шпионажа.

— Счастливого Рождества, Филипп, — отвечаю я. Я потираю лоб, чувствуя, что несколько часов сна не помогли. — Тебе не нужно было приходить сегодня.

Он улыбается.

— Это не проблема. Как обычно?

— Да, пожалуйста.

Я сажусь за стол и просматриваю новости, пока Филипп готовит мой омлет. Ашер не преувеличивал. Новости повсюду. Я просматриваю несколько статей и улавливаю суть истории. Там нет никаких конкретных деталей, и это меня немного успокаивает.

Позавтракав, я оказываюсь на диване в гостиной, работая на своем ноутбуке. Мне нужно пойти в офис, но я не хочу, чтобы Скарлетт проснулась в полном одиночестве.

Уже одиннадцать, когда она спускается вниз с мокрыми волосами, одетая в шелковую пижаму.

— Привет, — она останавливается в нескольких метрах от меня, смущенно проводя рукой по волосам.

— Привет, — я закрываю свой ноутбук и наклоняюсь вперед. — Э-э-э, с Рождеством.

Ее глаза расширяются.

— Черт, правда?

— Да.

— Ух ты. Я... я могу одеться. Я чувствую, что мне следует заехать в больницу, но мы можем заняться чем-нибудь после, если ты хочешь?

Я действительно хочу. Сильно. Я ничего так не хочу, как пить горячий шоколад, кататься на коньках, любоваться замысловатыми декорациями и прочим туристическим дерьмом, которое люди вытворяют здесь во время праздников, на что я обычно смотрю свысока. До тех пор, пока я делаю это с ней. Но я не могу. И я должен сказать ей, почему.

— Я не могу. Мне нужно ехать в офис.

— В Рождество? У тебя должна была быть целая неделя отпуска.

— Была.

— Почему?

Я киваю в сторону приглушенного телевизора. На баннере внизу написаны слова, которые я, кажется, не могу произнести. «"Кенсингтон Кансалдид" под следствием на предмет инсайдерской торговли», — говорится в нем.

— Черт, — выдыхает Скарлетт.

— Ага.

— Это... правда?

— Понятия не имею. Но я должен разобраться с этим в любом случае.

— Может ли это уничтожить компанию?

— Я не знаю, — я кладу локти на колени и провожу руками по лицу. — Команда юристов работает над этим. Мой отец и Оливер не отвечают на мои звонки.

— Что это значит?

— Это значит, что они знали об этом и хотели рассказать мне.

— Может быть, они пытались защитить тебя, — мягко предполагает Скарлетт.

— К черту это. Это компания моей семьи. Мое наследие. Предполагается, что я буду следующим генеральным директором.

— Ты ничего об этом не знал. Ты не сделал ничего плохого. Если тебе придется, ты можешь начать все сначала. Создашь свою собственную компанию.

— Если это пойдет так далеко, фамилия Кенсингтон не будет стоить много.

— Деньги решают все.

— Большая часть моих привязана к этому тонущему кораблю.

— У меня есть деньги, Чемпион.

— И ты вышла за меня из-за моих, — я встаю и беру свой ноутбук. — Так что мне лучше

пойти и спасти этот корабль, да?

— Крю.

— Мне жаль, что я не могу поехать с тобой в больницу. Я собираюсь в офис. Если хочешь, чтобы Роман отвез тебя, просто позвони ему.

— Хорошо, — говорит она.

— Хорошо, — повторяю я.

Я подхожу и целую ее. Кратко и нежно.

Она хватается за внутреннюю сторону локтя, удерживая на месте в течение минуты.

— Счастливого Рождества, Роза.

— Счастливого Рождества, Чемпион.

Встречи длятся часами. Я опустошен и раздражен к тому времени, когда возвращаюсь в свой кабинет.

Ашер ждет. Его ноги не лежат на моем столе. Если бы я когда-нибудь сказал ему, почему этот кусок дерева имеет ценность, я знаю, что он никогда бы не поставил их. Наверное, поэтому я никогда этого не делал. Не многие люди бросают мне вызов.

— Натаниэль Стюарт.

— А что насчет него? — спрашиваю я.

— Ты хотел знать имя. Он распространил информацию.

Я опускаюсь на свой стул.

— Насколько надежен твой источник?

— Кира Эллис. Ее отец...

— Я знаю, кто ее отец, — крупнейший медиамагнат в стране.

— По-видимому, это еще не все. Натаниэль утверждает, что у него есть некоторые из наших внутренних секретов, — Ашер приподнимает бровь. — Они существуют?

— Понятия не имею.

Ашер качает головой.

— Признаю, этот парень сделал несколько хороших инвестиций. Но в лучшем случае он подавальщик. Преследовать «Кенсингтон Кансалдид» не имеет никакого смысла.

Я точно знаю, почему он это делает, но держу это при себе. Хорошее лидерство — это умение знать, когда нужно поделиться, а когда заткнуться.

— Я позабочусь о нем.

Ашер качает головой.

— Замышляешь месть на Рождество? Это Крю Кенсингтон, которого я знал. Какое-то время я думал, что ты размяк.

— Скарлетт беременна.

Ашер присвистывает и откидывается на спинку стула.

— Уже?

— Для этого хватает и одного раза.

— Конечно. Я уверен, что у тебя был секс с твоей горячей женой всего один раз, — он делает паузу. — Ты нервничаешь?

— Нет.

— Испытываешь какие-нибудь эмоции? — его тон раздраженный.

— Немного.

— Как будто...

— Я не могу представить свою жизнь без нее.

— Я имел в виду отпрыска, которого ты породил, Крю.

— Я знаю, что ты имел в виду. Но ребенок еще не родился. Он размером с персик или что-то в этом роде.

— Тогда иди домой и будь с ней.

Я хочу этого. Но я знаю, о чем мне придется спросить, когда вернусь домой. И это не тот разговор, которого я жду с нетерпением.

Когда я прихожу домой, Скарлетт свернулась калачиком на диване с Тедди и ест попкорн. Я сбрасываю пиджак и ослабляю галстук, когда вхожу в гостиную, желая быть в спортивных штанах, как она.

— Привет, — у нее мягкий голос. Нерешительный. Неуверенный.

— Привет, — я сажусь у ее ног. Тедди подползает, чтобы лизнуть мне руку.

— Как все прошло?

— Слишком рано говорить. Мне нужно кое-что переждать.

Она кивает.

— Как поживает твой отец?

— Он спал. Врачи сказали, что это нормально. Похоже, пока никаких осложнений не возникло.

— Это хорошо.

— Да.

Я делаю вдох. Жую внутреннюю сторону щеки.

— Я выяснил, кто слил информацию в прессу.

— Неужели?

— Это был Натаниэль Стюарт.

Я внимательно наблюдаю за ее реакцией. Вижу, как расширяются ее глаза. Ее губы приоткрываются.

— Серьезно?

— Я доверяю своему источнику.

— Зачем ему это делать?

Я выдерживаю ее взгляд.

— Думаю, ты знаешь почему.

Ее карие глаза расширяются.

— Я же сказала тебе. Между нами ничего не было.

— Я знаю. Я верю тебе. Он и мой отец работали над сделкой. Я положил этому конец.

— Из-за меня?

— Из-за тебя, — подтверждаю я.

— Почему?

— Потому что ты — моя.

Она усмехается.

— Очень по-взрослому, Крю.

— Это была также рискованная сделка. Но я бы не стал беспокоиться, если бы это касалось кого-то другого.

— Есть ли смысл в этом разговоре? — ее тон стал резким, ледяным.

Я молча киплю.

— Натаниэль утверждает, что у него есть документы. Внутренние документы. Документы, подобные... тем, которые ты запрашивала.

Она резко втягивает воздух.

— Ты, блядь, издеваешься надо мной?

— Я ни в чем тебя не обвиняю. Я доверяю тебе, Скарлетт. Мне просто нужно знать... Ты рассказала ему что-нибудь о компании? Есть ли что-нибудь, что он мог бы использовать, или извратить...

Она встает, сбросив половину подушек с дивана.

— Не могу тебе поверить. Ты серьезно спрашиваешь меня об этом?

Я тоже встаю.

— Я в неведении, Скарлетт. Этот... торнадо только что обрушился прямо на компанию, которую я первый в очереди унаследую. Люди полагаются на меня. Руководить, сохранять рабочие места, спасти эту компанию. Если ты что-то знаешь, я просто...

Я замолкаю, когда осознаю ужасающий факт.

Она плачет. Прозрачная жидкость стекает по ее щекам мерцающими дорожками.

— Я — причина, по которой ты первый в очереди.

Я делаю шаг вперед.

— Роза....

Она отступает назад, сердито вытирая щеки.

— Иди к черту! Почему бы тебе просто не заставить меня надеть прослушку, если ты думаешь, что я разглашаю секреты компании любому парню, который улыбнется мне?

Я потираю челюсть, пытаюсь понять, почему этот разговор так далеко отклонился от курса. Я не хотел упоминать Натаниэля. Я знал, что это будет больно. Но я понятия не имел, что все так обернется.

— Это не то, что я хотел сказать. Я доверяю тебе. Я просто...

— Нет никаких оправданий, Крю. Ты сомневаешься во мне, а я никогда не сомневалась в тебе. Не могу поверить, что я... — она качает головой. — Все, что Натаниэль знает о

«Кенсингтон Кансалдид», он узнал не от меня. Доволен?

Я, пожалуй, самый далекий от счастья человек, которого только может быть сейчас.

— Нет.

— Я тоже. Счастливого, блядь, Рождества.

Я смотрю, как она топает вверх по лестнице.

Счастливого, блядь, Рождества, в самом деле.

В итоге я возвращаюсь в офис. Когда сомневаешься — работай. Так гласит девиз семьи Кенсингтонов. Я привык сидеть допоздна в этих четырех стенах.

Я завидую сотрудникам, которые чувствуют, что заслужили свою должность здесь. Я все еще этого не чувствую. Может быть, я никогда этого не почувствую. Некоторые сомнения полезны.

За исключением того, что сегодня, может быть, впервые, я увидел это.

Уважение.

Сегодня был самый бурный день в истории «Кенсингтон Кансалдид» с тех пор, как мой прадед взял небольшой кредит и превратил ее в империю. И все же никто не спросил, где мой отец. Где Оливер. Они делали то, что я просил, без вопросов. Слушали меня, не задавая вопросов и не перешептываясь за моей спиной. И единственный человек, на которого я бесконечно пытаюсь произвести впечатление — мой отец — даже не был здесь, чтобы увидеть это.

И тот же самый дерьмовый шторм испортил отношения между мной и единственным человеком, чьи чувства мне небезразличны.

Я трачу пару часов на просмотр электронных писем и отчетов. Сегодняшний день был потрачен на устранение всех последствий скандала. Все остальное было отодвинуто на задний план, но с этим еще нужно разобраться.

Закончив, наливаю себе щедрую порцию бурбона и растягиваюсь на кожаном диване в углу своего кабинета, размышляя, пойти ли мне домой или просто поспать здесь. Я делаю глоток и смотрю в потолок.

Стук в дверь пугает меня. Я был уверен, что я единственный, кто остался здесь в такое время. Я не совсем шокирован, увидев, что дверь открывает именно Изабель. Она была здесь весь день, рядом со мной, делая все, что могла, чтобы помочь.

— Привет.

— Привет, — отвечаю я. — Не знал, что здесь еще кто-то есть.

— То же самое. Я увидела свет под дверью, когда возвращалась из туалета.

Я сажусь и провожу рукой по волосам.

— Что ты здесь делаешь?

Она подходит и садится на диван рядом со мной.

— Работаю.

— В... — я бросаю взгляд на часы. — Десять тридцать? В Рождество?

Изабель пожимает плечами.

— Я не большой любитель отпусков.

Меня это нисколько не удивляет. Хотя мне приходит в голову, что я почти ничего не знаю об Изабель, кроме ее профессиональных стремлений.

— Я тоже.

— Ты поэтому здесь?

Я вздыхаю. Выпеваю еще бурбона.

— Нет. Я облажался со Скарлетт.

— О?

— Мы поссорились. Это моя вина. Я просто... я не ожидал, что все будет так, понимаешь? Она, мы, у нас не должно было быть все по-настоящему, — я осушаю остаток своего стакана, прежде чем встать и подойти к барной стойке, снова наполняя свой стакан, прежде чем опуститься рядом с ней, откинувшись на спинку дивана. — Ну и денек выдался, черт возьми, да?

Изабель откидывается назад, повторяя мою позу.

— Да, — она делает паузу. — Ты же знаешь, что голосование совета директоров будет единогласным.

— Голосование по поводу чего?

— За тебя как за генерального директора.

— У меня нужная фамилия.

— У тебя есть гораздо больше, чем это, Крю, — ее левая рука перемещается к моему колену. Прежде чем я успеваю осознать прикосновение, она скользит вверх по моему бедру с четкой целью.

Я в ступоре. В шоке. По какой-то причине это был не тот результат, который я представлял себе, когда она вошел в кабинет. И было бы легко позволить этому развернуться. Безэмоциональный и пустой, именно то, чего я привык ожидать от секса. Скарлетт никогда не узнает. Может быть, ей даже было бы все равно после нашей недавней ссоры.

Но я бы знал. Мне было бы не все равно. Мой мозг обрабатывает то, что мое тело уже знает: я хочу только Скарлетт. Мой член даже не реагирует. И я еще не так много выпил.

Я резко встаю, оставляя Изабель на диване с обиженным выражением лица.

— Уходи.

— Крю....

— Я сказал уходи, Изабель. Я твой босс. Если ты хочешь сохранить свою работу, ты никогда больше не будешь прикасаться ко мне неподобающим образом.

Она встает, некоторое неповиновение смешивается с болью.

— Я никому не расскажу о нас. Ты можешь мне доверять.

— Нет никаких «нас», и я не доверяю тебе, Изабель. Я женат.

Изабель усмехается.

— К сожалению.

— Я. Не. Хочу. Тебя. Не испытывай меня, Изабель. Тебе не понравятся последствия.

Реальность и упрямство борются за место в ее выражении лица.

— Знаешь, я была влюблена в тебя с тех пор, как начала работать здесь. Мне следовало сделать шаг раньше. Очевидно, я была единственным человеком в этом городе, который не знал, что ты помолвлен со Скарлетт Элсворт. Что я получаю за то, что избегаю сплетен, а? Но потом все сказали, что она холодная и отстраненная и выходит за тебя только ради денег. Так что я подумала, что у меня еще есть шанс.

Я вздыхаю, внезапно почувствовав себя измученным.

— Я счастлив в браке, Изабель.

Она одаривает меня легкой, грустной улыбкой.

— Да, я поняла это, когда ты отскочил, как будто я подожгла диван.

— Я не знал, что ты чувствуешь. Если ты хочешь перейти в другую команду, я могу...

— Нет. Нет, это не будет проблемой. Обещаю.

Я изучаю ее с минуту, оценивая ее искренность.

— Я не даю второго шанса.

Она сглатывает и кивает.

— Я знаю.

— Хорошо.

Я смотрю, как она уходит, затем опускаюсь за свой стол. Если Ашер когда-нибудь пронюхает о том, что только что произошло, я обречён слушать об этом до конца жизни. Это он убеждал меня обратить внимание на Изабель. После ее вопросов о Скарлетт я думал, что мы прошли это. Думал, она знала, что этого никогда не случится. Даже если бы Изабель проявила интерес раньше. Я старалась не усложнять секс, а спать с членом правления тем более не стал бы. А теперь... Я никогда прямо не обещал Скарлетт верность. Но до тех пор, пока мне не подвернулась возможность схитрить — в буквальном смысле — мне это и в голову не приходило.

Мой телефон вибрирует от сообщения от моего брата.

Оливер: Знаю, ты видел новости. Мы вернулись в Нью-Йорк. Встретимся в офисе в 8.

Я спотыкаюсь, когда встаю, то ли от виски, то ли от усталости, настигающей меня. Но мои шаги тверды, когда я покидаю свой кабинет и направляюсь к лифтам. Нет никаких признаков ни Изабель, ни кого-либо еще.

Я знаю, что ввести машину — плохая идея, поэтому, как только выезжаю на улицу, останавливаю такси и даю водителю адрес поместья моей семьи недалеко от города. Поездка занимает двадцать минут. Примерно через десять минут я начинаю чувствовать кайф от алкоголя. Но это меня не останавливает.

Расплатившись с водителем и набрав код, я вхожу в парадную дверь. Автоматически мои ноги поворачивают направо, в сторону кабинета моего отца. Там уже горит свет, но я больше сосредоточен на том, чтобы рухнуть на диван, чем разглядывать окрестности.

— Надеюсь, ты не приехал сюда на машине, — комментирует мой отец, поднимаясь из-за своего стола из красного дерева, подходя к камину. Он наливает себе стакан скотча и садится в одно из кресел.

— Это правда? — спрашиваю я сходу.

Отец вздыхает. Лед звенит, когда он крутит свой бокал.

— Все не так плохо, как пишет пресса. Но да, были заданы некоторые вопросы. Все было улажено.

— Черт возьми, папа. Почему ты мне не сказал?

— Чтобы ты говорил всем именно то, что говорил весь день: ты понятия не имел.

— Ты должен был сказать мне. Я — будущий генеральный директор!

— Я уйду в отставку. Это будет официально объявлено к концу недели.

— Ты, блядь, издеваешься надо мной? Ты отдаешь мне ключи от замка... пока на него нападают?

— Не будь таким драматичным. С компанией все будет в порядке.

— А если нет? — огрызаюсь я — Тогда какого хрена?

— Они не могут прикоснуться к нашему личному состоянию, Крю.

Я выдыхаю и сажусь, радуясь, что стены остаются на своих местах.

— Это ты сделал это?

— Нет, — ответ моего отца быстрый и уверенный. — Но.... Так получилось.

— Что значит «так получилось»?

— Беккет Стэнли сливал информацию. Я узнал, что он делал, и позаботился об этом.

— Насколько я понимаю, не сообщив властям.

— Ты знаешь, какие проблемы это вызвало бы. Я избавился от него и назначил Изабель членом правления вместо него.

Я усмехаюсь.

— Что-то вроде проблем, с которыми мы сейчас имеем дело?

— Нет никаких доказательств. Они ничего не смогут сделать.

Я прижимаю ладони к глазам и стону.

— Господи, папа.

Мой отец изучает меня, как будто я научный эксперимент.

— В чем проблема?

— Она вышла за меня замуж из-за моих денег, — выпаливаю я. — Она вышла замуж за будущего генерального директора компании стоимостью в миллиард долларов.

Мой отец моргает, выходя искренне застигнутым врасплох.

— Это из-за Скарлетт?

— У меня есть другая жена? — огрызаюсь я. Я смотрю на свои руки, сжимая их в кулаки. — Я люблю ее, пап. Я люблю ее так чертовски сильно. Я злюсь на тебя и беспокоюсь о компании, но я чертовски боюсь, что это изменит все между нами.

Легкое поднятие брови — единственный ответ моего отца на это заявление, подогретое виски. Обычно я предпочитаю жевать бритвенные лезвия, чем обсуждать это со своим отцом.

— Ты можешь предложить ей нечто большее, чем деньги, Крю.

Это одна из самых приятных вещей, которые когда-либо говорил мне мой отец. Но...

— Она вышла за меня замуж из-за моих денег, — повторяю я.

— Она единственная наследница миллиардов и зарабатывает десятки миллионов на этом журнале и линии одежды. Ты действительно думаешь, что она вышла за тебя замуж из-за денег? Ей не нужно было выходить замуж, и ей не нужны были деньги. Скарлетт выбрала тебя. Она решила выйти за тебя замуж.

— Ее отец сказал ей это, — бормочу я.

— Разве они так близки? Разве ею легко манипулировать?

Я усмехаюсь.

Мой отец знает, как использовать сарказм.

— Ты, должно быть, задавался вопросом, почему помолвка была между тобой и ней, а не между Оливером и ней?

— Оливеру нужно было путешествовать и управлять международными холдингами, в то время как я хотел сделать Нью-Йорк своим местом и укрепить семейный бизнес, — я повторяю фразу, которую он говорил нам двоим в течение многих лет.

— Я придумал это позже. Когда мы с Хэнсоном впервые заговорили о возможном соглашении, договоренность заключалась в том, что Оливер и Скарлетт поженятся. Он старший и может унаследовать столько же, сколько и ты. На первый взгляд, это был логичный выбор.

Я поднимаю глаза.

— Что?

Мой отец поглаживает подбородок, глядя на огонь, а не на меня.

— Хэнсон вернулся ко мне год спустя, когда тебе было шестнадцать, а Оливер был почти совершеннолетний. Сказал, что будет соблюдать соглашение, но только в том случае, если оно изменится на тебя и Скарлетт. Он был непреклонен в этом. Что-то... кто-то заставил его передумать. Единственная причина, по которой я когда-либо думал, что он изменил условия то, что... он сказал ей.

«Я — причина, по которой ты первый в очереди».

Я думал, она имела в виду наш брак, когда говорила это.

— Не думай, что она не выбрала тебя, Крю.

С этими словами отец оставляет меня в своем темном кабинете с головой, кружащейся не только от алкоголя.

23. Скарлетт

Я просыпаюсь в одиночестве. Сторона Крю пуста и холодна. Если он пришел домой прошлой ночью, то не спал рядом со мной. Я ворочалась большую часть ночи, так что уверена, что услышала бы, как он пришел. Осознание того, что он этого не сделал, приходит медленно, вместе с множеством других сомнений, которые я пытаюсь отодвинуть в сторону.

Я принимаю душ, затем сушу волосы и наношу легкий макияж. Достаточный, чтобы скрыть темные круги под глазами и, конечно же, немного красной помады.

Броня сегодня особенно важна. Я натягиваю пару черных колготок и серое платье-свитер. Оно с открытыми плечами и свободное, но не мешковатое, скрывающее мою небольшую выпуклость. На данный момент моя беременность в некотором роде ни для кого не секрет. Сомневаюсь, что кто-нибудь из тех, с кем я работаю, упустил из виду тот факт, что я перестала пить кофе, хожу с батончиком мюсли и время от времени бегаю в туалет в неподходящее время. Несмотря на то, насколько натянуты наши отношения, мне кажется странным сообщить своему отцу, что я беременна. Он спал, когда я навестила его вчера, что, честно говоря, было облегчением. При самых благоприятных обстоятельствах нам с отцом особо нечего сказать друг другу.

Прежде чем спуститься вниз, я заглядываю в гостевую спальню, в которой спал Крю, когда он только въехал. Она пуста, кровать аккуратно застелена и не смята.

Я ошеломлена тем, насколько резко и сильно обрушивается паника. Я думала, что все будет в порядке, если отношения между мной и Крю когда-нибудь пойдут наперекосяк. Есть такая поговорка: ты никогда не узнаешь, как сильно чего-то хочешь, пока не потеряешь. Это не то, что я чувствую. Я уже знала, как сильно хочу его. Но не знала, что боль от возможности потерять его будет ощущаться так сильно, что я не буду готова к тому, что развалюсь на части.

Итак, я делаю то, что делаю всегда. Засовываю надоедливые эмоции подальше и

принимаюсь за работу.

В офисе не так оживленно, как было бы в обычный четверг, но и далеко не пусто. Подготовка к февральскому выпуску идет полным ходом, и теперь, когда «руж» официально запустили, это стало моим профессиональным фокусом. Одобрение основы работы — от брендинга до найма — дало мне некоторую гибкость в том, сколько времени я трачу на совмещение двух своих начинаний. Так же как и реальность, в которой мне придется взять отпуск через несколько месяцев.

Лия подходит ко мне, как только видит, что я выхожу из лифта.

— Доброе утро!

— Доброе утро, — мое приветствие явно менее радостное, чем у Лии.

— Я так сожалею о вашем отце.

Я вздыхаю.

— Благодарю. Мы думаем, с ним все будет в порядке.

— О, хорошо. Как прошло ваше Рождество?

— Могло быть и лучше, — признаю я. — А твое?

— Было милым. Мои родители приехали в гости.

— Тогда тебе следует уйти. Я же сказала тебе взять сегодня отгул.

— Но вы здесь.

— Я справлюсь. Просто дай мне знать... — я поднимаю взгляд и вижу, что Лия больше не обращает на меня внимания. Она сосредоточена на чем-то позади меня.

Ком-то.

Я бросаю взгляд через плечо. И действительно, Крю выходит из лифта, который я покинула несколько минут назад, и направляется прямо ко мне.

В большинстве случаев открытая планировка удобна. Я могу быстро оценить, кто чем занимается. Различные отделы могут сотрудничать.

Прямо сейчас это чертовски неудобно. Больше людей, чем я предполагала, высовывают головы из кабинок и из-за перегородок, пытаюсь разглядеть получше. Когда я раньше становилась предметом офисных сплетен, это было не из первых уст.

До сих пор.

Это развлечение в прайм-тайм.

— Что ты здесь делаешь? — огрызаюсь я.

Он хорошо выглядит. Он всегда хорошо выглядит. Только что принявший душ, чисто выбритый и одетый в отглаженный, накрахмаленный костюм, сшитый на заказ так, чтобы тот сидел идеально.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Сейчас? — снисходительного вызова в моем голосе было бы достаточно, чтобы заставить большинство людей сжаться. Крю не из таких людей.

— Сейчас, — его тон такой, какого я давно не слышала в свой адрес. Суровый. Холодный.

— Я занята.

— Я никуда не уйду.

— У тебя хватило наглости появиться здесь.

Крю делает вид, что осматривает офис.

— Может быть, есть встреча, на которую я мог бы пойти, пока я здесь?

Я свирепо смотрю на него. Он свирепо смотрит в ответ. Я разворачиваюсь на каблуках и направляюсь в сторону своего кабинета, не дожидаясь, пока он последует за мной. Но он идет за мной. Я чувствую его присутствие, как только он входит в мой кабинет, заполняя ограниченное пространство.

Пока он закрывает дверь, я снимаю свой шерстяной бушлат и бросаю его на стул.

— Говори.

Я не скучаю по тому, как его глаза скользят по моему телу. У нас не было секса с тех пор, как мы покинули Швейцарию. Если прошлой ночью он утопил свое раздражение по самые яйца в другой женщине, не похоже, что это принесло ему большое удовлетворение.

Его взгляд задерживается на нашей фотографии в рамке на моем столе, прежде чем он говорит.

— Ты зла.

Я фыркаю.

— Я зла, и у меня нет на это времени. У меня сегодня много работы.

— Прекрати нести чушь, Скарлетт. У тебя должна была быть целая неделя отпуска.

— Это было до того, как я стала единственной кормилицей в семье, — это удар ниже пояса, из-за которого мне почти стыдно.

Крю даже не вздрагивает.

— Пожалуйста, Скарлетт. Мне просто нужно...

— Хороший костюм, — перебиваю я. — Ты прокрался в квартиру после того, как я ушла?

— Нет. Я хранил кое-какие вещи в своей старой квартире. Она ближе к моему офису.

— На случай непредвиденных обстоятельств?

Он изучает меня.

— Это твой способ спросить, где я был прошлой ночью?

Да.

— Нет.

Он слишком хорошо меня знает.

— Я был у своего отца. На диване в его кабинете, если хочешь подробностей.

— Я не спрашивала.

Крю хватается за спинку одного из стульев, стоящих перед моим столом.

— Эта неразбериха с федералами... там есть кое-что, Скарлетт. Отец сказал, что это не важно, но я не могу ничего обещать.

— Обещать о чем? — спрашиваю я.

— Возможно, ты не захочешь носить фамилию Кенсингтон. Это может повлиять на журнал и бренд, в финансовом плане. Возможно, я не являюсь генеральным директором

успешной компании. Или уважаемым человеком. Прямо сейчас мы теряем деньги. Это не то, на что ты подписывалась, — я наблюдаю, как его губы сжимаются. Мышцы его челюсти напрягаются и сдвигаются. — Итак, я полагаю, что должен спросить... Ты хочешь развестись?

Я резко вдыхаю.

— Я не могу вести этот разговор прямо сейчас, Крю. Я на работе! Ты не можешь просто...

Он делает шаг вперед, быстрее и ближе, чем я ожидаю.

— Я знаю. Но, пожалуйста, Скарлетт. Просто ответь на вопрос. Я не могу... мне нужно встретиться с моим отцом. Адвокатами. Правлением. И я могу с этим справиться. Я с этим разберусь.

— Хорошо. Какое это имеет отношение ко мне?

— Я буду бороться сильнее, если мне будет за что бороться, — он делает паузу. — В противном случае я бы подумал о том, чтобы уйти. Я бы принял предложение Ройса Рэймонда, если бы это было не в Лос-Анджелесе.

Я наклоняю голову, чтобы лучше видеть его лицо.

— Ты сказал мне, что хочешь работать здесь.

— Я солгал. Мне нужно было твое честное мнение, и я знал, что Калифорния склонит чашу весов. Но сейчас, очевидно, это не вариант, учитывая ребенка.

— Ребенок, — повторяю я. — Ну и что? За меня стоит бороться, пока я не перестану быть инкубатором? Ты это хочешь сказать?

— Я... Боже, нет! Не искажай то, что я говорю. Это именно то, что ты делала прошлой ночью.

— Простой ночью. Правильно. Когда ты обвинил меня в краже документов компании с единственной целью — выболтать о них...

— Я ни в чем тебя не обвинял! — кричит Крю. — Я спросил, Скарлетт. Я выяснял, кто был источником утечки информации. Ты его знаешь, а я нет. Мы — одна команда. Я пытался...

— Если мы команда, то, возможно, тебе следовало довериться мне. Может быть, тебе следовало мне поверить!

— Когда это я тебе не доверял? Когда это я тебе не верил? — возражает Крю.

Мой телефон звонит, пронзительно и громко. Я колеблюсь, но все же беру трубку. Только у немногих людей есть мой личный номер, а не Лии.

— Скарлетт Кенсингтон.

— Привет, Скарлетт. Это Джефф. Я просматриваю гранки для следующего выпуска, и думаю, что... — я отключаюсь. Крю наклоняется вперед и что-то нацарапывает на розовом стикере.

Он наклоняет нашу фотографию так, чтобы она была прямо напротив меня, а затем выходит из моего кабинета. Джефф, главный графический дизайнер, продолжает говорить. О размещении изображений, позиционировании и предустановках.

Я беру записку и читаю то, что он написал: «Если решишь подать иск, просто попросите своего адвоката сообщить об этом моему. Я буду работать допоздна».

Мой взгляд метался между фотографией и закрытой дверью.

Черт. Я облажалась.

— Джефф, я перезвоню тебе, — не дожидаясь ответа, я вешаю трубку и бегу к двери

своего кабинета. Осматриваю этаж, но никаких признаков Крю нет. Ни на кухне, ни у лифтов.

— Лия! — бросаюсь к своей помощнице, которая стоит у главного конференц-зала и разговаривает с Андреа. — Ты видела, как Крю выходил из моего кабинета?

— Эм, да. Несколько минут назад.

— Куда он пошел?

Она неловко переминается с ноги на ногу.

— Эм, он ушел.

Я продолжаю идти, пока не дохожу до лифтов. Пару раз нажимаю на кнопку «Вниз», надеясь, что двери волшебным образом откроются. Не повезло так не повезло. Остается лестничная клетка. Я толкаюсь в дверь, радуясь, что это не вызывает какой-нибудь тревоги. Эвакуация всего здания не входит в сегодняшний список дел.

Долгие секунды я потратила на размышления о том, как далеко мне следует зайти в этой погоне. Если его нет в вестибюле, в чем я сомневаюсь, учитывая, сколько шагов мне еще предстоит пройти, пойти ли я в «Кенсингтон Кансалдид»? Ворваться и сделать именно то, за что я его только что отчитала? Полагаю, он будет дома сегодня вечером. Но потом я вспоминаю его записку: Я буду работать допоздна. Нет, я вернусь домой поздно. Нет, увидимся позже.

Была ли это намеренная формулировка?

Наконец я добираюсь до первого этажа и врываюсь в металлическую дверь. Мне требуется минута, чтобы осмотреть вестибюль. К моему удивлению, он все еще здесь. Возвращает бейдж охраннику на стойке регистрации.

И я столкнулась с совершенно новой дилеммой: что мне сказать? Это было самое далекое от продуманного плана. Прежде чем я успеваю передумать, он замечает меня. Даже отсюда я вижу, как он хмурит брови.

Я подхожу, пытаюсь взять свое дыхание под контроль.

— Как ты так быстро добралась сюда?

— Я бежала по лестнице, — бег звучит более впечатляюще, чем пыхтение и скольжение.

— Ты бежала? Какого хрена? Ты беременна!

Я пригвождаю его ровным взглядом.

— Неужели? Я понятия не имела, — говорю я с сарказмом. — Женщины бегали марафоны во время беременности, Крю.

Он качает головой.

— Что? Что ты здесь делаешь? Я думал, ты была занята.

— Ты ушел.

— Но ты ведь этого хотела, верно?

— Нет. То есть, да, я хотела, чтобы ты ушел. Я раздражена, и стараюсь держать свою личную жизнь подальше от работы, что в принципе противоположно тому, чтобы кричать друг на друга в моем офисе. Но ответ на твой вопрос... «нет». Я не хочу развода, — я выдерживаю его взгляд. — И в горе, и в радости, верно?

Облегчение наполняет его лицо, разглаживая складки на лбу.

— В богатстве и в бедности кажется более подходящим для текущей ситуации. Сегодня утром акции упали еще больше.

Я поднимаю и опускаю плечо.

— Я обещала и то, и другое.

— Я не буду заставлять тебя это делать. Я не буду спорить с тобой по этому поводу.

— Я не хочу развода, — повторяю я.

Его глаза закрываются на минуту, прежде чем он сокращает небольшое расстояние между нами. Обхватывает мою челюсть, и я испытываю пьянящую дозу дежавю. Это похоже на наш первый поцелуй.

Предвкушение. Неопределенность. Возможность.

Я хватаюсь за жесткую ткань его рубашки, притягивая его ближе.

Крю зачесывает мои волосы назад. Проводит большим пальцем по моей челюсти.

— Этот беспорядок не из-за денег, или компании, или скандала, или моего отца. Это касается тебя. Речь идет о том, чтобы быть мужчиной, который достаточно хорош, чтобы стоять рядом с тобой. Ты беспокоилась, что я не буду воспринимать тебя как равную, как партнера? Я беспокоюсь о том же.

Говорить «я люблю тебя» тому, кого ты сама выбираешь любить, делает тебя уязвимой. Любовь к моим родителям была обязательной, вытекающей из биологического факта, что без них я бы не существовала, и возможностей, которые предоставляла их работа. Любовь к ребенку, которого я ношу, инстинктивна. Он или она — мой ребенок, крошечная частичка меня, моя обязанность защищать и обожать.

Все это не относится к Крю.

Я люблю его, потому что хочу этого. Потому что он бросает мне вызов и доверяет мне. Поддерживает и успокаивает. Я знаю, когда он входит в комнату, и когда выходит.

Он вздыхает, когда я ничего не говорю.

— Я знаю, что ворвался сюда и потребовал поговорить с тобой, но теперь мне действительно нужно идти. Если бы это касалось только мой отец, я бы заставил его подождать, но в этом замешаны все правление и большая часть юридического отдела. Сегодня вечером я вернусь домой как можно раньше. Хорошо?

Я продолжаю держать его за рубашку.

Его лоб морщится.

— Роза...

— Я люблю тебя, — слова срываются с моих губ и повисают между нами.

И... вот оно. Я сказала это.

Неловко и неуверенно я смотрю на Крю, ожидая его реакции. Скажи что-нибудь. Двигайся. Он ошеломлен, это совершенно очевидно. Глаза широко раскрыты. Губы приоткрылись, как будто он собирался сказать что-то, что больше не относится к делу.

Он прочищает горло.

— Ты не обязан чувствовать то же. Представь, что этого не было, я не говорила, я...

Он приподнимает пальцами мой подбородок, заставляя меня посмотреть на него. Затем снова целует меня, крепко, тепло и непреклонно. Поцелуй остается на моих губах невидимым клеймом. Собственность Крю Кенсингтона.

— Я люблю тебя, Скарлетт. Так чертовски сильно.

К моему удивлению, мой голос дрожит. Я искренне не была уверена, что он это сказал. Это одна из причин, почему я не говорила этого до сих пор. Не потому, что не хотела раскрывать свои карты, а потому, что не хотела, чтобы он чувствовал, что должен сказать это в ответ.

Его большой палец проводит по моей щеке, лаская мое лицо, как будто это что-то

драгоценное.

— Да, — тихо отвечает он. — Я сказал.

Крю смотрит на меня так, словно я — все, чего он когда-либо хотел. Я позволяю себе доверять этому.

— Хорошо, — шепчу я.

— Увидимся вечером, — он заправляет прядь волос мне за ухо, так же не желая уходить, как и я отпустить его.

Я неохотно киваю.

Он улыбается. Слегка качает головой. Выдыхает.

— Хорошо, — затем он опускает руку и уходит к стеклянным дверям, отделяющим вестибюль от улицы. Я вижу Романа, стоящего снаружи и ждущего рядом с машиной. Крю делает паузу, чтобы что-то сказать своему водителю, прежде чем тот забирается на заднее сиденье и скрывается из виду.

Поворачиваюсь обратно к лифту с улыбкой на лице. На этот раз он прибывает быстро. Через пару минут я возвращаюсь в офис, и в мою сторону устремляется множество любопытных взглядов. То, что я выбегаю на лестничную клетку — это ненормальное явление.

Когда я вхожу в свой кабинет, то несколько минут тупо пялюсь в монитор, прежде чем вспоминаю, что мне нужно работать. Я начинаю перебирать бумаги на своем столе, пытаюсь решить, что расставить по приоритетам. Я должна перезвонить Джеффу. Розовая липкая записка падает на землю. Я наклоняюсь, чтобы поднять ее, и замираю.

Это записка, которую написал Крю. Она лежит липкой стороной кверху. Обычно, на этой стороне никто не пишет.

Но Крю написал.

«И, кстати, я люблю тебя», — вот что он написал.

Я смотрю на нее с минуту, сердце колотится. Затем беру свой телефон и отправляю ему сообщение.

Скарлетт: Кто пишет на ОБРАТНОЙ СТОРОНЕ стикера???

Крю реагирует мгновенно. Должно быть, он все еще в машине.

Крю: Я чувствую, что это риторический вопрос.

Крю: Не расстраивайся, что я сказал это первым.

Скарлетт: Ты это написал. Это не одно и то же.

Скарлетт: Я только что это увидела.

Крю: Я понял это в середине нашего разговора, Роза.

Скарлетт: Ты просто собирался сбросить бомбу и уйти?!

Крю: Сбросить бомбу? Как романтично.

Скарлетт: Позволь мне напомнить тебе, что предложение начиналось с «и, кстати».

Крю: Я буду работать над этим.

Крю: Я в офисе.

Крю: Люблю тебя.

Я улыбаюсь так, словно он меня видит.

Скарлетт: Я тоже тебя люблю.

Я беру розовую липкую записку и приклеиваю ее к своему монитору обратной стороной ко мне. А потом беру трубку и перезваниваю Джеффу.

24. Крю

— Тебе следует сосредоточиться на отчете по опционам на акции, — предлагает Изабель.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Если ты расскажешь об этом, я смогу сделать обзор анализа прогнозов, — я смотрю на Ашера, который сидит рядом со мной. — Ты в порядке?

— Мне кажется, я уже знаю все это.

— А мы с Изабель нет?

Ашер вздыхает.

— Я в порядке.

— Хорошо.

Мой телефон гудит от сообщения Оливера, перепроверяющего ужин с нашим отцом в эти выходные. Я не виню его за то, что он позаботился о том, чтобы я был там. Мой отец сказал Кэндис, что ребенок не может быть его, после того, как мы со Скарлетт уехали из шале, чтобы повидаться с ее отцом. Кэндис призналась, что лгала о своей беременности, утверждая, что мой отец не уделял ей достаточно внимания. Сейчас у них в разгаре бракоразводный процесс. Я не сказал Оливеру, что наш отец знает о нем и Кэндис, и, похоже, мой отец тоже не сказал. Неудивительно. Если только это не грязный секрет, который он может использовать, мой отец с радостью замнет все неприятное под ковер. Особенно то, от чего невозможно откупиться.

Я отвечаю Оливеру, обещая, что буду там, затем переключаюсь на свой чат со Скарлетт. Последнее, что она мне прислала, была ссылка на кровать, которую она хочет.

Мы только начали обустраивать детскую. Она была занята подготовкой к декретному отпуску, в то время как я потворствовал инвесторам и партнерам «Кенсингтон Кансалдид», пытаюсь устранить ущерб. Как сказал Ашер, это был изнурительный, неприятный процесс. Как у генерального директора, у меня нет выбора. А теперь, когда срок Скарлетт перевалил за восемь месяцев, мне нужно найти время, чтобы собрать кровать.

Ашер смотрит на экран телефона. Хихикает, когда видит, на что я смотрю.

— Черт. Никогда не думал, что доживу до этого дня, Кенсингтон.

Появляется секретарша, чтобы проводить нас в конференц-зал, прежде чем я успеваю ответить. Встреча длится час. Все идет хорошо, и это большое облегчение. Репутация не восстанавливается в одночасье, она только разрушается. Если у Натаниэля Стюарта и были какие-либо документы «Кенсингтон Кансалдид», он их не публиковал. Медленно, но верно шумиха утихает.

Мы все в приподнятом настроении проходим мимо приемной и направляемся к лифтам. Изабель болтает без умолку, обсуждая улучшения и блюда на вынос. С тех пор как мы встретились поздно вечером на Рождество, она старалась быть чрезмерно профессиональной. И чрезмерно эффективной.

Подъезжает лифт. Выходит мужчина средних лет, и мы втроем заходим внутрь.

— Э-э, Крю? — Ашер прерывает анализ Изабель стандартных решений.

— Что? — я бросаю взгляд на Ашера, который не делает никаких попыток провести мозговой штурм и проанализировать ситуацию. Он косится на экран своего телефона.

— Ты проверил свой телефон?

— Нет, а что?

— У меня куча пропущенных звонков от Селесты? С чего бы ей звонить мне...

Я больше не слушаю; я прокручиваю сотни пропущенных уведомлений, которые у меня

есть.

— Черт.

Я нажимаю локтем на кнопку вестибюля и нажимаю на имя Скарлетт, как будто это ускорит наш спуск. Он звонит и звонит, наконец переключаясь на голосовую почту. Я снова ругаюсь, а потом думаю. Быстрый поиск в Google позволяет найти номер редакции «Хай Кутюр». Проходит три гудка, прежде чем отвечает женщина.

— Журнал «Хай Кутюр». Александра слушает. Чем я могу вам помочь?

— Мне нужно поговорить со Скарлетт Кенсингтон.

— Она ожидает вашего звонка?

— Просто переведите меня, — выдавливаю я.

— Я узнаю, свободна ли ее помощница, — веселая фортепианная музыка эхом разносится по линии, пока я смотрю, как тикают цифры. Наша встреча состоялась на девяносто седьмом этаже. Лифт только-только проехал восемьдесятый.

— Офис Скарлетт Кенсингтон. Чем я могу вам помочь?

— Мне нужно поговорить с ней.

— Могу я принять сообщение?

— Я ее муж, — огрызаюсь я. — Так что нет, мне нужно поговорить с ней сейчас.

Приятный тон исчезает. Я не могу вспомнить имя секретарши Скарлетт, но, оказывается, она зла на меня.

— Почему, черт возьми, вы не отвечали раньше? — она выкрикивает этот вопрос, и это временно шокирует меня. Люди не разговаривают со мной в таком тоне. — Я... Боже мой. Простите, сэр. Я, серьезно. Не думаю, что вы можете меня уволить, но она уволит, если вы...

— Где... Скарлетт?

— В Нью-Йорк Дженерал. Воды отошли сорок пять минут назад. Я пыталась поехать с ней в машине скорой помощи, но она мне не позволила. Она просто хотела, чтобы я вам позвонила.

Я сжимаю переносицу. Шестьдесят третий этаж.

— Я еду прямо туда.

Я вешаю трубку, мысленно проклиная лифт, чтобы он двигался быстрее.

— Она рожает?

Я бросаю на Ашера одобрительный взгляд.

— Нет, ее секретарша просто очень хотела пригласить тебя на свидание.

— Мы прошли этап для шуток.

Я снова бьюсь головой о стену.

— Срок родов стоит через месяц. Я должен ехать прямо туда. У меня нет времени отвозить вас двоих обратно в офис.

— Чувак. Ты вот-вот станешь отцом. Я еду с тобой.

Я киваю, не утруждая себя ответом. Во-первых, потому что мне на самом деле все равно, что делает Ашер, лишь бы это не замедляло меня. Во-вторых, потому что я уже достаточно волнуюсь, чтобы полностью осознать его ответ.

Двери лифта открываются. Я практически бегу к черному внедорожнику, припаркованному у обочины. Роман стоит, прислонившись к борту машины, и читает газету. Его глаза расширяются, когда я мчусь к нему. Я предполагаю, что Ашер и Изабель позади меня, но я не утруждаю себя проверкой, чтобы убедиться, что они не отстают.

— Мистер Кенсингтон, неужели все...

— Ключи, — требую я. Роман — отличный водитель в том, что касается манеры одеваться и осмотрительности. Но я никогда не видел, чтобы он хотя бы раз проехал на желтый. Он мудро прислушивается, передает их и забирается на пассажирское сиденье. Я обхожу машину спереди и забираюсь на водительское сиденье. Сзади открываются и хлопают дверцы, и я отъезжаю от тротуара, как будто мы убегаем с места преступления.

— В какой больнице она находится? — спрашивает Ашер.

— Нью-Йорк Дженерал, — я сворачиваю, едва не задев разносчика на велосипеде.

— Если мы едем в Вест-Сайд, тебе следует свернуть на седьмую. На восьмой произошел несчастный случай.

— Сколько кварталов?

— Пять, нет, семь. Подожди, нет, четыре.

Мы проезжаем на красный свет, и я жму на тормоза. Машины уже начинают проезжать с другой стороны, так что я не могу ими управлять.

Смотрю в зеркало заднего вида.

— Ты знаешь как туда добраться?

— Пробки — непредсказуемое дерьмо, чувак. Ты это знаешь. Они длятся... — он замолкает. — О, подожди. Они очистили восьмую улицу. Тебе следует поехать в ту сторону прямо сейчас.

Я фыркаю и нажимаю на черный экран на приборной панели.

— Эта штука работает?

— Да, сэр. Я могу его подключить, — Роман наклоняется и начинает возиться с кнопками управления на приборной панели. Через несколько секунд на экране появляется карта.

Загорается зеленый, и я еду вперед, следуя указаниям, доносящимся из динамиков. Мы проезжаем еще один желтый, поэтому я нажимаю на акселератор и меняю полосу движения.

— Черт, — комментирует Ашер, когда я подрезаю Мерседес, издавая серию гудков. — Нам следовало поехать в Монако на гонки, когда мы были в колледже. Ты гоняешь как профи, чувак.

Мой телефон начинает звонить, на экране высвечивается входящий вызов. Я уже собираюсь отклонить, когда вижу, что звонит Скарлетт.

— Алло? — мое приветствие носит формальный характер. Я знаю, что она, должно быть, в бешенстве.

— Не похоже, что ты умираешь в канаве.

Ашер на заднем сиденье фыркает. Если бы я мог выбросить его во время вождения, я бы это сделал.

— Скарлетт, клянусь, я...

— ЧАС, Крю. Я здесь уже почти час! Где ты, черт возьми, находишься?

— Я буду там через пять минут, — подрезал такси. — Десять, максимум.

— Где ты был? Почему ты не отвечал?

Я вздыхаю.

— У меня была встреча. Мой телефон был выключен, и я не проверял его.

— Ты обещал мне, — весь гнев в ее голосе исчез. Неуверенность, которая осталась позади, заставляет меня сильнее давить на акселератор. — Ты обещал мне, что мне не придется делать это в одиночку.

Мы проезжаем еще на один красный, и я едва сдерживаю очередную ругань, когда настойчиво нажимаю на руль, призывая его снова переключиться на зеленый.

— Ты не будешь одна, детка. Я почти на месте.

— Мне страшно, Крю, — она произносит эти слова тихо, но они производят эффект крика из-за того, как они поражают меня. — Это чертовски больно, и сначала они не могли найти сердцебиение, и я... я схожу с ума.

Тугой кулак страха сжимает мою грудь. Я борюсь с паникой, прежде чем она может задушить меня. Ей нужна уверенность, а не еще больше беспокойства.

— Роза, я скоро буду. Клянусь. Но даже если бы я был где-нибудь в канаве, ты можешь это сделать. Просто дыши. Как мы учились на занятиях, помнишь?

— Ты не был внимательным на занятиях.

Скарлетт снова звучит как обычно, и я чуть не падаю в обморок от облегчения. Мне определенно не следовало садиться за руль. Но я вижу больницу впереди, всего в одном квартале отсюда.

— Не, был, — возражаю я. — Ты просто сосредотачиваешься на чем-то одном, а затем делаешь очень быстрые вдохи.

— Угу. И что потом?

Я смотрю на Романа в поисках помощи. Он пожимает плечами.

— Я думал, у тебя есть дети, — шиплю я. Еще одно пожатие плечами. — Выдохнуть? — предлагаю я.

Скарлетт смеется. Это более натянутый и пронзительный смех, чем ее обычный, но он немного ослабляет напряжение в моей груди.

— Ты такой врунишка. Я знала, что ты не слушаешь на занятиях.

Я останавливаю внедорожник с визгом под ангаром скорой помощи. Оставляю машину включенной, а ключи в замке зажигания, просто хватаю телефон и бегу к автоматическим дверям в оживленную больницу. Повсюду белые халаты и каталки. Где-то рядом плачет ребенок. Система громкой связи трещит, приказывая какому-нибудь хирургу явиться в палату номер один. Я прижимаю телефон к уху.

— На каком ты этаже?

— На пятом.

Я бросаюсь к лифтам, затем меняю курс, когда замечаю указатель на лестничную клетку. Мне нужно сжечь много нервной энергии. Я пробегаю лестницу через две ступеньки и рывком открываю дверь с нарисованной на ней массивной пятеркой. Коридор выглядит так же, как вестибюль внизу, весь выложен белой плиткой и освещен флуоресцентными лампами.

Справа есть пост.

— Скарлетт Кенсингтон, — выдыхаю я. — В какой палате находится Скарлетт Кенсингтон?

Медсестра изучает меня, сурово и оценивающе.

— Вы родственник?

— Я ее муж. Отец ребенка. Где она?

Она нажимает какие-то клавиши на компьютере. Секунды кажутся минутами.

— Палата № 526.

Я бегу налево, пока не добираюсь до 526-ой и врываюсь внутрь.

Скарлетт сидит на кровати и слушает мужчину в белом халате, который, должно быть,

врач. Когда она видит меня, выражение ее лица меняется. Я бросаюсь к ней, хватаю ее за руку и целую в макушку.

— Вы, должно быть, Крю. Я доктор Саммерс.

— Что-то не так?

Доктор Саммерс выглядит мрачным.

— Я как раз говорил вашей жене, что мы больше не можем ждать. Боюсь, ребенок не расположен должным образом для естественных родов. Нам нужно будет сделать экстренное кесарево сечение, пока у ребенка не начались проблемы.

— Проблемы? — повторяю я. Рука Скарлетт крепче сжимает мою.

— Мы сделаем все возможное, чтобы этого не произошло. Вот почему нам нужно действовать быстро.

Впервые с тех пор, как я ее знаю, Скарлетт выглядит юной и испуганной. Хрупкой.

— Может ли мой муж остаться со мной? — спрашивает она тонким голосом.

Доктор Саммерс добродушно улыбается, но его тон тверд.

— Мне очень жаль, но нет. Мы не допускаем членов семьи в операционную во время экстренных операций.

Экстренная операция. Эти два слова рассеивают туман в сознании. Острая паника пронзает меня, когда страх скручивается в моем животе.

— Скоро придет медсестра, чтобы отвести вас вниз.

Я замер. Дыхание Скарлетт учащенное и прерывистое.

— Ты знала? Когда мы разговаривали по телефону?

— Они сказали мне, что могут возникнуть осложнения, когда я приехала. Я знала, что ты приедешь сюда, как только сможешь, — она одаривает меня ухмылкой, которая не помогает. — Извини, что сорвалась по телефону.

— Я должен был включить звук. Какие осложнения?

— То, что сказал доктор Саммерс. Ребенок перевернут не в ту сторону. Но поскольку у меня уже отошли воды, они не могут больше ждать, чтобы посмотреть, перевернется ли малыш.

Я вдыхаю, разрываясь между тем, чтобы забросать ее еще большим количеством вопросов и избежать того, чтобы напугать ее.

В комнату входит женщина в розовом халате. Медсестра улыбается Скарлетт.

— Готовы стать мамой? — ее радость не звучит наигранно, но и не воспринимается как настоящая. Это не так, как это должно было произойти. Это не похоже на счастливый, радостный момент.

Скарлетт улыбается в ответ, но ничего не отвечает.

Медсестра понимающе кивает.

— Готовы?

— Готова, — отвечает Скарлетт. Ее рука сжимает мою.

Я наклоняюсь и целую ее в лоб, позволяя своим губам задержаться.

— Я люблю тебя.

Хватка Скарлетт усиливается.

— Я тоже тебя люблю.

Затем она отпускает меня. Медсестра увозит кровать.

— Как только появятся новости, кто-нибудь даст вам знать, — говорит она мне, уходя.

Внезапно я оказываюсь в пустой больничной палате, один. Мое тело кажется тяжелым,

мои конечности отключены. Дыхание становится затрудненным. Мне нужно выбраться из этой крошечной комнаты. Я бы вышел на улицу, если бы не боялся пропустить новости.

Я возвращаюсь в приемную в оцепенении. Ашер встает, когда я появляюсь. Честно говоря, я и забыл, что он здесь.

— Изабель вернулась в офис. Что происходит? — спрашивает Ашер. — Мне кажется, что так быстро не рожают.

При любых других обстоятельствах было бы забавно, если бы он притворился, что знает что-нибудь о родах, особенно о том, сколько времени это занимает. Я слишком взволнован, чтобы делать что-либо, кроме как ходить прямо сейчас. Туда-сюда. Эта комната ожидания выглядит так же, как и та, что находится в кардиологическом крыле. Ожидая услышать, выживет ли отец Скарлетт, я не испытывал никакого трепета. Его смерть не заставила бы меня потерять сон.

— Скарлетт... — ее смерть разбила бы меня вдребезги. От одной этой гипотетической мысли у меня сжимается горло и щиплет в глазах. Я чувствую себя так, словно по моей коже ползают муравьи. Как будто моя одежда слишком жаркая и слишком тесная. Я стараюсь делать глубокие вдохи, втягивать воздух, пропитанный антисептиком.

— Крю, ты меня чертовски пугаешь. Что происходит?

Туда-сюда. Туда-сюда. Я продолжаю расхаживать взад и вперед.

— Она в операционной.

— Операционной? — глаза Ашера расширяются. — Все... нормально?

— Нет, не нормально, — выпаливаю я.

— Ты хочешь, чтобы я... кому-нибудь позвонил?

— Мне все равно, — честный ответ. Мы со Скарлетт никогда не обсуждали, кого и когда мы пригласим в больницу. Я полагал, что буду с ней, что мы сможем принимать эти решения вместе, после того как у нас родится здоровый ребенок.

Я продолжаю расхаживать по комнате. Я не знаю, во сколько она легла на операцию. Сколько времени занимает кесарево. Я совершенно не готов, и единственное, что удерживает меня от полного срыва, — это надежда, что в любую минуту кто-нибудь придет и скажет мне, что с ними обоими все в порядке.

Я хожу кругами, пока у меня не начинает кружиться голова. Потом сажусь. Трясу коленом. Вращаю обручальное кольцо. Прижимаю ладони к глазам и пытаюсь представить, что нахожусь где-то в другом месте.

Смутно я ощущаю вокруг себя какую-то активность. Говоря кого-нибудь, Ашер, очевидно, имел в виду всех. Мой отец. Оливер. Джозефина и Хэнсон, который полностью оправился от своего испуга. Семья Скарлетт прижимается к моей, перешептываясь. Наверное, обо мне. Мудро, что никто из них не приближается ко мне.

Проходит вечность, прежде чем появляется доктор Саммерс. Я встаю, как только вижу его.

— Ваша жена зовет вас, Крю.

Облегчение обрушивается на меня с такой силой, что мне кажется, что мои колени вот-вот подогнутся.

— С ней все в порядке? — мой голос срывается.

Доктор Саммерс улыбается и кивает.

— С ней все в порядке. И у вас здоровая девочка.

Девочка. У меня дочь. Эта мысль кажется чуждой, даже после нескольких месяцев

осознания того, что это произойдет.

— Могу я увидеть их? — мой голос звучит так, словно мое горло набито камнями.

Он кивает.

— Конечно. Следуйте за мной.

Доктор Саммерс ведет меня в палату. Скарлетт лежит, на груди у нее завернутый в одеяло комочек.

— Я дам вам минуту, — говорит он и исчезает.

Скарлетт поднимает глаза, как только я вхожу в палату. Ее улыбка широкая и ослепительная.

— У нее твои глаза.

Я подхожу к кровати и впервые вижу лицо моей дочери. Она само совершенство. И Скарлетт права. У нее глаза того же голубого оттенка, что и у меня. Цвет, который я унаследовал от своей матери.

— Когда я впервые увидела тебя, то подумала, что у тебя самые красивые глаза, которые я когда-либо видела, — говорит она мне.

Я поворачиваю голову, чтобы прижаться лицом к ее волосам, чувствуя, как мои глаза горят впервые за всю взрослую жизнь.

— Я был так напуган. Так чертовски напуган, Роза.

— Я в порядке, — уверяет она меня. — У нас все в порядке.

Я оглядываюсь на крошечного человечка, которого мы создали вместе.

— Ух ты.

— Да, — Скарлетт вторит моему благоговейному тону. — Ты хочешь поддержать ее?

Я сглатываю.

— Да. Очень.

Фальшивый ребенок из класса по родовспоможению ощущается совсем не так, как настоящий. Скарлетт передает мне нашу дочь, и она крошечная, совершенная и настоящая.

— Нам следовало определиться с именем раньше.

Я ухмыляюсь.

— И заказать кроватку, наверное.

Глаза Скарлетт расширяются.

— Черт.

— Я позабочусь об этом, — заверяю я Скарлетт. — У нее будет кроватка, — я смотрю на свою дочь. — У тебя будет кровать.

— Вау, — комментирует Скарлетт, глядя на нас. — Ты определенно самый горячий папочка. Хочу сказать, я предполагала, что так и будет. Но совсем другое дело, что это и мой ребенок тоже, понимаешь?

Я фыркаю от смеха, и это приятно. Изгоняет последние завитки беспокойства.

— Как насчет Элизабет? — спрашивает Скарлетт.

Я изучаю маленькое, невинное личико. Появляется тот же рывок с моей свадьбы, и я задаюсь вопросом, что могла бы сказать моя мама в такой день, как сегодня. Она бы знала, что мне сказать, когда Скарлетт была на операции. Я прочищаю горло.

— Не думаю, что мы должны...

— Не думай об этом.

— А твоя мама не обидится?

Скарлетт усмехается.

— Думаю... имя моей мамы может быть вторым.

— Элизабет Джозефина Кенсингтон, — тихо говорю я.

— Да.

— Мне нравится.

— Мне тоже, — заявляет Скарлетт.

— Они здесь, — говорю я ей. — Твоя мама. И твой отец тоже.

— Неужели?

— Ашер позвонил им, и моему отцу и Оливеру. Я был... ну, я был не в настроении с кем-либо разговаривать. И мы не говорили о том, кому мы позвоним и когда.

Скарлетт кивает.

— Ты можешь узнать, хотят ли они познакомиться с Элизабет.

— Ты уверена?

— Я уверена.

— Хорошо, — я неохотно отдаю Элизабет. Не хочется покидать эту палату. Но я передаю ее обратно Скарлетт и возвращаюсь в приемную. Они все еще там. Я не был уверен, что так и будет.

Я прочищаю горло.

— Э-э, папа? Хэнсон? Джозефина? Вы... вы хотите познакомиться со своей внучкой?

Все трое выглядят ошеломленными. Может быть, новость, что они бабушка и дедушки, поражает их. А может, они просто не ожидали такого предложения.

К моему удивлению, первым встает Хэнсон. Джозефина следует за ним. Мой отец поднимается последним, но поднимается. Я бросаю взгляд на Оливера. «Давай», — одними губами произносит он. Мы с отцом следуем за родителями Скарлетт по коридору.

— Мы назвали ее Элизабет, — тихо говорю я ему, когда мы идем по коридору. Мой отец часто бывает непредсказуем. Я не хочу, чтобы его реакция на откровение — положительная или отрицательная — повлияла на первую встречу. — Палата № 231, — говорю я Джозефине и Хэнсону, когда мы подходим к палате Скарлетт. Они входят. Я слышу восклицание Джозефины. Мы с отцом задерживаемся снаружи.

Он сжимает мое плечо.

— Я горжусь тобой, Крю. Твоя мать тоже бы гордилась.

Затем он направляется внутрь. Я остаюсь стоять в коридоре и плачу во второй раз за сегодняшний день.

25. Скарлетт

Крю ведет себя странно. Он вернулся домой расстроенный, но вовремя, разминувшись с Софи и Надей всего на несколько минут. Погладил Тедди и поцеловал Элизабет перед сном, но это было его ежедневным ритуалом. Те же действия, которые он совершает каждый вечер, когда возвращается с работы.

Я наблюдаю, как он проверяет свой телефон в отражении зеркала. Выглянул в окно. Я отложила тубик с губной помадой.

— Ты же знаешь... не должны делать это сегодня вечером.

Мои слова вырывают его из задумчивости. Крю оглядывается, выглядя удивленным. И смущенным.

— Что? Почему?

— У тебя был долгий день. И ты, кажется... не знаю, где-то далеко. Мы можем

перенести ужин.

Его брови приподнимаются, и легкая усмешка появляется на его губах.

— Перенести ужин? Это наша годовщина.

— Я знаю, но это всего лишь свидание. Наш послужной список с ежегодными праздниками, торжествами или чем-то еще невелик. И разве мы не должны праздновать наш брак каждый день, а не только в тот день, когда мы поженились?

Полноценная ухмылка — его ответ на мои слова.

— Кто знал, что ты такая романтичная, Роза?

Я закатываю глаза.

— Заткнись. Я серьезно.

— Я тоже. Так что заканчивай собираться, чтобы мы могли пойти на ужин.

— Голоден?

— Да, — он убирает свой телефон, изучая меня с выражением грешника, а не святого. — Хочу десерт. Я буду внизу.

Мы дурачились, как похотливые подростки, с тех пор, как родилась Элизабет, но секса так и не произошло. И если бы кто-то сказал мне на моей свадьбе год назад, что я оставлю свою новорожденную дочь дома, чтобы отпраздновать годовщину с полной уверенностью, что у нас моногамные отношения, я бы рассмеялась им в лицо.

И все же мы это делаем.

Я брызгаю духами, беру пару лабутенов из шкафа и спускаюсь вниз. Моя мама удобно устроилась на диване. Ее энтузиазм по поводу того, что она стала бабушкой, почти так же удивителен как и мои отношения с Крю. В основном меня воспитывали няни. Но моя мать обожает Элизабет. Даже мой отец иногда удивлял меня, прося поддержать ее или искренне улыбается, когда видит ее. Сегодня его здесь нет, и я не спрашиваю почему. Отношения моих родителей — не мое дело. Самое главное, это не имеет никакого отношения к моему браку.

Крю прислонился к стене рядом с лифтом, уставившись в пространство. Он выпрямляется, когда видит, что я приближаюсь, его голубые глаза темнеют от вожделения.

Я ухмыляюсь ему, прежде чем поздороваться с мамой.

— Привет, мам.

Она улыбается, оглядывая меня с ног до головы.

— Ты прекрасно выглядишь, Скарлетт.

— Спасибо. Тебе что-нибудь нужно, прежде чем мы уйдем?

— Нет-нет, — она машет рукой в сторону входа. — У вас двоих особый вечер. Если Элизабет проснется, я буду здесь.

— Хорошо, — я колеблюсь несколько секунд, хотя она уже вернулась к раскрытой книге у себя на коленях. Затем я подхожу к Крю.

— Готова? — спрашивает он.

— Готова, — подтверждаю я, когда мы заходим в лифт.

— Как дела на работе? — спрашивает он.

— Хорошо. Июльский номер уже готов, а летняя линейка распродана.

Он гордо улыбается мне.

— Поздравляю, Роза.

— Спасибо. Как прошел твой день? — компания «Кенсингтон Кансалдид» официально пережила кризис. Расследование закончилось без предъявления обвинений. Акции выросли. Однако быть генеральным директором компании — это не типичная работа с девяти до

пяти.

Мы говорим так, словно женаты уже несколько десятилетий. Крю рассказывает про какую-то сделку, которую Оливер хочет заключить, пока мы идем от лифта к парковке, где стоят наши машины. Мы забираемся в Ламбордгини Крю.

Я наклоняюсь и расстегиваю молнию на его брюках. Он тут же замолкает, сосредоточившись на моей руке, сжимающей его член. Рычание раздвигающихся металлических зубов — единственный звук в машине.

— Он показывал тебе результаты? — спрашиваю я, обводя пальцами головку его члена.

Дыхание Крю учащенное и прерывистое.

— Честно говоря, я даже не могу вспомнить, о чем мы только что говорили.

Я немного смеюсь, прежде чем вытаскиваю его член и опускаю голову, обводя языком головку.

— Скарлетт, — мое имя вырывается искаженным стоном, полным песка, гравия и желания.

Освещение парковки активируется от движения. Они гаснут, погружая машину почти в темноту. Отсутствие света кажется запретным и эротичным. Тепло разливается у меня в животе и увлажняется между ног, заставляя меня чувствовать себя нуждающейся и отчаявшейся. Я сжимаю бедра вместе.

Беру его глубже, втягивая щеки и задевая основание зубами, как, я знаю, ему это нравится. Я вознаграждена хриплым рычанием. Одна рука скользит в мои волосы и тянет.

— Боже, ты самая сексуальная женщина, которую я когда-либо видел, Роза, — хрипит он. — Ты так хорошо сосешь, детка.

Я стону вокруг него, зная, что вибрации будут проходить вниз по его пенису. Его бедра дергаются, говоря мне, что он близко. Тяжелое дыхание наполняет машину, прежде чем он стонет и наполняет мой рот. Я сплываю и откидываюсь назад, позволяя его наполовину твердому члену войти после последнего, влажного сосания.

Крю запрокидывает голову назад. Поворачивается, чтобы посмотреть на меня, его глаза прикрыты и затуманены от удовольствия. Ленивая, довольная усмешка на его губах. Его член все еще тверд. Фантазия каждой женщины.

— Иди сюда, — выдавливает он сквозь зубы.

Я оглядываю темную, пустую парковку, а затем переползаю через коробку передач и устраиваюсь у него на коленях. Его член упирается в мокрое кружево моего нижнего белья, а мое платье раздувается вокруг наших коленей. Я стону от этого контакта.

Крю скользит рукой вверх по моему бедру и между ног. Он рычит, когда чувствует, какая я влажная, рычание глубокое и собственническое, сопровождаемое моим именем.

Он только что кончил, но я так взвинчена, что, думаю, он мог бы дыхнуть на меня, и я бы взорвалась. Его рука движется к члену, сжимая его на всю длину и потирая о мой центр.

— Ты хочешь этого, Скарлетт?

— Да, — я вкладываю в эти две буквы столько желания, сколько могу, превращая слово в хныканье, когда он начинает толкаться внутри меня.

— Все нормально? Ты в порядке?

Я не дышу. Легкое давление и беспокойство в его голосе заставляют меня сжать кулаки, чтобы побороть свой оргазм.

— Я в порядке, — выдыхаю я. — Полностью восстановилась. Просто трахни меня. Пожалуйста.

Он двигается, сдвигая мои стринги в сторону и наполняя меня восхитительным скольжением, по которому я скучала. Его рот находит местечко между моей шеей и плечом, оставляя теплые, влажные поцелуи и шепча грязные слова на моей коже. Я раскачиваюсь и трусь о него, встречая каждый толчок, пока не падаю с пика наслаждения. Волны тепла закручиваются и распространяются, оставляя меня сытой и опустошенной. Я чувствую, как Крю содрогается, когда он входит в меня.

Я не слезаю с его колен, желая остаться в этом моменте еще немного. Связанные, чувствуя ритмичный подъем и опускание его груди при дыхании.

— Неплохо для пожилой супружеской пары, а?

Мои губы растягиваются в улыбке, когда я откидываюсь назад и похлопываю его по животу.

— Рада, что ты не позволил себе расслабиться.

Его улыбка широкая и искренняя, когда я соскальзываю с него и возвращаюсь на свое сидение. Мы оба приводим в порядок свою одежду, прежде чем Крю заводит машину и выезжает из гаража. Он ведет машину одной рукой, держа другую переплетенной с моей.

Я узнаю ресторан, возле которого он останавливается, хотя никогда раньше здесь не ела. Он известен тем, что является модным и высококлассным.

Крю передает ключи парковщику, и мы направляемся внутрь. У стойки администратора, за которой мы останавливаемся, ждет еще одна пара.

— Ты бывал здесь раньше? — спрашиваю я.

Он качает головой.

— У них самый лучший вид.

— Лучший вид на что?

— Увидишь, — таков его загадочный ответ.

Я оглядываюсь вокруг, замечая кирпичные стены, черные акценты и металлические стулья. И светловолосая женщина, идущая к нам.

— Какой сюрприз! — голос Ханны бодрый, наполненный фальшивой уверенностью.

Крю ничего не говорит.

— Так ли это? — спрашиваю я, сохраняя спокойный тон.

— Как у вас дела? Я слышала, у вас родился ребенок, — Ханна смотрит на мой живот, как будто ищет доказательства.

Прежде чем я успеваю ответить, к нам подходит другая женщина.

— Хан, стол готов.

— О, хорошо, — отвечает Ханна. — Я сейчас буду, Саванна.

Саванна сосредоточилась на Крю. Ее глаза оценивающе расширяются, затем скользят ко мне.

— О Боже мой. Мне нравится твое платье.

— Спасибо, — я смотрю на нее и прячу улыбку. — Мне твое тоже нравится.

— Спасибо, — Саванна опускает взгляд на расшитый бисером бюст. — Это из летней линейки «Руж». Я просто обожаю их вещи.

Рот Ханны кривится, как будто она сосет ломтик лимона. Саванна явно ничего не замечает, но очевидно, что Ханна знает, кому принадлежит «Руж».

— Это ты его придумала? — спрашивает Крю, звуча удивленно. Ничто из того, над чем он работает, не имеет осязаемого результата, с которым вы можете столкнуться на улице. Я и раньше видела незнакомцев, читающих мой журнал и одетых в мою одежду, но все равно

это кажется странным.

— Быть того не может! — внезапно восклицает Саванна. — Ты Скарлетт Кенсингтон, не так ли?

— Ага, — отвечаю я. — А это мой муж, Крю. Мы празднуем годовщину нашей свадьбы.

— Оуу. Это так романтично, — восхищается Саванна.

— Крю очень романтичен, — хвалю я. — И такой галантный. По дороге сюда он говорил мне столько приятных слов, — я не оглядываюсь, но уверена, что он подавляет смех.

— С тобой это не трудно, — озорство танцует в синих глубинах его глаз, явно гордясь намеком.

Ханна выглядит раздраженной и смущенной. Саванна улыбается нам, как будто мы пара мечты, воплощенная в жизнь.

Подходит официант.

— Мистер и миссис Кенсингтон? Ваш столик готов, если хотите, проследуйте за мной на террасу.

Я слегка машу Ханне и Саванне рукой.

— Приятного вечера, дамы.

— Значит, я супер романтичный? — дразнится Крю, пока мы следуем за официантом по ресторану.

— У тебя бывают просветления, — отвечаю я. — И это было не хвастовство, а обмен оскорблениями с твоей ревнивой бывшей.

— Ханна не моя бывшая.

— Как скажешь.

— Мило, когда ты ревнуешь, Роза. — Крю наклоняется, его губы касаются раковины моего уха. — Особенно, когда моя сперма стекает по твоим бёдрам.

Я подавляю дрожь, которая не имеет ничего общего с тем фактом, что кондиционер здесь работает на полную мощность. Одетый в смокинг официант продолжает идти к лифту, совершенно не подозревая о том, что рот моего мужа — полная противоположность всему остальному здесь.

Серебристые двери лифта раздвигаются, открывая вид на крышу. Серый камень покрывает землю. Искусно расставленные деревья и цветы прерывают расставленные столы. Мерцающие огни освещают пространство. Мы здесь единственные люди. Крю, должно быть, снял в аренду всю террасу.

— Вау, — выдыхаю я.

— Официант скоро будет готов принять ваши заказы. Приятного вам вечера. — Мужчина заходит обратно в лифт, оставляя нас с Крю одних здесь. Он подходит к краю крыши, откуда открывается вид на весь город. Я следую за ним.

— Тебе это нравится?

— Нравится, — я смотрю на него. — С тех пор как ты обвинил меня в ревности, я всегда задавалась вопросом: что ты сказал тому парню в «Пруф»? В ту ночь, когда подошел к столику, прямо перед нашей помолвкой?

— Технически, мы обручились, когда нам было по шестнадцать.

Я закатываю глаза.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Я сказал ему, что ты моя, — отвечает Крю.

— Это все, что ты ему сказал?

— Ему? Ты даже не помнишь имени этого парня, не так ли?

— Прекрати менять тему.

— А ты помнишь?

Я вспоминаю ту ночь. Попыталась вспомнить парня, который подошел к моему столику и говорил с Софи и Надей. Но все, что я помню о той ночи, — это Крю Как он выглядел. То, что он сказал.

— Нет, — признаю я. — Не помню.

Он довольный улыбается.

— Я мог бы пригрозить Эвану небольшим телесным повреждением, если бы он стал приставать к тебе той ночью.

Собственничество в его голосе вызывает противоположную смесь удовлетворенности и раздражения.

— Я не была твоей. Мы тогда даже не были женаты.

Крю пожимает плечами.

— А мне показалось, что была.

Я помню, как была довольна, когда он прогнал ту рыжую. Тогда меня не должно было волновать, с кем он трахался. Но волновало.

— Видишь? Я знала, что ты романтик.

— Ты сказала, что не была.

Я приподнимаю бровь.

— Что?

— Ты сказала: «Я не была твоей». Означает ли это, что сейчас ты — моя?

— Да, — говорю я ему. — Я твоя.

За прошедший год я многому научилась. Одна из вещей, которые я обнаружила в Крю — это то, что его уверенность означает, что ему редко нечего сказать. Это один из тех редких моментов. Где он одаривает меня сентиментальной улыбкой, которая говорит мне, что он такой же мой, как и я его.

— Ты когда-нибудь задумывался, что было бы, если бы ты женился на за ком-то другом?

— А ты?

— Я первая спросила тебя.

Он игнорирует меня.

— Знаешь, что меня всегда сбивало с толку? Почему я? До тех пор, пока мой отец не сказал мне, что я стану генеральным директором, в этом был какой-то смысл. Но как только он это сделал, я всегда задавался вопросом...

Его размышления слишком точны.

— Твой отец сказал тебе.

— Он упомянул, что ты... хотела меня.

Я криво улыбаюсь.

— Хэнсон Эллсворт не выполняет просьбы.

— И...

— И, это была скорее угроза. Я сказала ему, что выйду за тебя замуж... или ни за кого.

— Почему?

Я пожимаю плечами.

— Отчасти это было восстание. Тогда все предполагали, что Оливер в конечном итоге

окажется на вершине. Просить Артура изменить условия после того, как они были установлены, было бы неловко для моего отца.

— А другая причина?

— Я хотела тебя, — я прикусываю нижнюю губу. — Я хотела тебя, — повторяю я.

Последствия этого признания приводят меня в замешательство.

— Давай, — я пытаюсь подтянуть Крю к столу. — Мы должны взглянуть на меню.

Он не сдвинулся с места.

— Пока нет. Подожди.

Я оглядываю крышу.

— Подожди, пока что...

Громкие цветные вспышки освещают небо, прерывая меня. Я смотрю на это захватывающее зрелище.

— Мы празднуем, — говорит мне Крю.

Я понимаю, что, во всяком случае, раньше я недооценивала его мягкую сторону.

За деньги можно купить многое. Статус. Почести. Популярность. Роскошные курорты, дорогие ужины и ослепительное зрелище, рассчитанное на двоих в многомиллионном городе.

Любовь невосприимчива к деньгам. Деньги — это не причина мягкой полуулыбки на лице Крю. Почему у меня бабочки в животе и полная уверенность в голове, что мы сможем победить все.

Бок о бок мы наблюдаем, как фейерверки взрываются над горизонтом Манхэттена, освещая город, который мы называем домом. И в этом нет ничего фальшивого.

Конец